

שדך כדך בדך אנחתך

SPACES IN THE RUIN

Stefan Rusu – project curator
Стефан Русу - куратор проекта
DUSHANBE - 2015- ДУШАНБЕ

© 2016 Dushanbe Art Ground / PF “Sanati Muosir”

All rights reserved. No part of this book in printed or electronic form may be reproduced, transmitted or utilised in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying or otherwise, without written permission of the authors.

© Copyright of images belongs to the authors unless otherwise stated. Every reasonable attempt has been made to identify copyright owners.

Publisher: Dushanbe Art Ground / PF “Sanati Muosir”

Concept&Editor: Stefan RUSU

Design: Farida YUNUSOVA

Printed by “MEGA BASIM YAYIN SAN VE TIC A.S.” Turkey. Istanbul.

ISBN 978-99947-892-7-6

BBK. 85+85.1+85.101+6791+81.2P+81.2 eng.

P. 88

Table of contents

Chapter I

The Transformation of Public Space in the Central Asian context

Трансформация общественного пространства в контексте Центральной Азии

Contents:

- 10/19 Reclaiming “Lost Space” – Stefan RUSU, project curator (MD) / Возвращение “утраченного пространства” – Штефан РУСУ, куратор проекта (Moldova)
- 30/39 Dushanbe: Public Space - Victor DUBOVITSKIY, historian (TJ) / Душанбе: Публичные пространства – Виктор ДУБОВИЦКИЙ, историк (Таджикистан)
- 47/56 The Public Spaces of Almaty city: present and future – Elena TYO, architect (KZ), Madina JUNUSSOVA, urbanist, researcher (KZ) / Общественные пространства Алматы: настоящее и будущее – Елена ТЁ, архитектор (Казахстан), Мадина ДЖУНУСОВА, урбанист, научный сотрудник (Казахстан)
- 65/74 Pishpek-Frunze-Bishkek: Public spaces – Natalia ANDRIANOVA, architect, (KG) / Пишпек-Фрунзе-Бишкек: Общественные пространства – Наталья АНДРИАНОВА, архитектор (Кыргызстан)
- 84/98 Public Spaces in the City of Tashkent – Abdumannop ZIYAEV- architect, urbanist (UZ) / Общественные пространства Ташкента – Абдуманнон ЗИЯЕВ, архитектор-урбанист (Узбекистан)

Chapter II

Investigating, Mapping, Reclaiming Public Space

Исследование, картография, восстановление общественного пространства

Contents:

- 114/119 Mobile Workshop – Dushanbe / Мобильная Мастерская – Душанбе
- 123/130 Case study: The National Teahouse and the Komsomolskiy lake – Gulbara OMOROVA (KZ), Bahtier RAKHIMOV (TJ), Sitora TURSUNOVA (TJ) / Случай: Национальная чайхана и Комсомольское озеро – Гулбара ОМОРОВА (Кыргызстан), Бахтиёр РАХИМОВ (Таджикистан), Ситора ТУРСУНОВА (Таджикистан)
- 137/143 The Vanishing city. The Parks of Dushanbe – Gafur SHERMATOV, journalist, urban activist (TJ) / Исчезающий город. Парки Душанбе – Гафур ШЕРМАТОВ, журналист, городской активист (Таджикистан)

150/155	Mobile Workshop – Almaty / Мобильная Мастерская – Алматы
160/164	Appropriation of public space through cultural action – Vladimir US, curator (MD) / Апроприация общественных пространств через культурные акции – Владимир УС, куратор (Молдова).
169/174	Mobile Workshop – Bishkek / Мобильная Мастерская – Бишкек
179/184	To Change Ourselves by Changing the City – [STEALTH.unlimited] – Ana DŽOKIĆ (SRB/NL) and Marc NEELEN (NL). / Изменить себя, изменив город – [STEALTH.unlimited] Ана ДЖОКИЧ (Сербия/Нидерланды) и Марк НИЛЕН (Нидерланды)
190/198	Post-Soviet Residential Quarters – a Model for Developing the Modern Urban Milieu – Gamal BOKONBAEV, architect, curator (KG) / Постсоветский квартал как модель развития современной городской среды – Гамал БОКОНБАЕВ, архитектор, куратор (Кыргызстан)
206/209	Research-Documentation Lab and Theoretic Seminars / Исследовательско-документационная Лаборатория и Теоретические Семинары
213/218	Art-walks in Almaty – Yulia SOROKINA, curator (KZ) / Арт-прогулки по Алматы – Юлия СОРОКИНА, куратор (Казахстан)
224/232	The Factory Kitchen Chronicles – Nelya KORZOVA, curator (RU) / Хроники Фабрики-Кухни – Неля КОРЖОВА, куратор (Россия)

Chapter III

Spaces on the Run. Projects in Dushanbe

Пространства в движении. Проекты в Душанбе

Contents:

242/244	Mobile Platform – Ewa RUDNICKA, architect (PL) / Мобильная Площадка – Ева РУДНИЦЬКА, архитектор (Польша)
246/248	My city. Choice – Alexander NICOLAEV, visual artist (UZ) / Мой город. Выбор – Александр НИКОЛАЕВ, визуальный художник (Узбекистан)

250/252	Unrevealed – Aleksei RUMYANTSEV, visual artist (TJ) / Неявление – Алексей РУМЯНЦЕВ, визуальный художник (Таджикистан)
254/256	Dushanbe-Selfie – Surayo TUYCHIEVA, visual artist (TJ) / Dushanbe-Selfie – Сурайе ТУЙЧИЕВА, визуальный художник (Таджикистан)
258/260	The Best Citizens – Bahytjan SALIKHOV, designer, artist (KZ) / Лучшие горожане – Бахытжан САЛИХОВ, дизайнер, художник (Казахстан)
262/264	Wish them luck! – Murod SHARIFOV, visual artist (TJ) / Пожелай им удачи! – Мурод ШАРИФОВ, визуальный художник (Таджикистан)
266/268	Hidden Mosaic – Suleiman SHARIFI, visual artist (TJ) / Скрытая мозаика – Сулейман ШАРИФИ, визуальный художник (Таджикистан)
270/272	Wandering Bus Stop – Jamshed KHOLIKOV, visual artist (TJ) / Блуждающая остановка – Джамшед ХОЛИКОВ, визуальный художник (Таджикистан)

Chapter I

The Transformation of Public
Space in the Central Asian
context

SPACE
IN THE
CENTRAL
ASIAN
CONTEXT

Трансформация общественного пространства в контексте Центральной Азии

Contents:

- Reclaiming “Lost Space” – Stefan RUSU, project curator (MD) / Возвращение “утраченного пространства” – Штефан РУСУ, куратор проекта (Moldova)** 10/19
- Dushanbe: Public Space - Victor DUBOVITSKIY, historian (TJ) / Душанбе: Публичные пространства – Виктор ДУБОВИЦКИЙ, историк (Таджикистан)** 30/39
- The Public Spaces of Almaty city: present and future – Elena TYO, architect (KZ), Madina JUNUSSOVA, urbanist, researcher (KZ) / Общественные пространства Алматы: настоящее и будущее – Елена ТЁ, архитектор (Казахстан), Мадина ДЖУНУСОВА, урбанист, научный сотрудник (Казахстан)** 47/56
- Pishpek-Frunze-Bishkek: Public spaces – Natalia ANDRIANOVA, architect, (KG) / Пишпек-Фрунзе-Бишкек: Общественные пространства – Наталья АНДРИАНОВА, архитектор (Кыргызстан)** 65/74
- Public Spaces in the City of Tashkent – Abdumannop ZIYAEV-architect, urbanist (UZ) / Общественные пространства Ташкента – Абдуманнон ЗИЯЕВ, архитектор-урбанист (Узбекистан)** 84/98

Reclaiming “Lost Space”¹

Stefan RUSU, Curator, Dushanbe Art Ground

Introduction

The project *Spaces on the Run* was inspired by the transformation of public space that took place in conjunction with the fundamental changes that occurred in Central Asian countries in the early nineteen-nineties, as one country after the other claimed independence. The main objectives of the project were not only to investigate how these changes affected the function and role of public spaces in major cities (Dushanbe, Almaty, Bishkek, and Tashkent) but also to engage with these spaces, using contemporary art practices and social engagement as tools for activating and creatively appropriating them.

The concept of “public space” upon which the project is founded is indebted to the research of Hannah Arendt,² who viewed the notion of private and public space as longstanding concepts essential to human activity. On the one hand, liberal theories conceive the “public” as a realm in opposition to the domain of the state and identify the public sphere with free citizens and free economic activities. For both classical liberals of nineteenth century and neo-liberals, the public sphere, i.e. the market, was to remain free of state control. On the other hand, for social democrats and other more “leftist” thinkers view the market as antagonistic to the public sphere, because economic interests are always private. The public realm is, by definition, something that extends beyond the private; it is based on the idea of rising above private interests and acting with concern for the common good. In essence, the current struggle and conflicts surrounding the public sphere and public space reflects the fundamentally different interests of these two approaches. In the context of civil society, these conflicts are spurred by a desire on the part of the citizens to maintain a space beyond the control exercised by private individuals, business, and corporate entities.³

¹ The public space of the city was guaranteed by the state to all; it was a universal sphere, and belonged to no one. Public space has won the private, but the nature of public space has become completely different. What may look like the domination of public space, due to its significant increase in area, for example in the form of parks in the center of which there rose multi-storeyed buildings. However, this space is now both vague and unusable; it has become “a lost space” <...>, where none of the functions of the public space could be realized; sociability became impossible there [Ali Madanipour, 2003: 202].

² “The polis and the public realm himself, was permeated by a fiercely agonal spirit, where everybody had constantly to distinguish himself from all others, to show through unique deeds or achievements that he was the best of all. The public realm, in other words, was reserved for individuality; it was the only place where men could show who they really and inexchangeably were.” [Arendt H. *The human condition*. Chicago: University of Chicago Press, 1958].

³ Jeff Weintraub, “The Theory and Politics of the Public/Private Distinction” in *Public and Private in Thought and Practice*, ed. Jeff Weintraub and Krishan Kumar (Chicago, 1997).

Entrance into the V.I. Lenin Central Park of Culture and Recreation (Established in 1938). **Private** archive of Gafur Shermatov. **Вход** в Центральный парк культуры и отдыха им. В.И. Ленина (Основан в 1938 г.). **Фото** из личного архива Гафура Шерматова.

Urban Changes in Dushanbe

In Dushanbe the public space has been undergoing changes since the early nineteen-nineties due to the collapse of socialist principles and the influence of political and economic reforms impacting the entire domain of the former Soviet Union. For example, a monument of V.I. Lenin was toppled

during a protest rally in Dushanbe in September 1991. Lacking any particular artistic value, the monument differed from other such monuments only through the figure's outstretched left hand. Most of the monuments, portrait busts, and other elements of visual propaganda of the Soviet era were soon removed from public space.

Internal conflict (civil war) in Tajikistan slowed the processes of social change, democratization, and the transition to a capitalist system. This transformation process

This project was heavily influenced by the unprecedented scale of urban changes taking place in Dushanbe in conjunction with the emergence of the free market. A prime example is the commercialization of public space and the redevelopment of the city center, which led to the demolition of residential buildings along the entire Rudaki Avenue, the so-called “protocol road,” as well as the destruction of a significant number of public buildings in the city center. In recent years the city center has been rapidly transformed. Soon the old core of the city, which is a mixture of buildings dating from the nineteen-thirties and nineteen-forties constructed in neoclassical and constructivist styles, will be wiped clear of its historical heritage. Existing structures will be replaced by faceless, thirteen- to eighteen-story residential buildings, fancy hotels, and banks. Symptomatic of the situation is the complete lack of any official information on projected urban planning and any publicized master plan. No public debate has taken place.

The monument to V.I. Lenin. Demolished during a protest rally in Dushanbe in 1991.
Памятник В.И. Ленину. Разрушен во время акции протеста в Душанбе в 1991 году.

was given a boost in the mid-two-thousands, when a new national identity was designed and promoted after the civil war (1991–97), whereby the political elite (i.e. the country’s leadership, city planners, and architects) formulated a new agenda for the political and economic development of society, including a new city plan.

Tajikistan Square is exemplary of the changes that accompanied these new realities. Within the first fourteen years of independence the name of this main square was changed three times, as was the accompanying official symbol dominating the square. In Soviet times the area was named V.I.Lenin Square and featured a monument to the leader of the international proletariat. When this monument was removed, a monument to the Persian poet Ferdowsi was rapidly erected on the site, and the square was renamed Ozodi Square. By the late nineties the new dominant symbol of the square was erected, a monument to the founder of the Samanid Dynasty, Ismail Samani. The name of the square was changed again, this time to Dusty Square.

With the implementation of the new city plan, Dushanbe lost many of the defining elements of the Soviet period. Among the structures that have been demolished are the main post office building (Glavpochtamt) designed in 1930 by architect S. Kutin, the Barakat Market (also known as the Putovskiy Bazaar, 1982), where not only farmers from the regions of Tajikistan but also from neighboring countries sold their harvest, the Leninabad Café located on Rudaki Avenue, the October Cinema located in the 82nd micro-district (architects V.Zuhriddinov, E. Makarskaya, 1985–86 – all buildings that not so long ago constituted well-integrated elements of the urban fabric.

Subsequently, the square next to the “Festival” Cinema (originally dating from 1963) disappeared, and soon after, in 2007, the V.I. Lenin Central Park of Culture and Recreation (1938) was also decommissioned. It had been a well-planned complex with alleys leading from the central road to sites providing various leisure activities, from amusement rides to fountains and sports facilities. The area of the park was subsequently included in the city garden of Boghi Rudaki. The park had also been the site of the popular “Farogat,” a restaurant and teahouse designed by architect G. Solominov⁴ in collaboration with A. Yarushin and Sh.Zubaydov. The teahouse had become a landmark for residents and served as a prototype for other teahouses built in the capital and other cities of Tajikistan. The teahouse and its unique atmosphere suffered the same fate as the park.

A number of other spaces have since fallen into a state of decline – due to a lack of funds or to other reasons. These include the parkland surrounding former Komsomolskiy Lake, the Children’s Park, and Buston Square (formerly Frunze Square). Also, the park located at the intersec-

⁴ Gafur Shermatov, “Dushanbe: Square of Laughter and Tears,” Asia-Plus (October 14, 2013).

Demolition of the residential building on the Rudaki Bulevard. 2013. Photo by Stefan Rusu.
 Снос жилого дома по проспекту Рудаки. 2013. Фото Штефан Русу.

tion of the Behzod and Lakhuti Streets has ceded its former status as an integral part of everyday life and leisure for Dushanbe residents during the seventies and eighties. New parks have appeared, but they have not fully replaced the functions of those former spaces that served as “niches” designed for relaxation and cooling during extremely hot summers. The Opera and Ballet Park, which belongs to the complex of the Opera and Ballet Theater (architect V. Baranov, 1946) has changed beyond recognition. Now more than 60–70% of its territory is occupied by a wide variety of small business: two restaurants, a playground with a pool and tennis tables, and two small 3-D cinemas. The commercialization of public spaces has impacted the entire city, and the decline of such areas is obvious when compared with the principles they represented and functions they served during the socialist era.

Not long ago (in 2013) the mayor of Dushanbe, signed a decree effecting the demolition of thirty-four buildings (despite an obvious housing shortage in the city) located in the city’s central square, including the neo-classical building of the mayor’s office, the nearby building of the Ministry of Agriculture, the Prosecutor’s Office, the Museum of Musical Instruments, and a few dozen residential buildings in a good state of conservation. The center of Dushanbe is being rapidly transformed, and it is difficult to envision the final appearance of its new identity. A loss of heritage is certain. The impact of these new trends on the architecture and planning of Dushanbe’s urban environment is visible on the horizon. The city seems to be subject to same kind of eclecticism and planning principles as evinced in countries and cities such as Astana (Kazakhstan) and Dubai (United Arab Emirates), but on a different scale (characterized by an inconsistent budget and kitschy design).

Recent events confirm that local authorities intend to demolish a number of other buildings: the Rohat Teahouse, the A. Lohuti Theater, the V. Mayakovsky Theater, the Presidential Palace and the Houses of Parliament of the Republic, and even the building of the Municipality itself. Given this scope of alteration, the efforts of the creative community in Dushanbe may seem like a drop in the bucket. Nevertheless, the activities and interventions made during the project in Dushanbe indicate that at least an attempt is being made to resist the current degradation of the public space.

Public Space in the Context of Central Asia

Public urban space generally implies an area where the activities and interests of city residents take place. There are places where a person might take a break, not transit spaces. Some con-

ceive public spaces as places of invisible but permanent dialogue between the city and its inhabitants.

Mobile workshops organized in Dushanbe, Almaty and Bishkek where designed as a research component of the project. The main idea of these workshops was to collect data and provide

comprehensive analyses concerning the causes, key actors, and consequences of changes in the urban landscape and how they are impacting social standards. The study revealed that the shaping of the urban/public space in the two-thousands has mutated and has been replaced by the production of new public spaces (and representational programs) under the control of local administrations and private business. The survey and mapping identified various irregularities in planning in several cities, which have resulted in limited accessibility and a poor quality of services for residents. The following provides a detailed analysis of such cases of “improvement” (to use the terminology of local administrations) in specific squares and parks in Tashkent and Dushanbe.

The appearance of so-called lost space⁵ is exemplified by Amir Temur Square, which was restructured in 2009–10. The square was “taken over”⁶ by the local authorities. A key aspect of this reorganization was the felling of trees to make the monument visible in front of recently built buildings, which are now no longer hidden by the green trees of the square. What happened to this public garden after the removal of the trees? There has been a notable loss of the refreshing and comfortable climate that city residents and students once enjoyed at this site. One used to be able to relax and recharge in the park in the breezy shade of trees and nearby fountains. What the authorities have achieved is a nice, clear view of the monument from all angles and a space where sociability has become impossible. Regaining the lost atmosphere will take several decades; the newly planted trees will need time to grow. However, removing the shade afforded by the park has enabled the authorities to survey the square more effectively.

The same scenario is demonstrated by Boghi Poytaht Park (also known as The Capital Park), which is usually empty during the day in summer, mainly because of the lack of trees, and is full of visitors in the evening, when it cools down. It is a particularly popular spot during Ramadan. Perhaps the small number of visitors is explained by the existence of entrance fee and that most visitors are the inhabitants (precariat) of the surrounding suburbs.

Dushanbe holds yet another example that accompanied the development of the city garden of Boghi Rudaki, which includes the territory of the demolished V.I. Lenin Park of Culture and Recreation and other surrounding plots of land, for which a number of residential and public buildings were demolished. The center of the park is occupied by the Rudaki Monument. The most important landmarks in the park are the arch marking the entrance from Rudaki Avenue and the Rudaki Monument surrounded by fountains that would normally attract people and create a pleasant atmosphere for park visitors, but after its reconstruction in 2007 the popularity of the site as a place of cultural activity significantly diminished. This practice of discouraging social gatherings seems to constitute a distorted interpretation of the public character of urban spaces, which is politically (and dogmatically) opposed not so much to the notion of privacy but to the interests of specific social groups, thus leading to the degradation of public life in cities. Under the guise of homogeneity as defining a vague notion of the urban “public” realm,

⁵ “Lost space” is described by Madanipour as those places where none of the functions of public space can be implemented, where sociability has become impossible [Ali Madanipour, 2003: 202].

⁶ Good-bye, Tashkent park! <http://www.fergananews.com/article.php?id=6371>

citizens are denied the right to use public spaces; the state and city authorities become their sole users, thus declaring themselves the sole legitimate representatives of the abstracted “public” sphere. The “public” events that take place in the open spaces of the city are defined solely as those organized or authorized by the government (for example, parades, demonstrations, or official festivals).

A more detailed analysis of the transformation of the urban environment in the cities of Central Asia (Dushanbe, Almaty, Bishkek, and Tashkent) was conducted by visiting researchers – Elena Tyo (architect) in collaboration with Madina Junussova (architect, PhD. Arh.) from Kazakhstan, Natalia Andrianova (architect) from Kyrgyzstan, Viktor Dubovitskiy (historian, PhD in Historical Sciences) from Tajikistan, and Abdumannon Ziyaev (architectural theorist) from Uzbekistan. The results of the studies on these cities are included in this publication.

On the Project and the Appropriation of Public Space

A topic that interested us during the development of the project was the production of public space through contemporary art practices. At the same time, it was necessary to recognize that in some Central Asian countries (Uzbekistan, Turkmenistan) the use of public spaces had radically changed and by now is closely monitored by the authorities. In addition, our goal was to involve artists who had previous experience in working with public space. This process, in addition to the introduction of creative practices into the urban sphere, also implied interaction between people from the neighborhood and the configuration of a new public – by involving passers-by, young people, and other potential viewers.

The project consisted of a research and documentation laboratory, theoretical seminars, and a number of art projects/interventions in the public space, implemented by participants from Central Asia (Tajikistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan). The final presentation of the project included public programs and presentations of art projects undertaken in Dushanbe. The *Mobile Platform* served as a shelter for presentations and film screenings, and next to this several art projects and interventions where inserted into the urban fabric. The overarching concept was to explore the cities of Central Asia by developing mobile workshops as research devices and to identify specific changes in this region by involving a number of local urban planners, sociologists, architects, and visual artists who would explore public space. In this sense, our goal

“*Mobile Platform*” – a project by Ewa Rudnicka (PL). Installation in the Children’s Park, 2014. Photo by Jamshed Kholikov.
«Мобильная Платформа» – проект Евы Рудницкой (Польша). Инсталляция в Детском Парке. 2014. Фото Джамишед Холиков.

was to create a climate for the reproduction of *public space*⁷ in the sense articulated by Henri Lefebvre.

⁷ “If a space is a product, then perception will produce its production, that is, will describe it. The formula according to which scientific interest and “the object” shifts from objects in space to the production of the space itself, needs to have more detailed explanation.” Henri Lefebvre, *The Production of Space* (Moscow, 2015), p. 50.

Despite the fact that processes associated with changes in the urban environment took place throughout the former Soviet Union, these core transformations are more pronounced in the context of the Balkans. Bearing this in mind, we invited Ana Djokic and Marc Nilen from [STEALTH.unlimited], who developed a number of initiatives related to the “right to the city”⁸ movement in Belgrade, to participate in the *Mobile Workshops* in Dushanbe and Bishkek as tutors. Another urban activist invited as a tutor for the *Mobile Workshop* in Almaty was Vladimir Us, who leads the Oberliht Association in Chisinau. With the help of the tutors, the workshops participants developed parameters for investigating the urban environment, identified various spaces using elaborated methodology (8–10 cases in each city), and produced documentation, consisting of images, drawings, maps, texts, etc.

In order to give the participants the opportunity to learn from the experience of working with the public space in other contexts (Georgia, Russia, and China), a research and documentation lab and theoretical seminars were organized. The seminars were conducted by invited lecturers and curators: Nini Palavandishvili (curator, GeoAIR, Tbilisi), Nelya Korzhova (curator, Shiryaevo Biennale, Samara), Stefan Rusu (curator, KSAK Center, Chisinau), and Cosmin Costinas (Executive Director/Curator of Para/Site, Hong Kong), who shared their experience with the appropriation of public space.

The final events of the project included a public program and the presentation of art projects (interventions, performances, installations, etc.), which were held in two sessions, one in the autumn of 2014 (at the “8 March” Cinema and the Children’s Park) and another in the summer of 2015 (Boghi Poytakht Park). In the attempt to activate public spaces, we made conscious choices in terms of the venues. The logic was to interact with particular sites, such as the “8 March” Cinema, the Children’s Park, and Boghi Poytakht Park, and these locations were chosen as ones that bear the evidence of urban changes.

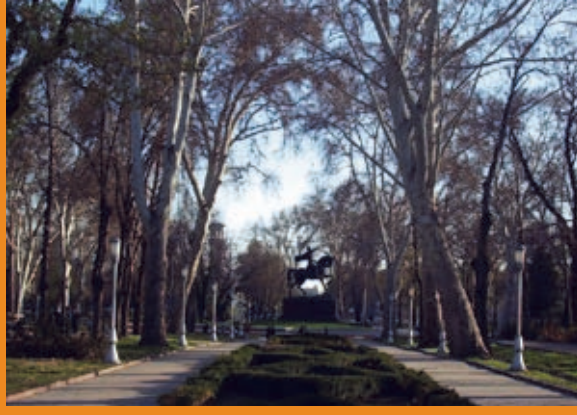
Since it was originally designed as a movie theater and later underwent functional changes, the “8 March” Cinema was a relevant location to work with. After the Civil War, when the space was used as a restaurant-teahouse, chairs for spectators were replaced by dining tables, the walls were repainted, and the screen eventually lost its original meaning and function. Consequently, this space hosted the talks given by guest lecturers and the project presentations, including “Dushanbe Selfie” by Surayo Tuychiyeva (TJ) and “My City. A Choice” by Alexander Nikolayev (UZ). Alexander Nikolayev’s project shows how urban construction, even if carried out in a fully complex and responsible scope, is turned into a “puzzle,” that city residents try to piece together. Citizens were asked to choose a type of structure – a building to build in the city, on an empty site. A choice is given between a modern building, a mosque, or a fountain.

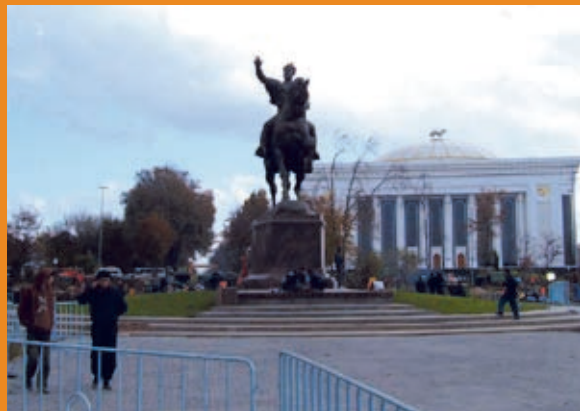
⁸ As David Harvey writes, “the right to the city is much more than a simple individual freedom of access to urban resources: this is our right to change ourselves by changing the city.” David Harvey, “The Right to the City,” *New Left Review* 53 (September /October 2008).

“Boghi Poyтахт” Park (The City Park). Dushanbe, 2015.
Photo by Stefan RUSU

Presentation by the collective of Children and Youth Center under the roof of the "Mobile Platform" in the Children's Park, Dushanbe, 2014. "Mobile Platform" is a project designed by Ewa RUDNICKA (PL). Photo by Jamshed KHOLIKOV.

The decision concerning which project to implement is determined solely by the demands and wishes of the city residents, and the winning structure is decided simply by the majority of votes. The artist thus creates a precedent for democratic decision-making, in which citizens are able to express their choice.

The basic principle of the project as a whole – the activation/production of a social space – is truly embodied in the project of Ewa Rudnicka (PL). She developed and built a Mobile Platform, which incorporates two bikes with a light-weight design, ridden throughout the streets of Dushanbe and carrying equipment (a tent and metal structure) on trailers to provide a temporary space for discursive practices (taking the form of meetings, workshop sessions, exchanges, and discoveries as part of a public program). The *Mobile Platform* was installed in the Children’s Park for only one day and served as a temporary shelter for a presentation by youngsters from the Children and Youth Center of Dushanbe. Lectures and presentations by project participants were also held there, including those by Ewa Rudnicka (PL), Surayo Tuychieva (TJ), Alexander Nikolayev (UZ), and Suleiman Sharifi (TJ), and the lecturers Saken Narynov (architect, KZ) and Gafur Shermatov (journalist and urban activist, TJ). The *Mobile Platform* is an example of employing a methodology of “active culture,” in which culture does not just involve people as passive observers but also generates spontaneous involvement. The mobile platform can be quickly removed after the presentation and can be adapted to new circumstances within the urban space, and so its format could be easily and substantially altered as it moved throughout the city of Dushanbe.

Two other art projects expanded the project’s discursive space, touching on aspects of functionality and aesthetics in public buildings. They involved the Guliston Factory and the State Institute of Fine Arts and Design. In the case of the Guliston Factory, the hotel built a few years ago in the area between the textile factory and the street buried a monumental mosaic entitled “*Labor*” which is no longer visible to the passersby. The performative guided-tour *Hidden Mosaic* by Suleiman Sharifi (Dushanbe) took place at the Guliston textile factory; the idea was to show the public a monumental mosaic and talk about the context of its origin. The absurdity of the situation is that the entire surface of this mosaic is hidden in the space (only 50 cm) between the factory wall and the hotel. The intervention carried out by the artist indicates the insufficient level of awareness for public art and consequently the lack of mechanisms for protecting the cultural heritage in public space, which has led to the loss of significant works of public art such as the “*Labor*” mosaic, which years ago had served as a major visual landmark of the city. The exhibition *Unrevealed* by Alexei Rumyantsev was presented in the foyer of the State Institute of Fine Arts and Design, the former location of the Kamoliddin Behzod National Museum of Tajikistan. The action aimed to restore “historical justice” through a performance presented next to copies of the works of Behzod, a Persian miniaturist. Alexei erased certain characters in these copied works in order to suggest absence, referring to how the museum had never shown Behzod’s works, although it bears his name.

Following the logic of activating the public space, the projects *Best Citizens* by Bakhytzhan Salikhov and *Wish them luck!* by Murodzhon Sharifov were installed in Boghi Poytakht Park. Bakhytzhan Salikhov's project involved placing outdoors an installation an honour board with mirrors instead of portraits. A sign reading "Hall of Fame: Best Citizens" was placed above the mirrors. The project aimed to show people their value in today's society, regardless of their social status or social networks. Next to it Murodjon Sharifov's project aimed to publicly enact the mechanism of bureaucratic corruption through interventions in the urban space. Later we managed to activate other spaces on the outskirts of Dushanbe - a bus stop, where a presentation of the project *Wandering Bus Stop* by Jamshed Kholikov was organized. The project touched on the delicate subject of the conservation of older bus stops, which are decorated with mosaics, as part of the city's architectural heritage. Designed in the eighties, the bus stops were part of an extensive network of regular bus services between villages and cities, not only in the country but also throughout Central Asia.

The main results of our project included the research, mapping and activation of new spaces, and also the empowerment of the local community (including artists, architects, urban planners, students, and urban activists). Through art interventions in Dushanbe we also managed to win the participation of new audiences by developing and accessing various public spaces.

We also came to realize that a negative process of exclusion was taking place, accompanied by increased commercialization in the recent urban development. We observed a slow down in the creation of public space, particularly in relation to human and minority rights and the claiming of these rights in the form of public space. There is a potential for specific and local urban spaces to become the focus for the real and effective coming together of individuals who are unsatisfied with the situation in a given city.

An important contribution in this direction was made by Nelya Korzhova from Samara, who presented the detailed case of an architectural monument from the Constructivist period – the building of the Kitchen Factory – which is not only an example of the return of a public space to public use, but which also set a precedent in terms of the public defending its "right to the city."

In this context, the cooperation with the urban activists of "Ctrl+S Almaty" Kazakhstan and the "Urban Initiatives" Foundation, Kyrgyzstan, in partnership with whom our team managed to organize mobile workshops in Almaty and Bishkek, demonstrated that there is a real interest in the processes taking place in the urban environment and in concrete action towards reclaiming public spaces. There is still hope that this experience and the potential will be embodied in a consolidated regional network of urban activists, architects, designers, urban planners and visual art community.

We also hope that the efforts undertaken by the team of the Dushanbe Art Ground project *Public Space on the Run* will be further supported by the civil society through concrete creative initiatives, as a means of understanding the true significance of the principle of the *sociability of space* in Dushanbe and in other cities of Central Asia.

Возвращение “утраченного пространства”¹

Штефан РУСУ, куратор, Душанбе
Арт Граунд

Вступление

Фундаментальные изменения, произошедшие в странах Средней Азии после объявления независимости (парада независимостей) в начале 90-х, стали своего рода отдаленным поводом для исследования процессов, связанных с преобразованиями общественных пространств в рамках проекта «Публичные пространства в действии» (Spaces on the Run). Основной целью проекта было, не только исследовать каким образом эти изменения повлияли на функции и роль публичных пространств в городах Средней Азии (Душанбе, Алматы, Бишкеке и Ташкенте), но и взаимодействовать с этими пространствами, используя практики современного искусства и социальные практики в качестве инструментов для их активации (креативной апроприации).

Собственно самим понятием «Публичное пространство» мы обязаны исследованиям Ханны Арендт². В её представлениях частное и публичное пространства существовали всегда, являясь обязательными составляющими человеческой деятельности и действий. В то время как либеральная теория противопоставляет «публичное» государственному, и отождествляет публичную сферу со свободными гражданами и их свободной экономической деятельностью. Для классических либералов XIX века и неолибералов публичная сфера является неподконтрольной государству – иными словами, речь идет о рынке. Для социал-демократов и других «левых» рынок – главный враг публичной сферы, потому что экономические интересы – всегда частные, а публичное – это, по определению, то, что выходит за рамки частного; публичная сфера опирается на мышление, способное подняться над частными интересами и озаботиться общим благом. Поэтому борьба за публичную сферу и публичное пространство – это стремление вывести их за рамки контроля, осуществляемого частными лицами – бизнесом и корпоративными структурами.³

¹ Публичное пространство города было гарантировано государством всем, оно стало всеобщим и по факту – ничьим. Публичное пространство победило приватное, но само стало совершенно иным: это может выглядеть как доминирование публичного пространства, потому что оно значительно расширилось, например в форме парков, в центре которых возвышались теперь высотные здания. Однако это пространство было одновременно неопределенным и неиспользуемым; оно стало «утраченным пространством» <...>, где ни одна из функций публичного пространства не могла быть реализована; социальность стала там невозможна [Ali Madanipour 2003: 202].

² «Полис, а стало быть само публичное пространство, было местом сильнеешего и ожесточенного спора, в котором каждый должен был убедительно отличить себя от всех других выдающимся деянием, словом и достижением, доказав, что именно он живёт как один из лучших. Другими словами, открытое, публичное пространство было отведено именно для непосредственного, для индивидуальности; это было единственное место, где каждый должен был уметь показать, чем он выбивается из посредственности, чем он на деле в своей незаменимости является» [Ханна Арендт "VITA ACTIVA, Или о деятельной жизни", 1958].

³ [Jeff Weintraub, The Theory and Politics of the Public/Private Distinction in «Public and Private in Thought and Practice», Edited by Jeff Weintraub and Krishan Kumar, 1997].

По существу, проект спровоцировали беспрецедентные по своему масштабу урбанистические изменения, происходящие в Душанбе в контексте рыночных отношений: коммерциализация общественного пространства и перепланировка центра города, повлекшие за собой снос жилых зданий по всей протяженности проспекта Рудаки – по так называемой «протокольной трассе», а также разрушение внушительного числа зданий общественного назначения в центральной части города. По сути, центр города в последние годы стремительно преобразуется, и в скором времени старое ядро города, представляющее собой смесь архитектурных строений 1930-х и 1940-х годов, построенных в стиле неоклассицизма и конструктивизма, будет полностью зачищено от его исторического наследия и заменено безликими 13-18 этажными жилыми зданиями, помпезными банками и отелями. Характерно, что нет никакой информации относительно того, что новый генплан города выносился когда-либо на обсуждение общественности.

Масштаб и характер происходящих в центральной части города изменений могут повергнуть приезжего в настоящий шок. Достаточно сопоставить эти масштабы с процессами стирания/изменения идентичности городов, которые произошли, к примеру, в Европейском контексте в 2000-х: будь это столица Македонии – Скопье, где основные элементы национального дискурса (архитектура, памятники, символы государственности) выстраиваются, следуя новым маркерам идентичности, или другой пример: Белград (столица Сербии) исторический центр которого подвергается глубоким изменениям, вследствие масштабной приватизации старого города или процессы джентрификации необратимо изменившие Восточный Берлин, последовавшие после падения Берлинской стены, и список можно продолжить.

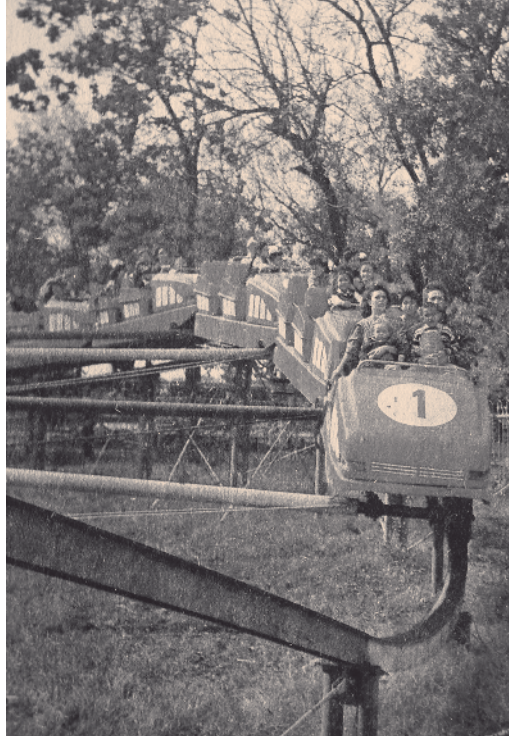
Урбанистические изменения в Душанбе

Публичные пространства подверглись изменениям еще с начала 90-х, вследствие отказа от социалистической концепции и под влиянием тех политических и экономических реформ, которые охватили пространство всего бывшего союза. К примеру, памятник В. И. Ленину был снесен во время митингов в Душанбе в сентябре 1991 года. Монумент этот был лишен особых художественных достоинств и отличался от других лишь тем, что В.И. Ленин простирал вперед левую руку. Большая часть других памятников, бюстов и других элементов визуальной пропаганды советской эпохи были вскоре также удалены из публичного пространства.

В последующий период Таджикистан оказался в ситуации внутреннего конфликта (гражданская война), затормозившего процессы, связанные с демократизацией общества и страны, и переходом к капиталистическим отношениям. Эти преобразовательные процессы получили толчок в середине 2000-х, в период формирования нового курса национальной идентичности, сложившийся после окончания гражданского противостояния (1991-97),

вследствие чего политическая элита (руководство страны, администрация города и архитекторы-планировщики) сформировала новые ориентиры для политического и экономического развития общества, повлияв и на перепланировку города.

Другой пример изменений, вписывающийся в эту новую реальность – площадь Таджикистана: за 14 лет независимости главная площадь трижды меняла свое название, и трижды на ней менялся символ государства. В советские времена она называлась площадью Ленина, и стоял на ней памятник вождю мирового пролетариата. Затем, когда монумент снесли, на его месте спешно воздвигли памятник Фирдоуси, а саму площадь переименовали в площадь «Озоди». К концу 90-х композиционным центром площади стал памятник основателю династии Саманидов – Исмоилу Сомони. Название площади вновь изменили – на «Дусти».

Citizens enjoying the amusement in the V.I. Lenin Central Park of Culture and Recreation. 1970s. Private archive of Gafur Shermatov.
Городжане в центральном парке культуры и отдыха им. В.И.Ленина. 1970-е. Фото из личного архива Гафюра Шерматова.

Так, в процессе пересмотра планировки центра города он лишился многих элементов составляющих его идентичность, сформированную в советский период. Таким образом, были снесены: здание Главпочтамта, спроектированное в 1930 архитектором С. Кутиным, Рынок «Баракат» (Путовский базар, 1982), куда с собранным урожаем приезжали дехкане не только из регионов Таджикистана, но и соседних республик, снесено кафе «Ленинабад» на проспекте Рудаки, пришел в упадок кинотеатр «Октябрь» в 82-ом микрорайоне (архитектор В.Зухриддинов, Е. Макарская, 1985-86) не так давно органично вписывавшиеся в городскую среду.

Впоследствии исчез сквер кинотеатра «Фестивальный» (1963) и Центральный парк культуры и отдыха им В. И. Ленина (1938г.) изначально хорошо спланированный, где от центральной аллеи отходили дорожки к различным местам отдыха, с аттракционами, фонтанами и спортплощадкой. После сноса (2007г.) территория парка была включена в городской сад Боги Рудаки. Начиная с 60-х, в этом парке существовал популярный ресторан-чайхана «Фарогат», спроектированный архитектором Г. Соломиновым⁴ совместно с А. Ярушиным и Ш. Зубайдовым, ставший знаковым для жителей города и послуживший прототипом для других построенных в Душанбе и других городах Таджикистана. Ресторан-чайхана, имевший свою публику и неповторимую атмосферу, постигла та же участь, что и парк.

В последующий период, то ли от нехватки средств, то ли по другим причинам, ряд других пространств пришли в упадок, включая парковую зону Комсомольского озера, Детский городской парк, скверы – Сквер «Бустон» (бывший сквер имени Фрунзе); сюда нужно включить и сквер на пересечении ул. Бехзода и Лахути, являвшиеся частью быта и досуга жителей города в 70-80-е. Возникли новые парки, но они пока не выполняют, в полной мере, функции предыдущих пространств, которые были своеобразными «нишами», предназначенными для отдыха и охлаждения в летний период. Между тем, Парк Оперы и Балеты, являющийся составной частью комплекса Театра Оперы и Балета архитектора В. Баранова (1946 г.) изменился до неузнаваемости, более 60-70% своей территории оккупирован разнородным мелким бизнесом: два ресторана, игровая площадка с

⁴ Гафур ШЕРМАТОВ. Душанбе: Площадь смеха и слез, Asia-Plus, 14.10.2013.

бильярдными и теннисными столами, два небольших 3-D кинотеатра. Процесс коммерциализации публичных пространств охватил весь город и указывает на их упадок в сравнении с теми принципами и с теми функциями, которые они выполняли в социалистический период.

Не так давно (в 2013 году), мэр Душанбе подписал постановление о сносе еще 34 зданий возле центральной площади, включая неоклассическое

здание городской администрации, а также расположенные по соседству здания министерства сельского хозяйства, прокуратуры, музея музыкальных инструментов, и еще нескольких десятков солидных построек жилого назначения – и это несмотря на наблюдающийся в городе дефицит жилья. В настоящее время центральная часть Душанбе стремительно трансформируется и еще трудно представить, как будет выглядеть его новая идентичность, все же потери его исторического наследия необратимы. Но уже сейчас влияния новых тенденций на архитектуру и планировку городской среды Душанбе предсказуемы и отсылают к эклектике и принципам планирования некоторых стран и городов, таких как Астана (Казахстан) или Дубай (Арабские Эмираты), но в другом масштабе (с менее внушительным бюджетом и соответственно другой отделкой и дизайном).

События последнего времени подтверждают, что местные власти планируют снести еще ряд зданий, в частности пойдут под снос – чайхана «Рохат», театры им. А. Лохути и им. В. Маяковского, Дворец Президента и здание Парламента Республики, включая здание столичной мэрии. В этих условиях усилия креативного сообщества могут показаться соломинкой в океане, тем не менее, мероприятия и интервенции, которые были предприняты на протяжении проекта в Душанбе, представляя собой реальные попытки противостоять процессам деградации публичных пространств.

Glavpochtamp - a monument from the constructivist period (1934). In the process of demolition, 2013. **Photo** by Stefan Rusu.
 Здание Главпочтамта - памятник периода конструктивизма (1934). В процессе сноса, 2013 г. **Фото** Штефан Русу.

Публичные пространства в контексте Средней Азии

Публичное городское пространство предполагает, что это место деятельности и интереса горожан – там человек задерживается, а не проходит сквозь них, как происходит с транзитными пространствами. Есть мнение, что публичные пространства должны рассматриваться, как место невидимого, но постоянного диалога между городом и его жителями.

Исследовательским компонентом проекта послужили Мобильные Мастерские, организованные в Душанбе, Алматы и Бишкеке, смысл которых состоял в сборе данных, и их всестороннем анализе, касающемся причин, главных действующих лиц (актеров), а также последствий трансформации публичных пространств и их воздействия на общественные нормы и стандарты. В процессе исследования выяснилось, что процесс формирования городского/публичного пространства в период после 2000-х видоизменился, и был замещен производством новых публичных мест (их репрезентации), находящихся под контролем местной администрации и частного бизнеса. В результате исследования и картографирования были выявлены различные нарушения, ведущие к ограниченному доступу к ним, слабому качеству предоставляемых жителям услуг, которые выявились в ряде городов. На некоторых случаях (ситуациях) «благоустройств» (используя терминологию местных администраций) ряда скверов, парков в Ташкенте и Душанбе мы остановимся подробнее.

Один из случаев проявления, так называемого **утраченного пространства**,⁵ можно проследить на примере сквера Амира Тимура, переустройство которого произошло в 2009-10 г. Сквер был «обустроен»⁶ местными властями. Одним из принципов этого переустройства стала вырубка всех деревьев, для того чтобы памятник, находящийся в центре сквера, получил обзор и просматривался на фоне недавно отстроенных властями зданий, которые не так давно полностью скрывала зелень сквера. Что же случилось с этим сквером после вырубки деревьев? Основной проблемой возникшей вследствие этого переустройства стала утрата особого климата прохлады и комфорта, которыми могли наслаждаться жители и студенты города. В сквере можно было отдохнуть и восстановиться в тени деревьев и прохладе фонтанов. Всё то, чего добились власти – это обзор памятника со всех точек и создание пространства, где **социальность** стала невозможной. Теперь для возвращения утраченного состояния придется ждать несколько десятилетий, пока не вырастут кроны деревьев, посаженных на месте старого сквера. Избавившись от тенистого сквера, власти получили возможность хорошо его просматривать и эффективнее контролировать.

Под это определение также подходит парк «Боги Пойтахт» (“Столичный парк”), который днем пустеет в основном из-за отсутствия деревьев, и заполняется посетителями только вечером, когда спадает жара в летнее время, и особенно популярен в период **Рамадана**. Возможно, на малое число посетителей повлиял платный вход, поскольку городскую публику составляют жители (прекариат) из близлежащих районов. Другой пример возник в Душанбе после образования нового пространства

Cutting down the trees in the Amir Temur Square. Tashkent, 2009-2010. Вырубка деревьев в сквере Амира Тимура. Ташкент, 2009-2010 г.

⁵ «Утраченное пространство» <...>, где ни одна из функций публичного пространства не может быть реализована; социальность стала там невозможна [Али Маданипур, 2003: 202].

⁶ Прощай, ташкентский Сквер! <http://www.fergananews.com/article.php?id=6371>

– городской сад Боги Рудаки путем включения территории снесенного парка культуры и отдыха им В. И. Ленина, других близлежащих территорий, сноса жилых и публичных зданий. Центральное место в нем занял памятник Рудаки. Наиболее значимые ориентиры парка – это входная арка с проспекта Рудаки и памятник Рудаки, окруженный фонтанами, которые должны привлекать жителей города, и создать благоприятную атмосферу для посетителей парка, но после перестройки в 2007г. в целом теряет свое назначение как место культурного отдыха горожан.

Мы полагаем, что эта практика представляет собой злоупотребление тезисом о публичном характере городских пространств, догматически (и политически) последовательно противопоставляемом не столько приватности, сколько партикулярным интересам конкретных социальных групп, и ведет к деградации публичной жизни в городах. Под прикрытием принимаемого на веру тезиса о гомогенности некой городской «публики», горожанам фактически отказывают в праве на использование общественных пространств; их единоличным пользователем оказывается государственная и городская власть, объявившая себя единственным легитимным представителем абстрактной «общественности». «Общественными» событиями, которые могут проходить в публичных пространствах города, соответственно, считаются лишь те, которые организованы властями (парады, демонстрации, официальные карнавалы и т.п.) или санкционированные ею.

Что касается более подробного анализа трансформации городской среды в городах Центральной Азии (Душанбе, Алматы, Бишкек и Ташкент) – таковой был проведен приглашенными исследователями – Еленой Тё (архитектор) совместно с Мадией Джунусовой (архитектор, канд. арх.) из Казахстана, Натальей Андриановой (архитектор) из Кыргызстана, Виктором Дубовицким (доктор исторических наук) из Таджикистана и Абдуманном Зияевым (теоретик-архитектор) из Узбекистана. Результаты исследований по этим городам включены в это издание.

О проекте и активации пространств

Одним из аспектов, который нас заинтересовал в процессе разработки проекта – это производство **общественного пространства** посредством практик современного искусства. При этом, осознавая, что в некоторых странах Центральной Азии (Узбекистан, Туркменистан) режим использования публичных пространств радикально изменился, и находится под пристальным контролем властей. Наша задача также состояла в том, чтобы привлечь художников, имевших практику работы с публичным пространством. Этот процесс, помимо внедрения креативных практик в городское пространство, также предполагал вовлечение и формирование новой публики – случайных прохожих, молодежи, жителей близлежащих кварталов, других потенциальных зрителей.

По структуре проект состоял из исследовательско-документационной лаборатории, теоретических семинаров, ряда художественных проектов/интервенций в публичных пространствах, реализованных участниками из Центральной Азии (Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан). Финальная презентация проекта состояла из публичных программ и презентаций художественных проектов, представленных в Душанбе. Площадкой для презентаций, кино-показов и проекций послужила **Мобильная площадка** – для создания художественных проектов и интервенций в городской среде. Смысл проекта состоял в том, чтобы посредством Мобильных Мастерских охватить города Центральной Азии и обозначить изменения, характерные этому региону путем вовлечения местных урбанистов, социологов, архитекторов, визуальных художников, исследующих и работающих с публичным пространством. Кроме этого, нашей задачей было попытаться

“Mobile Platform” - a project by Ewa Rudnicka (PL).
Installation in the Children's Park, 2014. Photo by
Jamshed Kholikov.

«Мобильная Площадка» - проект Евы Рудницкой
(Польша). Инсталляция в Детском Парке. 2014.
Фото Джамшед Холиков.

найти реальные возможности для производства **общественного пространства**⁷ в том смысле, в котором он был определен Хенри Лефевром.

Несмотря на то, что процессы, связанные с изменениями городской среды, происходят повсеместно в постсоветском пространстве, все же Балканский контекст на примере вышеупомянутых городов из Сербии и Македонии наиболее ярко отражает их суть. По этой причине мы пригласили наших коллег из [STEALTH.unlimited] – Ану Джокич и Марка Нилена, которые развивают ряд инициатив, связанных с возвращением «права на город»⁸ в Белграде, для участия в Мобильных Мастерских в Душанбе и Бишкеке в качестве тьюторов. Другим приглашенным для участия в Мобильных Мастерских – Алматы, в качестве тьютора стал Владимир Ус – руководитель Ассоциации Оберлихт из Кишинева. При содействии и руководстве приглашенных экспертов, участники мастерских разработали параметры для исследования урбанистической среды, идентифицировали пространства, используя разработанную методику (8-10 пространств в каждом из городов). Итогом исследования стали: фотоматериалы, подробный анализ общественных пространств и сопутствующая документация.

Для того чтобы дать участникам возможность ознакомиться с опытом работы с публичным пространством в других контекстах (Грузия, Россия и Китай) были организованы исследовательско-документационная лаборатория и теоретические семинары. Семинары были проведены международными кураторами: Нини Палавандишвили (GeoAIR, Тбилиси), Неля Коржова (Ширяево Биеннале, Самара), Штефан Русу (куратор, KSAK Центр, Кишинев) и Космин Костинаш (Para Sait, Гонконг), которые поделились опытом исследования и апроприации общественного пространства.

Итоговыми событиями проекта стали – публичная программа и презентации художественных проектов (интервенции, перформансы, инсталляции, и т.д.), проведенные осенью 2014 и летом 2015, смысл которых состоял в активации публичных пространств. Площадки для проведения публичной программы были выбраны не случайно, в этом смысле решение взаимодействовать с определенными местами – Кинотеатр «8 Марта», Детский Парк, парк Пойтахт (Боги

⁷ Если пространство есть продукт, то познание воспроизведет его производство, то есть опишет его. Формула, согласно которой научный интерес и «объект» смещается от предметов в пространстве к производству самого пространства нуждается в еще более подробных объяснениях. [Анри Лефевр, Производство пространства. Стр.50. Москва, 2015]

⁸ Как пишет Дэвид Харви, «право на город – это гораздо больше, чем просто индивидуальная свобода доступа к городским ресурсам: это наше право менять самих себя, меняя город» [Harvey D. The Right to the City. New Left Review, 53, September – October 2008.]

Пойтахт) было закономерно, поскольку нашей целью было работать с пространствами, представляющими характерные примеры изменения городской среды.

Кинотеатр «8 Марта» был релевантен, так как изначально был спроектирован как кинотеатр. После гражданской войны, когда это пространство стало использоваться в качестве ресторана (чайхана), стулья для зрителей были заменены столами для еды, стены и экран перекрасили, в итоге оно утратило свой первоначальный смысл и функциональность. Следовательно, здесь прошли лекции приглашенных лекторов и презентации проектов – *“Dushanbe selfie”* Сурайе Туйчиева, Таджикистан и *“Мой город. Выбор”* Александра Николаева, Узбекистан. В проекте Ал. Николаева городское строительство, сложное и ответственное во всех смыслах превращается в игру *“Puzzle”*, где участниками игры становятся сами горожане. Обществу предлагается сделать выбор объекта – здание, которое возможно построить в городе, на пустующей площадке. Выбор выглядит так: современное здание, мечеть или фонтан? Решение строительства того или иного объекта определяется только востребованностью и желанием жителей города, и побеждает простым количеством голосов. Таким образом, художник создал акцию – прецедент демократического принятия решений, где жители города смогли сделать свой выбор.

Основной принцип проекта – активации и воспроизводства социального пространства был продемонстрирован в проекте Евы Рудницкой (Польша) *Мобильная Площадка*. Это два велосипеда с легкой конструкцией на велосипедных прицепах, которые проехав по улицам Душанбе, провезли оборудование, создав пространство для дискурсивных практик (встреч, обучения, обмена и открытий, посредством публичной программы.). Установленная в Детском Парке всего за несколько часов *Мобильная Площадка* послужила временным убежищем для презентации творчества воспитанников Детско-Юношеского Центра, Душанбе. В продолжение здесь прошли лекции и презентации участников проекта – Евы Рудницкой, Сурайе Туйчиевой, Александра Николаева, Сулеймана Шарифи и лекторов Сакена Нарынова (архитектор) и Гафура Шерматова (журналист, городской активист). *Мобильная Площадка* – это один из примеров методологии «Активной культуры», где культура вовлекает в себя людей не только для пассивного наблюдения, но и в качестве спонтанных реакций. Мобильная Площадка в состоянии быстро исчезнуть после презентации, чтобы оказаться и вписаться в новые обстоятельства и контексты городского пространства, в так динамично и спонтанно изменяющимся городе Душанбе...

Два других арт-проекта расширили дискурсивное поле основного проекта, затронув некоторые аспекты функциональности и эстетики публичных зданий: фабрики Гулистон и Государственного Института Изобразительного Искусства и Дизайна. В первом случае, проблема состояла в том, что построенная несколько лет назад гостиница на участке между торцом текстильной фабрики и улицей, скрыла монументальное мозаичное панно «Труд».

Сейчас мозаика недоступна взору прохожих. Перформативная лекция-экскурсия «**Скрытая мозаика**» Сулеймана Шарифи (Душанбе) прошла в текстильной фабрике, целью которой было показать публике мозаичное панно и рассказать о контексте ее создания. Абсурдность ситуации состоит в том, что панно находится всего в 50 см между торцом фабрики и зданием гостиницы. Проведенная художником интервенция указывает на недостаточный уровень культуры восприятия публичного пространства, и как следствие, отсутствия механизмов защиты достояний этого места, что ведёт к утрате подобных арт-объектов (мозаика «Труд»), которая являлась визуальным маркером города. В фойе Государственного Института Изобразительного Искусства и Дизайна (бывший музей им. Камолитдина Бехзода) прошла выставка-акция «Неявление» Алексея Румянцева. Акция была направлена на восстановление «исторической справедливости», показав перформанс на фоне работ-копий персидского художника-миниатюриста с отсутствующими персонажами в здании института, именуемого более полувека музеем им. Бехзода.

Следуя логике активации пространств, презентации проектов «**Лучшие горожане**» Бахытжана Салихова и «**Пожелай им удачи!**» Муроджона Шарифова прошли в парке Пойтахт (Боги Пойтахт). Проект Бахытжана Салихова предполагает размещение зеркальных досок почета на улицах города. Над зеркалами размещена вывеска «**Доска почета: лучшие горожане**». Цель проекта: показать людям их ценность в современном обществе, независимо от их социального статуса или статуса в социальных сетях. В то время как проект Муроджона Шарифова направлен на выявление бюрократического механизма коррупционной деятельности, посредством интервенции в городское пространство. Впоследствии, нам удалось активировать и другие пространства – автобусные остановки на окраине Душанбе, где прошла презентация проекта «**Блуждающая остановка**» Джамшеда Холикова. Проект затрагивает наиболее важную тему сохранения автобусных остановок, декорированных мозаиками, как архитектурного наследия города. Спроектированные еще в 80-е, остановки связывали обширную и разветвленную сеть регулярных автобусных сообщений между селами и городами не только по республике, но и по всей Средней Азии.

Основные результаты нашего проекта – это исследование, картография и воспроизводство новых пространств, а также расширение прав и возможностей местного сообщества (художников, архитекторов, урбанистов, студентов и городских активистов), и участие новой публики в процессе освоения и получение доступа к общественным пространствам, которые нам удалось реализовать посредством арт-интервенций в Душанбе.

Мы также осознаем, что на фоне тех негативных процессов отторжения, коммерциализации в сфере развития городской среды, происходит сужение поля производства общественного пространства в сфере прав человека и меньшинств, а так же озвучивание этих прав в общественном пространстве. Возможно, что не инертность и не безучастность, а конкретное

и локальное городское пространство смогут стать основой для реальной и эффективной консолидации тех, кто не удовлетворен ситуацией в том или ином городе. Одним из важных вкладов в этом направлении был сделан Нелей Коржовой из Самары, которая подробно представила случай с архитектурным памятником периода конструктивизма – здание Фабрики-Кухни, которое является не только примером возвращения публичного пространства в общественное пользование, но и одним из прецедентов, когда общественность отстояла «право на город».

В этом контексте взаимодействие с урбанистическими активистами «Городские инициативы «Ctrl+S Almaty» из Казахстана и Общественного Фонда «Городские инициативы» из Кыргызстана, в партнерстве с которыми удалось организовать мобильные мастерские в Алматы и Бишкеке, показало что существует реальный интерес к процессам, происходящим в городской среде и к реальным действиям по возвращению пространств в общественное пользование. Есть надежда, что этот опыт и потенциал воплотятся в консолидированную региональную сеть, объединяющую урбанистических активистов, архитекторов-урбанистов и креативное сообщество. Также надеемся, что усилия предпринятые командой Душанбе Арт Граунда в рамках проекта – «Публичные пространства в действии», получат продолжение при поддержке гражданского общества, через конкретные творческие инициативы, понимающие реальное значение принципа **социабельности пространств** для Душанбе и других городов Средней Азии.

Glavrochtamp - A monument from the constructivist period (1934). In the process of demolition, 2013. **Photo** by Stefan Rusu.
Здание Главпочтамта - памятник периода конструктивизма (1934). В процессе сноса, 2013 г. **Фото** Штефан Русу.

Dushanbe: Public Space

Victor DUBOVITSKIY,
Doctor of Historical Sciences,
Dushanbe.

Public space in urban areas has always been important. Individuals not only need housing but also a place to communicate with other people living together with them behind the walls (or limits) of the city.

In this regard, participation in meetings and public events (from joint decision-making to meekly following a ruler's orders) requires considerable space apart from buildings. With its squares, parks, and boulevards, the city has always provided these kinds of opportunities.

Between the citadel and the rabad

Many dictionaries and encyclopedias unanimously say that a city is a large village (by existing stereotypes) whose inhabitants are, as a rule, not engaged in agriculture. It has a developed and complex economy and consists of the accumulation of architectural and engineering structures that contribute to the livelihoods of the population.

Over the course of human civilization urban settlements have arisen for two reasons: safety and living comfort. As any scholar knows, even without much knowledge of Central Asian archeology, the ancient and medieval cities of all the oases in the region consistently established a ternary set of structures: a fortress – the ruler's citadel in the center, a rabad inhabited by soldiers and administrators, and finally, the surrounding shakhristan, or residential quarters, inhabited by artisans, merchants and other common people.

This planning is fully replicated in the layout of ancient Hissar (III century BC – III century AD), Khojent (III century BC - II century AD), medieval Penjikent (V century AD – VIII AD), Bunjikat (current Istaravshan) (V century AD – VIII century AD), and Hilbuk (IX century AD – XIII century AD).

Developed over millennia of violent social cataclysms, this ternary structure was based on the feasibility of a large-scale human settlement. Ruling authorities felt safe behind the fortress walls of the citadel and were ready to shelter their loyal subjects in the rabad and shakhristan (and rural neighborhoods) in case of enemy attacks. This is related to the primary reason for urbanization – security. However, we must remember that the city was not only a place to hide from the enemy behind the fortress walls, but also provided a consistently functioning market, schools for children, temples for prayer, a doctor “at hand” when someone fell ill, the latest news from multiple neighbors and the ruling administration, and of course, entertainment. The latter included maskarabozes, bazmes with competitions of poets and storytellers, and “tenderloin” places of forbidden pleasures . . .

The squares of Central Asian cities were not empty: they were occupied by traders. However, these areas could be quickly cleared if necessary – for example, for the parade of the Emir's troops, the public execution of an offender, etc.

Evidence of such a life in the late XIX century in Hiva, Bukhara, Samarkand, and Kokand is abundant in the works of the legendary Hungarian traveler Arminius (Herman) Vamberi and those of Russian explorers, including the diplomat Jan Witkiewicz and the orientalist Nicholas Hanykov. When describing the bazaar areas in the cities of the Ottoman Empire, Persia, Bukhara and Hiva, Vamberi directly emphasized their tremendous social and communicative role: “In general, bazaar life, with all the features associated with it, is a natural, inevitable consequence of a colorless, hidden, and separate home life within the Mohammedan society. Going through the quiet, empty streets of some eastern city awakens memories of tales of dead cities, and one begins to understand the need for any kind of reaction or opposite extremity, and the bazaar demonstrates this extremity and contrast. This word, in its broad definition, not only means the bazaar but also social life in general. A bazaar serves as a forum, not only for individuals but also for the government. The offender, who was slated to have his hand or ear cut off, or who was intended to be branded, walked the bazaar before the punishment; and in Persia there is even a custom that after a punishment the offender carried the cut-off body part around in a bowl to collect alms from compassionate people. A woman subject to an insult, or victims of violence would stand in a busy place of the bazaar and announce their complaint to passers-by to arouse their sympathy.”¹

As the European technotronic civilization began its triumphal march across the planet after the French Revolution, the first factor – the security of citizens from foreign attack – became irrelevant in the urban development; artillery and aviation made walls useless. The walls were thus removed in favor of the second factor of urban development – residential convenience – the city needed “grow” in width!²

A clean slate

Ancient and medieval Dushanbe, located on the steep left bank of the Dushanbinka River, was no different from contemporary cities in its layout. It developed at the intersection of two caravan routes. The north-south route ran from the Zeravshan and Fergana Valleys through the Anzob Pass to the Kafirnigan River and on to the Vakhsh Valley and Afghanistan; The east-west route extended from Hissar through Karategin (Rasht) to the Alay Valley of Kyrgyzstan.

The new city, a new capital of Tajikistan, founded in the same place in 1924, was built and developed, until recent times, in keeping with the general principles of urban development of European cities. In 1924, a group of young architects from Leningrad headed by Peter Vaulin made a topographic survey and developed a plan of the future capital of Tajikistan, drawing its first streets and avenues. Later, in 1934 and 1935, the staff of the Leningrad-based Giprogor Institute, comprising architects N. Baranov, M. Baranov, and V. Gaykovich, and engineers G. Sitko and G. Sheleyhovskiy, developed the first master plan for the construction of the Tajik capital, which was approved on March 3, 1938 by the CPC of the Tajik SSR.

On the eve of the Great Patriotic War (known in the West as World War II), not only large-scale construction was conducted in the city, but also a qualitative reconstruction of streets and squares. In Dushanbe, almost 1.6 million rubles were allocated in 1940 for these purposes, most of which was used for “the complete renovation of the station area, which is completely covered with asphalt and is connected to Lakhuti street.”³

This was the first master plan for Dushanbe, which is still remembered by its residents. Of course, most residents have forgotten that originally the “heart” of the capital was the Red Square and Park named after Frunze, located to the north of the Green Bazaar. Here, military parades and workers demonstrations during celebrations were held until the end of the forties.

¹ Herman Vamberi, *Essays on the life and customs of the East* (Saint Petersburg, 1877), p. 252.

² As demonstrated by World War I and especially World War II, the fortress walls were demolished prematurely. Rapidly constructed anti-tank ditches, cement vertical posts, and permanent fire positions with armored hoods are their historical successors.

³ “Tajikistan Communist,” (February 12, 1940).

The city center has gradually shifted to the west, to Communication Square, which gained its name thanks to the Central Post Office built on this site in 1933.

Soon, this square acquired another landmark building for Dushanbe, The Council of Ministers of the Tajik SSR (architect S.L. Anisimov), and subsequently assumed a new name as Sovetskaya (Soviet). Along with the erection of a monument to V. I. Lenin in 1961, the construction of new buildings for the first city hospital⁴, and the building of the Jami Cinema in 1970, the area now called Lenin Square has served as the real center of the city for a quarter of a century, a point where major communication, sacral, health, and cultural functions are located.

Three other elements on which the city center planning was structured (not the “residential” and industrial areas located on the right bank of the river (Dushanbinka)!) were the railway station, the Ministry of Interior (currently the city administration of the Ministry of Interior) and the building of the Communist Party of Tajikistan built in 1957 (currently the executive office of the President of the Republic of Tajikistan). The first of these gave rise to the longest avenue (currently known as Rudi Avenue), which became the axis of urban development in the capital; the other two dominant landmarks mark the two main avenues to the west – to the center of the Hisser valley, emphasizing the primary direction of the city’s growth.

Until the mid-seventies, no high-rise buildings were constructed in the city. The Tajik Institute of Earthquake Engineering and Seismology (TIEES) had conducted a thorough seismological micro-zoning of the capital (as well as of all urban settlements in Tajikistan), and was unequivocally opposed to the construction of buildings exceeding five storeys.

Permission for the first “fashionable” high-rise buildings on Lenin Street and along Pravda Avenue came from prolonged and persistent battles against the “blockade” of authoritative commissions, cautious party leaders, and fearmorgering newspaper articles. The arguments of seismologists were frighteningly uncertain, as always in this field of science. The most recent catastrophic earthquake (7,3 point) in Karatag, in the vicinity of Dushanbe, had occurred in 1907. According to statistics, a similar earthquake could happen again in 100-110 years. As the saying goes, think for yourself; decide for yourself (with respect to the number of storeys).

It is important to note that during the planning of Dushanbe the architects paid attention to the ecology of the city. Multiple storeys were permitted only at the outskirts of the city, thus allowing the city center to get fresh air during the hottest months of the year thanks to air masses coming down from the nearby mountains.

⁴ New buildings of the city hospital were built in addition to the six buildings used for treatment and the laboratories constructed between 1911 and 1915, thanks to donations collected in Russia. From the moment of construction and for many years later this hospital was known in Dushanbe as the “honai rus,” the “Russian house”. Buildings of historical and cultural value were demolished in 2003 during the construction of the Presidential Palace.

Reanimation of the agora

The period of collapse of the integral country, part of which was the Tajik SSR, was marked by a short period in Dushanbe by the return of the original meaning of the agora or “locus of democracy” to some of the squares of the city. This was the ancient Greek term for the national assembly as well as for the square where it took place. Temples, government offices, and retail shops were located in the square.

For the first time, the squares of Dushanbe operated in the sense of an agora on February 12, 1990, when a spontaneous rally started in front of the Central Committee of the Communist Party of Tajikistan (currently the Office of the President of the Republic of Tajikistan). Several thousand citizens and residents of nearby villages protested against the arrival of the Armenians, who had come to Tajikistan after a recent earthquake in Spitak and Leninakan. The rally was stormy and unorganized; the square was an agora only half a day.

In February 1992, the situation recurred, this time in front of the Presidential Palace, when an anti-government opposition rally was organized by the Islamic Renaissance Party of Tajikistan, the Democratic Party, and the Rastokhez movement. This rally lasted until early May of the same year. The rally, lasting days and nights, was attended by 200-300 thousand people every day, replacing each other in a multi-day vigil; thousands of speakers held speeches; hundreds of appeals to the government and other documents were approved. Tents were erected along the sides of the square, field kitchens and press-centers operated here as well.

Another rally began in mid-April on Lenin Square, located two trolleybus stops away from the first rally. Several thousand government supporters gathered for the “counter”-protest lasting until early May 1992, when armed clashes broke out, marking the beginning of a five-year civil war.

Neither before nor after these events did the squares of Dushanbe assume the function of an agora. Taking into account that the history of ancient Greece was subject to a substantial degree of mythologization during the European Renaissance, we cannot be completely sure whether the functions attributed to the Athens square are accurate. However, in terms of the present, it can be argued that the spontaneous conversion of the square into the agora, that is a place where city inhabitants make crucial political decisions (both for the capital and the entire state), led to a considerable loss of life among the population. On February 12, 1990, the square that soon was named Shakhidon, four demonstrators were killed and dozens to hundreds of peaceful citizens lost their lives and were injured by the crushing of the protest. Rallies in the same Shakhidon and Lenin Squares from March to May 1992 became the prologue of the civil war, which claimed the lives of at least one hundred thousand Tajiks. Other squares around the world can be added to this example: The Hizb-ut-Tahrir Square in Cairo and the Independence Square in Kiev.

The Square in front of the Council of Ministers 10-17 February 1990.
Площадь перед Зданием Совета Министров 10-17 февраля 1990.

So unless one is “speaking for the Greeks,” it is clear that endowing modern squares with an agora-like function has destructive potential and should be avoided. In Dushanbe such squares remain places for mass events and points from which to admire the surrounding magnificent structures, emphasizing the majesty of the state. It is hard to say where there is a perception of the square operating as an agora for those in power, but the general trend in the nineties was to build fountains and fences that divided up the squares. In fact, the former Shakhidon Square in

The Lenin Square. The rally of pro-government forces. April 1992.
Площадь / Ленин. Митинг
проправительственных сил. Апрель 1992 г.

front of the current presidential administration has now become a part of Rudaki Avenue, with a roadway and sidewalks.

Lower – upper, building a new apartment?

The long and devastating civil war in Tajikistan that lasted from 1992 to 1997 made the problems of large-scale construction in the capital a non-issue for many years. Instead, the city faced problems such as having a consistent energy supply during the day. Despite police attempts to discourage unauthorized markets, there were street markets, or “jumble markets,” where, for many years, starving citizens sold their belongings and which were best avoided after sunset. It was not time for thinking about planned large-scale construction.

However, after the political situation in the country normalized to some extent, living in the capital was still full of inconveniences. The city became flooded with a huge, fast-growing (and impoverished) rural population. Dushanbe, estimated by the latest master plan as having 760 thousand inhabitants, currently holds more than 1.5 million people according to conservative estimates! Former *dehkans*⁵ started buying apartments that had quickly become vacant in the nineties, when the European population was leaving the country. These apartments became so full, locally described as being “made of rubber”, because they were filled to bursting with so many relatives and friends from *avlods*⁶ (families). These apartment complexes soon turned into equivalent of second-class train carriages.

While this occurred, urban infrastructure development remained at the level of outdated estimates of the population. More precisely, the infrastructure underwent a slow but steady decline. Water in the center of the city has been supplied according to a schedule (10-12 hours per day) for the last fifteen years; gas supplies have disappeared; there is no central heating; the electricity networks are “breathing their last,” since they are subject to overload caused by multiple cafes, eateries, electric ovens for bread making (*tandyr*s), and thousands of air conditioners and oil heaters in cold apartments during winter.

Notwithstanding all this, the government launched a large-scale reconstruction (or rather, decoration) of the “protocol road” leading from the airport to the northern gates of the city and on to the Varzob Gorge. Not only were dilapidated houses mercilessly demolished (by 1991 almost no such houses were left on Aini Street and Rudaki Avenue), but so were quite strong and comfortable residential and office buildings built from the late fifties to the mid-sixties. They were replaced by eighteen-to twenty-story “mushrooms,” built through accelerated methods

⁵ *Dehkan* (*dehkan farm*)- is a term for an individual or family farm in Central Asia. Originally a Persian word used by the Sassanid Empire, it is still utilized in the classification systems of several regional governments.

⁶ *Avlod* (Tajik) – a family (generation) including of close and distant relatives, counting up to 200 persons.

of construction. Public spaces have been “compacted” by a chaos of commercial buildings. The city has become a playground for making (not earning!) money.

The quality of these buildings under construction (as well as their prices!) has given rise to serious doubts among both residents and specialists. As a result, most of the “skyscrapers” in Dushanbe are half-empty.

Special attention should be paid to the Dushanbe markets (bazaars). According to the experts’ opinions, in addition to remittances from migrant workers, the income of Tajikistan’s population is largely based on market trade. According to their estimates, some fifteen percent of the country’s residents directly or indirectly earn money thanks to the market activity—as distributors, dealers, and service personnel. A lion’s share of this activity is concentrated in the markets of the capital: Korvon, Sulton Kabir, Dehkon, Shohmansur (Green Bazaar), China Market, and two dozen other smaller markets scattered around the city.

Initially, the markets in the eastern part of the city occurred spontaneously, formed by the small-scale distribution trade that gradually “settled” in the areas of regular meetings with buyers. That is, the market formed based on the needs of the population.

It has been interesting to follow the tragicomic struggle with “the jumble market” located under the pedestrian bridge near the railway station. Here, over quite a large area along the fence blocking off the railway lines, there was an ad-hoc clothing market trading all kinds of junk, from underwear to parquet dismantled for firewood; this market survived even the difficult times of the civil war of 1992–1997. The market also played an important communication role, especially for the rapidly declining European population. It was a meeting place for those who stayed in the country, where one could get the latest news about mutual friends who had left the country, about those who needed help; a place in the city where one could get bread or cereal, etc. Later, when life became somewhat easier, the communication role of the “jumble market” became its predominant role for the older generation of Dushanbe. Periodic attempts by the city authorities to eliminate the “mess” that (in their view) ruined the image of a modern city, led to raids by well-fed policemen, who scattered the traders with their bags full of second-hand sanitary ware, faded and carefully ironed linen, and various plates and forks from their grandmothers. Most of the affected traders whispered among themselves about the latest repression of the authorities, but did not leave, and soon took their seats at the foot of the surrounding walls

The complex Dushanbe Plaza on Rudaki Avenue
Комплекс Душанбе-плаза на пр. Рудаки

The "Putovsky" Market. Demolished in 2009.
«Путовский» рынок. Снесён в 2009 г.

and fences, leaving their luggage opened slightly, as if by chance, and showing the contents of the bags to interested passers-by. A few days of such "conspiratorial" trade and the "jumble market" began to operate again as usual. With the construction of the Poytaht-90 market on the northeastern outskirts of the city, the supply of farm produce has been clearly disrupted for the city inhabitants. This market was designed to replace the Barakat market demolished in 2005, which in turn was built on the site of the well-known Putovskiy⁷ market. The Putovskiy market was once built on the site of the so-called "Monday" market, which further gave the capital its name. The first twenty years of Dushanbe, the market served as a "source of nutrition" for the still nominal urban settlement.

During the forties and fifties, when the space near the railway station on the site of the village of Shohmansur and even Dushanbe began to develop, this function was taken over by the Green Bazaar, which was located in a residential area. The Putovsky, which was surrounded by an administrative neighborhood in the early years of this century, could not handle the competition and was demolished.

Hard times began for merchants throughout the city. The city administration is currently trying to push them into the new building of Poytaht-90, which many customers cannot reach, except by car. However, in the capital, where most of the population still travels by public transport and by foot, it is extremely inconvenient to reach this place. The Shohmansur market still remains the main food bazaar, with an organic shape, like the "womb of Dushanbe" from the fifties. Its fate is still obscure and mysterious. A dainty piece of real estate for developers in the city center, it brings a huge daily income, which hampers its demolition. Currently, the city authorities are not taking any full measures but are "pushing" vendors of consumer goods out of the market and getting ready to modernize (expand) the streets around it.

Much has changed in the city since that time, particularly in the approach to how livelihood is organized. Specifically, open spaces in the capital are no longer perceived as places for recreation and public events but instead serve as viewing points for admiring cyclopean buildings (the Presidential Palace, the National Library, the flagpole of the national flag of Tajikistan, etc.). The individual is lost in these spaces. A person is not "part" of any activity, but only an enthusiastic target audience for grandiose structures. This is how the Ismoili Somoni Square (formerly called the Communication, Soviet, and Lenin Square) has been transformed. The same happened to a huge space, which had served as the city center from 1924 to 1980, as the historic area of the

⁷ Cheslav Anronovich Putovskiy (1887-1925) – head of the Unified State Political Department of the Tajik SSR from 1924-1925. After his death, he was buried on the descent leading to the Dushanbe-Darya River, close to the Dushanbe – Hissar Road. The road was then named "Putovskaya" (currently Ismoili Somoni Avenue).

Soviet era. In the early eighties, the Barakat market was the modernized successor of the bazaar (the name Putovskiy bazaar was still used for a modern shopping complex, as well for this part of the city, as in the “Putovskiy descent”, or making a turn toward “Putovskiy”, etc.). The complex of the first city hospital is no longer standing, including the third military settlement that was located there since 1924. Also no longer present is the main military garrison of the Red Army, which became later the 201st Motorized Rifle Division. There was also the Dushanbe House of officers and the huge City Park occupying the space between the third military settlement and the Lenin Square that where gone.

Evidence of the former humanistic orientation of the state has been retained in the Square of Moscow’s 800th Anniversary, where concerts are still performed in front of S. Ayni Opera and Ballet Theater. There is a fountain with sound and light. Hardly any cafes have been preserved in the square. As in Soviet times, this area serves as a place of rest for the residents.

Rudaki Boulevard continues to serve as a place of summer evening leisure. From the very beginning it was planned as a place for walking in the city and was therefore protected from the scorching Central Asian sun with tightly planted white acacia. In the late sixties and early seventies the acacia trees were cut due to a massive aphid infection and then were replaced by fast-growing plane trees (Central Asian sycamores). The selection of this tree, despite objections of experts from the Institute of Botany of the Academy of Sciences of the Tajik SSR and allergologists, was based on its growth rate and its shady crowns, an especially important factor for the residents of the city.

The greening of the city is a separate issue. During the implementation of the first general plan, large acacia, chestnut, maple, poplar, and weeping willow seedlings were brought by train to Dushanbe from Tashkent nurseries for the city’s streets and parks! In addition, several indigenous breeds were used, such as mulberry, elm and Lombardy poplar.⁸ The level of urban greening in the mid-fifties is described by one of the best connoisseurs of the country during those years, the writer Pavel Luknitskiy: “The Streets of the city could not even been called alleys because of the foliage intertwining over the asphalt and turning them into green tunnels, providing an almost complete cover of shade against the burning rays of the sun.”⁹

The Square the 800th anniversary of Moscow 1957. Source:
Private archive of Gafur Shermatov.
Площадь 800-летия Москвы. 1957 год. Источник:
фотоматериалы из личного архива Гафура Шерматова

⁸ P. Luknitskiy, *Tajikistan* (M, 1957), p.247.

⁹ Ibid.

Now, with the reconstruction of streets and the mass erection of high-rise buildings, deciduous trees are being cut down mercilessly; the scraps of land left for landscaping are planted with cypress and cedar, which do not provide one bit of shade for pedestrians under the hot sun. There is certainly no shade for the first and second floors of buildings with this type of vegetation!

P.Luknitskiy's description of the layout of the capital sounds like a mockery of the current ecology of the city: "To the north, in the best, elevated terraces adjacent to the left bank of the river, there is a school area where thousands of students can live and study in comfort, in the cool garden with clean air.

Even higher, closer to the foot of the mountains, where the air is a healer, there are hospitals and medical schools and next to them the Botanical Gardens."¹⁰

Thus, the former public spaces of Dushanbe are losing their purpose as spaces for recreation and public events, giving way to grandiose constructions or unplanned and eclectic commercial development. The capital is becoming less suitable for residence; it is losing its historic character as a modern city of the "new East," as it was in the eighties. The declining infrastructure causes the richest residents to build luxury housing at the outskirts of the city, while the center of Dushanbe slowly turns into an accumulation of half-empty offices and empty high-rise and multi-apartment buildings.

¹⁰ Ibid., p. 248–249.

Душанбе: Публичные пространства

Виктор ДУБОВИЦКИЙ,
доктор исторических наук,
Душанбе.

Публичное пространство в городском поселении всегда играло роль очень важную: ведь человеку нужно не только жилище, но и место для общения с себе подобными, совместно проживающими с ним за стенами (или городской чертой).

В этом плане участие во встречах и публичных мероприятиях (от принятия совместных решений до покорного внимания указам правителя) требует значительного свободного от построек пространства. Город всегда предоставлял эту возможность своими площадями, парками и бульварами.

Между цитаделью и рабатов

Многочисленные словари и энциклопедии в один голос утверждают, что город – крупный (по сложившимся стереотипам) населенный пункт, жители которого заняты, как правило, несельским хозяйством. Он имеет развитый комплекс хозяйства и экономики, является скоплением архитектурных и инженерных сооружений, способствующих жизнеобеспечению населения.

Городские поселения возникли в человеческой цивилизации благодаря двум обстоятельствам: безопасности и удобству проживания. Любому мало-мальски разбирающемуся в среднеазиатской археологии специалисту известно, что древний и средневековый город во всех оазисах региона имел раз и навсегда сложившуюся троичную структуру: крепость – цитадель правителя в центре; рабат, населенный воинами и администрацией; и, наконец, жилые кварталы шахристана вокруг, заселенные ремесленниками, торговцами и прочим простым людом.

Эта планировка, словно под копирку повторяется в облике древнего Гиссара (III в.до.н.э.–III в.н.э.), Ходжента (III в.до.н.э.–II в.н.э.), средневековых Пенджикента (V в.н.э.–VIII в.н.э.), Бунджиката (нынешний г. Истаравшан) (V в.н.э.–VIII в.н.э.) и Хульбука (IXв.н.э.– XIII в.н.э.).

Упомянутая троичная структура, выработанная за тысячелетия бурных социальных катаклизмов, основывалась на целесообразности крупного человеческого поселения: правящая власть чувствовала себя в безопасности за крепостными стенами цитадели и готова была укрыть за ними своих верноподданных из рабата и шахристана (да и сельских окрестностей) в случае нападения врагов. Это то, что касается первой причины урбанизации – безопасности. Однако нужно вспомнить, что город – это не только место укрытия от врага за крепостной стеной, но и постоянно работающий базар; школа для детей и храм для молитвы; врач «под боком», если захворал; самые свежие новости от многочисленных соседей и администрации и, конечно же, развлечения: маскарабозы, базмы с соревнованием поэтов и сказителей, «злачные» заведения с запретными удовольствиями...

Площади средневековых среднеазиатских городов не пустовали: их пространство было занято торговцами. Впрочем, пространство это быстро расчищалось в случае необходимости: а именно – парада войск эмира, публичной казни преступника и т.д.

Свидетельства такой жизни Хивы, Бухары, Самарканда или Коканда еще в конце XIX века мы в изобилии находим в работах легендарного венгерского путешественника Арминия (Германа) Вамбери, русских исследователей – дипломата Яна Виткевича или востоковеда Николая Ханыкова. Так, первый из них, описывая базарные площади в городах Османской империи, Персии, Бухары и Хивы, прямо подчеркивал их огромную общественную и коммуникативную роль: «Вообще же базарная жизнь, со всеми соединенными с нею особенностями, представляет естественное, неизбежное следствие бесцветной, скрытой и обособленной домашней жизни магометанского общества. Проходя по тихим, пустынным улицам какого-нибудь восточного города, невольно приводящими на память сказания о мертвых городах, начинаешь понимать потребность в какой-нибудь реакции или противоположной крайности, и эту крайность, эту противоположность, действительно представляет базар. Слово это, в обширном значении своем, означает не только рынок, но и общественную жизнь вообще. Базар служит форумом не только частным лицам, но и правительству. Преступник, которому собираются отрезать руку или ухо, или которого хотят заклеить другим подобным образом, прогуливается перед экзекуцией по базару; и в Персии существует даже обычай, что наказанный сам разносит отрезанный у него член в чаше, собирая подаяния сострадательных людей. Женщина, потерпевшая какое-либо оскорбление – вообще всякий пострадавший от насилия, становится на самом оживленном месте базара и передает свою жалобу проходящим, чтобы возбудить их сочувствие».¹

По сути дела, европейская технотронная цивилизация, начавшая свой победный марш по планете после Великой Французской Революции, убрала из смысла градостроительства только первый фактор – безопасность горожан от нападения извне: артиллерия и авиация сделали бессмысленным крепостные стены. Они были скрыты в угоду именно второму фактору градостроительства – удобству проживания: город должен «расти» вширь!²

С «ЧИСТОГО ЛИСТА»

Если говорить о древнем и средневековом Душанбе, располагавшемся на крутом левобережье реки Душанбинки, то он по своей планировке ничем не отличался от городов-современников. Он возник на пересечении двух караванных путей: «север-юг», идущего из Зеравшанской и Ферганской долин через пер. Анзоб в долину р. Кафирниган и далее – в Вахшскую долину и Афганистан; «запад-восток», от Гиссара через Каратегин (Рашт) в Алайскую долину Киргизии.

Новый город, столица нового Таджикистана, заложенный на том же месте в 1924 году, строился и развивался до последнего времени, по общим градостроительным принципам европейских городов. В 1924 году группа молодых архитекторов из Ленинграда во главе с Петром Ваулиным выполнила топографическую съемку и составила план будущей столицы Таджикистана, прочертив его первые улицы и проспекты. Чуть позже, в 1934-1935 годах, коллективом ленинградского института «Гипрогор» в составе архитекторов Н.Баранова, М.Баранова, В.Гайковича и инженеров Г.Ситко и Г.Шелейховского, был разработан первый генеральный план строительства таджикской столицы, утвержденный 3 марта 1938 года Совнаркомом Таджикской ССР.

¹ Вамбери Герман. Очерки жизни и нравов Востока. СПб, 1877г., С.252.

² Кстати, как показала и Первая и, особенно, Вторая мировая война, с крепостными стенами города расстались рано: спешно возводимые противотанковые рвы, бетонные надолбы и доты с бронеколпаками – их исторические преемники.

Накануне Великой Отечественной войны в городе не только велось масштабное строительство, но проводилась качественная реконструкция площадей и улиц. Так, в 1940 году в Душанбе на эти цели было выделено 1594,5 тыс. рублей, значительная часть которых пошла на «полную реконструкцию привокзальной площади, которая полностью покрывается асфальтом и соединяется с ул. Лахути».³

Именно первому генплану обязаны душанбинцы, сохранившие в своей памяти образ города 1970-1980-х годов. К этому времени, конечно, большинство горожан уже забыло, что первоначально «сердцем» столицы была «Красная площадь» и Парк им. М.Фрунзе, расположенные к северу от Зеленого базара. Здесь, вплоть до конца 1940-х годов проходили военные парады, демонстрации трудящихся во время праздников.

Центр города постепенно смещался к западу, к «площади Связи», получившей свое название благодаря построенному в 1933 году Главпочтамту.

Вскоре эта площадь приобрела еще одно знаковое для Душанбе здание – Совет Министров Таджикской ССР (архитектор С.Л.Анисимов) и, соответственное ему название – «Советская». Вместе с установленным в 1961 году памятником В.И.Ленину, постройкой здесь новых корпусов 1-й городской больницы,⁴ и возведенным в 1970-е годы кинотеатром «Джами», теперь уже «площадь Ленина», на добрую четверть века стала подлинным центром города, объединив в себе руководящую, связующую, сакральную, лечебную и культурную функции.

Тремя другими объектами, на которых держалась планировка центра города (не «спального» и промышленного правобережья!), были железнодорожный вокзал, МВД республики (нынешнее городское управление МВД) и построенное в 1957 году здание ЦК Компартии Таджикистана (ныне – здание исполнительного аппарата президента Республики Таджикистан). Первое из них дало начало самому протяженному проспекту (ныне – «проспекту Рудаки»), ставшему градостроительной «осью» столицы; а два других – доминирующими сооружениями для двух главных проспектов на запад – в чашу Гиссарской долины, подчеркивая главное направление роста города.

Характерно, что до середины 1970-х годов в городе не велось строительства высотных зданий: Таджикский институт сейсмостойкого строительства и сейсмологии (ТИСиС), проведя тщательное сейсмологическое микрорайонирование столицы (как и всех городских поселений в Таджикистане), однозначно высказывался против строительства объектов выше пяти этажей. Первые «модные» высотки в районе улицы Ленина и на проспекте Правды, долго «пробивали себе дорогу» сквозь «частокол» авторитетных комиссий, осторожного партийного начальства и панических журналистских статей. Доводы сейсмологов, как всегда в этой науке были пугающе неопределенны: последнее катастрофическое Каратагское, землетрясение (М-7,3балла) в непосредственной близости от Душанбе произошло в 1907

³ «Коммунист Таджикистана», 1940г., 12 февраля.

⁴ Новые корпуса 1-й городской больницы появились в дополнение к шести зданиям лечебных корпусов и аптеке, построенным в 1911-1915 годах на пожертвования, собранные в России. С момента постройки и долгие годы после нее эта больница в Душанбе была известна, как «хонаи рус» - то есть «русский дом». Здания, имевшие несомненную историко-культурную ценность, снесены в 2003 году при строительстве Президентского дворца.

году; и, по статистике, подобное же должно повториться через 100-110 лет. Как говорится, думайте сами, решайте (относительно этажности) сами...

Немаловажно, что при планировании строительства в Душанбе архитекторы обращали внимание и на экологию города: высокая этажность была допустима только «по краям» городской черты, что давало тем самым возможность центру городу проветриваться в самые жаркие месяцы благодаря воздушным массам, «стекающим» с гор.

Реанимация агоры

Период развала единой страны, частью которой была Таджикская ССР, знаменовался для Душанбе кратковременным возвращением некоторым площадям города изначального смысла «вместилища демократии» - агоры. У древних греков этим термином называлось народное собрание, а также площадь, где оно проходило. По сторонам площади находились храмы, государственные учреждения, а также торговые лавки.

Впервые площади Душанбе исполнили функцию агоры 12 февраля 1990 года, когда начался стихийный митинг перед зданием ЦК Компартии Таджикистана (ныне исполнительный аппарат президента Республики Таджикистан). Несколько тысяч горожан и жителей окрестных кишлаков выступили с протестом против якобы произошедшего заселения в городские новостройки армян, прибывших в Таджикистан после только что произошедшего землетрясения в Спитаке и Ленинакане. Митинг был бурным и неорганизованным – площадь была агорой всего полдня.

В феврале 1992 года ситуация повторилась: теперь уже перед президентским дворцом, начался бессрочный митинг антиправительственной оппозиции, организованный Партией исламского возрождения Таджикистана, демократической партией и движением «Растохез», продлившийся до начала мая того же года. В митинге, проходившем круглосуточно, ежедневно участвовало от двухсот до трех тысяч человек, сменяющих друг друга в многодневном бдении; выступили тысячи ораторов, были приняты сотни обращений к правительству и других документов. По краям площади были разбиты палатки, работали полевые кухни и пресс-центр.

В середине апреля начался другой митинг – на расположенной в двух троллейбусных остановках от первого «площади Ленина». Здесь несколько тысяч сторонников правительства собрались на «ответный» протест, продлившейся до первых чисел мая 1992 года, когда вспыхнули вооруженные столкновения, обозначившие начало пятилетней гражданской войны.

Ни до, ни после того площади Душанбе не наделялись функцией агоры. Учитывая, что история Древней Греции со времен европейского Возрождения в значительной мере мифологизирована, мы не можем быть до конца уверены в приписываемой афинской площади функции. Однако, говоря о современности, можно утверждать, что спонтанное превращение площади в агору, то есть – место

The square in front of the CC CP of Tajikistan, 1960s
Площадь перед ЦК КП Таджикистана, 1960-е.

принятия судьбоносных для жителей города (а для столицы, и всего государства) политических решений – приводит к немалым жертвам среди населения. Так, 12 февраля 1990 года на площади, вскоре получившей имя «Шахидон», погибло четверо демонстрантов, а вал идущих с нее митингующих стоил жизни и здоровья десяткам и сотням оказавшимся на его пути горожанам. Митинги на той же площади «Шахидон» и площади «Ленина» в марте-мае 1992 года стали прологом гражданской войны унесшей жизни не менее ста тысяч таджикистанцев. Можно продолжить примеры в этой области площадями «Хизб-утТахрир» в Каире и «Майданом независимости» в Киеве...

Так что, если «не говорить за древних греков», наделение современных площадей функцией агоры явно деструктивно, чего следует избегать. В Душанбе они могут оставаться местами массовых мероприятий и обзорными площадками окружающих их грандиозных сооружений, подчеркивающих величие государства.

Трудно сказать – существует ли осознание функции площади как агоры у власть придержащих, но общей тенденцией в 1990-е годы стала застройка самых «беспокойных» из них фонтанами и разгораживание площадей оградами. Так, фактически бывшая «Шахидон», перед зданием нынешней администрации президента республики, благодаря этим строительным нововведениям, превратилась просто в часть пр. Рудаки с проезжей частью и тротуаром.

Майна – вира, строим новую квартиру?

Длительная и опустошительная гражданская война 1992-1997 годов в Таджикистане на долгие годы «вывела за скобки» проблемы масштабного строительства в столице. В городе, где проблемой стала подача свет в течение суток; где, несмотря на все попытки «разгона» их милицией, долгие годы существовало порядка двух десятков «блошиных» рынков, на которых по дешевке распродавали свои вещи полуголодные горожане, и на которые в сумерки лучше не выходить – было не до планового, масштабного строительства.

Однако, после того, как политическая ситуация в стране относительно нормализовалась, удобства проживания в столице не прибавилось: в город хлынуло огромное количество быстро растущего (и нищающего) сельского населения. Душанбе, рассчитанный по последнему генеральному плану на 760 тыс. жителей, сейчас, по самым скромным оценкам вмещает более 1,5 млн. человек! Бывшие декхане начали покупать быстро освобождавшиеся в 1990-е годы квартиры уезжавшего европейского населения, делая их «резиновыми», то есть заселяя таким количеством родных и близких из своего авлода ⁵, что площадь проживания вскоре превращалась в некое подобие плацкартного вагона.

Все это происходило при прежнем, рассчитанном на иное количество жителей, уровне развития городской инфраструктуры; или даже, точнее сказать, в условиях ее медленной, но верной деградации: водоснабжение в центре города последние пятнадцать лет стало

⁵ Авлод (тадж.) – род, включающий в себя близких и дальних родственников, насчитывающий до 200 человек.

“Putovsky” Market. Demolished in 2009.
«Путовский» рынок. Снесён в 2000-х годах.

повременным (10-12 часов в сутки); исчез газ; паровое отопление; электрические сети «дышат на ладан», не выдерживая многократного увеличения нагрузок расплывшихся забегаловок, электротандыров и тысяч кондиционеров и масляных батарей в стынувших квартирах зимой.

На фоне всего этого правительством затеяна масштабная реконструкция (а, точнее, украшательство) «протокольной трассы» от аэропорта до выезда из города в Варзобское ущелье. Беспощадно сносится не только ветхое жилье (а его к 1991 году практически не осталось на улицах Айни и проспекте Рудаки), но и вполне крепкие, благоустроенные жилые и административные здания постройки конца 1950-х - середины 1960-х годов. На их месте вырастают восемнадцатидвадцати этажные «грибы» ускоренных методов постройки. Публичные пространства «стискиваются» беспорядочным коммерческим строительством, город становится лишь площадкой получения (а не заработка!) денег.

При этом, качество строящегося жилья (равно, как и его цена!) вызывает большое сомнение, как у жителей, так и у специалистов. В результате большинство построенных душанбинских «небоскребов» остаются полупустыми.

Особо следует сказать о душанбинских базарах. По мнению экспертного сообщества, кроме денежных поступлений от трудовых мигрантов, доход населению Таджикистана обеспечивает и рыночная торговля. По их оценкам, благодаря деятельности рынков прямо или косвенно зарабатывают деньги около пятнадцати процентов жителей восьмимиллионной страны – это поставщики, торговцы и обслуживающий персонал. «Львиная доля» всех их сосредоточена на базарах столицы: «Корвон», «Султоникабир», «Дехон», «Шахмансур» («Зеленый базар»), «Китай-базар» и еще двух дюжины рынков поменьше, разбросанных по городу.

Первоначально базары в восточном городе возникают стихийно, формируясь из мелкой разносной торговли, которая постепенно «оседает» в местах постоянной встречи с покупателем. То есть, базар формируется из потребностей населения.

Очень интересно наблюдать трагикомичную борьбу с «блошиным рынком» под пешеходным мостом у железнодорожного вокзала. Здесь, на довольно широкой площади, вдоль ограды железнодорожных путей, еще в трудные и голодные времена гражданской войны 1992-1997 годов, появился стихийный вещевой рынок, торговавший всяким старьем, от белья до разобранного на дрова паркета. Рынок играл и важную коммуникативную роль, прежде всего, для быстро сокращающегося европейского населения: место встречи тех, кто остался; последних новостей об общих знакомых, что уехали; о тех, кому нужна помощь; где в городе можно достать хлеба или крупы и т.д. Позже, когда жизнь стала не столь тяжела, коммуникативная роль этого «блошиного рынка» для старшего поколения душанбинцев вышла на первое место. Периодические попытки городских властей ликвидировать «это безобразие», не отвечающее (по их мнению) образу современного города, приводили к набегам упитанных милиционеров, разгоняющих торговцев с сумками полными подержанного сантехнического оборудования, застиранного и тщательно выглаженного белья, разнокалиберных тарелок и вилки из бабушкиных сервизов. Большинство пострадавших торговцев, посудачив между собой об очередных репрессиях властей, однако не уходили, а вскоре рассаживались у окрестных стен и

оград и как бы невзначай приоткрывали свою поклажу, демонстрируя содержимое сумок заинтересованным проходящим. Через несколько дней такой «конспиративной» торговли, «блошиный рынок» начинал работать в прежнем режиме...

С постройкой на северо-восточной окраине города рынка «Пойтахт-90», призванного заменить собой снесенный в 2005 году «Баракат», в свою очередь возведенный на месте хорошо известного душанбинцам «Путовского»⁶ базара, явно нарушилась структура снабжения горожан дарами природы. «Путовский» рынок возник фактически на месте того самого «понеделничного» базара, который и дал имя столице. Первые двадцать лет существования Душанбе этот базар был «чревом» пока еще номинально городского поселения. В 1940-1950-х годах, когда начало застраиваться пространство между железнодорожным вокзалом на месте кишлака Шахмансур и собственно Душанбе, эта функция стала все более переходить к «Зеленому базару», который оказался среди жилых кварталов. Однако «Путовский», оказавшийся в окружении административных кварталов, в 2000-х годах не выдержал конкуренции с ними и был снесен.

Для торговцев по всему городу настали тяжелые времена: городская администрация пытается выдавить их в новое здание «Пойтахт-90», куда немногочисленные покупатели, в основном, не ходят, а приезжают на собственных авто. Однако в столице, где большинство населения все еще передвигается общественным транспортом и пешком, добираться до него крайне неудобно, в результате чего главным продовольственным базаром по-прежнему остается «Шахмансур», органично сформировавшийся как «чрево Душанбе» еще в 1950-е годы. Его судьба до сих пор загадочна и туманна: лакомое место для застройщиков в центре города приносит огромный ежедневный доход, что тормозит его снос. В настоящее время городские власти идут только на полумеры, «выдавливая» с базара торговцев ширпотребом и готовясь к модернизации (расширению) улиц вокруг него.

Многое изменилось с тех пор в городе. Особенно в подходе к организации жизнеобеспечения населения. Характерно, что открытые пространства в столице республики уже не воспринимаются, как место массовых мероприятий и отдыха; а скорее, служат обзорными площадками циклопических сооружений (президентский дворец, Национальная библиотека, флагшток национального флага РТ и т.д.). Человек на этих пространствах теряется. Он на них - не «участник» каких-либо действий, а лишь восторженный объект воздействия грандиозных сооружений. Именно в такую площадку трансформируется в настоящее время «площадь Исмоила Сомони» (бывшая «Связи», «Советская», «Ленина»). «Под раздачу» попало огромное пространство, которое в 1924-1980 гг. и составляло центр города, его историческую часть советского времени. Были снесены не только рынок «Баракат», ставший в начале 1980-х модернизированным приемником «Путовского» базара (за современным торговым комплексом, впрочем, в народе так и сохранилось имя «Путовского базара», равно как и за этой частью города: «путовский спуск», поворот на «Путовский» и т.д.). Исчез комплекс 1-й городской больницы; 3-й военный городок, где с 1924 г. располагался основной воинский гарнизон частей Красной Армии, а затем и 201-й мотострелковой дивизии; а также Душанбинский Дом офицеров и обширный Городской парк, занимавший пространство от 3-го городка до пл. Ленина.

Прежнее, гуманистическое состояние пока сохраняется у «площади 800-летия Москвы», где перед театром оперы и балета им. С.Айни проводятся концерты, функционирует фонтан с цветомузыкой, сохраняется не до конца застроенный забегаловками сквер. Как и в советское время, эта площадь выполняет функцию места отдыха горожан.

Продолжает сохранять свою роль места вечернего летнего отдыха бульвар по «проспекту Рудаки». Характерно, что он с самого начала планировался именно как место пеших прогулок по городу и потому был надежно защищен от палящего среднеазиатского

⁶ Путовский Чеслав Антонович (1887-1925 гг.) — нач. ОГПУ Таджикской ССР в 1924-1925 гг. После кончины был похоронен на спуске к р. Душанбе-дарья у дороги Душанбе — Гиссар, а улица ведущая к ней получила имя «Путовского» (теперь пр. Исмоила Сомони).

The streets of Dushanbe in the 60s. Source:
Private archive of Gafur Shermatov.
Улицы Душанбе в 1960-е годы. Источник:
 фото материалы из личного архива Гафура
 Шерматова

солнца плотными посадками белой акации. В конце 1960 – начале 1970-х годов акации были вырублены в связи с их массовым поражением тлей и заменены быстрорастущими чинарами (среднеазиатский платан). Выбор в пользу этого дерева, несмотря на возражения специалистов Института ботаники АН Таджикской ССР и врачей-аллергологов, был сделан именно из-за скорости роста и тенистости их кроны, что было особенно важно для обеспечения удобства проживания горожан.

Озеленение города – отдельная тема. При осуществлении первого генплана практически уже «взрослые» саженцы акаций, каштанов, кленов, тополей, плакучей ивы, для улиц и парков везли в Душанбе поездом из лесопитомников Ташкента! Кроме того, из аборигенных пород использовались шелковица, карагач и пирамидальный тополь.⁷ Об уровне озелененности города в середине 1950-х годов свидетельствует один из лучших знатоков страны тех лет, писатель Павел Лукницкий: «Улицы города даже нельзя назвать аллеями, потому что сплетающаяся над асфальтом листва превращает многие из них в нарядные зеленолистные тоннели, почти не пропускающие солнечных знойных лучей».⁸

Сейчас, при реконструкции улиц и их массовой застройке высотными зданиями широколиственные виды деревьев безжалостно вырубаются; а клочки земли, оставленные для озеленения, засаживаются туйей и кипарисом, ни в малой степени не дающими пешеходам тени на раскаленных под сорокаградусным солнцем тротуарах. Говорить о затененности первых и вторых этажей с такими видами растительности, вообще не приходится!

Насмешкой над нынешней экологией города звучат слова П. Лукницкого, описывающего планировку столицы: «К северу, в лучшей, возвышенной, примыкающей к реке части левобережной террасы – район учебных заведений, где в тишине, в прохладе садов, в чистом воздухе тысячам студентов будет удобно жить и учиться.

Еще выше, ближе к подножиям гор, где воздух целителен, размещают больницы, а рядом с ними – медицинские учебные заведения и ботанический сад».⁹

Таким образом, прежние публичные пространства г. Душанбе теряют свое предназначение мест отдыха и проведения массовых мероприятий, уступая место либо помпезным сооружениям, либо бесплановой по характеру и эклектичной по сути коммерческой застройке. Столица становится все менее пригодным для проживания, теряя свой исторический облик современного города «нового Востока», каким он был в 1980-х годах. Деградирующая инфраструктура заставляет наиболее состоятельную часть горожан строить элитное жилье на окраинах города, превращая постепенно центр Душанбе в скопище полупустых офисов и также пустующих высотных многоквартирных домов.

⁷ П. Лукницкий. Таджикистан. М, 1957г., С.247.

⁸ Там же.

⁹ Там же, С.248-249.

Public spaces of Almaty city: present and future

Elena TYO, architect (KZ)

Madina JUNUSSOVA, urbanist,
researcher (KZ)

Images by Elena TYO

Introduction

As the former capital of Kazakhstan, Almaty has a special history. Today the past and the present of the city are closely intertwined and serve as the basis for the formation and development of contemporary public spaces. The transition from a planned economy to a market-based system of management played a key role in changing the functions and utilization of public spaces. There was a time when the areas and parks were huge, open, and deserted, and then they gradually changed their habitual contours, dimensions, and, most importantly, the purposes that they served. As a result of the rise in private property and the emergence of opportunities to invest in regional development, public space has become more attractive for new commercial projects. At the same time, the dominant type of modern public space in Almaty remains the historical urban space – the legacy of the Soviet Union. The poor quality and degree of comfort of such structures poses problems in terms of integrating the post-Soviet space into the modern realities of Kazakhstan. This is primarily caused by the fact that insufficient attention was paid to issues of accessibility and safety at the time they were built. This study is an attempt to identify the specific problems of the public spaces of Almaty, based on the example of five sites of value to the city: the Republic Square, the Astana Square, the public areas located close to the Academy of Sciences building, the building of the Abay Kazakh State Academic Opera and Ballet Theater (GATOB), and the mountain resort and complex of Kok-Tobe.

Sites for Study

In term of selecting the sites addressed in this study, the roles and location of these public spaces as well as their significance to Almaty residents were taken into account. Of special importance to the city are the public spaces of national significance, which gained more historical value after the capital was moved to the city of Astana, and Almaty was transformed into the country's cultural capital. In this respect, the main squares of the city are relevant as primary sites for study. Equally important to Almaty residents are the public spaces that were developed in the area surrounding large-scale educational, scientific, and cultural facilities of citywide importance. Therefore, the study includes the analysis of the grounds of the Academy of Sciences and the GATOB building (including the Nedelka Fountain). Every city is unique, and within its layout there are specific public spaces that reflect its regional specificity. One such site is the public area of Kok-Tobe. All of the five selected sites together form a unique network of public spaces in Almaty. (see fig. 1).

Fig. 1 Location of the key sites of study within Almaty
Source: Developed by Elena Tyo on the basis of Almaty city map (<https://www.google.com/maps/>)

Рис. 1 Размещение основных объектов исследования в структуре г. Алматы
Источник: Разработано Еленой Тё на основе карты г. Алматы (<https://www.google.com/maps/>)

The historical formation of the first public centers in Almaty city is connected with the establishment of the military fortress Verniy on the site of the modern city in 1854. However, the most active development of public centers in Almaty dates from the period when the city was the country's capital (1936–1997). One of the most prominent site from the period of Almaty as the capital was the Republic Square. By the late nineteen-seventies, there had been a significant increase in the city population, and the old square was not large enough to hold a large number of people during public events. A decision was made to create a New

Square (1980). In 1982 the square was renamed Brezhnev Square. However, the former, simpler name continued to be used by the population, and therefore on April 1, 1988 the name reverted to New Square. After independence in the early nineteen-nineties, the area became known as Republic Square, while retaining its designation as a venue for major national events.

A long time ago the New Square was surrounded by a number of buildings, including the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan (currently Almaty akimat) and the TV-studio complex of the Habar agency (television). The architectural design of the square was developed by a group of Soviet architects, builders and engineers: K. K. Nurmakov, N. Koishybayev, A. G. Statenin, Yu. B. Tumanyan, A. K. Kapanov, K. J. Montahayev, M. P. Pavlov, R. A. Seidalin. This group was awarded the State USSR award in 1982 for the development of the New Square project design. Seventy Tien Shan fir trees and several deciduous trees were delivered to the area and planted in 1981 to landscape the site. Today the Republic Square remains the city's largest public open space.

Initially, the square measured 580 m in length and 210 m in width, but the dimensions were decreased slightly after the construction of the Independence Monument and of the underground shopping and entertainment center, "Almaty Mall." The Independence Monument is in the central part of the current Republic Square and is dedicated to the history of modern independent Kazakhstan.

This architectural ensemble was built in 1996, it has at its center a semicircular stylobate, from which rises a stele of 28 meters in height. The stele is topped by a sculpture of the "golden man," a personage discovered at the archaeological site of the Issyk barrow near Almaty (Sovereign of the Saks, VIII-IV centuries BC). At the foot of the stele there is a sculptural group of allegorical figures, including the Sage of the Sky, Mother Earth, and two children on foals. Surrounding the stele at a distance of 18 meters is a horseshoe-shaped wall with ten sculpted reliefs depicting the historical events from the formation and development of Kazakhstan, from ancient times through the present day.

For a long time the Republic Square served as a public center visited solely for the purpose of participating in official celebrations of national and city importance. Today, however, there has been a clear change in its functions. One of the first new buildings with non-administrative purpose to be erected near the square was the Ankara Hotel (currently called the InterContinental Almaty). After the move of the capital, there was a rapid transformation of former administrative buildings (located in front of Akimat) into new business centers. Today, these office spaces are rented by various companies, i.e. banks, development and trading companies, and specialized sports and

The Republic Square from the Southern side
Площадь Республики с южной стороны

educational centers. The construction of the underground Almaty Mall had a significant impact on the square in terms of altering its appearance.

Today, the formerly sparse, official area has become alive and is filled with streams of pedestrians and motorists. The site has gained new social and economic functions. This transformation has not only brought positive effects, but it also brought a number of disadvantages that require timely solutions. For instance, there is a distinct lack of organized public parking places, both for the employees and the customers of the companies in the square. Customers are often forced to leave their cars in the yards of neighboring residential complexes, thus creating discomfort for the local residents and the visitors of this important public center.

A different situation is evident in the area of the so-called Old Square, or Astana Square, where the integrity of the original ensemble has been retained. Even the building of the former Government House has kept its mono-functionality. Now it houses the Kazakh-British Technical University. In the eighteen-seventies the area served as the military barracks for the artillery and the Cossack units of the Vernenskiy garrison. The Remaining public buildings include the building of the first Government House of the Kazakh SSR and the post office erected in the nineteen-thirties. The former barrack area of Astana Square was later renamed Old Square and was redesigned in 1957 as part of the architectural ensemble of the Government House.

The square was designed under the supervision of the architect B.R.Rubanenko from the Mosproyekt design studio. The architectural style and overall planning of the area differ significantly from the newer Republic Square. The adjacent area was designed to include park areas and flowerbeds. A monument to Lenin was erected in the park in 1957 (sculptor E.V. Vuchetich). After independence, this monument was moved, and a new monument to the Heroes of the Soviet Union by A.Moldagulova and M. Mametov was erected in its place. In the park there are benches inscribed in honor of famous Kazakhstan figures from the fields of art and culture. Initially, in addition to the Government House and parks, the ensemble of public space also included the following buildings: the House of Soviets, the Executive Committee of the Almaty City Council, GGPI “Kazgorstroyproekt”, the House of Ministries, the building of the State Bank, the Office of the Alma-Ata railways, Kazpotreboysuz, the Main Post Office, the House of the Writers’ Union, the Jambul Kazakh State Philharmonia, and the children’s store “Detskiy mir,” which was the only such store in the entire city at that time. Today, many of these buildings have changed their basic functions and have been privatized.

A special public building that retained its original function even after independence is the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Even after the abolition of the Academy of Sciences, the building maintained its research and educational functions, becoming a multifunctional complex known as “Gylym Ordasi.” Recently, a number of museums were established in this building complex and are accessible to the public: the Museum of Archaeology, the Museum of the History of Kazakhstan Science, the Natural History Museum, and the Museum of Rare Books. The building of the Academy of Sciences is of special historical value. On January 26, 1982, the building was included in the list of monuments of urban planning and architecture of the Kazakh SSR.

The building of the Academy of Sciences was designed in the period 1944–1948. The main building of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR was designed by architect A.V. Shchusev in the interval 1948–1953. The main facade of the Academy of Sciences faces Shevchenko Street and blocks the view to Valikhanov Street, thereby forming a ceremonial boulevard. A monument to the nineteenth-century Kazakh ethnographer Chokan Valikhanov (sculptor Sh.I.Nauryzbaev, architect Sh.I.Valihanov) was erected on this boulevard in 1969. One specific feature of the building’s architecture is its integration into the overall structure of the ensemble, which is complemented by generous open-air areas that have become highly popular public places for the daily pastimes of Almaty residents.

Another one of the favorite places frequented by Almaty residents is the Nedelka Fountain. This site used to be called “Almaty Broadway.” The complex was built in 1972 by architect Mels Safin

and was commissioned by the city authorities in order to create a pedestrian boulevard along Baiseitova Street. The architect's concept was to provide a traditional public space emphasizing the unique qualities of Almaty. A number of cascades were set up to simulate water streams flowing from the mountain peaks and surrounded by green trees. Seven arches were built, named after the days of the week, to enhance the landscaping of this cascade. Each arch bears the name of a day in both Russian and Kazakh. Local people gladly accepted this gift from the city administration, saying: "That's good. Now young people will sit on the benches, and if someone has to make an appointment, he chooses the day of the week and agrees to meet under this or that arch." This particular public space has served as a place of unity and romance for several generations of Almaty residents.

Another site from which one can admire the city is the unique mountain complex of Kok-Tobe, which is open to the public. Nowadays Kok Tobe is a striking city attraction, both for residents and tourists. There are a number of public pedestrian areas for walking and recreation, an observation deck overlooking the mountains and Almaty city, restaurants, souvenir shops, small entertainment parks, and even a small zoo within the complex. The famous 372-meter high Almaty Television and Radio Broadcasting Tower built in the period 1975–1983 is located on the slopes of the Kok-Tobe Mountain. It represents one of the distinctive symbols and landmarks of the city. This infrastructure is located at 1070 meters above sea level. One can go up to Kok-Tobe by car, using public or private transport (special buses take people to the top and back down), by foot, or by funicular.

The cable railway line begins at the park next to the Republic Palace (corner of Dostyk Avenue and Abay Avenue). It began operation on November 4, 1967. Its route runs 1727 meters. During the high season (summer and autumn) this cableway carries about two thousand people a day. It is planned to replace the existing line that includes two retro-cabins with a new, gondola-type system. After the reconstruction, the passenger flow is expected to increase to 750-1000 per hour. New cabins will also provide transport for people with disabilities. Some residents are in favor of keeping the old original cable railway with two cabins, which they see as having a special charm and as being linked to the city's history.

Current Problems of Urban Public Space

The residents' perception of the city is ambiguous. Everyone has a personal understanding of the history, present, and future of the city. However, there is general agreement on the comfort of the city both on weekdays and weekends. In Almaty, there is a great deal of activity on weekdays. Automobile movement creates inconveniences such as traffic jams. Traffic is particularly hindered

during rush hours, when people are traveling back and forth to work. In such a large city like Almaty these issues are substantial and have a major impact on the transformation of the city structure as a whole. The large flow consists of people traveling to the center from the residential areas in the morning and going back home in the evening. In search of entertainment and recreation on weekends, residents also come into the city center, which houses the large majority of public urban centers. These public centers (as well as their history of development) have a direct impact on the overall perception of the residents’ living comfort. These places have become a special cultural arena of daily social interaction for citizens, both on weekdays and on weekends.

For the purposes of this study, two weeks, worth of fieldwork was conducted, including live-learning and the photo documentation of public spaces both on weekdays and weekends. Additionally, informal discussions were held with the visitors to these places. On the basis of collected materials an analysis matrix (see Table 1) was drawn up, focusing on identifying the main characteristics of public spaces, including their availability and safety.

The category of accessibility examined transport accessibility (for groups such as pedestrians and drivers of personal vehicles) and physical accessibility (availability of infrastructure for children, the elderly, and other sedentary groups). The safety component was analyzed by considering such factors as safety during the day (the presence of protective infrastructure such as fences and shady canopies against the sun, adequate landscaping, and site maintenance) and at night (sufficient artificial lighting, policing). At the same time, the current state of improvements of public spaces was also examined to determine the degree of major improvement.

Based on the results of the study, the following common problems have been identified:

1. The accessibility of public spaces showed a lack of:
 - improvements for children and sedentary groups of people;
 - parking areas and access points for visitors.
2. The safety of public spaces showed a lack of:
 - infrastructure for protecting children and sedentary groups of people;
 - protective infrastructure for safe activities during day and night.

The main problem of contemporary public spaces in Almaty city is that they are not children-friendly and not attractive. For instance, Kok-Tobe, one of the five examined sites, has many special areas for children of various ages, but all these sites require a fee and are thus not accessible for all the segments of the population. In many cases, protective fencing is insufficiently installed, and there is lack of information support for the public space – and no video surveillance. Moreover, the problem of arrangement of special canopies for resting or having fun in the daylight during summer remains unresolved. The garden system generally shows a need for procedures of sanitary cleaning and the rejuvenation of wooden structures.

Another major problem is the lack of delineation between vehicular and pedestrian traffic within public spaces. Although there are parking spaces near each of the above sites, they are insufficient in number, which often leads to

spontaneous parking along the streets and in the yards of apartment complexes. In the case of major city events in central public areas many citizens face the problem of spending a long time looking for parking.

Historical public urban spaces are an integral part of the city’s culture and are tourist attractions, as integral parts of the town. Today, the most urgent need is to preserve and improve the comfort level offered by these sites in order to attract various segments of population. Despite many attempts by the city administration (not involving the population) to change the nature of the post-Soviet space, both through inclusion of new trading facilities and changing established functions, they still carry the clear imprint of a harsh past. These spaces are not welcoming to ordinary pedestrians, they are dangerous for children and are far from being appropriate for use by the elderly and by sedentary groups of people.

Indeed, a more detailed study of the state of public spaces in Almaty city is required, one that would involve sufficient financial resources and professional research. However, even such a brief survey of the status of the sites as presented in this paper is a major beginning – a signal identifying the most acute problems requiring immediate attention for creating harmonious settings and the development of public spaces. All sites in this study belong to the legacy of the Soviet past and still bear its imprint.

In fact, these public spaces seem to have been created for abstract visitors, without any consideration for the needs and desires of key users, i.e. the residents, and explicitly without their direct involvement. It is therefore not surprising to see that they are neither accessible nor safe places for all the categories. However, given modern opportunities, if residents wish, it is possible for them to transform these public spaces into the new centers of comfortable and happy leisure for Almaty residents and guests. The will of the residents to change their living environment and have an impact on improving comfort has become the driving force in the transformation of public spaces in many developed countries. Almaty residents are similar, and they are making efforts to create and develop their own public spaces within a new format. These public spaces are not large-scale and are not distinguished by their grand scale; other principles, like convenience, ease and comfort are basic criteria determined by the population for the development of such sites.

Table. 1 Analysis matrix on the quality of public spaces in Almaty

	Republic Square	Academy of Sciences Square	Astana Square	“Nedelka” fountain	Kok-Tobe
Accessibility					
Accessible to pedestrians only	+	+	+	+	+
Accessible to people using public transport	+	+	+	+	+
Accessible to people using private transport	+	+	+	+	+
Taxi parking	+	-	-	+	+
Orientation points	+	+	+	+	-
Improvements					
Benches available	+	+	+	+	+
Small architectural forms available	+	+	+	+	+
For sedentary people	+	+	+	+	+ -
For children	-	-	-	-	+ -
Availability of litter-bins, etc.	+	+	+	+	+
Safety					
Lighting equipment for the night time	+	+	+	+	+
Children protective equipment (fences, banisters)	-	-	-	-	+ -
Canopies to protect against sun in hot time	-	+ -	-	+	+ -
Timely cleaning (snow removal)	+	+	+	+	+

Symbols: + - accessible; - - not accessible; + - partially accessible

On the Problem of Finding a New Format for Sustainable, Local Public Spaces in Almaty

One example of a new format for public spaces is the City Garden in the Mamyr district. In early 2014, the Office of Culture in Almaty announced a competition for the best city improvement project. Adequate funding was promised for the implementation of the ten best projects. The project concerning the development of a local park in the Mamyr district was one of the winners. The project budget amounted to 800 thousand tenge (about \$ 4,500 at that time). The main problem facing the project was the selection of a location, since the main purpose for organizing such a public space was that it be adopted by local residents. The site was selected on the basis of negotiations and agreement with local residents. Today the gardener of this park is one of the local residents, who does his work with great enthusiasm, although for a small fee.

The park was established on a small scale, and its space was organized by taking into account the basic needs of a person who wants to spend their time with other local people. Soon after it was established, the new public space gradually began to fill with life. Various public events were held in the park every Saturday and Sunday from July 2014 onwards, with the support of volunteers (the project initiators and their friends). The project initiators believe that the activities carried out in the park during the last season as well as those planned for the next season will have a positive influence on the emergence of a new culture of understanding and use of public spaces in Almaty.

The park was built between April and July 2014 by the same team (about 4 people) and two supervisors, the project initiators Asiya Tulesova and Aisha Dzhandosova. According to the plans for the project, trees were planted, flower gardens installed, paths were laid out, and a small stage was erected for children, as well as a low fence with a gate. In the future they plan to install benches and other small structures for further improving the site. Much hope has been placed on the initiative and support from the local population and their desire to not only spend their leisure time in the environment of this new public space but also to contribute to its development. One of the features of this park is its role in improving the social environment within the structure of the Mamyr residential neighborhood, which is located a good distance from the central part of the city with its parks and gardens. With the establishment of this small public area, the local residents have not only been given an opportunity to communicate with each other but also to participate in the joint construction of this small, private leisure area. This project is a shining example in terms of how the problem of improving the quality of public spaces in Almaty can be solved in the near future through the proper support from city authorities and the will of the residents.

Conclusion

According to the opinion of Almaty residents, the city is gradually losing its distinctive appearance. This is an inevitable result of rapid population growth and active construction. Almaty has limited growth opportunities, as it is situated at the foot of the mountains, in a territory characterized by complex geological and seismic conditions. Therefore, it cannot be developed towards the South and East. The city lacks land for new construction. Not surprisingly, the attention of private investors has been attracted by the undeveloped central areas of public parks and properties. Finding appropriate solutions for new buildings or reconstruction is especially important, particularly if problems are addressed on the basis of an open dialogue with the involvement of local communities and professionals. The public spaces of the city are closely linked to the existence of iconic buildings and monuments, which are worth preserving for the future generations.

Today the transformation of public spaces in Almaty and other cities of Kazakhstan is still in progress. It is impossible to determine the nature of such changes and their status without examining the typology of these sites and their importance for the local population. However, it is obvious that these special spaces play an important role in the emergence and development of the psychological and cultural component of the city. In this regard we cannot leave them open to unrestricted development and without involving the local population – the primary users of the space. It is important to inform the residents in a timely manner about upcoming changes in the structure of public spaces and ensure their involvement in the discussion. Attention should be paid to the initiatives of city residents, who, inspired by the examples of other cities, make individual attempts to improve the situation. Local authorities responsible for ensuring the comfort and safety of the citizens can head such joint public initiatives to develop long-term strategies for the conservation, reconstruction, and development of public spaces in the city of Almaty.

Bibliography

1. Alma-Ata. Encyclopedia, ed. M.K. Kozybayev (Alma-Ata: Chief edition, Kazakh Soviet Encyclopedia, 1983).
2. Kazakhstan Chronicles “P,” “Prostor” Magazine (1988). E-source: <http://lyakhov.kz/chronicle/years/chron88.shtml>
3. Kazakh SSR: Abridged Encyclopedia, ed. R.N. Nurgaliev (Alma-Ata: Chief edition, Kazakh Soviet Encyclopedia, 1991). E-source: <http://www.library.kz/>
4. Information agency Zakon.kz. E-source: <http://www.zakon.kz/4673326-novuju-kanatnuju-dorogu-v-almaty-v.html>
5. “Park in Mamy” Project. Archive materials were kindly provided by the project authors, A. Tulesova and A. Dzhandosova.

Общественные пространства Алматы: настоящее и будущее

Елена ТЁ, архитектор (Казахстан)

Мадина ДЖУНУСОВА, урбанист, научный
сотрудник (Казахстан)

Фото Елены ТЁ

Введение

Город Алматы как бывшая столица Казахстана имеет особую историю. Сегодня, прошлое и настоящее города тесно переплелись и стали основой формирования и развития современных общественных пространств. Переход от плановой экономической деятельности к рыночной форме хозяйствования сыграл особую роль в изменении как роли, так и режима использования общественных пространств. Когда-то громадные, открытые и пустынные площадки и парки, постепенно изменяют свои привычные контуры, размеры, а главное функции. В результате внедрения частной собственности и открытия возможностей для инвестирования в территориальное развитие, общественные пространства становятся наиболее привлекательными для создания новых коммерческих проектов. В то же время, доминирующим видом современных общественных пространств города Алматы все ещё остаются исторически сложившиеся городские пространства - монументы СССР.

К проблематике использования постсоветских пространств в современных реалиях Казахстана относится низкий уровень их комфортности. Это связано в первую очередь с тем, что недостаточное внимание при их создании уделялось вопросам доступности и безопасности для всех жителей города. Данное исследование представляет собой попытку выявить характерные проблемы общественных пространств города Алматы на примере пяти объектов общегородского значения: площадь Республики, площадь Астаны, общественные приобъектные площади около здания Академии наук, здания Казахского государственного академического театра оперы и балета имени Абая Кунанбаева (ГАТОБ), а также горный общественный комплекс - Кок тобе.

Объекты исследования

При выборе объектов исследования были учтены роль и место этих общественных пространств, а также их значимость для жителей города Алматы. Особую роль для города играют общественные пространства национального масштаба, которые усилили свой исторический смысл, после переноса столицы в город Астану и превращения города Алматы в культурную столицу страны. В связи с этим, объектами исследования, в первую очередь стали главные площади города. Немаловажное значение для горожан Алматы имеют и приобъектные общественные пространства сложившиеся в ареале крупных образовательных, научных и культурных объектов общегородского значения. Поэтому исследование включает анализ приобъектных территорий около здания Академии наук и здания ГАТОБ (фонтан «Неделька»). Каждый город уникален и в его структуре формируются особые общественные пространства, отражающие его региональную специфику.

К объектам такого рода относится общественная площадка – Кок тобе. Несмотря на отдельные пространственные особенности все пять выбранных объектов объединяет то, что в совокупности они формируют единый общегородской каркас общественных пространств города Алматы (см рис. 1).

История образования первых общественных центров в городе Алматы связана с основанием еще в 1854 г., на месте современного города, военного укрепления Верный. Однако наиболее активное формирование и развитие системы общественных центров Алматы относится к периоду, когда город являлся столицей (1936 по 1997 гг.). Одним из ярких объектов времени, когда Алматы играла роль столицы, является Площадь Республики. К концу 1970-х годов происходит значительное увеличение численности населения города и старая площадь уже не может вместить всех жителей города в дни проведения массовых мероприятий. В связи с этим принимается решение о создании «Новой площади» (1980 г.). В 1982 году площадь была переименована в площадь им. Брежнева, однако среди населения укрепилось ее прежнее простое название, поэтому 1 апреля 1988 она была снова переименована в Новую площадь. После обретения независимости, в начале 1990-х годов площадь получила название Площади Республики и сохранила свое назначение в роли места проведения главных общегосударственных событий.

Когда-то Новая Площадь была окружена комплексом зданий, среди которых здание ЦК Компартии Казахстана (ныне здесь размещается администрация города Алматы), аппаратно-студийный комплекс телевидения и другие. Архитектурное решение площади было предложено авторским коллективом советских архитекторов, строителей и конструкторов: Нурмаков К. К., Койшыбаев Н., Статенин А. Г., Туманян Ю. Б., Капанов А. К., Монтахаев К. Ж., Павлов М. П., Сейдалиев Р. А. Этот авторский коллектив был удостоен Государственной премии СССР за 1982 за разработку проекта Новой Площади. Для озеленения площади в 1981 году было перевезено и высажено 70 Тянь-Шаньских елей и других лиственных пород деревьев. Сегодня Площадь Республики все еще является самой крупной общественной площадью города.

Изначально длина площади составляла 580 м, ширина - 210 м, однако территория ее немного сократилась после сооружения Монумента Независимости и строительства подземного торгово-развлекательного центра (ТРЦ) «Алматы». В центральной части современной Площади Республики располагается Монумент Независимости, этот памятник посвящен истории современного независимого Казахстана. Данный архитектурный ансамбль был возведен в 1996 г. В центральной части размещается полукруглый стилобат, на котором находится вертикальная стела высотой 28 метров. На самой верхушке стелы возвышается скульптура «золотого» человека, образ которого воссоздан на основе изучения археологических памятников (государь саков VIII-IV вв. до н.э.), найденных в кургане Иссык вблизи Алматы. У подножия стелы находится скульптурная группа аллегорических фигур: «Мудреца-неба», «Матери-земли» и двух детей на жеребятках. С двух сторон от стелы на расстоянии 18 метров подковообразно по кругу размещены 10 рельефно-скульптурных стен. В них воссозданы исторические темы формирования и развития Казахстана с древнейших времен до наших дней.

Долгое время Площадь Республики играла роль общественного центра посещаемого исключительно в целях участия в торжественных общегосударственных и общегородских собраниях. Однако сегодня наблюдается явное изменение ее функций. Одним из первых новых зданий не административного формата, возведенных вблизи площади является гостиничный комплекс «Анкара» (современное название “Inter Continental Almaty”). Чуть позже, после переноса столицы произошла быстрая трансформация когда-то административных зданий (расположенных напротив Акимата) в новые бизнес центры. В настоящее время, эти офисные пространства арендуют множество различных компаний от банков, проектных и торговых фирм до специальных спортивных и образовательных центров. Значительное воздействие на изменение облика площади оказало строительство (2007-2012 гг.) подземного ТРЦ «Алматы».

Сегодня когда-то суровая официальная площадь ожила, наполнилась потоками пешеходов и автомобилистов и расширила свои социальные и экономические функции. Однако, трансформация функций привела не только к позитивным последствиям, но создала ряд неудобств, которые

требуют своего своевременного разрешения. Например, наблюдается явный недостаток организованных общественных паркингов как для самих работников, так и клиентов компаний арендаторов. Все это приводит к тому, что клиенты зачастую вынуждены оставлять свои машины во дворах соседствующих жилых комплексов, в свою очередь создавая дискомфорт для местных жителей и посетителей этого значимого общественного центра.

Отличная ситуация сложилась в ареале так называемой старой площади – Площади Астаны, где в большей части удалось сохранить целостность первоначального ансамбля. Здание бывшего Дома правительства сегодня находится в распоряжении частной организации – здесь размещается Казахстано-Британский технический университет. В 70-х гг. XIX в. площадь представляла собой военный городок артиллерийских и казачьих частей Верненского гарнизона. К первым общественным постройкам можно отнести здания первого Дома правительства Казахской ССР и почтамта построенные в 30-х гг. XX века. Площадь Астаны, когда-то Казарменная площадь, позже была переименованная в «Старую площадь» и воссоздана как часть архитектурного ансамбля Дома правительства в 1957 году.

Площадь была спроектирована под руководством архитектора Б.Р.Рубаненкова мастерской Моспроекта. Архитектурный стиль и общая планировка площади заметно отличается от более новой Площади Республики. На прилегающей к площади территории спроектированы парковые пространства (скверы), где были разбиты партерные цветочные площадки. В 1957 г. в парковой зоне площади был установлен памятник Ленину, (скульптор Е.Вучетич). После обретения независимости, данный памятник был перенесен, а в сквере был установлен памятник Героям Советского Союза - А.Молдагуловой и М.Маметовой. В сквере также установлены именные скамейки в честь известных казахстанских деятелей искусства и культуры. Изначально, помимо Дома правительства и парковой зоны в ансамбль общественного пространства также входили здания: Дома Советов, исполкома Алма-Атинского городского Совета народных депутатов, ГГПИ «Казгорстройпроект», Дома министерств, здание Государственного банка, Управления Алма-Атинских железных дорог, Казпотребсоюз, Главпочтамт, Дом Союза писателей, Казахская государственная филармония им. Джамбула, а также когда-то единственный на весь город магазин «Детский мир». Сегодня многие из этих зданий сменили свои основные функции став частью новой приватизированной собственности частного сектора.

Особым общественным зданием, сохранившим свою первоначальную функцию, даже после обретения независимости является здание Национальной академии наук РК. Даже после упразднения академии наук, здание сохранило свои исследовательские и

образовательные функции, став многофункциональным комплексом «Қылым Ордасы» (в переводе с казахского «Центр науки»). Недавно публичным достоянием стала возможность посещения ряда музеев входящих в этот комплекс: Музей археологии, Музей истории казахстанской науки, Музей природы и Музей редких книг. Здание Академии наук имеет особую историческую ценность, 26 января 1982 г. здание было включено в список памятников градостроительства и архитектуры Казахской ССР.

Здание Академии наук было спроектировано в 1944-1948 годах. Главный корпус Академии наук Казахской ССР был разработан архитектором А. В. Щусевым в 1948-1953 гг. Главный фасад здания Академии наук выходит на улицу Шевченко и замыкает перспективу улицы Валиханова, формируя таким образом парадный бульвар. На этом бульваре в 1969 г. был установлен памятник казахскому ученому-этнографу девятнадцатого века Чокану Валиханову (скульптор – Х.И.Наурызбаев, архитектор Ш.И.Валиханов). Особенностью архитектуры здания является ее включенность в структуру общего ансамбля украшенного огромными приобъектными территориями, ставшими излюбленными общественными местами для ежедневного времяпровождения алматинцев.

Одним из других излюбленных мест алматинцев является фонтан «Неделька». Это место когда-то даже именовалось «Алматинским бродвеем». Данный комплекс был построен в 1972 по проекту архитектора Мэlsa Сафина, по заказу городских властей с целью создания пешеходного бульвара вдоль улицы Байсеитовой. Авторский замысел заключался в организации традиционного общественного пространства, подчеркивающего особенности города Алматы. Ряд каскадов был создан для имитации водного потока, стекающего с горных вершин и окруженные зеленью деревьев. Для усиления озеленения над каскадом были сооружены семь арок – названные позже основными днями недели. На каждую арку по-русски и по-казахски нанесены названия дней, местные жители с удовольствием приняли этот дар от городской администрации со словами: «Вот хорошо, теперь молодые люди будут на скамейках сидеть, а если кому-то надо назначить свидание, он выберет определенный день недели и скажет, что будет под аркой». Это особое общественное пространство стало местом единения и романтики для нескольких поколений алматинцев.

Другим культовым местом города является уникальный горный общественный комплекс Кок-Тобе. Сегодня, Кок-Тобе является яркой достопримечательностью города как для жителей, так и туристов. На территории этого общественного комплекса размещаются ряд пешеходных зон для прогулок и отдыха, смотровые площадки с которых открывается панорама на горы и город Алматы, рестораны, сувенирные магазины, мини-парки аттракционов и даже небольшой

The “Nedelka” fountain located in the adjoining square of GATOB, from the Northern side
Фонтан «Неделька» расположено на приобъектной площади здания ГАТОБ, с северной стороны

Cableway. Almaty.
Канатная дорога, Алматы.

зоопарк. На склоне горы Кок-Тобе находится знаменитая 372-метровая Алматинская телевизионная и радиовещательная башня, построенная в период с 1975 по 1983 гг. и представляющая собой один из своеобразных символов и ориентиров города. Вся эта инфраструктура находится на высоте 1070 метров над уровнем моря. Подняться на Кок-Тобе можно по автомобильной дороге, на личном или общественном транспорте (здесь курсируют специальные автобусы), пешком, а также на фуникулере.

Канатная дорога берет свое начало от сквера у Дворца Республики (пр. Достык, угол пр. Абая). Она была введена в эксплуатацию 4 ноября 1967 года, её протяженность составляет 1727 м. В сезон (летнее и осеннее время) эта канатная дорога перевозит около двух тысяч человек в день. Планируется, что вместо существующей линии с двумя ретровагончиками будет построена новая дорога гондольного типа. После реконструкции пассажиропоток канатной дороги предполагается увеличить до 750-1000 пассажиров в час. Новые кабинки предусматривают перевозку людей с ограниченными возможностями. Между тем некоторые жители хотели бы сохранить старую оригинальную канатную дорогу с двумя кабинками, которая по их мнению придает особый шарм городу и является немусейной частью истории города.

Современные проблемы общегородских общественных пространств

Восприятие города населением неоднозначно, каждый понимает историю, настоящее и будущее города по-своему. Однако единым для всего населения города является восприятие уровня комфортности как в будние, так и в выходные дни. В городе Алматы, в будние дни наблюдается активное движение: автомобильные передвижения создают такие неудобства как транспортные заторы. В особенности движение по дорогам затрудняется в так называемые «пиковые часы», когда население едет на работу и обратно. В таком крупном городе как Алматы, эти процессы проявляются в особой степени и воздействуют на трансформацию структуры города в целом. Большой людской поток утром перемещается из спальных районов города в центральные районы, а вечером идёт обратный процесс. В выходные дни, население в поисках развлечений и отдыха также устремляется в центральные районы города, где размещается основная доля общественных городских центров. Именно эти общественные центры (их история формирования и развития) напрямую влияют на общее восприятие комфорта проживания жителями. Эти места стали особыми культурными аренами ежедневного социального взаимодействия горожан как в будние, так и в выходные дни.

В рамках исследования были проведены двухнедельные полевые работы включившие в себя натурное изучение, фото документирование общественных пространств как в будние, так и в выходные дни. Дополнительно были проведены неформальные беседы с посетителями этих мест. Далее на основе собранных материалов был произведен матричный анализ (см. Таблица 1) с фокусом на выявление основных характеристик комфортности общественных пространств, таких как доступность и безопасность.

В рамках категории доступности были рассмотрены транспортная доступность (для таких групп горожан как прохожие и водители личных автотранспортных средств) и физическая доступность (наличие инфраструктуры для времяпровождения детей, пожилых людей и других малоподвижных групп) общественных пространств. Компонент безопасности был проанализирован с учетом таких факторов как защищенность в дневное время (наличие защитной инфраструктуры такой как ограждения и теневые навесы от солнца, достаточное озеленение, содержание объекта в надлежащем виде) и ночное время (наличие достаточного искусственного освещения, охрана правопорядка). При этом также было охарактеризовано современное состояние благоустройства территории общественных пространств для выявления отсутствия или наличия основных сопутствующих элементов благоустройства.

В результате исследования был выявлен ряд таких общих проблем, как:

1. Проблема доступности общественных пространств, выраженная в отсутствии:
 - Надлежащего благоустройства для их посещения детьми и другими малоподвижными группами;
 - Надлежащей организации парковок и подъездов для посадки посетителей.
2. Проблема безопасности общественных пространств, выраженная в отсутствии:
 - надлежащей инфраструктуры для защиты детей и других малоподвижных групп;
 - защитной инфраструктуры для безопасного времяпровождения в дневное и ночное время.

Основной проблемой современных общественных пространств города Алматы является их не дружелюбность и не привлекательность для детей. Только на Кок-Тобе из пяти рассмотренных мест есть множество специальных зон для детей разных возрастов, но все аттракционы платные и следовательно недоступны для всех слоев населения. Во многих случаях в недостаточной

	Площадь Республики	Площадь перед Академией Наук	Площадь Астана	Фонтан «Неделяк»	Кок-Тобе
Доступность					
Доступен только для пешеходов	+	+	+	+	+
Доступен для людей, пользующихся общественным транспортом	+	+	+	+	+
Доступен для людей, пользующихся личным автотранспортом	+	+	+	+	+
Стоянка такси	+	-	-	+	+
Ориентиры на местности	+	+	+	+	-
Благоустройство					
Имеются скамейки	+	+	+	+	+
Имеются малые архитектурные формы	+	+	+	+	+
Для малоподвижных групп	+	+	+	+	+
Для детей	-	-	-	-	+
Присутствуют урны и т.д.	+	+	+	+	+
Безопасность					
Оборудование для освещения в темное время суток	+	+	+	+	+
Оборудование для защиты детей (перила, ограждения)	-	-	-	-	+
Теневые навесы для защиты в жаркое время	-	+	-	+	+
Производится современная уборка (очистка снега)	+	+	+	+	+

Условные обозначения: + - доступен; - - недоступен; + - - частично доступны

мере организованы защитные ограждения и наблюдается дефицит информационного обеспечения общественного пространства, не ведется видеонаблюдение. Также не решена проблема организации специальных теневых навесов для времяпровождения в дневное летнее время. Система озеленения в целом требует проведения процедур санитарной очистки и омоложения древесного состава.

Другой крупной проблемой является отсутствие грамотного разграничения автомобильного и пешеходного движения в пределах общественных пространств. Вблизи каждого из рассмотренных объектов существуют места для парковки. Однако паркинги не отличаются большой вместительностью, в связи с этим в большинстве случаев парковка производится стихийно вдоль улиц и во дворах жилых комплексов. В случае проведения на территории этих общественных центров крупных общегородских мероприятий, многие горожане сталкиваются с проблемой поиска парковки на что, в свою очередь, затрачивается большое количество времени.

Исторически сложившиеся общественные городские пространства являются важной составляющей культуры города и стали объектами туризма, посещение которых является неотъемлемой частью знакомства с городом. Сегодня наиболее остро стоит вопрос их сохранения и улучшения уровня комфортности для привлечения различных групп населения. Несмотря на множество попыток администрации города (без вовлечения населения) изменить характер этих постсоветских пространств, как путем включения новых торговых объектов, так и изменением функций, они все еще несут четкий отпечаток сурового прошлого. Они не дружелюбны к простому пешеходу, опасны для времяпровождения детей и все еще далеки от использования пожилыми людьми и малоподвижными группами.

Безусловно требуется более детальное изучение состояния общественных пространств города Алматы с вовлечением достаточных финансовых и профессиональных исследовательских ресурсов. Однако и такой кратковременный обзор состояния этих объектов, представленный в данной работе, является важным начинанием – сигналом необходимости выявления особо острых проблем, требующих незамедлительного разрешения для гармоничного формирования и развития общественных пространств.

Все объекты исследования являются достоянием советского прошлого и несут за собой его отпечаток. По сути эти общественные пространства создавались для абстрактных посетителей, без учета желаний основных пользователей в лице горожан, а тем более без их непосредственного вовлечения. В связи с этим сегодня не удивительно наблюдать тот факт, что они не являются доступным и безопасным местом для всех категорий жителей. Однако при условиях современных возможностей, при желании горожан, вполне возможно преобразить эти общественные пространства в новые центры комфортного и счастливого времяпровождения для алматинцев и гостей города Алматы.

«Желание горожан» изменить свою среду проживания и повлиять на повышение ее комфортности становится движущей силой трансформации общественных пространств во многих развитых странах мира. Жители Алматы, тоже не отстают и прилагают усилия для создания и развития собственных общественных пространств нового формата. Эти общественные пространства не обладают крупными масштабами и не выделяются помпезностью: в основу их создания населением закладываются несколько иные принципы, такие как удобство, простота и комфорт.

От решения старых проблем к поиску нового формата устойчивых локальных общественных пространств города Алматы

Одним из примеров общественных пространств нового формата является «Городской сад в микрорайоне Мамыр». В начале 2014 года Управлением Культуры администрации г. Алматы был объявлен конкурс на лучшие проекты по благоустройству районов города, для реализации 10 проектов победителей было обещано выделение надлежащего финансирования. Проект организации

локального парка в микрорайоне Мамыр стал одним из победителей, бюджет проекта составил 800 тыс.тг. (около 4500\$ на тот момент времени). Основной проблемой для реализации проекта стал выбор места для его строительства, так как основной целью организации общественного пространства было его принятие, развитие и пользование местными жителями района с самого зарождения. Место было выбрано на основе согласования и получения согласия местных жителей и сегодня садовником парка за небольшое вознаграждение с большим удовольствием работает один из местных жителей.

Парк создан небольшого размера и его пространство организовано с учётом базовых потребностей человека, желающего провести свое время в кругу местного сообщества. С самого момента создания, новое общественное пространство стало постепенно наполняться местной общественной жизнью. Каждые субботу и воскресенье с июля 2014, при поддержке волонтеров (авторов проекта и их друзьями) в парке проводились различные общественные мероприятия. Авторы проекта предполагают, что мероприятия, проведённые в парке в прошлом сезоне, а также запланированные на будущий сезон окажут позитивное влияние на формирования нового понимания и культуру пользования общественными пространствами в этом районе города Алматы.

Парк возводился с апреля по июль 2014 г. силами одной бригады (около 4 человек) и двух супервайзеров-инициаторов проекта – Асии Тулесовой и Айши Джандосовой. Согласно проекта были высажены деревья, цветники, уложены дорожки и сооружена мини-сцена для детей, а также невысокий заборчик с калиткой. В перспективе предполагается размещение скамеек и других малых форм для дальнейшего благоустройства территории. Однако здесь большие надежды возлагаются на инициативу и поддержку местного населения их желание не только проводить свой досуг в среде этого нового общественного пространства, но и внести свой вклад в его развитие. Одной из особенностей этого парка является его роль в улучшении общественной среды в структуре спального жилого района Мамыр, находящегося вдали от центрального общегородского ядра с его парками и скверами. Вместе с созданием этого небольшого общественного островка, местные жители получили не только возможность общения, но и участия в совместном формировании пусть небольшой, но собственной зоны досуга. Этот проект является ярким примером того, что при должной поддержке властей города и желании горожан, проблема повышения качества общественных пространств города Алматы может быть решена в ближайшем будущем.

Заключение

По мнению жителей Алматы, город постепенно теряет свой особый облик. Во многом это неизбежно происходит в связи со стремительным ростом населения и активным строительством. Алматы имеет ограниченные возможности роста, так как расположен у

подножия гор, на территории со сложными геологическими и сейсмическими условиями и не может развиваться в южном и восточном направлении. Город испытывает нехватку обустроенных в инженерном и транспортном отношении территорий для нового строительства. Не удивительно то, что внимание частных инвесторов привлекают незастроенные центральные территории общественных парков и приобъектные площади. Принятие наиболее подходящего решения о новой застройке или реконструкции на основе открытого диалога с вовлечением местного населения и профессионального сообщества особенно важно, если затрагиваются общественные пространства общего пользования. Общественные пространства города, в свою очередь, тесно связаны с существованием знаковых сооружений и памятников архитектуры, которые также достойны своего сохранения для будущих поколений.

Сегодня всё ещё продолжается трансформация общественных пространств города Алматы и других городов Казахстана. Нельзя однозначно определить характер их изменения и статуса, без внимания к их типологии и значимости для местного населения. Однако, очевидно то, что эти особые пространства играют важную роль в формировании и развитии психологической и культурной составляющих города. В связи с этим, нельзя оставлять их открытыми для неограниченного частного освоения, без вовлечения местного населения – основных пользователей пространства. Важно своевременное информирование жителей города о предстоящих изменениях в структуре пространств общего пользования и их вовлечение в обсуждение. Внимание стоит уделить инициативам жителей города, которые, вдохновившись примерами других городов, предпринимают самостоятельные попытки улучшить ситуацию. Местные органы управления, ответственные за обеспечение комфорта и безопасности, могут стать во главе совместной общественной и частной инициативы по разработке долгосрочной стратегии по их сохранению, реконструкции и развитию общественных пространств города Алматы.

Литература:

1. Алма-Ата. Энциклопедия / Гл. ред. М. К. Козыбаев. – Алма-Ата: Гл. ред. Казахской Советской энциклопедии, 1983г.
2. Казахстанская хроника «П», Журнал “Простор”, 1988 г. Электронный ресурс: <http://lyakhov.kz/chronicle/years/chron88.shtml>
3. Казахская ССР: краткая энциклопедия / Гл. ред. Р. Н. Нурғалиев. – Алма-Ата: Гл. ред. Казахской советской энциклопедии, 1991г. Электронный ресурс: <http://www.library.kz/>
4. Информационное агентство Zakon.kz. Электронный ресурс: <http://www.zakon.kz/4673326-novuju-kanatnuju-dorogu-v-almaty-v.html>
5. Проект «Парк в Мамыре». Архивные материалы предоставленные авторами проекта – А.Тулесовой и А.Джандосовой.

Pishpek-Frunze-Bishkek. Public spaces

Natalia ANDRIANOVA, architect, (KG)

*"Space is what unites and separates."
From a discussion at VKHUTEMAS, 1923.*

This text attempts to investigate the following: first, how public and state interests influenced the emergence of a number of urban spaces in Pishpek, formerly known as Frunze and Bishkek; second, how the functions and social relevance of these spaces developed over time and what brought about these changes; and third, how the first and second issues impacted changes in the symbolic resonance of these spaces⁽¹⁾.

Public as public

Pishpek (known as Frunze from 1926 to 1991 and now bearing the name Bishkek) was founded near the Fortress of Kokand established in 1868 by Russian troops. Within ten years it had become a town. The original layout was designed by military topographers, forming a rectangular grid of streets and blocks (North-South), which has largely been preserved. A modest town on the Central Asian outskirts of the Russian Empire ⁽²⁾, which included the typical components of such a settlement: barracks, a church, a market, a post office and residential houses. In terms of layout and way of life, the town was very similar to the cities of Verniy (Alma-Ata) and Tokmak, both geographically close to Pishpek and with a comparable history. Pishpek enjoyed a stroke of luck that made it stand out among the other paramilitary settlements in Turkestan. In 1879 Alexey Fetisov – a unique historical figure – settled here ⁽³⁾.

Pishpek. 1912. Tree-planting holiday.
Source: www.foto.kg
Пишпек. 1912. Праздник Древонасаждения.
Источник: www.foto.kg

Alexei Mikhailovich Fetisov (1842–1894) was a botanist, a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, an educator and a social activist. After coming to Pishpek he made a major contribution towards transforming the lives of citizens by planting fruit trees, groves and parks, often going against the will of the city authorities and running counter to the reigning narrow-minded conservatism. He founded the first school of horticulture in Kyrgyzstan (and possibly in the whole Turkestan). It is to him and his followers that the city owes its Oak Park, Elm Grove, Boulevard Street (“Dzerzhinka”) and, most importantly, the firm notion that a park is a place that should be dedicated to Pishpek residents. One could describe him as one of the city’s first activists. Fetisov has a lasting influence on the attitude of educated residents towards the city through the establishment of a gardening movement, the spirit of which continues to persist.

The oldest public space maintained by the city of Bishkek is the Oak Park (or Oak Garden). It was founded in the eighteen-nineties by students of the Pishpek Agricultural School, who were also followers of Fetisov. Prior to 1917, the Oak Garden and the adjoining Church Garden served as the main public squares of Pishpek, where urban festivals, religious celebrations and, later, revolutionary meetings took place. In 1919, fallen soldiers of the Red Army were buried here (the small obelisk marking their grave site was replaced in 1960 by larger obelisk of greater artistic merit). The new regime thereby set its mark on the site and lent it a prominent symbol in the shape of this monument (until 1919 a role assumed by the Church of St. Nicholas). It is no coincidence that the shape of the obelisk (created by sculptors G. Aitiev and K. Koshkin and the architect I. Lublinskiy) has been maintained until the present. This reflects an important conceptual affinity between the Civil War and the Soviet era of the nineteen-sixties, the era of the last obelisk “thaw”. A romantic interest in “commissars in dusty helmets,” the desire to return to the original socialist concepts, to democracy, to the social pathos of reconstruction, and to austere simplicity – all these are the ideals symbolized and enshrined by the monument and relevant to the thinking of the residents in the sixties and seventies.

The Church of St. Nicholas (the main church of Pishpek) played an important role in the lives of inhabitants during the pre-Soviet period. Almost destroyed in the nineteen-twenties, it was

saved by the artist Semyon Chuikov, who was known as a modest and creative figure, and became the first Kyrgyz Museum of Art (1935). Although its function and appearance were altered, the structure was nevertheless preserved. Later, following the construction of the Russian Drama Theater (1928) and its refurbishment in the years 1968–1972 (by architect A. Albanskiy), the park became an important part of the cultural life of the city known as Frunze at the time. It is worth adding that the adjoining Opera House (1955), the so-called “Chernyshevka,” or Youth Library (1962), the Museum of Arts (1974), and a slightly less central Kyrgyz Drama Theater together formed the core of the city’s cultural center within the Oak Park.

Today the public functions of this space have largely been lost. The Russian Drama Theater has undergone a steep decline and faces a significant lack of funds. The building itself is now surrounded by commercially oriented shops, offices, and cafes that have almost nothing in common with the theater and the park. A restaurant was built next to the Obelisk and now occupies a part of Oak Park. The park itself is still used for walks, offering its visitors modest pleasures, like balloons and ice cream.

Another site in Bishkek that is associated with Fetisov is Elm Grove (1881), laid out on the wetlands, which were unfit for residential occupation. Given the hot, Asian summer, huge trees and man-made lakes became a cool haven. Elm Grove was ac-

tively used for outings (picnics for families and groups of workers) in the thirties and sixties. Komsomolskoe Lake and Pioneer Lake were integrated into urban folklore and included in a variety of jokes, anecdotes, and “horror stories” (about the divers and the drowned in addition to a “Loch Ness” monster living in its depths). Today, numerous sporting events are held here, including races and running days. There are also a number of sports and entertainment offerings for children. Although the site has long passed its peak of popularity – and reports describe illegal tree cutting and the seizure of park territory – Elm Grove continues to serve the city as Fetisov originally intended.

One could say that Oak Park and the Elm Grove are the two most prominent examples (among a few sites) of what could be described as “the public as public” in our city. Established by residents and for residents, they have not lost their original purpose.

Public as a Sphere of the State

Although in non-free societies the authorities tend to identify themselves with the people and with the needs of the people in term of their goals and objectives, at the same time they have consistently demonstrated a paternalistic attitude towards the population. It therefore follows that in creating new spaces for the representation of power, such authorities have always used places of the city that already had an important or a “sacred” function. Frunze (today’s Bishkek) is not only a major city but also the capital of the federal republic, now an independent country. As a result, the architectural manifestation of the state is particularly evident. The main message exerted by such structures on the part of authorities is: “I am here. I am powerful.” The ideal place for broadcasting this message are squares and adjacent architectural sites as a means of symbolically concentrating this power. At these same locations the people demonstrated their loyalty to the government during May Day or October demonstrations. In turn, the government displayed their power at these sites through military parades.

Since its construction in 1984, the Ala-Too Square (formerly Lenin Square) has served as the main site of official representation, initially for the Soviet republic and now for the independent state. Although substantial in dimension, the old government square became too small to meet official needs (first and foremost representational). The Construction of the Ala-Too Square was the most important part of the so-called the “anniversary” construction project, the most significant urban planning program in the history of Frunze. In order to construct new axes, a number of decrepit public buildings and residential buildings were razed. In other words, the “State”

The Ala-Too square. Photo by Viktor Kleymenov, 2009.
Площадь Ала-Тоо. Фото Виктора Клейменова. 2009 г.

The Government square. Military parade. Photo by Alexander Fedorov, 1972.
Старая правительственная площадь. Военный парад. Фото Александра Фёдорова. 1972 г.

overrode the “public” dimension of the Ala-Too square. The “victims” of this conquest were the Municipal Stadium, a significant portion of Panfilov Park, the House of Officers, a unique open-air theater, and other structures. There are many different opinions on Ala-Too Square. I, for instance, think it is a worthy architectural object – beautiful and majestic. In terms of its abstract quality it could be considered more beautiful and imposing than the small Soviet republic that existed when it was built and more suitable to the rich country, in which it is located today (5). Of course, the area was not conceived on a human scale but was suited to the builder, i.e. the government and its ambitions. The design of the square and its facilities was developed by very good architects, including H. Ullas, G. Kutateladze, V. Lyzenko, U. Alymkulov, A. Zusik, A. Isaev, V. Gresle, and A. Lazarev. It is worthy of note that architects of an older generation made similar comments about the site, describing the area as unfinished, as designed and built in great hurry (resulting in a degree of inconsistency). Insufficient efforts and money were allocated for an important component of the layout, the north-south esplanade leading to the mountains (along the axis leading from the Lenin Museum to the Ministry of Agriculture). In addition, the then leader of Kyrgyzstan, T. Usubaliev, actively interfered in the design, asserting his personal taste; he bore the title of Head Architect of the whole anniversary building process. However, despite all these inconsistencies, especially in regards to the “hand-made” architecture of the nineties, the Ala-Too Square is certainly not among the city’s worst sites. In 2003, the city launched the cultural project “Face of Bishkek.” The survey among the residents conducted in conjunction with this project showed that the Ala-Too Square and its facilities were among the most renowned places and buildings in Bishkek. This can be explained by the lack of real architectural architecture in the city or by the fact that despite everything inhabitants had “adopted” this area as a part of the city’s identity.

In a sense, the Ala-Too Square has always largely belonged to the state more than to the city. All the official state celebrations and military parades are held here. It is also where the main flag of the country is flown. It is difficult to use the square for ordinary urban purposes, since, for example, buses and taxis are forbidden to stop at the entrances to the square (perhaps reflecting a subconscious desire on the part of the authorities that people not use the area). After the events of 2005 and 2010, people in the square were not considered sightseers or as passers-by enjoying a leisurely walk but as a threat. The latter is probably due to a sharp decrease in the scale of the central part of the area after its restructuring in 2009, where there had once been fountains, flowerbeds, and benches. The official attitude toward the site is not motivated by philanthropy (a gesture made by the state for the public) but only by a concern to prevent large-scale political protest. Despite its immense size, the area has hardly any points of interest. Except for a couple of inexpensive cafes and very expensive shops, there are only street merchants and photographers. It is disappointing that such spatial opportunities remain practically unused for artistic or educational purposes. I can recall only three exhibitions at ground level and two underground shows in the whole history of the square. Presented in the vast

underground areas beneath the center of the square, an exhibition presenting the legacy of “pre-anniversary” Frunze highlighted the creation of this underground area by raising the level of the square. However, except for during the hot summer months, there are still always a lot of residents and visitors in the area, because it is nice and clean, and there is almost no other place to go in the city.

The Soviet government could be likened to a gaseous substance, inclined to fill an entire space and permeating all spheres of life – sometimes simply driving the life out of things. In the Soviet Union there was a state cult of the dead. The places associated with this cult, from the mausoleum in the Red Square in Moscow to Mamayev Hill in Volgograd, were an important part of public rituals. Soviet Frunze was no exception. One example is Victory Square (by V. Lyzenko and V. Buhaev architects) founded in 1984 on the site of the Green Bazaar (“The Cooperative Market”) to commemorate the Kyrgyz soldiers who never returned from the Great Patriotic War. This site is the most striking case of “anti-social space” in Bishkek. Authorities have created a memorial desert on a cyclopean scale, which is largely only used on May 9. (7) The area is impassable in summer due to the heat and the lack of tree shade. In winter the slippery polished granite makes it difficult to cross. Today the site is empty most of the time. Sometimes it is also used for wedding photographs, and during warm weather children ride bicycles and fly kites and balloons (since the heated surface produced strong upward currents).

An interesting detail: at the time when the market, which provided the city and the state with substantial income, was demolished, no one was interested in the loss of profit. The symbolic gesture was of greater value than social and economic efficiency. Now, the balance has shifted – profit has become the determining factor.

To return to the cult of the dead, the authorities clearly have a preference for the dead. Living heroes (in 1984 many of veterans were still alive) were allowed to die in their barracks, forgotten by everyone, with only pennies as a pension. Of course, the cult of memory has much more representational impact, on a large and magnificent scale.

At the same time, it would be fair to say that some of the ordinary citizens undoubtedly benefited from the construction of Victory Square. The residents of the slums of so-called “Shanghai” received better housing. However, this was not the objective, but a side effect. It would have been possible to move people without affecting the bazaar, which was of great importance to the Asian city.

Namaz in the Old Square. The Lenin monument was relocated here in 2003.

Photo by Alimzhan Zhorobayev, 2010.

Намаз на Старой площади. Памятник Ленину был перенесен сюда в 2003 г.

Фото Алимжана Жоробаева, 2010 г.

The Public as Symbolic Space

A city exists in both space and time. As time progresses there are changes in the “filling” of urban space, which alter its function and meaning. Sometimes the changes are so rapid that they seem to unfold as a series of symbolic gestures that form elaborate and contradictory pictures.

Returning to Oak Park, the very first example in this article, one can readily illustrate such a sequence:

1. Park as a public space (before 1919)
2. Park of a symbolic object, the Obelisk (approx. before 1980)
3. Park of the Russian Drama Theater (until mid nineties) (9)
4. Park as a park + commerce area (today)

Such a shift in symbolism and meaning has impacted a considerable number of urban spaces, which are considered briefly below. The most immediate example is Panfilov Park (formerly known as “Zvezda,” and before that the “State Garden”), which was originally established by Fetisov around 1880. Its existing plan dates from the period of 1924–26, and it was given the name of General Panfilov in 1942. The symbolic shift of the park during the Soviet era was asserted by new planning measures and a change in name. It was one of the most important public spaces of Soviet Frunze. It is notable for its plan in the shape of a five-pointed star, which cannot be discerned from the ground. A similar signal is transmitted by the layout of the Frunze campsite, which can only be read on the map or from a plane (10). In general, such signs, seemingly meant to communicate in the dimension of global space, are a characteristic feature of the Soviet architecture from the twenties and fifties. Today the Panfilov Park has retained its functions but it has lost some significance within the urban hierarchy. It is still used for simple amusements, similar to those of thirty years ago (maybe even more basic), and leisure. It is a place for small businesses that meet the needs of children and a favorite place for walks, for schoolchildren and for parents with their children. Elements that the generation of our grandparents once enjoyed – an open stage, a dance floor, and an open-air cinema – are now lost.

Another example is Manas Aiyl (1995), built to celebrate the 1000th anniversary of the epic “Manas” by a creative team under the direction of architect D. Omuraliev. The epic of the legendary hero Manas is considered a focal narrative in the culture, history and traditions of the Kyrgyz people. It is a matter of pride (both popular and official), and it is the longest epic in the world (according to the Guinness Book of World Records). Everything dedicated to the name of Manas (from the monument on the city’s main square to a brand of cognac) automatically symbolizes Kyrgyzstan. The state authorities of Kyrgyzstan now present their desired image to the world through Manas celebrations. Such events are magnificent and very costly, especially given the dramatic impoverishment of the vast majority of the population (a situation that persisted throughout the era of the former Soviet Union). Now the difficulties of the transition period are mostly forgotten, and Manas Aiyl is still the most important place for social-commemorative functions in post-Soviet Bishkek. The site has been defined by a search for architectural and visual identity, by referring to an epic and its heroes. Major investments and big government money (commissioned projects) were used in finding creative solutions on this site. However, the authorities lost interest in the site after 1995. Perhaps the tourism opportunities offered by the Aiyl are seldom used (11); ethnographic musical events are sometimes held here, but there is almost no infrastructure to make it attractive for residents and visitors. Interestingly, the symbolic resources of this place were used in a political rally at least once. The nationalist “Ata-Jurt” party held a protest against the government there (12). The aesthetic play of surfaces, lines, and textures has made the Aiyl a popular spot for wedding photographs. Unfortunately, it quickly lost the pared-down appearance signed by its creators. Now everything is brightly colored, and the complex is being destroyed by obviously rushed and low-quality construction.

To a certain extent, the construction of the Manas complex is a deeply Soviet phenomenon, exhibiting an emphasis on official presentation and disregard for social uses. The emptiness of the site and its use largely on holidays make Manas Aiyl typologically comparable to Victory Square.

In terms of the symbolism of the city's urban space, it is important to take another look at the Ala-Too Square, which has been the main site of several "battles" for symbolic dominance. Like any site, it has acquired a special meaning and status, and the mayor or the president who asserts his program there makes his mark on history.

By 1991 many structures in the city needed to be reevaluated; many things had become outdated. But with no funds for major construction (with the exception of the "1000 anniversary of Manas" project), the authorities considered the easiest strategy was to make superficial changes. In terms of language this meant changing names – of streets, squares, cities, and villages – while visually it entailed a shift in symbolic accents. (13) Ala-Too has experienced a number of significant changes. The original statue of Lenin (undoubtedly a symbol of the communist goals of the Soviet society) was moved to the back of the Lenin Museum and thus firmly placed in a historical context; the statute was replaced by a winged figure of Freedom-Erkindik (2003), or the "girl on the ball." This, in turn, was later replaced by a monument to Manas Magnanimous (2011). In other words, the succession of statues reflects the shifting emphasis from Communist symbolism to democratic symbolism and then to the symbolism of a glorious past (14). A few blocks to the west stands a quite large equestrian statue of Manas, which was erected during the period of the anniversary celebrations.

The ensemble in the main square not only includes a central monument, the main building (the so-called "White House"), the main museum (historical), and arcades, there are objects of a secondary nature that impact the perception of the whole area:

- **The Friendship Monument (1974)** "was erected to commemorate the 100th anniversary of the voluntary joining of Kyrgyzstan with Russia." It was created by sculptors T. Sadykov, Z. Khabibulin, and S. Bakashev and architects A. Nezhurina, G. Mulyavin, and M. Sudarenko. The monument was erected prior to the "anniversary" construction of the eighties, and due to political reasons it was not demolished, unlike many other facilities. Its presence in the ensemble of the square is to some extent separated by the few trees that surround it. There is apparently no need for any symbolic object located between the main building of the country (the so-called "White House") and the main symbol of the country; there are no benches, and not enough shade during summer. Nothing is going on here. Before the ban on rallies (15), it served as a gathering place for picketers for a certain amount of time. It seems to be a space that has simply been "switched off", disjoined from the contemporary notion of symbolic space, a place unto its own. Two marble pylons surrounded by a ring (a metaphor for the unity and equality of Kyrgyzstan and Russia) compositionally frame the small green surroundings that served as a gathering place for protesters not long ago.
- **The central national flagpole** is 18 meters high and was installed in 1998. In 2009 it was replaced by an even larger one, measuring forty-five meters in height and bearing a fifteen-by-ten-meter flag. This dynamic red "flux" has broken the strict symmetrical composition in front of the museum. Although it immortalized the mayor, it cost the city treasury a hefty sum. On weekdays, the flag is the only visual element competing with the Manas Monument, but during New Year celebrations it is complemented by the national New Year Tree.
- **The Decorative domes** in the corners of the arcades appeared much later. They seem to be pure decoration, housing no functional space. Their only purpose seems to be that of adding an "Eastern accent" referencing the pan-Asian domes of mosques and mazars, to the international modern architecture – and corresponding with a large dome on the building of the Ministry of Agriculture.
- **The fence of the "White House".** The fencing around the perimeter of the Government House was built in 2004, probably in anticipation of danger and instability. During the so-called Tulip Revolution of 2005 the fence offered no protection to those inside. In 2010 similar events unfolded, costing the lives of a large number of people. The need for a monumental sign commemorating those who were killed has inspired an original artistic idea (developed by Gamal Bokonbayev): removing all the lattices to restore the overall democratic space and the area surrounding the Government House, retaining only one section of the fence with the names of the dead. This project was promoted by one of the political parties in the Parliament of the Kyrgyz Republic. However, this remained a contested issue

between the authorities and the people, and instead tribute was paid to victims in 2012 by means of a marble and bronze monument (sculptor S. Adiev, architects U. Beyshenbiev and T. Alykulov).

- **The monument devoted to Chingiz Aitmatov** (sculptor S. Adiev, architects U. Beyshenbiev and T. Alykulov) This monument (2011) needs to be considered in conjunction with the equestrian monument to Manas located in another section of the square. The statue of Manas – a legendary tenth-century figure – is among the country’s most important monuments, as emphasized by its position in the center of the complex, at the intersection of the main axes, and by its size. It is the largest monument in Bishkek. On the other side of the square there is a monument commemorating the most famous Kyrgyz writer of the 20th century, Chyngyz Aitmatov. The two monuments face each other and are aligned in a single axis. Manas is situated on a massive, high pedestal. Aitmatov is almost standing on the ground. The ratio between them in terms of size is about one to fifty. Whereas the Manas represents the glorious mythologized past, the Aitmatov symbolizes a modernist breakthrough in twentieth-century Kyrgyz culture. Gamal Bokonbayev has described the position of these two statues with the metaphor of David and Goliath, with the jacket slung over the writer’s shoulder suggesting a sling, and has expressed the hope that the modernism represented by Aitmatov would win in this archaic battle (16).

Epilogue

The importance of public places does not largely depend on their size or on the “density” of monuments per square meter. The square located near the Central Department Store (TsUM) (architects R. Muhamadiev, A. Soltobaev, et al.) dating from 1977 is a perfect example. The architects created a unique and comfortable living space in the city center, a place for children and ice cream, willows and fish. The area has its own microclimate. Despite a minimum of space, it offers a variety of functions – from relaxing after shopping to a meeting place for romantic dating. The curved lines of the fountains are especially appealing in contrast to the “poetry of the right angle” displayed in the TsUM building. This site still retains the original design and charm intended by its creators.

In the novel Chevangur by Andrei Platonov, communism was introduced to the city by the decree of the Revolutionary Committee, and this introduction was followed by a genuine lack of understanding as to why communism did not come. In a sense, the “chevangur” approach is typical of the architecture in Bishkek as well. Sometimes spaces are simply “handed down” to the public, as in the case of Manas Aiy and Victory Square. However, the simple truth is that only the interaction of all stakeholders (the government, residents and business owners) can ensure good results in the design of new or the improvement of old public spaces. The authorities often are required to provide “technical support,” as it is now called, and in some

cases this means that they do not do much. Even the participation of professional architects or designers in these processes often means little. In our city, there have been many cases in which the residential community of an apartment building or micro-district jointly equips yards and playgrounds or hire janitors and landscapers – which is all well and good. We have to start small, even if the starting materials may be only worn-out tires. The main thing is a willingness to spend time and energy to change a small piece of the world for the better. And then larger areas will possibly become more humanized, and maybe the architects will join in.

Afterword (17)

(1) The influence of commercial interests (profit) was not discussed in the article in detail. This is a separate, major topic extending beyond the scope of this study.

(2) On 17 January, 1855, the northern part of Kyrgyzstan voluntarily joined the Russian Empire. Representatives of the North Kyrgyz people pledged an oath of allegiance to the Russian Emperor and gained Russian citizenship. It should be noted that voluntary entry is generally the exception to the rule. Russian territorial expansion has largely been a consequence of military conquest.

(3) Fetisov himself was not so lucky with Pishpek and Kyrgyzstan. After 1917 the prevailing idea that everything is good in Asia emerged only with the arrival of Soviet power. After 1991, Fetisov was forgotten for other reasons. No street, park, or school in the city has ever been named after Fetisov.

(4) “A man-made desert was created within the urban oasis there and only comes to life during festive celebrations or popular unrest.” Source: Interactive map of Pishpek-Frunze-Bishkek <http://mapping.ikit.kg/>

(5) In this context I recall an anonymous comment: “We could never have had such a majestic national anthem without the Ala-Too Square.”

(6) The popular term “frying pan” illustrates the enormous expanse of asphalt in the heat, but it signals a level of general acceptance and inclusion in the urban life.

(7) My grandfather’s house was not far from the Green Bazaar. I remember his extremely negative attitude toward the demolition. He lost the small barber shop where he always had his hair cut, the familiar merchants from whom he used to buy vegetables, the brasserie where he met with his friends and many other things related to the bazaar—his sphere of life. It is telling that he, as an ordinary soldier of the Great Patriotic War, who in 1941 went to the front voluntarily, never liked the Victory Square. He has never even been there.

It is important to clarify that this article is not to be understood as a call for the destruction of the Victory Square. Today it not only serves as a monument devoted to those who were killed, but also to the legacy of the Soviet period in general, a legacy that should be preserved.

(8) I also remember Aaron Brudny’s comments on this subject: “To destroy the market is like taking the heart out of the city”.

(9) The years 1984-92 could be described as the “golden age” of the Russian Drama Theater, when Vyacheslav Pazi was the creative director. It was a period of many live performances and full seats. At the time the Russian Drama Theater was an unquestionable symbol of Russian, Soviet and world culture in Kyrgyzstan.

(10) For more information about the “Sun City” in Frunze please see “Intergel’po—nostalgic optimism” in the anthology *Take the Future Back*, by Natalya Andrianova. Head Office, Bishkek 2014.

(11) For pictures of the current state of Manas Aiyl and the subjective response of a tourist, see <http://varandej.livejournal.com/734624.html>

(12) <http://www.knews.kg/action/22715/> и <http://pravda.kg/?p=1847>

(13) Gamal Bokonbaev: “For the [modern Kyrgyz] state the Soviet Kyrgyzstan does not exist, but there exists what was before the Soviet Kyrgyzstan.” in *Okkam Razor* 3 <https://www.youtube.com/watch?v=FDqpLFGVauk>

(14) According to oral tradition in the city this replacement of the monuments represented a succession of changes: “Onward towards the Communist future,” “Long live the Democratic present,” and “Forward toward the bright past.”

(15) http://rus.azattyk.org/archive/ky_News_in_Russian_ru/20140331/4795/4795.tml?id=25315188

(16) *Okkam Razor* 3 <https://www.youtube.com/watch?v=FDqpLFGVauk>

(17) <http://culture.akipress.org/news:9938>, <http://www.kabar.kg/rus/gallery/full/76064/#photo27076>, <http://www.bristol.kg/news/8/>

Bibliography:

1. Nusov, V. E. *The Architecture of Kyrgyzstan from Ancient Times to the Present*. Frunze, 1971.
2. Kurbatov, V. V. and E. G. Pisarskaya. *Architecture of Frunze city*. Frunze, 1978.
3. Oruzbayeva, B. O., ed. “Frunze” in *Encyclopedia*. Frunze, 1984.
4. Kudelya, A. *The Architects of Soviet Kyrgyzstan*. Frunze, 1998.
5. Bokonbaev, G., “A Short Return. Soviet Modernism in the Architecture of the Kyrgyz SSR. 1955-1991” *SH Magazine* 6. Bishkek, 2012.
6. Bokonbaev, G., “Soviet Modernism.” *SH Magazine* 9. Bishkek, 2014.

ПИШПЕК-Фрунзе-Бишкек: Общественные пространства

Наталья АНДРИАНОВА, архитектор
(Кыргызстан)

*«Пространство – это то, что соединяет
и то, что разъединяет»*

Итоги научной дискуссии во ВХУТЕМАСе, 1923 г.

Этот текст – попытка выяснить: во-первых, как взаимодействовали общественные и государственные интересы на примере некоторых городских пространств Пишпека-Фрунзе-Бишкека; во-вторых, проследить функции и социальное наполнение этих пространств, их изменения во времени, а так же инструменты этих изменений; и, в-третьих, понять как первое и второе повлияли на изменение символической составляющей этих пространств (1).

Общественное как общественное

Пишпек (с 1926 года – Фрунзе, с 1991 года – Бишкек) появился в окрестностях скрытой в 1868 году русскими войсками кокандской крепости. Через 10 лет получил статус города. Первоначальная планировка, заложенная военными топографами – прямоугольная сетка улиц и кварталов (север-юг), в основном сохранилась до наших дней. Скромный городок на среднеазиатской окраине Российской империи (2) включал в себя обычный набор: казармы, церковь, базар, почта, жилые дома. Городок, очень похожий по планировке и образу жизни на географическо-исторически близкие Верный (Алма-Ата) или Токмак. Но Пишпеку повезло больше других полувоенных поселений в Туркестане – в 1879 году сюда приехал особый человек, Алексей Фетисов (3).

Алексей Михайлович Фетисов (1842–1894) – ученый-ботаник, член-корреспондент Российской академии наук, педагог, общественный деятель и т.д. Попав в Пишпек, развил большую деятельность по преобразованию жизни горожан посредством посадки плодовых деревьев, рощ и парков, зачастую вопреки воле городского начальства и наперекор обычной обывательской косности. Он основал первую в Киргизии (возможно, и во всём Туркестане) школу садоводства. Это ему и его последователям наш город обязан Дубовым парком, Карагачевой рощей, Бульварной улицей («Дзержинкой») и, главное, укоренению мысли, что парк – нужное жителям Пишпека место. Думаю, можно назвать его первым городским активистом. Он изменил отношение образованной части горожан к городу, организовав движение по озеленению, инерция которого сохранялась очень долго.

Старейшим сохранившимся общественным пространством Бишкека, можно считать Дубовый парк (Дубовый сад). Он был заложен в 1890-98 гг. учащимися Пишпекской сельхозшколы, последователями Фетисова. До 1917 г. Дубовый сад и, Церковный сад, примыкающий к нему, были главным общественным местом Пишпека – здесь проходили городские гулянья, религиозные праздники, позднее революционные митинги. Именно

здесь в 1919 году были похоронены погибшие красноармейцы (позднее в 1960 г. небольшой обелиск был заменен на больший по размеру и по художественным достоинствам). Таким образом, новая власть закрепляла за собой это место, придав ему новую символическую доминанту (до 1919 года эту роль выполняла Свято-Никольская церковь). Сами формы дошедшего до нашего времени обелиска (скульпторы Г. Айтиева и К. Кошкин, архитектор И. Люблинский) неслучайны. В нём отразилось большое духовное родство между эпохой Гражданской войны и советскими 60-ми, когда и появился последний обелиск. «Оттепель», интерес к романтическим «комиссарам в пыльных шлемах», попытка возврата к исходно чистым социалистическим идеям, демократичность, социальный пафос миропереустройства, суровая простота – вот те символические ряды, которые закрепляли этот памятник уже в головах горожан 60-70-х.

Свято-Никольская церковь (главная церковь Пишпека) – важное место в жизни горожан досоветского периода. Едва не разрушенная в 20-х, она была спасена другим подвижником художником Семёном Чуйковым чтобы стать первым киргизским музеем искусств (1935 г.) Таким образом, с измененной функцией и изуродованным зданием, но был сохранен знаковый объект. Позднее, с постройкой здания Русского драматического театра (1928 г.) и перестройкой его в 1968-1972 (арх. А. Албанский), парк стал важной частью культурной жизни Фрунзе. Следует добавить, что построенные в ближайшем соседстве Оперный театр (1955 г.), юношеская библиотека т.н. «Чернышевка» (1962 г.), Музей искусств (1974 г.) и некотором отдалении Киргизский драматический театр создавали вместе городское культурное ядро с центром в том же Дубовом парке.

Сейчас общественные функции этого пространства во многом утрачены: Русский драмтеатр в глубоком упадке и безденежье. Собственное его здание обросло коммерческими точками (магазинами, конторскими помещениями, кафе), мало завязанными с театром и парком. Рядом с Обелиском построен ресторан, захвативший часть Дубового парка. Сам же парк до сих пор используется как место для прогулок, предлагая прохожим скромные удовольствия вроде воздушных шаров и мороженого.

Ещё одно место Бишкека, связанное с Фетисовым – Карагачевая роща (1881 г.), заложенная на бросовых, заболоченных землях. В условиях жаркого азиатского лета разросшиеся деревья и выкопанные позднее озёра были настоящим прохладным раем. Карагачевая

Oak park and Obelisk devoted to the fallen Red Army soldiers.
Photo by Vera Timchenko
Дубовый парк и Обелиск погибшим красноармейцам.
фото Вера Тимченко

роща активно использовалась для маевки (выезд семьями и рабочими коллективами на пикники) в 30-60 гг. Комсомольское и Пионерское озёра отметились в городском фольклоре множеством анекдотов, баек и «страшилок» (про водолазов и утопленников, а так же про живущую в озере «Лохнесю»). Вплоть до наших дней там проводятся разного рода спортивные мероприятия – кроссы, Дни бегуна, есть ряд спортивно-развлекательных мест для детей и пр. Хотя пик популярности давно уже пройден, а время от времени публикуются сведения о незаконных вырубках и захватах территории – Карагачевая роща до сих пор служит городу, как и хотел когда-то Фетисов.

Пожалуй, Дубовый парк и Карагачёвая роща – это два самых ярких примера (из вообще-то небольшого списка) Общественного как Общественного в нашем городе. Созданные горожанами и для горожан пространства, они до сих пор не потеряли своего исходного назначения.

Общественное как государственное

С одной стороны, Власть в несвободных обществах склонна отождествлять себя с народом, а свои цели и задачи – с нуждами людей. С другой стороны, всегда имело место патерналистское отношение Власти к этому самому народу/людям/горожанам. Вполне логично, что создавая новые пространства для властной репрезентации, Власть не забывала использовать уже готовые «намоленные» места города. Поскольку Фрунзе-Бишкек не только город, но и столица (союзной республики, а затем отдельной страны), то тема Государственного, проявленная архитектурными средствами, здесь особенно заметна. Основное послание Власти Народу, всегда звучала приблизительно как: «Я есть. Я могущественна». Идеальным местом для трансляции этого послания были площади и прилегающие архитектурные объекты, эту самую Власть концентрировавшие. Это было очень удобно – на одной и той же точке пространства Народ показывал свою лояльность на Первомайских или Октябрьских демонстрациях, а Власть – свою мощь посредством военных парадов.

Площадь Ала-Тоо (Ранее пл. Ленина) с момента постройки в 1984 году – главное государственное место республики и позднее страны. Старая правительственная площадь, отнюдь не маленькая, перестала соответствовать потребностям Власти (прежде всего

The Ala-Too square. Photo FADIS.
Площадь Ала-Тоо. Фото ФАДИС.

репрезентационным). Строительство площади было самой важной частью так называемой «Юбилейного строительства», самой значительной градостроительной перемены во Фрунзе за всю его историю. Для прокладки новых осей были уничтожены вовсе не убогие общественные здания, жилые дома (4). Государственное на площади Ала-Тоо победило Общественное. Жертвой её победы пали так же: городской стадион, значительная часть парка им. Панфилова, Дом Офицеров, уникальный открытый театр и пр. Можно по-разному относиться к площади Ала-Тоо: я, например, считаю её достойным архитектурным объектом – прекрасным и имперским. Возможно, несколько отвлеченно прекрасным и несколько более имперским, чем небольшая советская республика, где она была построена, и небогатая страна, где она расположена сейчас. (5) Да, конечно, площадь была сомасштабна не человеку, а только заказчику, т.е. власти и её амбициям. В проектировании самой площади и её объектов были задействованы очень хорошие архитекторы – Н. Уллас, Г. Кутателадзе, В. Лызенко, У. Алымкулов, А. Зусик, А. Исаев, В. Гресле, О. Лазарев и многие-многие другие. Стоит сказать, что все архитекторы старшего поколения при разговоре об этом месте говорили похожие вещи: площадь незакончена/недоделана; её проектировали и строили в большой спешке (отсюда некоторая несогласованность частей); не хватило сил и денег на важную составляющую – эспланаду север-юг, уходящую к горам (ось Музей Ленина – Мин. сельского хозяйства); а так же то, что в проектирование активно вмешивался глава тогдашней Киргизии – Т. Усубалиев, личный вкус которого был определяющим (его называли главным архитектором всего юбилейного строительства). Но, несмотря на все эти неувязки, и особенно, глядя на «архитектурный самогон» последующих девяностых-нулевых, следует считать комплекс площади Ала-Тоо не самым плохим местом. В 2003 году в городе проходил культурный проект «Лицо Бишкека», проведенный в его рамках опрос горожан показал: площадь Ала-Тоо и её объекты входят в число самых упоминаемых бишкекских мест и построек. Это можно объяснить местным архитектурным «безрыбьем» – или тем, что несмотря ни на что, город «впустил в себя» эту площадь, и она стала его частью. Думаю, площадь Ала-Тоо всегда в большей степени принадлежала Государству, чем Городу: здесь проводились и проводятся все праздники государственного уровня, военные парады, стоит главный флаг страны. Использование же для городских нужд осложнено, в том числе, тем, что на площади и подъездах к ней запрещено останавливаться автобусам и маршруткам (это можно истолковать, как подсознательное желание Власти вообще не видеть там людей). После событий 2005 и 2010 годов стало понятно, что народ на площади – это не только зрители-статисты или празднично гуляющие, но и угроза. Последним, вероятно, объясняется резкое понижение масштаба центральной части площади посредством перестройки 2009 года. Там появились фонтаны / клумбочки / скамеечки. Однако это не было продиктовано человеколюбием (шагом Государственного навстречу Общественному), а только заботой о предотвращении пространственно-развернутого политического протеста. Несмотря на свою изрядную протяженность, площадь слабо наполнена «фокусами интересов», исключая пару недорогих кафе и очень дорогих магазинов – там только уличные торговцы и фотографы...

The Victory Square. Photo by Sergey Novoselov, 2011.
Площадь Победы. Фото Сергея Новоселова, 2011.

Досадно, что такие пространственные возможности практически не используются для художественных или образовательных целей. Мне вспоминается только три наземные и две подземные выставки за всю историю (под центром площади существуют обширные подземелья, наследство «доюбилейного» Фрунзе, результат значительного поднятия отметки площади). Однако, исключая дни жарких летних месяцев (6), здесь всегда достаточно много как горожан, так и приезжих, потому что здесь красиво и чисто, а пойти в городе особо некуда...

Советская власть часто вела себя как вещество газообразное, склонное заполнять собой все пространства, так или иначе, присутствуя во всех сферах жизни людей. Иногда она попросту вытесняла эту самую жизнь... В СССР существовал государственный культ мёртвых, объекты с ним связанные – от мавзолея на Красной площади до Мамаева кургана, это было важной частью государственных ритуалов. Советский Фрунзе не был исключением. Тому пример Площадь Победы (арх. В.Лызенко, В.Бухаев), заложенная в 1984 г. на месте Зеленого базара («Колхозный рынок») в память об ушедших и не вернувшихся с Великой Отечественной солдатах-кыргызстанцах. Пожалуй, это самый яркий случай “антиобщественного пространства” в нашем городе. Республиканские власти создали на месте живого и очень востребованного места мемориальную пустыню, с циклопическим масштабом, по-хорошему нужную только на 9 мая (7). Площадь непроходима в летнюю жару из-за перегрева и отсутствия древесной тени, в зимнее время труднопересекаема из-за скользкого полированного гранита. Ныне в большую часть времени пустует. Так же используется для свадебной фотографии, а в теплое время для катания детей на велосипедах и запуска воздушных змеев и шаров (нагретая за день поверхность дает мощные восходящие потоки). Интересная деталь – когда сносили базар, дававший городу и государству вполне конкретные деньги, вероятно, никто не интересовался потерей прибыли. Символический жест был дороже общественной и экономической целесообразности. В последующие времена расклад изменился – извлечение прибыли стало определяющим фактором.

... И ещё про культ мёртвых: Власть явно отдавала предпочтение именно мёртвым; живые герои (а в 1984 году многие из участников войны были живы) вполне могли умереть, забытые всеми, с копеечной пенсией, в каких-нибудь бараках ... И это понятно, культ памяти давал гораздо больше презентационных возможностей – больший масштаб и пространственный размах...

Справедливости ради надо сказать, что некоторое количество простых горожан несомненно выиграло от постройки Площади Победы – к базару примыкали трущобы т.н. «Шанхай» – его жители получили лучшее жильё... Но это было не задачей, а побочным эффектом. Можно было переселить людей, не трогая базара, значение которого для азиатского города нельзя приуменьшить. (8)

Общественное как пространство символического

Город, как известно, имеет протяженность не только в пространстве, но и во времени. С его течением меняется «начинка» городских пространств, меняются их функции и смыслы. Иногда изменения настолько быстротечны, что происходит наложение символических рядов, складывающихся в причудливо-противоречивые картины.

Если вернуться к самому первому примеру этой статьи – Дубовому парку, то, изрядно огрубив и упростив, можно получить следующее:

1. Парк как общественное место (до 1919 г.)
2. Парк при символическом объекте, Обелиске (приблизительно до 1980-х)
3. Парк при Русском драмтеатре (до середины 1990-х) (9)
4. Парк как парк + место коммерции (настоящее время)

Таким «символьно-смысловым» изменениям подверглось значительное число городских пространств. Рассмотрим несколько других случаев. Первый по времени появления и, пожалуй, самый прямолинейный символ – Парк им. Панфилова (ранее «Звезда», ещё ранее «Казенный сад») первоначально был заложен Фетисовым в 1879-80-х., существующую планировку приобрёл в 1924-26

Manas aйл. Photo by Alexander Fedorov, 1997.
Манасовский айл. Фото Александра Фёдорова. 1997 г.

годах, имя генерала Панфилова в 1942 году. Символическая «перелицовка» парка в советское время была закреплена не только перепланировкой, но и изменением названия. Одно из самых значимых общественных мест советского Фрунзе. Он примечателен своим планом в виде пятиконечной звезды, ни как ни заметной с поверхности земли. Похожий сигнал неизвестным реципиентам посылала планировка фрунзенского Рабочего городка, считываемая только на карте или с самолета (10). Вообще, знаки, посылаемые в мировое пространство, – характерная примета советской архитектуры 20-50 годов. Сегодня парк Панфилова, так или иначе, сохранил заложенные в него функции, но несколько утратил значимость в городской иерархии. Нехитрые аттракционы, те же, что и тридцать лет назад (может быть даже еще более незамысловатые) и народные гулянья по праздникам. Место мелкой коммерции, удовлетворяющие нужды детей. Любимое место для совместных прогулок школьников и родителей с детьми. Некогда важные составляющие для поколения наших дедов и бабушек – открытая эстрада, танцевальная площадка, летний кинотеатр – ныне утрачены.

Пример другого типа: Манасовский айл (1995 г.). Построен к празднованию 1000-летия эпоса «Манас» творческим коллективом под руководством арх. Д. Омуралиева. Эпос, посвященный легендарному герою Манасу – считается средоточием культуры, истории и традиций киргизского народа. Это предмет гордости (как подлинно народной так и официально-государственной) и самый длинный эпос в мире (Гиннес). Всё, что освящено именем Манаса (от памятника на главной площади до марки коньяка) автоматически попадает в разряд знакового для Кыргызстана. Проведением манасовских торжеств, сопровождающихся приездом многочисленных зарубежных гостей, Власть недавно появившегося государства Кыргызстан заявляла себя миру. Событие было яркое, пышное и очень затратное, особенно в контраст к резкому обнищания подавляющей части населения (схожее положение было во всём бывшем СССР). Сейчас тяготы переходного периода изрядно позабыты, а Манасовский айл – по-прежнему самое значительное место с общественно-мемориальной функцией в постсоветском Бишкеке. Изысканные поиски архитектурно-пространственной идентичности, отсылающие к эпизодам и героям эпоса. Место больших художественных находок и больших государственных денег. Место, к которому Власть, по большому счёту, потеряла интерес после 1995 года. Вероятно, туристические возможности аила крайне мало используются (11), там очень красиво, иногда проводятся этнографическо-музыкальные события, но почти отсутствует привлекательная для горожан и приезжих инфраструктура. Интересно, что, по крайней мере, единожды символический ресурс этого места был задействован для

политического митинга: партия «Ата-Журт», имеющая артикулированную националистическую программу, провела там акцию протеста против правительства (12). Игра плоскостей, линий и фактур сделала аил любимым местом для свадебной фотографии. Увы, но он быстро утратил благородный одноцветный облик, заложенный создателями, – сейчас всё ярко раскрашено; кроме того, комплекс разрушается – даёт себя знать спешка при возведении и невысокое качество строительных работ.

В определенной степени, строительство манасовского комплекса – явление глубоко советское: тот же приоритет презентационной задачи и пренебрежение к социальному наполнению. Малолюдье в большую часть времени и востребованность по праздникам, делает манасовский аил типологически близким к Площади Победы.

Говоря о Символическом в городском пространстве, невозможно не вернуться к площади Ала-Тоо – главному месту «битв» за символические ресурсы – потому как любой объект там приобретает особый смысл и статус, а поставивший этот объект градоначальник или президент оставляет свой след в истории.

...к 1991 году очень многое нуждалось в переоценке, многое попросту устарело. Но, не имея денег для крупного строительства (проект «1000-летие «Манаса» - исключение) Власть сочла самым простым способом «перелицовку». На вербальном уровне это было переименование почти всего – улиц/площадей/городов и сёл, на визуальном – замена символических акцентов. (13). Ала-Тоо пережила ряд знаковых изменений: первоначальный памятник Ленину (несомненный символ коммунистических целей советского общества), «переехал на зады» Музея Ленина, ставшего Историческим; вождя заменила крылатая Свобода-Эркиндик (2003), по-народному «Девочка на шаре», позднее вновь отставленная памятником Манасу Великодушному (2011). Иначе говоря: Коммунистический символ – Демократический символ – Символ великого прошлого (14)... Про последний следует добавить, что несколькими кварталами дальше, на запад, уже был один отнюдь немаленький конный памятник Манасу, установленный во время «юбилейного строительства»... Ансамбль Главной площади состоит не только из Главного памятника, Главного здания (т.н. «Белого дома»), Главного музея (исторического) и аркад, есть ещё объекты второго плана, влияющие на суммарное восприятие площади. Итак:

Монумент Дружбе, «сооружен в честь 100-летия добровольного вхождения Киргизии в состав России» (надпись на памятнике). 1974 г. Скульпторы Т. Садыков, З. Хабибулин, С. Бакашев; арх. А. Нежурин, Г. Мулявин, М. Сударенко. Памятник появился раньше «юбилейного строительства 80-х», и по политическим причинам, не мог быть снесен как многие другие объекты. Его пребывание в ансамбле площади несколько обособлено деревьями, которыми он окружен. Символический объект, находящийся между Главным зданием страны (в народе «Белый дом») и Главным символом страны, кажется, никак не востребован (там нет скамеек, нет достаточной тени летом, там ничего не происходит, хотя до запрета на митинги (15) какое-то время служил местом сбора пикетчиков). Он как бы «выключен» и, кажется, никак не соотносится с основной символической темой сегодняшней площади; он как бы сам по себе. Два мраморных пилона, окруженные кольцом (метафора единства и равноправности Киргизии и России), композиционно удерживают небольшое зеленое окружение, некогда бывшее местом сбора пикетчиков.

Главный флагшток страны высотой 18 м появился в 1998 году, был в 2009 заменен на больший (45 м) с полотнищем 15х10 м. Этот динамичный красный «флюс», разрушивший строгую симметричную композицию перед фасадом музея, увековечил установившего его градоначальника и обошелся городской казне в изрядную сумму. В будние дни только флаг составляет визуальную конкуренцию памятнику Манасу, но в новогодние праздники к ним добавляется ещё Главная ёлка страны.

Декоративные купола по углам аркад появились значительно позже официальной приёмки всего комплекса. Чистая декорация, никакого пространства под ними нет; вероятно, их единственная задача состояла в том, чтобы добавить некой «восточности» (отсылка к общеазиатским куполам мечетей и мазаров) в международную современную архитектуру и немного подыграть большому куполу на здании Министерства сельского хозяйства.

Забор «Белого дома». Ограждение по периметру Дома правительства возвели в 2004 году, вероятно, в предчувствии опасности и неустойчивости. В 2005 (т.н. «Тюльпановая революция») забор, сидящих за ним, не спас. В 2010 события повторились по близкому сценарию, но с большим числом погибших. Потребность в монументальном знаке памяти убитых породила оригинальную художественную идею (автор – Гамал Боконбаев): убрать все решетки, восстановить общее демократичное пространство Дома правительства и площади, сохранив только одну секцию забора с именами погибших. Этот проект продвигала одна из политических партий на уровне Парламента КР, но в результате преграда между Властью и Народом осталась на месте, а память жертв почтили в 2012 году установкой монумента из мрамора и бронзы (скульп. С.Адиев, арх. У. Бейшенбиев и Т. Алыкулов).

Думаю, важно рассмотреть этот памятник (2011) во взаимосвязи с конным монументом Манасу на другой части площади. Манас – легендарный персонаж десятого века – занимает место иерархически самого главного памятника страны (положение в центре комплекса, на пересечении его главных осей, размер – самый большой памятник Бишкека) и, с другой стороны площади, самый известный в 20-м веке киргиз – писатель Айтматов. Оба памятника стоят друг против друга, на одной оси, Манас расположен на высоком массивном постаменте, Айтматов – почти в плоскости земли. Соотношение по размеру примерно как один к пятидесяти. Первый олицетворяет славное мифологизированное прошлое, другой – модернистский прорыв киргизской культуры в 20 веке. Гамал Боконбаев увидел здесь метафору «Давида и Голиафа» (пиджак на плече писателя позволяет предположить в нём прашу) и выразил надежду, что модернизм в лице Айтматова победит архаичный миф (16).

Послесловие

Важность общественных мест особо не зависит от их размера и «плотности» памятников на квадратный метр. Сквер рядом с ЦУМом (арх. Р. Мухамадиев, А. Солтобаев и др.) 1977 г. – прекрасный тому пример. Архитекторы создали уникальное уютное и живое место в центре города. ...Дети и мороженое, ивы и рыбки. Микроклимат... Минимальное пространство и множество функций – от отдыха после покупок до романтических свиданий... Гибкие линии фонтанов особенно хороши в контраст к ЦУМовской «поэзии прямого угла». Место до сих пор сохранило первоначальные замысел и прелесть, заложенные создателями.

The Square in front of the TsUM. Photo from the archive of the "A-A studio", early 80's.
Сквер перед ЦУМом. Фото из архива «А-А студио», начало 80-х.

В романе «Чевенгур» Андрея Платонова коммунизм в городе был назначен декретом Ревкома, а затем последовало искреннее непонимание, отчего коммунизм не наступал. В каком-то смысле, «чевенгуровский» подход свойственен и Бишкеку – иногда места просто «назначаются» общественными, как это случилось с Манасовским аилом и Площадью Победы. Банальная истина, что только взаимодействием всех заинтересованных сторон (горожан - власти - предпринимателей) возможен хороший результат в области строительства новых или обустройства старых общественных пространств. От Власти чаще всего требуется то, что сейчас называется технической поддержкой, а в каких-то случаях – просто НЕ МЕШАТЬ. Думаю, что часто мало значит даже участие в этих процессах профессиональных архитекторов/дизайнеров... В нашем городе появилось немало случаев, когда сообщество жильцов многоквартирного дома или микрорайона совместными усилиями обустраивает дворы и детские площадки, нанимают дворников и озеленителей – это правильно и хорошо. Начинать надо с малого, и не страшно, что из материалов в распоряжении иногда только старые покрышки... Главное, готовность потратить силы и время на изменение маленького кусочка мира в лучшую сторону. А там, глядишь, и большие площади очеловечатся и архитекторы подтянутся...

После-послесловие (17).

(1) Такой несомненный фактор влияния как коммерческий интерес (получение прибыли) не рассматривается в статье развернуто. Это отдельная большая тема, выходящая за рамки этого небольшого исследования.

(2) 17 января 1855 года северная часть Киргизии добровольно вошла в состав Российской империи. Представители северных киргизских родов приняли присягу русскому императору и получили российское подданство. Следует заметить, что добровольное вхождение – скорее исключение, чем правило. Территориальное увеличение России, в большинстве случаев было следствием военных захватов.

(3) Самому Фетисову с Пишпекком и Киргизией повезло гораздо меньше: после 1917 года настойчиво проводилась идея, что всё хорошее в Азии появилось исключительно с приходом Советской власти, а до неё попросту ничего не было; после 1991 года Фетисов был забыт по другим причинам. Так или иначе, в нашем городе не случилось улицы/парка/школы имени Фетисова.

(4) «Среди городского оазиса создавалась рукотворная пустыня, оживающая только во времена праздничных торжеств или народных смут». Источник: Интерактивная карта Пишпек-Фрунзе-Бишкек <http://mapping.ikit.kg/>

(5) Вспомнились сказанные кем-то слова: «Без площади Ала-Тоо у нас никогда бы не вышло такого величественного гимна Кыргызстана»

(6) Народный термин «Сковородка» иллюстрирует огромное асфальтовое пространства в жару, но сам факт появления слова «Сковородка» – признак приятия, включения в городскую жизнь.

(7) Дом моего деда находился недалеко от Зеленого базара. Помню его крайнее негативное отношение к сносу этого места: он лишился маленькой парикмахерской, где всегда стригся; знакомых продавцов, у которых привык покупать овощи; пивной, где пересекался со знакомыми, и многого другого, связанного с базаром – своего привычного круга. Интересно, что он – рядовой солдат Великой Отечественной, ушедший в 1941 добровольцем на фронт из Фрунзе, не любил Площадь Победы, кажется, даже ни разу там не был...

Важно: не стоит интерпретировать текст этой статьи, как призыв к разрушению Площади Победы. На сегодня это не только памятник погибшим, но и наследие советского периода вообще, а наследие следует сохранять...

(8) Вспоминается так же высказывание Арона Брудного по этому поводу: “Уничтожить базар, это всё равно что вынуть у города сердце”

(9) «Золотым веком» Русского драматического театра принято называть 1984-92 годы, когда художественным руководителем был Вячеслав Пази. Время актуальных спектаклей и полных залов. Русский драмтеатр был тогда несомненным символом русской, советской и шире мировой культуры в Киргизии.

(10) Подробнее о «Городе Солнца» во Фрунзе см. Наталья Андрианова «Интергельпо – ностальгический оптимизм» в альманахе «Вернуть будущее», ШТАБ, Бишкек 2014.

(11) Картинки сегодняшнего состояния Манасовского аила и субъективные мысли туриста см. <http://varandej.livejournal.com/734624.html>

(12) <http://www.knews.kg/action/22715/> и <http://pravda.kg/?p=1847>

(13) Гамал Боконбаев: «Для [современного киргизского] государства советская Киргизия как бы ни существует, а существует то, что было до советской Киргизии». “Лезвие Оккама” №3 <https://www.youtube.com/watch?v=FDqpLfGVauk>

(14) На языке городского анекдота эта смена памятников преобразовалась в следующую цепочку: «Вперёд в коммунистическое будущее – Да здравствует демократическое настоящее – Вперёд в светлое прошлое»

(15) http://rus.azattyk.org/archive/ky_News_in_Russian_ru/20140331/4795/4795.html?id=25315188

(16) “Лезвие Оккама” №3 <https://www.youtube.com/watch?v=FDqpLfGVauk>

(17) <http://culture.akipress.org/news:9938>, <http://www.kabar.kg/rus/galleryfull/76064/#photo27076>, <http://www.bristol.kg/news/8/>

Литература:

1. Нусов В.Е. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. Фрунзе, 1971.
2. Курбатов В.В., Писарской Е.Г. Архитектура города Фрунзе. Фрунзе: Кыргызстан, 1978.
3. Энциклопедия «Фрунзе» / Под ред. Орузбаевой Б.О. Фрунзе, 1984.
4. Архитекторы Советской Киргизии. Справочник. Сост. А. Куделя. Фрунзе: Кыргызстан, 1988.
5. Боконбаев Г. статья «Недолгое возвращение. Советский модернизм в архитектуре Киргизской ССР. 1955-1991» Журнал «СХ» №6, Бишкек 2012
6. Боконбаев Г. статья «Советский модернизм» Журнал «СХ» №9, Бишкек 2014

City plan of the new Tashkent at the initial stage of formation (1866-1870).
Планировочная структура нового Ташкента на начальном этапе формирования (1866-70 гг.)

Abdumannop ZIYAEV, architect, urbanist (UZ)

Based on the Examples of Mustakillik
(Independence) Square and Amir Temur
Square

For over a century the central squares of Tashkent, in particular in the new European area of the city, have been a place where administrative, cultural, commercial, and other types of public buildings have been concentrated. Two historical sites, the Mustakillik Square and the Amir Temur Square, have been preserved. Established during the first decade of construction of a new section of Tashkent (1870), the Mustakillik Square (or “Cathedral” Square) and the Amir Temur Square (also called Konstantinovskaya Square) dominated the public space as focal compositional elements of the urban realm.

The character of these two central squares has changed throughout the various stages of the city’s development (including the colonial, post-Soviet and independence periods). They were given the most emphasis as important areas of administrative and political significance during the Soviet period, from the nineteen-twenties to the seventies, when urban planning was developed in line with the communist ideology.

The Political Reorientation of Public Spaces

The revolution of 1917 overthrew the tsarist monarchy with its feudal economic system and established the dictatorship of the proletariat in the form of councils (“soviets”). In opposition to the previous government, the Soviet system, with its abolition of private property, adopted a decree in April 1918 “On the Demolition of Monuments Erected in Honor of Kings and Their Servants.”

The first such destruction impacted Konstantinovskaya Square (first renamed The

Monument to the General-Governor of Turkestan K.P. von Kaufmann, located in the center of the Konstantinovskiy Square (before it was demolished in 1918).

Памятник Генерал-губернатору Туркестанского края К.П. фон Кауфману в центре Константиновского сквера (до его сноса в 1918 г.).

Square of the Revolution, currently Amir Temur Square). In 1918 the grandiose monument to the former Turkestan governor-general Konstantin Petrovich von Kaufman was destroyed. In its place a modest monument devoted to “Liberated Labor” was erected using wood and plywood.

In 1927 the temporary monument was replaced by the “Lighthouse of the Revolution,” a structure reflecting the motifs of national architecture. Investing the former Konstantinovskaya Square with new ideological content, these first monuments of the councils bestowed upon the square the role of main political core of the city. Folklore festivals and workers’ parades were held there from 1918 to 1930.

The social and political changes impacted the former Cathedral Square (renamed Red Square) without changing the appearance of its buildings, which did, however, take on new functions. Before the Revolution, the Red Square was a site dedicated to administrative and solemn ceremonial functions and was perceived (until 1930) as the center of cultural life. The central building of the square, the White House (the former residence of the governor-general) and the Cathedral of the Transfiguration of the Savior where revamped as the national museum, and the square became a place for festivals.

The city park also underwent an ideological transformation. After the destruction of the Monument to the Russian Soldier in the park in 1918, a small pond was created on the site.

Transformation of the Main Square of Tashkent during the Nineteen-thirties

The reconstruction of the former Cathedral Square, renamed the Red Square in 1920, was spurred by the transfer of the capital from Samarkand to Tashkent.

On March 19, 1931, a decree of the CPC (Council of People’s Commissars) of the Uzbek Soviet Socialist Republic stipulated the construction of a building for government agencies, since the space in the former White House was insufficient after the relocation of the capital from Samarkand. The initial plan was to complete the construction of the building within the shortest time possible as an extension to the White House, which would accommodate the CEC (Central Executive Committee), the CPC, and the State Planning Commission of the Republic. The

construction of a new “Government House” was also planned. The site of the building and the design would be determined based on a special competition (held during 1946 and 1947). A Government commission comprising three persons was established for determining the design and construction, the amount of funding, and the timeframe for completion, ideally late 1931.

The design of the Government House was not assessed by or discussed with any architect. All agreements were the result of the approval of the State Planning Commission of the Republic. As a result, the building erected on the main square of Tashkent looked more like a production facility than an official government building – an expression of the Constructivist style of architecture fashionable at the time, widely used in public facilities in Moscow.

The Government House built in Tashkent was a simplified version of this architectural style, but carried out with haste. The façade was very primitive, demonstrating a complete absence of any decorative ornament and of other elements of architectural and artistic expression. With a length of over 200 meters, the building stood out with its depressing, barrack-like monotony. Only the two entrances of the building, which were covered with glazed tiles, show any hint of artistic impetus. A plan by Stefan Polupanov foresaw complementing the architectural composition with elements surrounding the Government House, including grandstands and the Lenin monument.

Despite its many architectural and planning deficiencies, the newly erected building of the Government House was approved for operation by the Technical Commission in a document dated November 15, 1932.

The next stage of new construction on Red Square came with the erection of the Lenin monument in front of the new Government House. This took place during the period of 1932–36 and marked the beginning of a new administrative apparatus as the political center of the Republic, which included elements of monumental communist propaganda. Another step in this direction to destroy: the remnants of the former regime – including the former residence of the governor-general and the Cathedral of the Transfiguration of the Savior (which was demolished in April 1932 by militant atheists originating from a student milieu).

However, the reconstruction of this government district was not yet complete. The new Government House kept its unattractive shape for another decade. Its appearance was enhanced to a certain degree by a successful monument (designed by B. Korolev, 1936), in which individual granite blocks were formed in varying geometric shapes.

The Government House and the monument to V.I. Lenin in the Red Square (1936).
Дом правительства и памятник В.И. Ленина на Красной площади (1936 г.).

Transformation of Revolution Square, Construction in the Nineteen-thirties

Over the course of the reconstruction activities during the thirties, the building along the perimeter of Revolution Square underwent significant changes. The demolition of the bell tower and the dome and base drum of the former Alexander Church (in the late twenties) and the addition of a second floor to the building of the teachers seminary (finally completed in the fifties and overseen by G. Zhukova), lent new form to the Southern part of the square.

These changes reflect the social aspects of the reform and were driven by economic problems. Difficulties associated with a lack of available funds led to a third floor being added to the building of the Central Asian University (buildings that formerly served as secondary schools for boys and girls) in 1932. Along with these reconstructive measures, new buildings were also erected in Revolution Square. For example, there is the angular building of Uzbektorg (dating from 1929–30 and designed by Geógly Svarichevsky, now demolished) and the three-story building of Prombank (1938, by V. Volchek, currently the UzDaewoo Bank) situated at the corner of Pushkin Street and Revolution Square. Located at the end of Kuibyshev Street, the telephone exchange (1928, A. Gershenin, now demolished) and the two-story building of the Polytechnic Museum (1934, A. Petelin, currently the exhibition hall of the Academy of Fine Arts) had similar functions and incorporated national motifs.

The Revolution Square. The dense vegetation of trees blocks the view on the historical buildings in the area of the former Konstantinovskaya Square. **Foto 1980s.**
Сквер революции. Густая многолетняя крона деревьев закрывавшая вид на исторические сооружения района бывшей Константиновской площади. **Фото 1980-х гг.**

The Reconstruction of Government Square in the Late Nineteen-forties

The competitions for reconstruction projects for the main square of the republic in 1946–47 had a significant impact on the planning of the city center of Tashkent. The core aim of these planned projects was not only to create the most acceptable option for the urban ensemble of the square but also to create a link between the main square and other areas of public use, in particular the undeveloped western area of the city.

The following framework was recommended in the first closed round of the competition. First, the Government House would consist of a complex of buildings arranged around the square, which would be extended for the project. The building of the Supreme Council was assigned a site on the eastern side of the square; the building of the CPC (Council of People's Commissars) was placed on the southern side; and the building of the Central Committee of the CP on the northern side. Second, the statue of Lenin was kept in its existing position with the addition of permanent grandstands on either side. Third, the middle part of the existing Government House was to be redesigned, making it possible to pass from the square to the old town, through the Anhor Channel. The retained parts of the Government House were to be fused with the ensemble of the square through reconstruction.

In addition to the urban development issues identified in the first round of the competition, guidelines were established for the square architecture. Monumentality and even pompous features were considered desirable in most competitive projects as a means of lending the ensemble of the Government House a majestic character. An example of such a solution is a project foreseeing the group of governmental buildings as surrounded by a number of arcades topped with domes that would recall the Gur-Emir Mausoleum (V. Arhangelsky, A. Petelin, A. Sidorov).

Some of the architects sought to recreate building exemplary of medieval castles, with powerful, huge supporting walls and narrow windows, and a number of architects chose peshtaks and duval walls for the composition of the facades. A significant number of developments were guided by this new agenda – of integrating aspects of national heritage (in terms of ornament and motifs) in the architecture. As a result of the first round of the competition, it was decided to develop a new project for the square ensemble, based on the proposals of A. Babahanov, V. Volchek, and S. Polupanov, architects that more fully met the requirements of the competition.

The second round of the competition put forward new proposals for the urban organization of the square. It was planned as the main administrative and political center of the city, surrounded by administrative buildings from all four sides. The location of the Supreme Council (with a tall spire) at the site of the Government House building assigned the core functions of the capital city to the square. This solution eliminated the previously proposed development of a government center to the west, in Almazar Square. Such solutions for the layout of the square were perhaps understood as a means of simplifying and streamlining the administrative structure of the central government area.

Compared with the initial round, in the second stage of the competition there were notable efforts made to articulate a new structure and style of the square ensemble, working from the basis of the architectural development of the post-war years – including the construction of large public complexes that shaped the urban landscape in the form of high-rise buildings. In establishing a symmetrical composition for the square, a key role was given to the building of the Supreme Council, situated on the highest point of the area, in the center segment of the existing Government House. The voluminous composition of the Supreme Council building, topped with a sixty-meter-high spire in the center, was intended to give this main building of the capital the role of a city landmark that could be seen from afar. In this design, the façade was of considerable dimensions, extending 200 meters in length. Emphasis was placed on the central component of the building, through an arrow-shaped portico. The Lenin monument built in 1936 in conjunction with B. Korolev's project remained at the main entrance. Attempts to use local planning traditions were reflected in the arrangement of the grounds with water ponds adjacent to the side of the building overlooking the Anchor Quay.

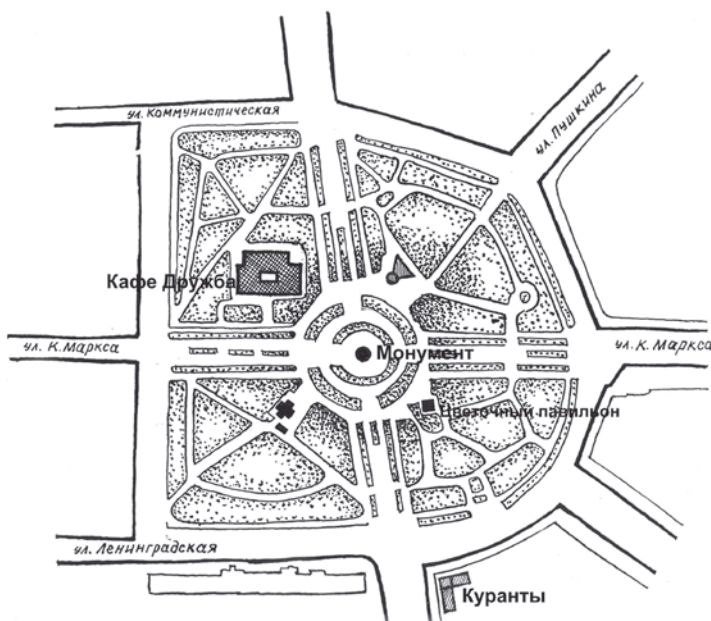
The buildings of the Council of Ministers and the Central Committee of the Party were planned for Leningradskaya Street and Karl Marx Street, thus lining the square to the north and south. Identical in terms of shape and size and guided by the same fundamental planning decision (with some differences in cubic capacity), the buildings are defined by their similarity of design. The main motifs of the façades included porches and colonnades with pointed arches. Designs for the Council of Ministers buildings showed open grounds and winter gardens with dome ceilings.

The project of constructing this square ensemble was combined with a number of progressive national traditions, which reflected the conditions of a hot climate and the associated use of broad, open water surfaces in the form of ponds, fountains, and canals, which represented the first major attempt to develop a new type of administrative complex.

Proposals for the new developments in the area of the Revolution Square (1950s).
Предложения по организации новой застройки района
Сквера революции. (1950-е гг.)

The Architectural Approach to Public Space in the Late Forties and Fifties

The limited finances available for the new planning of the city and the rejection of the work planned for the construction of the Government Square in 1949 based on the competition results significantly complicated the implementation of the General Plan of Tashkent. In this regard, priority was placed on the need to create a comfortable relationship between the various districts and zones of the city and building up areas with highways and public buildings. For example, during the fifties, actions were taken to alter the layout of streets, reconstruct building façades, in some cases adding additional floors, and landscaping walking alleys. Also, monuments to various party figures were erected in major city squares. The Revolution Square (now the Amir

The monument to I. V. Stalin, which turned the Revolution Square into a new urban landmark (beginning of 1950s).
Памятник И.В.Сталину, закрепивший за Сквером революции роль новой градостроительной доминанты (Начало 1950-х гг.)

Temur Square) is one example of an area where the city's architectural design program was implemented. Architectural updates were planned in light of the importance of this area due to concentration of large buildings during the previous period. A number of key buildings around the square, such as the former girls' and boys' secondary school (currently the Institute of Law) and the bank (currently the regional headquarters of the Mirzo Ulugbek Bank) remained as they had been originally planned and designed. A substantial restructuring was planned for the crossroads between the major thoroughfares around Revolution Square at the intersection of Proletarskaya Street (now Amir Temur Street) and Pushkin Streets. The twenties' idea of restructuring a former teacher seminary was limited to the demolition of the church domes topping the building.

The construction of chiming urban clock towers to the southeast of the intersection of Revolution Square and Proletarskaya Street revealed the need for the addition of a second floor to the building of the former seminary. The addition carried out by G. Zhukov in the fifties tactfully retained the architectural forms of the original façade by A. Benois and supplemented the second floor with decorative elements in the shape of window casings, in some cases with curved arches. The chiming clocks (A. Muhamedshin, 1947) were intended as an accent in the city center, in contrast to the teacher seminary, which recalled various European city halls. The L-shaped building of the chiming clocks, punctuated in one corner by a tall, four-sided clock tower, is characterized by various elements of local architecture. In particular, the façades of the portions of the building designated for offices and commercial use were punctuated with lancet windows closes. The tower has stalactite cornices (master Usto Shirin Muradov) and an arched canopy.

The ensemble including the chiming clocks and the teacher seminary are examples of the reconstruction of the main entry path to the area surrounding the Revolution Square. Similar problems were addressed in the reconstruction of the People's Commissariat (A. Yakushev, 1947) through the additional construction of a second floor, which connected the square and the Party Committee building (currently the UzDaewoo Bank) with Pushkin Street.

The construction of the Stalin monument in the early fifties marked the beginning of work on improving the park and rerouting traffic using a highway bypass. It was decided to place the monument at the geometric center of the square, on the former site of the Konstantin Petrovich von Kaufmann monument and the existing obelisk of the "East Lighthouse." The placement of the monument to Stalin on a strong majestic pedestal resulted in one of the key landmarks of the city center and added a complex of buildings around the Revolution Square, adding thus new urban accent. Over the course of the completion of the district park, low-value buildings were demolished, rebuilt originally existing through passages in Marx and Engels streets using them in a green area of the square as pedestrian paths. Freeing the bypass line from rail transport and the addition of improvements rounded out the architectural design of the Revolution Square. In subsequent years, the Druzhba Café, the Nilufar and Snezhok refreshment pavilions, and a rotunda for musicians were erected.

The issue of the reconstruction of the Government House and its architectural design became topical once again with the rejection of the materials submitted for the government complex project (1946–47). Work began on the

interior remodeling of the Government House in 1949, focusing particularly on the conference hall. Using previously implemented practices (in particular in the Navoi theater), plaster cornices, ganch relief and other interior ornamental items were employed.

In 1951, S. Polupanov developed the design for refurbishing the façade of the Government House, which made use of a historical, classic style while incorporating modern architectural trends. A suggestion was made to install a colonnade in the central part of the building, crowned with Belvedere towers at the corners. On the side wings the windows were framed with triangular shapes. A cornice with complex pilaster decoration, stucco details at the main entrance and the crowning spire on the central axis of the building underscored the decorative impetus of the project.

The new version for the reconstruction project of the Government House (designed by S. Polupanov, S. Rozemblyum) from 1951 was limited to minor adjustments. As a result, the central part of the building included a colonnade topped with a pilaster cornice, and the side wings of the monotonous façades were broken up by vertical pilasters.

During the refurbishment of the Government House, the square and the adjacent park were also improved. The final stage of these measures was marked by the replacement of the monument to Lenin (by B. Korolev, 1936) with a new one (M. Manizer, 1956). As the same time, the administrative core of the city was renamed Lenin Square.

The Public Spaces in Tashkent after the Earthquake of 1966

The natural disaster of April 26, 1966 demolished one third of the city's housing complexes, comprising over two million square meters. About 95,000 individual homes were destroyed. 220 children's institutions, 180 educational institutions, and 36 major cultural centers were severely damaged.

The epicenter of the earthquake was in the city center, so most of the damage was concentrated in the central area and ran in an east-west direction, with some deviation to the north. Due to the low depth of the quake, the magnitude at the epicenter was almost eight points on the Richter scale, and the area of maximum damage cover approximately ten square kilometers.

The 1966 earthquake affected the scope and speed of new planning in Tashkent. The previously developed general plan for the city was approved in May 1966. Subsequently, the large-scale construction works undertaken required an amendment of the general 1968 plan, which was drawn up in 1970.

In terms of purpose and structural features, the new construction in the eastern section of the city center fell into two categories. On the one hand, there were the administrative and governmental arrangement of buildings situated in the former Red Square and dedicated to governmental purposes, public use and business. On the other hand there were buildings used for trade, culture and leisure.

Administrative and governmental buildings were located in territories traditionally considered the core of the city, in the Lenin Square (currently Independence Square), the adjacent Parade Alley (currently Green Boulevard), Lenin Avenue (currently Rashidov Avenue) and Lenin Street (Buyuk Turon).

The example of this reconstructed section demonstrates specific features of radical change in urban development from the sixties to the eighties. The main planning element of the administrative and governmental group of buildings was the Lenin Square. The most important element in the reconstruction of the area was a significant expansion of its original boundaries, increasing its surface area to 12.9 hectares.

The new composition of the ensemble consisted of three buildings, which included the new seven-story building of the Council of Ministers on the southern side, a nineteen-story building for the Ministries of the Republic on the northern side, and the Lenin monument (by sculptor M. Manizer),

The Tower building of the Ministries, located in the V. I. Lenin Square (end of 1970s).
Высотное здание Министерств на площади В.И. Ленина
 (Конец 1970-х гг.)

which was retained from the previous ensemble in the west. The eastern side of the square was furnished with a pool of flowing water and a fountain cascading down a wall.

With the intention of opening up the square towards the older, western side of the area, a plan was developed to demolish the former Government House, including the historic White House. However, instead of this the subsequent phase of the Lenin Square reconstruction project foresaw significant changes in the structure of this ensemble:

- placing a new Lenin monument with grandstands (sculptor N. Tomsy) outside the original boundaries of the square to the north, in a position aligned with the previous monument.
- establishing a new Lenin Square, placed to the north of the previous one and bordering the new square to the south by the nineteen-story building of the Ministries, to the north by the planned building of the Supreme Council of the Republic, and to the west by a new Lenin monument;
- transforming the old square (formerly Cathedral Square, then Red Square) and filling it with trees and gardens for use as an open, recreational area, while keeping the former Government House for an unspecified period of time.

The Transformation of the Main Square of Tashkent during the Nineties and Early Two-thousands

The delay in resolving the issues related to the construction of the city's main square made it a very sparsely populated central area for decades (from the seventies until the early nineties). Due to the lack of greenery, it was an unattractive neighborhood in the summer, and in winter the cold winds that often blew through kept Tashkent residents away. Fundamental structural changes were necessary in order to revive the role of the area as the public heart of the city.

Major changes came about with the independence (1991), which led to a fundamental restructuring of the functional arrangement of the square.

Before 1991, the area had been viewed as an important center for Soviet-based ideology and was designated for army and workers parades. When the political status of the square became obsolete, the area became a place for celebrations and festivals. The general principle guid-

The Monument of Independence. Replacing the old ideological symbols of the square. (1991)
Монумент Независимости. Замена прежних идеологических символов площади. (1991 г.)

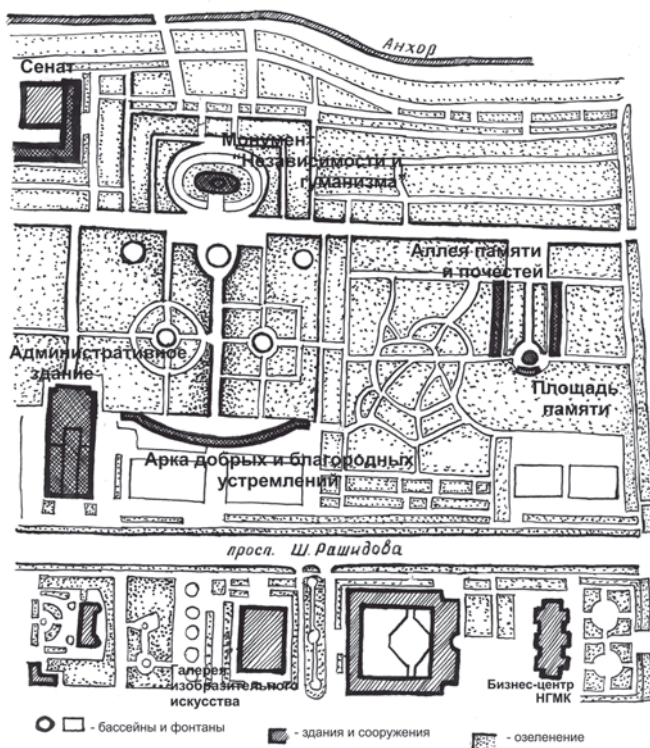
ing the construction of Independence Square after independence consisted of dividing the whole area, including the former – Parade Alley and its surrounding territory, into three zones – northern, central, and southern.

The northern zone included the square in front of the monument, the site of the former Parade Alley extending from the monument to Navoi Avenue, the area of greenery along the Anchor Channel, and the Memorial Square with its park. This zone ended with the exit to Navoi Avenue, where the unfinished building of the Turkistan Concert Hall (1991) was located to the right of the Parade Alley.

The priorities for the northern zone included replacing the old ideological symbols of the square. It was decided to preserve the territory of the old monument, as the predominant part of Mustakillik (Independence) Square. Completed in March 1992, the Independence Monument was erected on the site of the old monument.

The next stage included building major theatrical arena in front of the monument – for cultural celebrations in honor of the new state holidays of Independence Day and Navruz. As a result, the northern section of this area was partially assigned cultural and entertainment functions, which included public transportation (metro) and allowed for the mass crowding of the area on holidays and weekends. To complement this area with a landmark structure, the final phase of construction included the completion of the Turkistan Concert Hall and the landscaping of the large area around the building. In the area defined by the Abdullah Kadiri, Sh. Rashidov and Navoi streets, and the Anhor Channel all low-value buildings and facilities were demolished, and the new park area became an additional section to the Independence Square.

The Memorial to the Unknown Soldier, located in the northern segment of the square, was renovated in 1999. During this restructuring around the alley and the square a memorial was erected in commemoration of “Hotir,”

Redevelopment of the central part of the Mustakillik (Independence) Square (late 1990s)
Перепланировка центральной части площади Мустакиллик. (конец 1990-х гг.)

including the names of Uzbek soldiers killed during World War II. Next to the tomb to the Unknown Soldier stands the Grieving Mother monument, symbolizing the eternal grief of all who have lost their sons, husbands, and brothers during the war. These monuments now serve as official sites for wreath-laying ceremonies during celebrations and diplomatic visits.

Structurally more complicated is the southern zone of Independence Square, facing Uzbekistan Street. Previously the area was overshadowed by the large industrial compound known as NP Technologist, with its expressionless and industrial architecture and façade. In a drastic action, the building was demolished, and the empty lot was then landscaped. The result, was an architectural ensemble in which three buildings of cubic shape corresponded harmoniously. Scientific, artistic, and cultural institutions are joined in the exhibition hall of the Academy of Fine Arts, which constitutes an intellectual focus in Independence Square.

The central square of the city was dedicated to administrative functions for some 140 years and bore various names. From 1868 to 1888 it was the area in front of the residence of the governor-general of the region, from 1888 to 1917 it was called Cathedral Square, from 1917 to 1956 Red Square, from 1956 to 1991 Lenin Square, and from September 1, 1991 onward Independence Square.

The central zone was bordered to the south by the seven-story building of the Council of Ministers and to north by a twenty-story ministerial office building. In the last century (from the seventies to the nineties) the area was characterized by incomplete architectural planning, where the most critical area to the west of the square was determined by the minimally expressive and structurally antiquated building of the former Government House (built in 1932) (pic. 20).

The Reconstruction of this area began in late nineties with the refurbishment of the building of the Council of Ministers. Using modern materials (glass and metal), the building served as a model for the governmental segment of the square in terms of architectural style and artistic image.

The second stage of work was completed in 2004. The building of the Republic Senate was erected on the site of the former Government House building. The architecture of the Senate building, combining functionalist planning and harmonious decorative forms on the exterior, emphasizes the rigor and solidity of the institution.

In recent years, increased attention has been paid to landscaping and irrigating the central districts of the city. Some of these public works were carried out during the construction of the

The Mustaqillik (Independence) Square. Replacement of concrete slabs with green lawns and flowerbeds.
 Площадь Мустақиллик. Замена бетонных участков на зеленые газоны и цветники.

State Conservatory building in the old residential neighborhood of Ukchi-Merganchi. A large park area replaced dilapidated buildings and manufacturing facilities.

The next area to undergo landscaping was the neighborhood of Independence Square and one of its integral components, the former Parade Alley. Whereas this area had been covered by some 130,000 square meters of paved open areas in the shape of roads and other surfaces that attracted the sun in the hot season, thus worsening the climate, a large portion of these concrete surfaces were replaced by green lawns, shrubs, conifers, and flowerbeds. At strategic locations, ponds with fountains were installed to improve the microclimate.

The landscaping of Independence Square is structurally heterogeneous. For example, in the central area of the square there are expansive landscaped sections including a fountain complex, which create a park landscape defined by the unified impression made by compositionally arranged beds of flowers and decorative trees.

On the former Parade Alley areas of greenery have been arranged to form a broad band of landscaping. In the northeast they are connected to a large park and to the Hotir Square. Supplementing the architecture and landscaping of Independence Square was the structure of the Arch of Good and Noble Aspirations, the Independence Monument, as well as the sculptural composition entitled Happy Maternity. The introduction of groups of various sculptures, including those of storks in flight, and the Independence Monument highlights their dominant position in the ensemble of Independence Square. Elaborate urban planning led to the streamlining of human movement in the areas that defined the view of the Arch from afar and the approach to the Arch and other monuments, making it obvious that the vast area of greenery was designed to provide these optimal points of observation.

These activities were concluded by renaming the Independence Monument as the Independence and Humanism Monument.

The Reorganization of the Amir Temur Square

In the years following independence, the restructuring of this square has led to fundamental changes in the area. Gradually, the unsightly buildings surrounding the square were razed and replaced by buildings used for administrative, cultural and entertainment purposes, starting with the Museum of the History of the Temurids on the north side of the square, on the former site of the one-story maintenance buildings of the ALC (demolished in 1995).

The monument of Amir Temur installed in the center of the square (1996).
Монумент Амра Темура, установленный в центре сквера. (1996 г.)

park concluded with the refurbishment of a four-story building originally built in the fifties into the administrative complex, and the demolition of the surrounding low-rise buildings.

The works carried out in the southern section of the park have greatly improved the architectural backdrop of the city center and have resulted in a clear view of these new buildings from many angles.

For a number of decades the Uzbekistan Hotel dominated its surroundings with its tall silhouette in the Amir Temur Square. The neighborhood to the south of the hotel provides a sharp contrast, with its large administrative buildings of little historical value.

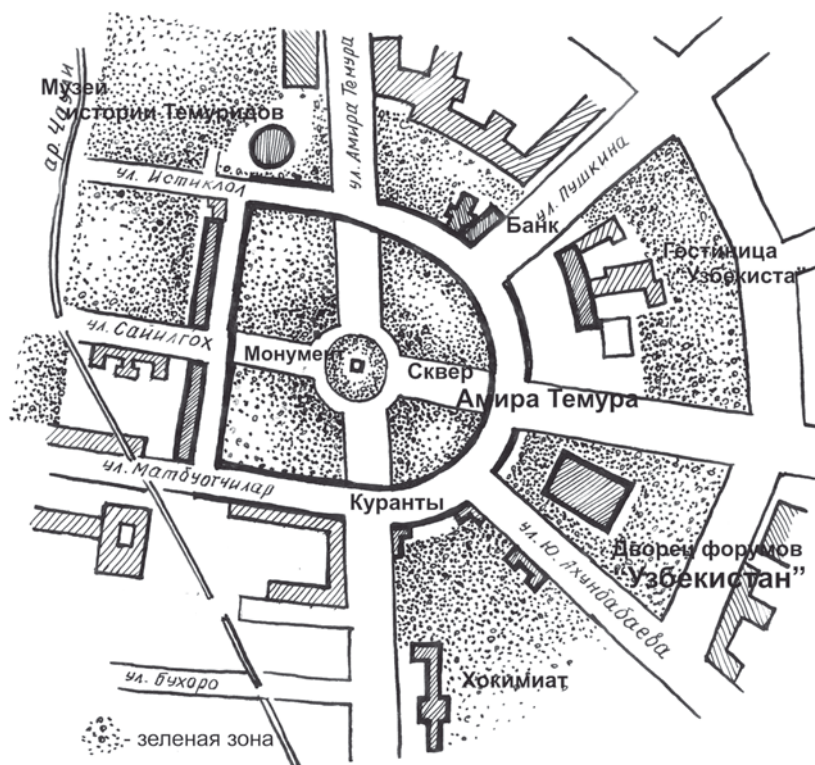
The monumental building of the Palace of Forums “Uzbekistan” was erected between the Tartaqiet and Yuldash Akhunbabayev Streets. Of substantial size and with an impressive exterior, the new palace serves as a new focal element in the Amir Temur Square, as a center for international meetings, celebrations and festivals. This also required a streamlining of the traffic and the establishment of new public areas of greenery through the demolition of old buildings. Valuable historical and architectural structures, such as the chiming clocks near the Palace of Forums, have been preserved and supplemented with a twin building.

The landscaping of the square has been radically altered by a significant reduction in the number of perennial trees, which was based on the idea of opening up a view of the Amir Temur Monument from all sides. As a result, a huge vacant space was created in front of the Palace of Forums, which has made it possible to view the historical and modern buildings around the ring road.

Clearing this green area around the square meant a return to the historical urban planning ideas of 1870, which foresaw an unobstructed view of the Amir Temur Monument at the center of the square from outlying radial highways.

Conclusions

Uzbekistan’s independence in 1991 brought radical changes in the social and political life of the city and introduced the necessity for revising and updating a number of traditional ideas related to the ideological orientation of Independence Square (formerly Lenin Square) and Amir Temur Square (formerly Revolution Square). Over a period of more than two decades, the trappings of party ideology disappeared, in conjunction with the emergence of democratization.

The transformation of public spaces in Tashkent in recent years can be broken down into two stages:

- The early stage was associated with the ideological, cultural and political reorientation of the existing architectural and artistic landmarks. The result was the replacement of monuments and works in public space and the renaming of streets and squares. In the mid and late nineties, new museums (for example, the Museum of Temurid History located in Amir Temur Square), and monumental complexes (devoted to the victims of repression) conveyed meaningful and widely valued ideological and educational content.

- During the second stage of the reconstruction of the city, numerous complexes for administrative use, parks and landscaping projects, buildings for cultural and entertainment purposes, and historical memorials were built (for example, in Independence Square). Carried out with a high degree of architectural and artistic quality, they have transformed the appearance of Tashkent, giving the city its unique and expressive power.

Having been enhanced in terms of social and public relevance, the public spaces of the city center are no longer oriented towards political dictates, but instead towards the needs of the individual, thereby justifying the process of social democratization.

Общественные пространства Ташкента

Абдуманноп ЗИЯЕВ, архитектор-урбанист
(Узбекистан)

На примере площади Мустакиллик и
сквера Амира Темура

The V.I. Lenin Square. Monument to V.I. Lenin and parade on the square in the early 1970s.
Площадь В.И. Ленина. Монумент В.И. Ленина и демонстрации на площади в начале 1970-х гг.

Политическая переориентация общественных пространств

Революция 1917 г. свергнув господство царской монархии с его колониальной системой экономики, установила диктатуру пролетариата в форме советов. Настроенный против прежней власти, советский строй, наряду с уничтожением частной собственности, принял декрет (апрель 1918 г.) «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг».

Первое мероприятие такого характера коснулось Константиновского сквера (переименованного в Сквер революции, ныне Сквер Амира Темура). Истоки его восходят к 1918 г., когда был разрушен помпезный памятник бывшему генерал-губернатору туркестанского

Центральные площади Ташкента, в особенности новой европейской части, на протяжении векового периода были средоточием крупных административных, культурных, торговых и других общественных зданий. Значение двух его исторически сформировавшихся площадей – Мустакиллик и Сквер Амира Темура сохранились и до настоящего времени.

Сложившиеся в первое десятилетие строительства новой части Ташкента (1870-е гг.) как Соборная площадь (Мустакиллик) и Константиновская площадь (Сквер Амира Темура), они главенствовали в публичных пространствах города, являясь их основными композиционными узлами.

Характер застройки двух центральных площадей менялся на разных этапах развития города (колониальный, постсоветский, годы независимости). Наибольшее внимание к ним, как важным участкам административного и политического значения было проявлено в постсоветское время (1920 - 70-е гг.), когда градостроительство развивалось в условиях коммунистической идеологии.

края фон Кауфману, а взамен был сооружен из дерева и фанеры скромный памятник «Освобожденному труду».

В 1927 г. временный памятник был заменен более капитальным под названием «Маяк революции», в котором нашли отражения мотивы национальной архитектуры. Эти первые монументы советов, придав бывшему Константиновскому скверу новое идейное содержание, отвели ему роль главного политического ядра города. В период 1918-30 гг. здесь проходили народные праздники и демонстрации трудящихся.

Социальные и политические преобразования коснулись бывшей Соборной площади, (переименованную в Красную), которые, не изменив облика ее зданий придали им новую специализацию. Красная площадь, до революции предназначенная для административной и торжественно-парадных целей, стала восприниматься (до 1930 г.) центром культурной жизни. Центральное здание площади – Белый дом (бывшая резиденция генерал-губернатора) в комплексе со Спасо-Преображенским собором были приспособлены под народный музей, а площадь стала местом народных гуляний.

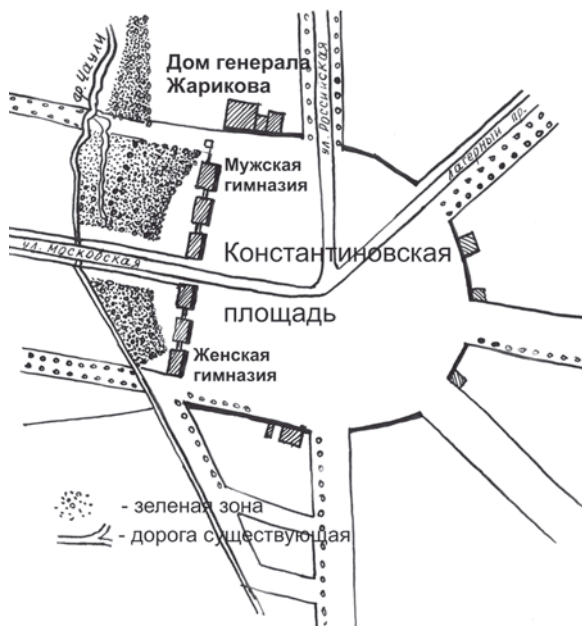
Идеологические преобразования осуществились в городском саду. После разрушения (1918 г.) расположенного здесь монумента русскому солдату, на освобожденном участке был организован небольшой водоем.

Трансформация главной площади Ташкента в 1930-е гг.

Начало реконструктивных работ по бывшей Соборной площади, переименованной в 1920 г. в Красную связано с переводом столицы республики из Самарканда в Ташкент.

19-го марта 1931 г. постановлением СНК (Совет Народных Комиссаров) УзССР было решено построить здание, для правительственных учреждений, теснившихся после переезда из Самарканда в бывшем Белом доме. Первоначальные требования заключались в кратчайших сроках строительства здания, которое являлось бы пристройкой к «Белому дому», и могло вместить в себя ЦИК (Центральный исполнительный комитет), СНК и Госплан Республики. Предполагалось в будущем строительство нового Дома правительства, место постройки и проект которого определится путем специального конкурса (был проведен в 1946 - 1947 гг.). Для осуществления проектных и строительных работ была сформирована правительственная комиссия из трех человек, объем финансирования и сроки завершения объекта – конец 1931-го года.

Изготовленный эскизный проект Дома Правительства не был подвергнут экспертизе или даже простому обсуждению кем-либо из специалистов архитекторов. Все согласование сводилось к утверждению в Госплане Республики. В результате на главной площади Ташкента было возведено здание, своим непривычным видом напоминавшее производственное сооружение, чем

The Konstantinovskaya Square (renamed the Revolution Square, currently the Square of Amir Temur) and its development in the period between 1870 and 1880. Константиновская площадь (переименована в Сквер революции ныне сквер Амира Темура) и ее застройка в период 1870-80-х гг.

Monument to V.I. Lenin in front of the Government House (1936).
Монумент В.И. Ленина перед Домом Правительства (1936 г.).

Дом правительства республики. Это выражалось в использовании модного в те годы архитектурного направления, называемого конструктивизмом, которое широко применялось в общественных объектах города Москвы.

Построенный в Ташкенте Дом правительства представлял собой упрощенный вариант этого архитектурного стиля, выполненный к тому же в спешном порядке. Фасад здания был решен крайне примитивно - полное отсутствие деталей убранства и других приемов архитектурно-художественной выразительности. Простирающееся более чем на 200 м здание выделялось удручающей казарменной монотонностью, и лишь две входные части в здание, со сплошным остеклением, дают намек на желание автора придать объекту какую-либо выразительность. По замыслу С.Полупанова, составной частью архитектурной композиции Дома Правительства являются трибуны с памятником Ленину.

Несмотря на множество архитектурно-планировочных недоработок, вновь отстроенное здание Дома

правительства, актом технической комиссии от 15 ноября 1932 года было принято к эксплуатации.

Следующий этап реконструкции Красной площади связан с установкой перед новым Домом Правительства памятника В.Ленину. Осуществлялись эти работы в течение 1932-1936 гг. и явились началом нового устройства административно-политического центра республики, с элементами монументальной коммунистической пропаганды. Другим шагом в этом направлении было уничтожение остатков прежнего строя – бывшую резиденцию генерал-губернатора и градостроительную доминанту площади – Спасо-Преображенский собор (снос собора был проведен воинственными атеистами из числа студентов в апреле 1932-го года).

Однако период реконструкции правительственной площади не был завершен. Новый Дом правительства оставался в своем неприглядном виде еще десятилетие. Некоторую завершенность его облику придавал удачно выполненный монумент (1936 г., Б.Королев), представлявший собой сочетание отдельных гранитных блоков различных геометрических форм.

Трансформация застройки Сквера революции в 1930-х гг.

В ходе проведенных в 1930-е гг. реконструктивных работ периметральная застройка Сквера революции претерпевает значительные изменения. Снос колокольни и купола с барабаном над бывшей Александровской церковью (конец 1920-х гг.), а впоследствии надстройка второго этажа над зданием учительской семинарии (полностью осуществлена лишь в 50-е гг. по проекту Г.Жукова), по новому формировали южную часть Сквера революции.

Эти изменения отражали социальную сторону преобразований и были вызваны проблемами экономического характера. Трудности, связанные с нехваткой аудиторного фонда, привели к надстройке в 1932 г. третьего этажа над зданием Среднеазиатского университета

(в корпусах бывших мужской и женской гимназий). Одновременно с реконструктивными мерами происходит дополнение района Сквера революции новыми постройками. Имевшее угловое решение здание Узбекторга (1929-30-гг., Г.Сваричевский, ныне снесено) и трехэтажное здание Промбанка (1938 г. В.Волчек, ныне УзДЭУ банк) оформили выход улицы Пушкина к Скверу революции. Такое же назначение имели расположенные в начале ул. Куйбышевской здание телефонной станции (1928 г., А.Гершенин, ныне снесено), и решенное с использованием национальных мотивов двухэтажное здание политехнического музея (1934 г., А.Петелин, ныне Выставочный павильон Академии художеств).

Реконструкция правительственной площади в конце 1940-х гг.

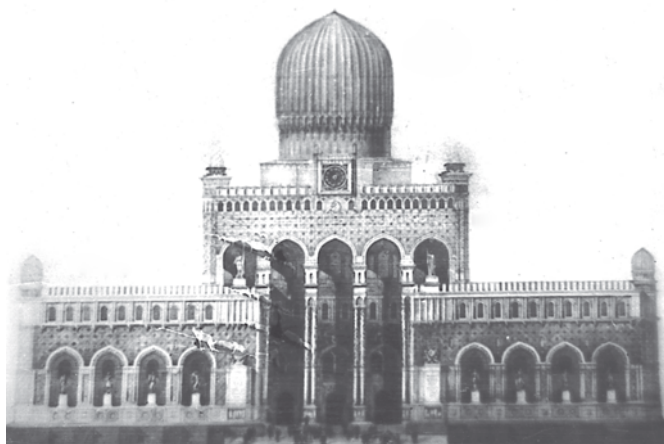
Конкурсные разработки проекта реконструкции главной площади республики в 1946-47-х гг. оказали существенное влияние на перепланировку центра Ташкента. Сущность планируемых работ состояла не только в выборе наиболее приемлемого варианта ансамбля площади, но и в определении взаимосвязи между главной площадью города с другими зонами общественного назначения, в частности, с неблагоустроенной западной территорией.

В первом, закрытом, туре конкурса были рекомендованы следующие условия: во-первых, Дом правительства должен представлять комплекс зданий, расположенных вокруг расширяемой площади. Зданию Верховного совета отводился участок с восточной стороны, зданию СНК (Совет Народных Комиссаров) – с южной стороны, а здание ЦК КП с северной стороны площади;

во-вторых, памятник Ленину сохраняется на старом месте, с дополнением с двух сторон постоянных трибун; в-третьих, среднюю часть существующего Дома правительства предлагалось разобрать и организовать проход от площади в старый город, через канал Анхор. Сохраняемые части Дома правительства путем реконструкции включались в ансамбль площади.

Наряду с градостроительными задачами в первом туре конкурса определялась стилистическая направленность архитектуры площади. Черты монументальности и помпезности в большинстве конкурсных проектах проявлялись в стремлении придать ансамблю Дома правительства величественной характер. Примером такого решения является проект, представляющий группу правительственных зданий, опоясанных рядом аркад и увенчанных гур-эмировскими куполами (В.Архангельский, А.Петелин, А.Сидоров).

Некоторые архитекторы стремились воссоздать в зданиях образцы средневековых замков, с мощными глухими подпорными стенами, с узкими окнами – бойницами, а ряд архитекторов избрали для композиции фасадов пештаки и глухие дуговые стены. Значительное число таких разработок связано с новизной поставленной задачи – широкого использования национального наследия. В итоге первого тура конкурса было решено разработать новый проект ансамбля площади, на основе предложений архитекторов А.Бабаханова, В.Волчека и С.Полупанова, которые более полно отвечали требованиям конкурса.

Второй тур конкурса выдвинул новые предложения по организации застройки площади. Она планировалась как главный административно-политический центр города, окаймленный с четырех сторон административными зданиями. Размещение на месте Дома правительства здания Верховного Совета (с высотным шпилем) закрепляло за площадью функции главного ядра города. Этим решением устранялась ранее предполагавшееся развитие правительственного центра на запад, к будущей площади Алмазар. Такое решение композиции площади понималось, возможно, как средство упрощения и упорядочения структуры административно-правительственной зоны центра.

По сравнению с предыдущим, во втором туре конкурса заметны попытки по-новому выявить структуру и стилистику ансамбля площади, разрабатывая ее на основе архитектурной направленности послевоенных лет – строительство крупных общественных комплексов с градоформирующим элементом в виде высотного здания. В симметрично-объемной композиции проекта площади главная роль отводилась зданию Верховного Совета, с расположением его в самой высокой точке местности, в средней части существующего Дома правительства. Объемная композиция здания Верховного Совета, увенчанная шпилем 60-метровой высоты в центре здания, предназначалась роль главного здания столицы, обозреваемая со всех сторон и служившая ориентиром в системе города. В композиции значительного по протяженности главного фасада (200 м) основной акцент сделан на обработку центральной части стрельчатым портиком. Перед главным входом сохранялся памятник Ленину, построенный в 1936 по проекту Б.Королева. Попытки применения местных планировочных традиций отразились в устройстве внутренних двориков с водоемами в части здания, выходящих на Набережную Анхора.

Здания Совета Министров и ЦК КП предполагались по улицам Ленинградской и К.Маркса и ограничивали площадь с южной и северной сторон. Прямоугольные в плане и идентичные по объемному и планировочному решению (с некоторой разницей в кубатуре) оба здания характеризовались близостью своих художественных образов. Основным мотивом фасадов являлись портики, стрельчатые завершения арочных колоннад. В планировочном решении здания Совета Министров выделялись открытые дворики, зимние сады, с купольными перекрытиями.

Проект застройки ансамбля площади сочетал некоторые прогрессивные национальные традиции. Это учет условий жаркого климата и связанное с ним применение широких водных поверхностей в виде водоемов, фонтанов, каналов – что являлось первой крупной попыткой разработки нового типа административного комплекса.

Архитектурный облик общественных пространств в конце 1940 – 1950-х гг.

Сдержанное финансирование перепланировки города, а в 1949 г. отказ от намеченных работ по итогам конкурса застройки правительственной площади, усложнило реализацию Генерального плана Ташкента. В этой связи принцип размещения первоочередного строительства определялся созданием удобных связей между зонами города и одновременной застройкой магистралей и площадей комплексами общественного назначения. Например, в период 1950-х гг. осуществлялось архитектурное оформление улиц, реконструкция фасадов зданий, в ряде случаев надстройка дополнительных этажей, благоустройство пешеходных трасс, а также установка на наиболее крупных площадях памятников в честь партийных деятелей.

Сквер революции (ныне Амира Темура) – один из примеров осуществления программы архитектурного оформления города. Придавая значение этому району, как месту концентрации крупных зданий, построенных в предшествующий период, намечались

работы по архитектурному их обновлению. Ряд узловых зданий вокруг Сквера, таких как бывшая женская и мужская гимназии (ныне Юридический институт) и банк (ныне Мирзо Улугбекское районное отделение банка) сохранялись, как завершённые в планировочном и архитектурно-художественном отношении. Существенная перестройка наметилась на участке пересечения транспортной магистрали Сквера революции с улицами Пролетарской (ныне Амира Темура) и Пушкинской. Вопрос перестройки бывшей учительской семинарии, поднятый ещё в конце 1920-х гг., был ограничен сносом куполов церковной части семинарии.

Строительство городских курантов на юго-восточном участке пересечения Сквера революции и ул. Пролетарской выявило необходимость надстройки второго этажа бывшего здания семинарии. Осуществлённая перестройка (Г.Жуков, 1950-е гг.) тактично сохранила архитектурные формы фасада, выполненные А.Бенуа, и дополнила второй этаж декоративными элементами в виде оконных наличников, в ряде случаев с полукруглыми завершениями. Зданию курантов (А.Мухамедшин, 1947 г.) в отличие от учительской семинарии, повторившему композицию городских ратуш некоторых европейских стран, предназначалась роль градостроительного акцента центра города. Г-образное в плане, с возвышением в угловой части в виде четырехгранной башни с часами, здание курантов характеризуется наличием ряда элементов местной архитектуры. В частности, фасады служебных (торговых) помещений здания прорезаны окнами со стрельчатыми завершениями. Башенная часть выполнена с применением сталактитовых карнизов (мастер Усто Ширин Мурадов) и арочного фонаря.

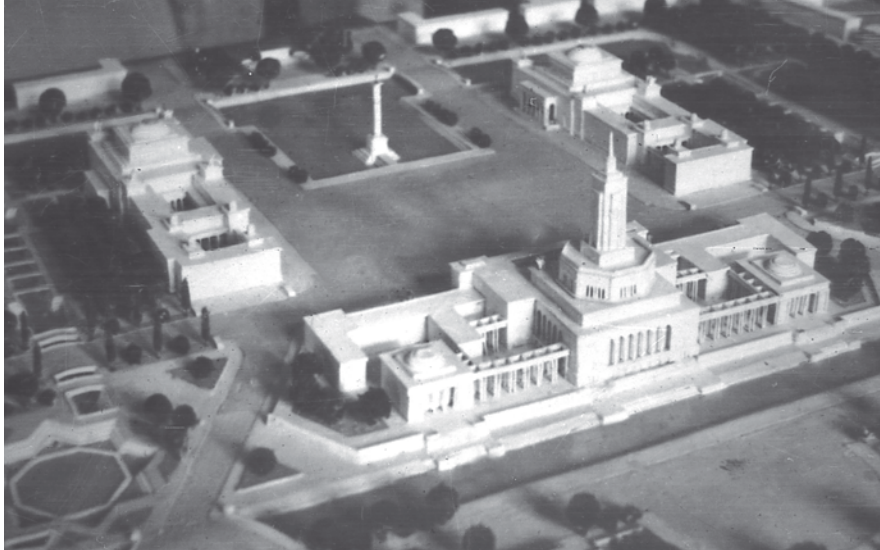
Ансамбль курантов и учительской семинарии являются примером организации парадного входа в зону Сквера революции. Аналогичная задача решалась при реконструкции здания Наркомторга (А.Якушев, 1947 г.) путем надстройки второго этажа, образующего со зданием горкома партии (ныне УзДЭУ банк) связь Сквера с улицей Пушкинской.

Сооружение (начало 1950-х гг.) монумента Сталина положило начало работам по благоустройству сквера и пересмотру транспортного передвижения по его обводной магистрали. Местом для памятника был избран геометрический центр сквера, где некогда стоял памятник генералу фон Кауфману, а затем обелиск «Маяк Востока». Установка памятника Сталину, на мощном величественном пьедестале закрепило за ним одну из главных опорных точек центра и дополнила комплекс зданий вокруг Сквера революции новой градостроительной доминантой. В ходе благоустройства района сквера, были снесены малоценные строения, восстановлены первоначально существовавшие сквозные проезды по улицам К.Маркса и Энгельса с использованием их в зеленой зоне сквера под пешеходные аллеи. Освобождением обводной магистрали от рельсового транспорта и проведением работ по благоустройству завершился цикл мероприятий по архитектурному оформлению Сквера революции. В последующие годы здесь были построены кафе «Дружба», павильоны прохладительных напитков «Нилуфар», «Снежок» и ротонда для музыкантов.

Вопрос реконструкции Дома правительства и его архитектурного оформления вновь возник с отклонением материалов конкурса (1946-47 гг.) на проект правительственного комплекса. В 1949 г. начались работы по переустройству интерьеров, в частности зала заседаний Дома правительства. Используя имеющийся опыт (в частности по театру Навои) здесь применены лепные карнизы, рельефные ганчевые украшения и другие элементы внутреннего декора.

В 1951 г. С.Полупановым был разработан проект реконструкции фасада Дома правительства, продемонстрировавший в трактовке образа здания ранее применяемый классический стиль, но с учетом современных архитектурных течений. Предлагалось устройство в центральной части здания колоннады (между двумя выступающими объемами), увенчанных по углам башнями-бельведерами. Боковые крылья оформлялись путем обрамления оконных проемов треугольными завершениями. Карниз со сложной раскреповкой, лепные детали главного входа и венчающий шпиль по центральной оси здания свидетельствовали о декоративном характере проекта.

В новом варианте проекта реконструкции Дома правительства (С.Полупанов, С.Роземблум), ограничились внесением незначительных коррективов в проект 1951 года. В результате в центральном объеме здания была устроена колоннада, увенчанная раскрепованным карнизом, а боковые крылья монотонного фасада были расчленены вертикалями пилястр.

При реконструкции Дома правительства была благоустроена территория площади и прилегающего к ней сквера. Завершающим звеном работ явилось замена скульптуры Ленина (автор Б.Королев, 1936 г.) на новую (М.Манизер, 1956 г.). Тогда же было переименовано административное ядро города в площадь Ленина.

Общественные пространства Ташкента после землетрясения 1966 года

Стихийное бедствие, случившееся 26 апреля 1966 г., уничтожило трети жилого фонда города, составляющее более 2 млн. м². Было повреждено и разрушено около 95 тыс. индивидуальных домов. Пострадали 220 детских учреждений, 180 учебных заведений и 36 крупных культурных центров.

Эпицентр землетрясения пришелся на центр города, и поэтому основной ущерб понес центральный район, в направлении восток-запад, с некоторым отклонением к северу. Благодаря небольшой глубине очага, сила сотрясения в эпицентральной зоне была около 8 баллов, а зона максимальных разрушений – 10 км².

Землетрясение 1966 г. повлияло на размах и темпы перепланировки Ташкента. Был утвержден ранее разработанный генеральный план города (май 1966 г.). В последующем масштабные строительные работы потребовали корректуры Генплана (1968 г.), доработка которого была завершена в 1970-м году.

По содержанию новой застройки и структурным особенностям восточный участок городского центра был подразделен на две группы: первая – административно-правительственная, размещенная на бывшей Красной площади, и состоявшая из учреждений государственного управления, общественной и деловой жизни; вторая – здания торговли, культуры и досуга.

Здания административно-правительственного назначения размещены на территории, традиционно считавшейся ядром центра города, на площади Ленина (ныне Мустакилик), прилегающей к ней Аллее парадов (ныне зеленый бульвар), проспекта Ленина (ныне Рашидова), улицы Ленина (Буюк Турон).

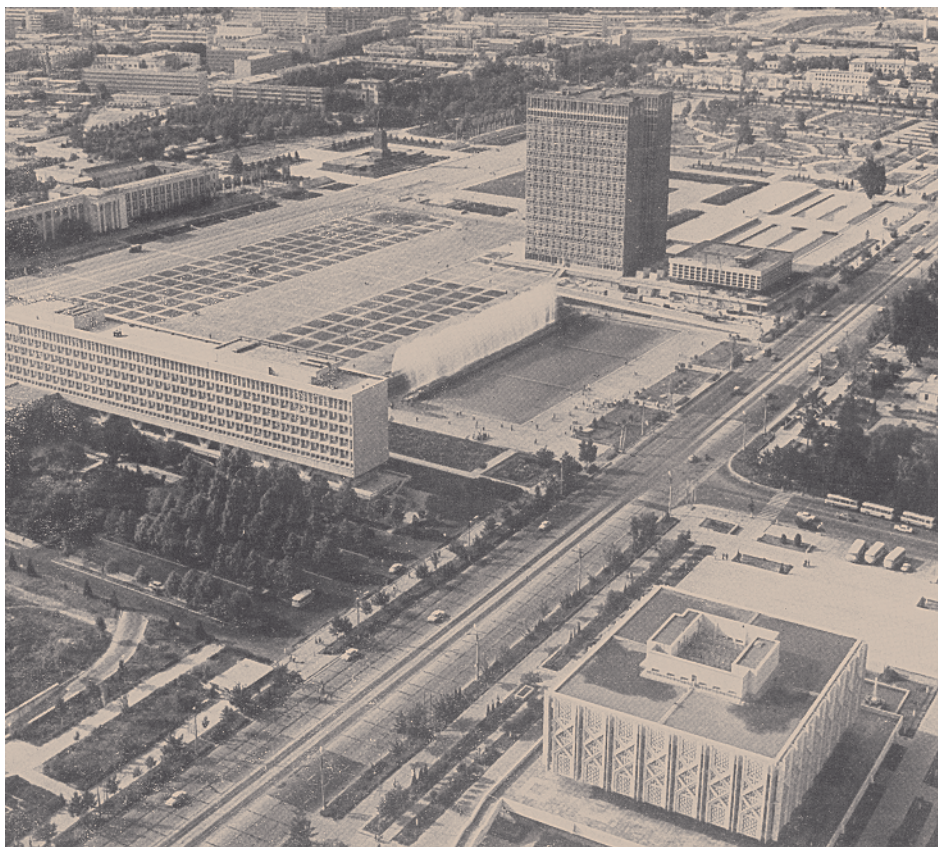
На примере этого реконструированного участка можно проследить особенности радикальных градостроительных перемен 1960-80-х гг. Главным планировочным элементом административно-правительственной группы зданий служила площадь Ленина.

Важнейшим мероприятием по реконструкции площади явилось значительное расширение первоначальных ее границ и территории до 12,9 га.

Новая композиция ансамбля площади формировалась тремя объемами, включавшими в себя с южной стороны новое протяженное 7-этажное здание Совета Министров, с северной стороны 19-этажное здание Министерств республики, с запада – сохраняемый от предыдущего ансамбля площади памятник Ленину работы скульптора М.Манизера. Восточную сторону площади ограничивал бассейн с фонтанирующей водной стеной – завесой.

С целью раскрытия пространства площади в западную старую часть предполагался снос бывшего Дома правительства, включавшего в себя исторический Белый дом. Однако последующий этап осуществления проекта реконструкции площади Ленина в натуре предусматривал значительные изменения в структуре ее ансамбля, которые состояли в следующем:

- размещение нового памятника Ленину с трибунами (скульптор Н.Томский) за пределами первоначальных границ площади, севернее, вдоль красной линии предыдущего памятника.
- организация новой площади Ленина, размещаемой севернее предыдущей и формируемой с юга 19-этажным зданием Министерств, с севера проектируемым зданием Верховного Совета республики, с запада новым памятником Ленину;
- старая площадь (бывшая Соборная, впоследствии Красная), сохраняя на неопределенное время бывший Дом правительства, озеленяется и функционально используется как открытое пространство зоны отдыха.

General view of the administrative center of the government complex in Tashkent. (Mid - 1970s).
Общий вид административно-правительственного комплекса центра Ташкента. (середина 1970-х гг.).

Трансформация главной площади Ташкента в 1990-2000 гг.

Затянувшееся решение вопросов застройки главной площади города делали ее в течение десятилетий (1970-начала 90-х гг.) самым малолюдным участком центра города. Летом, в отсутствии здесь зелени было неуютно, а зимой, часто дующие холодные ветра не притягивали сюда жителей Ташкента. Для возвращения площади роли главного общественного ядра города были необходимы коренные структурные изменения.

С приобретением независимости (1991) произошли перемены, которые привели к кардинальной перестройке функционального устройства площади.

Ранее, до 1991 года, площадь, как главный центр прошлой идеологии предназначалась для военных парадов и демонстраций трудящихся. С устранением политического статуса площади она стала местом проведения праздников и народных гуляний. Общие принципы застройки площади Мустакиллик в годы независимости слагались из следующих позиций:

- вся площадь, включая бывшую Аллею парадов и окружающую ее территорию, условно была подразделена на три зоны – северную, центральную и южную.

В северную зону входили: площадь перед монументом, участок бывшей Аллеи парадов от монумента до проспекта Навои, зеленая территория вдоль канала Анхор, мемориальная площадь памяти с парком. Завершилась эта зона выходом на проспект Навои, где недалеко, строго по оси Аллеи парадов располагалось недостроенное здание концертного зала Туркестон (ситуация 1991 г.).

В число первоочередных задач по северной зоне входила замена прежних идеологических символов площади. В новых условиях было решено сохранить территорию старого памятника – как доминирующего участка площади Мустакиллик. В результате конкурса (март 1992 г.) на месте старого памятника был установлен монумент Независимости.

Следующий этап – устройство перед монументом крупной театральной арены – для проведения культурных торжеств в честь новых государственных праздников – Дня

Независимости и Навруза. В итоге северная зона площади частично была наделена культурно-зрелищной функцией, чему способствовали транспортные удобства (станция метро) и массовое заполнение этой территории в дни праздников и выходных. Для дополнения этой зоны зрелищными функциями, завершилось строительство концертного зала «Туркестон», и значительная территория вокруг этого здания была озеленена. В границах улиц Абдуллы Кадыри, Навои, Ш.Рашидова и набережной Анхора снесены все малоценные здания и сооружения и новая парковая территория становится дополнительным звеном площади Мустакиллик.

Второй этап работ был завершен в 2004 г. На месте бывшего Дома правительства сооружено здание Сената Республики. Архитектура здания Сената, сочетая планировочный функционализм и внешнюю гармонию декоративных форм, подчеркивает строгость и солидность учреждения.

В последние годы уделяется повышенное внимание озеленению и обводнению центральных районов города. Часть таких работ была осуществлена в ходе возведения здания Государственной консерватории на территории старых жилых массивов Укчи – Мерганчи. Крупная парковая зона возникла здесь взамен ветхой застройки и некоторых производственных сооружений.

Следующий этап озеленения центра был проведен на территории площади Мустакиллик и ее составной части – бывшей Аллее Парадов. Ранее здесь было около 130 000 м² открытых забетонированных участков в виде дорог и площадей, которые нагреваясь в жаркое время года, ухудшали микроклимат. Для устранения этой проблемы площади, значительная часть бетонных участков была заменена на зеленые газоны, хвойные кустарники и цветники. В наиболее ключевых местах, с целью улучшения микроклимата, сооружены водоемы с фонтанами (рис. 21).

В структурном отношении зеленые участки площади Мустакиллик неоднородны. В одних случаях, например в центральной зоне – это крупные озелененные массивы с комплексом фонтанов, которые создавали своеобразный парковый пейзаж в единстве с композиционно расположенными типами разных посадок цветов и декоративных деревьев.

На бывшей Аллее Парадов зеленые массивы устроены в виде широкой полосы. С северо-востока они соединяются с крупным парковым участком Аллеи и площадью «Хотира». Дополнением к архитектуре и парковому искусству площади Мустакиллик стало сооружение Арки добрых и благородных устремлений и Монумента Независимости – скульптурной композиции «Счастливое Материнство». Внедрение скульптурных групп (парящие аисты) и Монумента Независимости акцентирует их доминирующее положение в ансамбле площади Мустакиллик. Упорядочение движения в зоне дальних и близких подходов к Арке и Монументу, выявление планировочными средствами пунктов их наилучшего обозрения достигнуто путем тщательно разработанной градостроительной организации этой обширной озелененной территории.

Завершились эти работы переименованием Монумента Независимости в Монумент Независимости и Гуманизма.

Переустройство сквера Амира Темура

В годы независимости перепланировка его структуры привела к коренным изменениям. Постепенно территория сквера освобождалась от вкраплений маловыразительных зданий. Взамен возведены сооружения административного и культурно-зрелищного назначения, начиная с музея истории Темуридов на северной стороне сквера, на месте одноэтажных хозяйственных построек ОДО (1995 г.).

Это круглое в плане монументальное сооружение, с бирюзовым куполом, архитектурно оформляло вход в район сквера со стороны проспекта Амира Темура. Тогда же, в центре сквера был установлен монумент Амира Темура.

Следующий этап предусматривал реконструкцию южной стороны сквера (1996-97 гг.). Был перестроен концертный зал им. Свердлова под Биржевой центр (1997 г.). Здание народного банка заняло территорию ветхих зрелищных построек городского парка. Постановка его на возвышенном участке, со значительным отступом от красной линии фронта улицы, позволило расширить сферу ее обозрения. Хорошо просматривается

Reducing the amount of perennial trees opened up access to a circular overview of the monument to Amir Temur.

Сокращение количества многолетних деревьев раскрыло доступ для кругового обозрения памятника Амира Темура.

его крупный бирюзовый купол с улицы Амира Темура и перпендикулярно расположенной к ней улицы Бухоро. Завершение южного участка сквера было связано с переустройством 4 этажного здания (постройка 1950-х гг.) под административный комплекс, и сносом малоэтажных построек вокруг него.

Проведенные работы по южному участку сквера значительно улучшили архитектурный фон центра города и создали возможность широкого обозрения новых зданий с многих видовых точек местности.

Гостиница «Узбекистан» в течение нескольких десятилетий своим высотным силуэтом доминировала в вертикальном пространстве района сквера Амира Темура. В квартале, южнее гостиницы, территория представляла собой резкий контраст крупных административных построек со старой малоценной застройкой.

Между улицами Тарракиет и Юлдаша Ахунбабаева осуществлено строительство монументального здания – Дворца форумов «Узбекистан». Значительный по масштабу и выразительному внешнему облику, новый дворец функционально переориентировал район сквера Амира Темура. Здесь стал формироваться центр по проведению международных встреч, праздничных торжеств, народных гуляний. Это потребовало упорядочение транспортных потоков района, создание новых открытых зеленых пространств за счет сноса старых сооружений. Ценный историко-архитектурный объект – городские куранты, вблизи Дворца форумов, был сохранен и дополнен зеркально возведенным сооружением – двойником.

Радикально изменились зеленые массивы сквера, путем значительного сокращения числа многолетних деревьев, что аргументировалось раскрытием для кругового обозрения монумента Амира Темура. В результате перед Дворцом форумов появилось крупное свободное пространство; одновременно стали обозреваться исторические и современные здания вокруг обводного транспортного кольца.

Разуплотнение зеленой зоны сквера привело к возврату первоначальных градостроительных идей (1870 гг.) – раскрытие с отдаленных точек радиальных магистралей вида на монументальное сооружение в центре сквера – памятник Амиру Темуру.

Заключение

Коренные изменения политической жизни общества (приобретение независимости Узбекистана в 1991 г.), вызвали необходимость пересмотра и обновления ряда привычных представлений о идейном содержании площади Мустакиллик (бывшая Ленина) и Сквера Амира Темура (бывший Сквер революции). За прошедшие два с лишним десятилетия, в связи с появившимися в обществе новыми требованиями демократизации, исчезло само понятие партийной идеологии.

Трансформацию общественных пространств Ташкента за последние годы можно подразделить на два этапа:

- ранний, связанный с идейно-культурной и политической переориентацией архитектурно-художественных ценностей. Итогом его стала замена монументальных объектов и переименование улиц и площадей. Воздвигнутые в середине и конце 1990-х гг. здания музеев (например, истории Темуридов в районе Сквера Амира Темура) и монументальных комплексов (например, жертвам репрессий) несли в себе глубокое и многозначное идейное и воспитательное содержание.

Во втором этапе перестройки города появились многочисленные комплексы административного, парково-ландшафтного, культурно-зрелищного и историко-мемориального содержания (например, на площади Мустакиллик). Выполненные на высоком архитектурно-художественном уровне, они преобразили облик Ташкента, придав ему неповторимость и выразительность.

Общественные пространства центра города получая новое социально-общественное содержание, ныне отвечают не политическим запросам, а на потребности индивидуального человека, что свидетельствует о процессе демократизации общества.

Chapter II

Investigating, Mapping,
Reclaiming Public Space

SPALCE
NIN
RIN

Исследование, картография, востребование общественного пространства

Contents:

Mobile Workshop – Dushanbe / Мобильная Мастерская – Душанбе	114/119
Case study: The National Teahouse and the Komsomolskiy lake – Gulbara OMOROVA (KZ), Bahtier RAKHIMOV (TJ), Sitara TURSUNOVA (TJ) / Случай: Национальная чайхана и Комсомольское озеро – Гулбара ОМОРОВА (Кыргызстан), Бахтиёр РАХИМОВ (Таджикистан), Ситора ТУРСУНОВА (Таджикистан)	123/130
The Vanishing city. The Parks of Dushanbe – Gafur SHERMATOV, journalist, urban activist (TJ) / Исчезающий город. Парки Душанбе – Гафур ШЕРМАТОВ, журналист, городской активист (Таджикистан)	137/143
Mobile Workshop – Almaty / Мобильная Мастерская – Алматы	150/155
Appropriation of public space through cultural action – Vladimir US, curator (MD) / Апроприация общественных пространств через культурные акции – Владимир УС, куратор (Молдова).	160/164
Mobile Workshop – Bishkek / Мобильная Мастерская – Бишкек	169/174
To Change Ourselves by Changing the City – STEALTH.unlimited – Ana DZOKIC, SRB/NL and Marc NEELEN, Rotterdam, NL. / Изменить себя, изменив город – [STEALTH.unlimited] Ана ДЖОКИЧ (Сербия/Нидерланды) и Марк НИЛЕН (Нидерланды)	179/184
Post-Soviet Residential Quarters – a Model for Developing the Modern Urban Milieu – Gamal BOKONBAEV, architect, curator (KG) / Постсоветский квартал как модель развития современной городской среды – Гамал БОКОНБАЕВ, архитектор, куратор (Кыргызстан)	190/198
Research-Documentation Lab and Theoretic Seminars / Исследовательско-документационная Лаборатория и Теоретические Семинары	206/209
Art-walks in Almaty – Yulia SOROKINA, curator (KZ) / Арт-прогулки по Алматы – Юлия СОРОКИНА, куратор (Казахстан)	213/218
The Factory Kitchen Chronicles – Nelya KORZOVA, curator (RU) / Хроники Фабрики-Кухни – Неля КОРЖОВА, куратор (Россия)	224/232

Mobile Workshop - Dushanbe

Period: 18 - 22 JUNE, 2014

Location: Dushanbe Art Ground center

Project organizer: Dushanbe Art Ground (Public Foundation “Sanati Muosir”)

Workshop lecturers/tutors: [STEALTH.unlimited] – Ana DŽOKIĆ, (SRB/NL) and Marc NEELEN, (NL).

Participants: architects, designers, researchers, urban activists and visual artists from Tajikistan, Kyrgyzstan, Kazakhstan and Uzbekistan.

Project partners in Tajikistan: The State University of Visual Art and Design of Tajikistan, The Union of Artists of Tajikistan, The Union of Designers-TJ, The Union of Architects-TJ/Dushanbe.

Regional partners: “Urban initiatives”- Public Foundation (Bishkek, Kyrgyzstan), Museum Studio/Bishkek, Urban Initiatives “Ctrl+S Almaty”, ICOMOS Fund Kazakhstan, Saken NARYNOV -studio VDNH/Almaty.

Description:

The Mobile Workshop was conceived as a 4-day interaction between the project participants and the invited tutors: [STEALTH.unlimited] – Ana DŽOKIĆ (SRB/NL) and Marc NEELEN (NL). It consisted in presentations, lectures, two guided tours by Gafur SHERMATOV (journalist, urban activist, (TJ)) and Salya MAMADZHONOVA (architect urbanist, (TJ)), followed by working sessions taking place in Dushanbe, where power is concentrated and where the main urban changes occurred recently. The workshop participants collected data and provided comprehensive analyses concerning the causes, main actors as well the consequences of urban transformations and their impact on the standards of society. Based on this research platform the project participants examined the structural determinants of public space and how it relates to the dominant activities both of the state – a public institution – and of business and commercial interests – the private interests, under the modern “Asian” type of capitalism.

Participants:

Bakytzhan SALIKHOV (KG)
 Asel YESZHANOVA (KZ)
 Tatyana FADEYEVA (UZ)
 Alexandr NIKOLAEV (UZ)
 Gulbara OMOROVA (KG)
 Aziz TIMUROV & Bakhtiyor RAHIMOV(TJ)
 Ozar SHARIFI & Suleiman SHARIFI, (TJ)

Alla RUMYANTZEV(TJ) & Alexei RUMYANTZEV(TJ)

Sitora TURSUNOVA & team of PA/PESHRAFT (Parvin ZIEAEVA, Kamil RAKHIMOV,
Muhammad BOROTOV, Rustam DJAMALOV, Alisher ABDIEV, Xenia KIM) (TJ)

Contributions to the Mobile Workshop - Dushanbe by [STEALTH.unlimited] – Ana DŽOKIĆ, (SRB/
NL) and Marc NEELEN, (NL):

Lecture-1: The City: Commodity or Common Ground?

In this lecture STEALTH introduced a series of investigations in cities that underwent a so-called period of “transition” during the last decades, sparked by the geopolitical changes in the early 1990s. This line of investigations called “Cities Log” started from an exhibition made for the 4th Tirana International Art Biennial (2009) in Albania, which put Ana and Marc in front of the challenge to gain an understanding of the rapid growth of the city of Tirana without having direct access to the persons directly responsible for this fast and at times speculative growth. Therefore, they decided to map the urban changes in important cities in the surrounding countries (like Croatia, Serbia, Montenegro, Macedonia) in order to compare the mechanisms and their effects on the changing cities. This has led to the first Cities Log, which has

seen special editions for Tirana, Novi Sad, Chisinau, Novi Pazar and Sarajevo. In their talk, STEALTH will also speak about pioneering groups of cultural workers, artists, architects and citizens that challenge the disruptive effects on public space, the effect of privatization on the city, and of ad-hoc changes to laws and urban plans. The cases of Right to the City in Zagreb, the struggle of citizens to keep their Peti Park in the centre of Belgrade, and Smarter Building – a project that STEALTH co-initiated in order to re-invent affordable housing in Belgrade, will be highlighted. In short, these initiatives try to re-define the city as a common ground – something we hope to do within the mobile workshop as well.

Lecture-2: STEALTH: A Practice on the Run.

In their talk, Ana and Marc presented – through numerous illustrations and in discussion with the workshop participants and guests – the trajectory of their evolving practice, which started from a research of the rapid urban changes in the city of Belgrade after the break-up of Yugoslavia in the 1990s (“Wild City” research, 1999-2001). Once they understood that they had very few professional tools to analyse the enormous unplanned changes the city was going through, they stepped out onto the street and started investigating and cataloguing the seemingly chaotic city around them. This has resulted on the one hand in a practice in which the mapping of urban change has been a constant preoccupation, but on the other hand in a practice that aims to discuss the urgent need for the professional world of architects and urban designers to develop an attitude towards this, as well as new tools and mindset to intervene in it – like in STEALTH’s project for the Venice Architecture Biennale “ARCHIPHONIX” (2008) that explored the need for change in architectural education. Last but not least, for Ana and Marc the experiences from their “Wild City” research also pointed out the necessity to envision the future of cities together with the citizens of these cities, something they have taken as one of their main drives. They will speak about this through their spatial intervention “(Dis)assembled” (2011) on claiming public space in the city of Gothenburg, Sweden, as well as the search for a common ground in the city of Novi Pazar, Serbia with the publication “What Pazar has in common(s)?” (2012).

Other contributions to the workshop:

1. Guided tour “Vanishing city. Parks of Dushanbe”

by Gafur SHERMATOV – journalist, urban activist, (TJ).

Period: 19 of JUNE

Location: Dushanbe.

The guided tour was focused on parks – the Park of the Opera and Ballet Theatre, Children’s Park, the Youth Lake Park (formerly the Komsomol Park), Rudaki Park (the former Lenin Park), the Railroaders Park, which determined until recently the public space of the city and the leisure time of its inhabitants. Today, these spaces have undergone significant changes, especially in the context of the collapse of the Soviet Union and the independence of the country. The second least important factor is the impact of the civil war, which resulted in

the exodus of a substantial part of the city inhabitants who used to determine the identity of city of Dushanbe a while ago. The purpose of this tour is to explore these factors and to make a comparison with the real condition in which these spaces are, by whom and how they are used today.

2. Lecture and guided tour: “Urban Transformations in Dushanbe”

by Salya MAMADZHONOVA – architect urbanist, (TJ).

Period: 21 of JUNE

Location: Dushanbe Art Ground and city of Dushanbe.

The guided tour was designed as a follow-up to the lecture focused on understanding the processes behind the initiation and planning of the city of Dushanbe and the analysis of the urban transformations that occurred in the capital of Tajikistan during the socialist period and after the country became independent. These visible changes occur against the background of a fundamental revision of the identity of the city by the local authorities, the privatisation of public spaces and the construction of high-rise buildings (mainly banks, offices

and private housing) on the main boulevards in the city – designed in the 30-s of the XX century by invited architects from St. Petersburg as 2-3 storey city center.

Practically we are witnessing a demolition of the architectural heritage built in the period between the 30s and the 80s; what is being erected downtown today represents mainly the interests of the new elite of the city and country. In this context, it was important to compare the function of public spaces and public buildings as they were designed and used in the Soviet era with how this heritage is used and what of society needs it meets today.

Note: the Mobile workshop was assisted throughout its program by the project team (Serafima GATZALOVA- assistant (TJ), Jamshed KHOLIKOV - project manager (TJ) and Stefan RUSU – project curator (MD), and working sessions were conducted by [STEALTH.unlimited] – Ana DŽOKIĆ (SRB/NL) and Marc NEELEN (NL), and Stefan RUSU (MD).

Working sessions:

During the workshop sessions the participants, divided in groups, developed the parameters and a set of criteria (conflict - situations) for identifying and investigating the processes that took place behind the transformation, planning, use and commercialization of public space in Dushanbe:

The parameters:

1. Location (features, why it is there? what is special about location?)
2. Time-line (years, dates, events, important changes, what it has become?)
3. Structure of power involved (politics or business)
4. Who invested in it? Who made the decision?
5. Control? Who controls the space/location?

Conflict situations:

1. Visible - Invisible (architecture that is not integrated, the demolition of old buildings and new constructions)
2. Rich - Poor (Gentrification - development of residential quarters at the expense of poor residents through the purchase of land and relocation of residents)
3. Private-Public (Situation: private owner occupies a public place, private business takes the pavement or the installation of fences on park territory, the construction of cafes, casinos, etc.)
4. Process of returning public spaces to its initial domain (Situation: the interests of car owners on the one hand and those of the residents of houses on the other, and/or when playgrounds and sidewalks are occupied by cars)

List of public spaces selected by the workshop participants in the urban context of Dushanbe:

Park dedicated to Moscow's 800 years anniversary
House with the Arch
Pioneer park
Amphitheatre (building, park and triumphal arch)
National Museum and surrounding area
Presidential Palace (Nation Palace)
8 March Open-Air Cinema
Chaihana (Kohi Navruz) as part of Komsomol lake

In the mapping process, various abuses leading to inequalities in Dushanbe's public space were identified. This activity serves as a frame for developing new working methods in the city, strategies of communication with various groups, and could help identify new proposals for solving the existing conflicts in relation to the use and functions of public spaces.

Practical information:

Beside the Mobile Workshop, the Dushanbe participants took part in the Research-Documentation Laboratory and in the Theoretical Seminars that followed the workshop in the 23 June - 1 July 2014.

Мобильная Мастерская – Душанбе

Период: 18 - 22 Июня, 2014 г.

Организатор: Душанбе Арт Граунд (Общественный Фонд «Санъати Муосир»)

Лекторы / преподаватели мастерской: [STEALTH.unlimited] - Ана ДЖОКИЧ (Сербия / Голландия) и Марк НИЛЕН (Голландия).

Участники: архитекторы, дизайнеры, исследователи, городские активисты и визуальные художники из Таджикистана, Кыргызстана, Казахстана и Узбекистана.

Партнеры проекта в Таджикистане: Институт изобразительного искусства и дизайна Таджикистана, Союз Художников Таджикистана, Союз Дизайнеров Таджикистана, Союз Архитекторов Таджикистана.

Региональные партнёры: Общественный Фонд “Городские инициативы”, Бишкек, Кыргызстан, Студия Музеум / Бишкек, “Городские инициативы “Ctrl+S Almaty”, Фонд ICOMOS Казахстан, Студия Сакен НАРЫНОВ - (VDNH), Алматы, Казахстан.

Партнеры проекта: Фонд Принца Клауса / Нидерланды; Arts Colaboratory – программа поддержана фондом Хивос и Доем / Нидерланды; Гете Институт Ташкент / Узбекистан, Гете Институт Алматы / Казахстан, Институт «Открытое Общество» - Фонд Содействия в Республике Таджикистан.

Описание:

Мобильная Мастерская была задумана для взаимодействия между участниками, тьюторами - [STEALTH.unlimited] это дуэт Ана ДЖОКИЧ и Марк НИЛЕН и состояла из презентаций, лекций и экскурсий по городу (2 экскурсии с местными гидами – Гафур ШЕРМАТОВ (журналист, урбанистический активист, Таджикистан) по паркам и скверам Душанбе; Салия МАМАДЖАНОВА (архитектор-урбанист, Таджикистан) по урбанистическим изменениям) и рабочих сессий, которые прошли на протяжении 4 дней в Душанбе, где сосредоточена местная и центральная власть и где в последнее время произошли значительные урбанистические преобразования. Участники мастерской собрали данные и произвели их всесторонний анализ, касающийся причин, главных действующих лиц (актёров), а также последствий городских трансформаций и их воздействия на общественные нормы и стандарты. Посредством этой исследовательской платформы участники изучили структурные детерминанты общественного пространства и то, как они соотносятся с доминирующей деятельностью как государственных, т.е. общественных учреждений, так и интересами бизнеса и коммерции, т.е. частными интересами, произошедшими в современном капиталистическом обществе «азиатского» типа.

Лекторы / преподаватели мастерской: [STEALTH.unlimited] – Ана ДЖОКИЧ и Марк НИЛЕН, практикующие архитектурный-активизм между Белградом – Роттердамом, работают с 2000 года по всей Европе, а иногда и за его пределами. Воображая, проектируя и курируя различные проекты и программы, через интенсивное сотрудничество с многочисленными индивидуальными лицами, организациями и учреждениями, дуэт [STEALTH.unlimited]

расширяет понимание того, какое архитектурное и градостроительное взаимодействие может быть сегодня.

Участники:

Бахытжан САЛИХОВ, Казахстан

Асель ЕСЖАНОВА, Казахстан

Татьяна ФАДЕЕВА, Узбекистан

Александр НИКОЛАЕВ, Узбекистан

Гульбара ОМОРОВА, Кыргызстан

Азиз ТИМУРОВ и Бахтиёр РАХИМОВ, Таджикистан

Озар ШАРИФИ и Сулейман ШАРИФИ, Таджикистан

Алла РУМЯНЦЕВА и Алексей РУМЯНЦЕВ, Таджикистан

Ситора ТУРСУНОВА и команда ПО/ПЕШРАФТ, Таджикистан

Материалы и лекции, представленные [STEALTH.unlimited] – Ана ДЖОКИЧ и Марк НИЛЕН, для работы мастерской:

Лекция-1: Город: товар или общественное достояние?

STEALTH представит серию исследований в городах, которые подвергаются так называемым периодом «перехода» в течение последних десятилетий, вызванные геополитическими изменениями в начале 1990-х годов. Эта линия исследований под названием “Лог Городов” (“Cities Log”) началась с выставки, которая имела место на 4-ой Международной Биеннале в Тиране (2009) в Албании. Эта выставка поставила Ану и Марка перед объяснением быстро растущего города Тирана, без прямого доступа к лицам, непосредственно отвечающим за это и время от времени спекулирующие этот рост. Таким образом, они решили зафиксировать городские изменения в важных городах в соседних странах

(таких как Хорватия, Сербия, Черногория, Македония), чтобы иметь возможность сравнить механизмы и их влияние на изменяющиеся города. Это привело к первым «Лог Городам» (“Cities Log”), которые были выпущены специальными выпусками для Тираны, Нови-Сада, Кишинева, Нови-Пазара и Сараево. В их лекции, STEALTH будет также рассказано о пионерских группах среди работников культуры, художников, архитекторов и граждан, бросающих вызов разрушительному воздействию на общественное пространство, эффект приватизации города, узкоспециализированные изменения в законах и градостроительных планах.

Лекция-2: STEALTH: практика в действии (STEALTH: A Practice on the Run)

Ана и Марк представили свою развивающуюся практику, которая началась с исследования стремительно развивающихся изменений в городе Белграде после распада Югославии в 1990-е годы (исследование “Дикий Город” (Wild City), 1999-2001). После того, как они поняли,

что у них очень мало адекватных инструментов для анализа огромных незапланированных изменений посредством которых трансформируется города, они вышли на улицу и начали исследовать и регистрировать хаотично выглядевший город. Это привело к практике, в которой, с одной стороны картографирование городских изменений констатировало озабоченность, но с другой стороны эта практика стремилась обсудить актуальность задачи для профессионального мира архитекторов и городских дизайнеров. Не в последнюю очередь, для Аны и Марка важно было в исследовании “Дикого Города” (Wild City) обратить внимание на необходимость представить себе будущее городов вместе с гражданами этих городов, и что бы они взяли этот факт в качестве одного из своих главных приоритетов. Другими словами, инициативы, разработанные и внедренные [STEALTH. unlimited], пытаются по-новому определить город как общее пространство – то, что мы наеемся сделать в рамках Мобильной Мастерской - Душанбе.

1. Экскурсия “Исчезающие город. Парки Душанбе”

Гафур ШЕРМАТОВ – журналист, городской активист.

Время: 19 ИЮНЯ, 2014

Место: Городские парки, Душанбе

Экскурсия, подготовленная Гафуром Шерматовым, сосредоточена на парках – Парк театра Оперы и Балета, Детский Парк, Парк Молодёжного озера (в прошлом Комсомольское), парк Рудаки (в прошлом парк Ленина), парк Железнодорожников, которые определяли до недавнего времени общественное пространство города и досуг жителей города Душанбе.

Сегодня эти пространства претерпели значительные изменения, прежде всего в контексте распада СССР и обретения независимости. Второй не менее значимый фактор – это последствия гражданской войны, повлекшие за собой отток населения определявшую идентичность города.

Цель экскурсии: исследовать эти факторы и сопоставить с реальным состоянием, в котором находятся эти пространства, кем и как они используются сегодня.

2. Лекция и экскурсия: “Городские преобразования в Душанбе”

Салия МАМАДЖОНОВА, архитектор-урбанист.

Время: 21 ИЮНЯ, 2014

Место: Душанбе

Экскурсия Мамаджоновой Салии задумана как продолжение лекции по исследованию процессов планирования и застройки города и анализе тех урбанистических трансформаций, которые произошли в столице республики в период после обретения независимости Таджикистана.

Необходимо отметить, что основные изменения являются следствием тех политических и экономических процессов, которые произошли после завершения гражданской войны и стабилизации общества. В то же время эти видимые изменения происходят на фоне фундаментального пересмотра идентичности города местными властями и постройками многоэтажных зданий по основным артериям Душанбе, спланированными в 30 годы XX века приглашенными архитекторами из Петербурга. Практически происходит снос архитектурного наследия, построенного в период с 30-70 годы, и застройки центра города зданиями, представляющими в основном интересы новой элиты города и страны.

В этом контексте важно сопоставить функцию общественных пространств, общественных зданий, в том виде как они были спроектированы и использованы в советское время, с тем как они используются и каким нуждам общества они отвечают сегодня.

Рабочие сессии:

Во время мастерской участники разработали параметры и критерии (конфликтные ситуации) для выявления местоположения пространств и так называемых конфликтных ситуаций для анализа общественных пространств, с тем чтобы подвергнуть сравнительному анализу те процессы, которые стоят за преобразованиями общественных пространств, планированием, коммерциализацией и режимов их использования.

Параметры:

1. Расположение (характеристика, почему это там? Что особенного в этом месте/пространстве?)
2. Временная-линия (хронология, годы даты, события, то, чем это место/пространство стало?)
3. Структура власти, участвующая в процессе трансформации (политика или бизнес структуры?)
4. Кто инвестировал в это задание/место? Кто принимал по нему решение?
5. Контроль/Режим использования

Конфликтные ситуации, выявленные участниками мастерской в городском контексте Душанбе:

Видимое - Невидимое (архитектура, которая не интегрирована, снос старых зданий и новое строительство)

Богатые - Бедные (джентрификация - строительство жилых кварталов резиденций за счет бедных жителей путем покупки земли и переселения жителей)

Частное - Общественное (Ситуация: частный собственник занимает общественное место/пространство, частный бизнес занимает тротуар или устанавливает ограждение вокруг парка, строит там кафе, казино и т.д.)

Процесс возвращения пространств/мест в общественное пользование (ситуация: интересы частных водителей с машинами с одной стороны и жители домов с другой, машины и интересы частных с одной стороны и детские площадки с другой, машины занимающие тротуары...)

Список общественных пространств, исследованных участниками семинара в контексте Душанбе:

Парк 800-летия Москвы;

Дом с Аркой;

Пионерский парк;

Амфитеатр (здание, парк и триумфальная арка);

Национальный музей и прилегающая территория;

Дворец нации («Кохи Миллат») - Новый дворец президента;

Кинотеатр 8 Марта;

Чайхана (Кохи Навруз) как часть Комсомольского озера.

Благодаря мастерской картографирования были выявлены различные нарушения, ведущие к неравенству, которые присутствуют в общественном пространстве Душанбе. Эта деятельность может стать основой для разработки новых методов работы в городе, стратегии коммуникации с различными группами и может помочь определить новые предложения для решения существующих конфликтов в связи с использованием и функционированием общественных пространств.

Практическая информация:

Кроме Мобильной Мастерской - Душанбе участники были вовлечены в работу исследовательско-документационной лаборатории и теоретических семинарах, организованные в период с 23 июня - 1 июля, 2014г.

The National Teahouse and The Komsomolskiy lake

The case was investigated by Group N3 (Gulbara OMOROVA (KZ), Bahtier RAKHIMOV (TJ), Sitora TURSUNOVA (TJ)) within the Mobile Workshop - Dushanbe

Location (characteristics, why is it there? What is specific in this place/space?)

The Komsomolskiy lake is an artificial lake in Dushanbe, fed by the Dushanbinka river. The lake is located to the south of the “Youth Park” (Taj. lang. “Boghi javonon”). The Komsomolskiy lake is located in the center of Dushanbe, in the Somoni district, opposite the Zoo (connected by an underground passageway). The lake area is 18.7 hectares. The lake is 700 m long, its width is approx. 300 m, maximum depth is 4 m. The volume is 0.5 million cubic meters of water. Periodically (in winter) the lake is drained.

Location of the Kohi Navruz Chaihana and of the lake on the map. 2015. **Расположение** Чайханы Кохи Навруз и Комсомольского озера на карте. 2015.

In 1939, the establishment of the Komsomolskiy lake and park area and the construction of a sports complex (the Frunze stadium) laid the foundation for the systematic development of the right bank of the Dushanbe river. The Komsomolskiy lake is an artificial lake in the north of

The Komsomolskiy Lake and Park (1939).
Место - Комсомольское озеро и парк (1939) г.

Dushanbe, fed by the river Dushanbinka. Currently it is called “the Youth Lake”. In 1938, the construction of a broad reinforced concrete bridge over the Dushanbinka river was completed on the initiative of the Komsomol members of Stalinabad and in 1939 the residents built the Komsomolskiy lake. During Soviet times, such Komsomolskiy lakes were built in many republics on the initiative of Komsomol members (for example, in the Republics of Moldova, Kyrgyzstan, Kazakhstan, Uzbekistan, Tajikistan, and others). In 1999, the lake was renamed as “Kuli Javonon” following the renaming of all historical sites, cultural centers and streets of Dushanbe.

Special features. What is specific in this place?

The Komsomolskiy lake is surrounded by cultural/business complexes and commercial buildings:

“Diar Dushanbe”:

The elite residential area “Diar Dushanbe” is located on a plot of 68,000 sq. m. in the central part of the capital of Tajikistan - Dushanbe. Dushanbe authorities have allocated the southern shore of the lake for the construction of the elite residential area “Diar” in the new master plan. According to the USSR master plan, this territory was not intended for the construction of residential buildings, except for the existing buildings surrounding the zone. This area was reserved solely for the construction of sports facilities and recreational park areas, but not for commercial purposes and business structures. The complex is located close to the Presidential Palace and the Philharmonic, as well as near the recreation park. On the other side lie the “Hyatt Regency” hotel and the National Teahouse.

“Diar Dushanbe” has been meticulously planned to offer a mix of residential and commercial property. The waterfront development provides a wonderful place to live, work and entertain, with its plazas, shops and open green spaces.

This complex includes the following:

- 5 residential buildings;
- 3 office buildings offering a variety of rental space;
- serviced apartments;
- retail, leisure and waterfront promenades;
- premium shopping and entertainment sites;
- easy, secure access and ample multi-level parking.

The «Diyer Dushanbe» construction site on the shore of the Komsomol Lake. 2014.
Строительная площадка «Дийер Душанбе» на берегу Комсомольского озера. 2014.

The “Hyatt Regency Dushanbe”:

The “Hyatt” is an international five-star hotel in Dushanbe (Tajikistan), located in the center of the city, very close to the Parliament, the Presidential Palace, the “Kohi Borbad” concert hall, the Ismaili Center, the city park and the Komsomolskiy lake.

The Qatar developers` project:

Implementation period – 2 years. “Qatar Diar Dushanbe” will erect the modern complex “Diar Dushanbe”, which will cover an area of 6,8 hectares. The complex will consist of five high-rise residential buildings comprising 331 apartments, one five-star hotel with 128 suites, conference halls one with 400-600 seats, trade and administrative centers, restaurants, cafeteria, a school and kindergarten. The total cost of the project will amount to USD 180 million.

The National Teahouse:

Since 2011, a huge multi-dome teahouse, located between the Observation wheel and the most luxurious hotel in Tajikistan – the “Hyatt”, is being erected on the shore of the Komsomolskiy lake in Dushanbe. The opening of the new site is planned for 9 September – the Independence Day of the Republic.

12 rooms for tea, a gazebo, deckchairs and fountains are located in the area covering 3 hectares. Located in the center of Dushanbe, its windows overlook the Komsomolskiy Lake, and the luxury hotel “Hyatt” is only a few hundred meters away. Not far from the park area of the Komsomolskiy lake the local residents still go swimming and generally call this place necessary for the country. The largest teahouse in Central Asia is sometimes called a miracle of Tajik architecture.

What the local residents say about the largest Teahouse:

- it would be better to spend the money for the construction of social facilities, the invest money in the development of production facilities;

- experts and economists think that the return of rather large developments is not considered a very good investment;

- the residents think that a small teahouse could be built in the park area, and that it would be more suitable in style and budget, and could attract more visitors;

- “we want to break the world record”, - the students noted, “now everyone can boast of having the tallest flagpole and the largest national teahouse”;

- during the trip to the new teahouse, the director (he had to be officially appointed in 4 days) spoke with pride about the halls of the teahouse, presenting a huge conference hall for the reception of important guests, richly encrusted with colorful wood carvings. The best Chinese companies were involved in the construction of the teahouse, and it was built together with local architects and foremen. For the construction, 400 people were employed, half of them Chinese citizens.

Many respondents doubt that the teahouse is being built for the general public, similar to the Palace of Nations located opposite the lake, the construction of which costs the state budget 300 million dollars.

Why does such a poor country like Tajikistan need to build empty palaces and buildings?

Sometimes it seems that the citizens do not care or that they are too tired to oppose the will of the authorities.

Timeline (chronology, dates, events, what does this place/space look like now?)

Timeline 1939-2014 (The Park and the Komsomolskiy lake)

The Teahouse construction period is 2011-2014. The opening ceremony is planned for 9 September 2014.

What was before in this public space and how it has been transformed over the time?

Historical context:

The bust to Czeslaw Putovski was located in the site of the current National teahouse. The monuments to V.I. Lenin and I.V. Stalin (1951) were on a small island of the Komsomolskiy lake. The pedestals on which the monuments were erected remained in the same place. The bust of C. Putovski was removed from the alley and was taken to the experimental-industrial department of small architectural forms in Dushanbe. The monuments to V.I. Lenin and I.V. Stalin were removed from their pedestals and have not survived. Small cafes, caffetterias (oshhona), small points for catering, pavilions were opened in the park. One can rent a place for the sale of goods and services in the park.

Everyone's favorite island (located in the middle of the lake) was used for commercial purposes (barbecue).

In summer time, there are many visitors to the park, especially on weekends. The park operates as usual, the park employees maintain the order and security of the visitors. Most visitors prefer eating with their children right there. Here there are many dining places and a teahouse. Although the infrastructure is not in good condition, people continue to come here. In order to clear debris from the park and bring this place to appropriate form, additional financing is required to make the park more attractive. According to the director, this year the park management has purchased more than 10 new attractions to entertain children, new castles, trampolines, an "Airplane" carousel and several trains. Overall, a set of 17 new rides and other entertainment for children have been installed. All these have been purchased with support from the businessmen of Dushanbe.

Chronology

The Sunny lake chronicles

1951. Monuments to V.I. Lenin and I.V. Stalin installed.

Stalinabad, 1940. A beautiful blue lake stretched in the floodplain of the Dushanbinka river. In 1938, the construction of a broad reinforced concrete bridge over the Dushanbinka river was

Anyone could take a ride on the Pioneer boat. 1950.
На пароходе Пионер мог совершить прогулку
любой желающий. 1950 г.

completed on the initiative of the Komsomol members of Stalinabad, in 1939 the residents built the Komsomolskiy lake and a large shady park with antique vases and lighting around the perimeter. For the Stalinabad residents, the lake has immediately become the favorite place for family outings and leisure activities.

May, 1941. People would come with their families and friends in noisy groups to the lake, to enjoy its reviving freshness even during the hottest days. The only thing that makes this picture a bit dull is the sadness and anticipation in the eyes of adults.

1950. Anyone could take a voyage on the lake on the “Pioneer” steamer. What a joy and happiness it was for children! It is a pity that today there is no such joy.

February, 2013. The Rowing base at the Youth lake resembles the ruins of Stalingrad. This picture is shameful and painful to the memory of our illustrious Olympic champion Ibrahim Hasanov, who has done so much for the development of the rowing in the country.

February, 2013. The magnificent colonnade, a real pearl of the Komsomolskiy lake, today resembles the ruins of Khersones. We must make all possible efforts to save this amazing creation of the past. After all, every inhabitant of this beautiful city has to know, to love and to keep the beauty in which he lives. And do we have the right to reject the culture without investigation and judgment?

1982. Olympic champion in 1972, 10-time world champion Yuriy Lobanov conducts training at the Komsomolskiy lake. Now it is hard to believe that here, in the depths of Asia, at the Komsomolskiy lake in Dushanbe there was one of the best rowing bases in Soviet sport.

Mikhail LOBANOV (born in 1952), Honored Master of Sports in rowing, two-time world champion in 1974 and 1975, champion of the Soviet Union 1972-1975; Yuriy LOBANOV (born in 1952), Soviet canoe rower, Olympic champion in 1972, 10-time world champion, honored master of sports; Ibrahim KHASANOV (born in 1937), two-time European champion in rowing (1961-62-ies), World Championship silver medalist (1962) and 11-time champion of the USSR. The first Olympian from Tajikistan (Rome 1960, Tokyo 1964). They had forged their victory here, at the Komsomolskiy lake.

Worst of all is when architects of the city construct new buildings without capturing “the image of beauty” of

A pavilion was erected on the Komsomolskiy lake
(1954). Architect Zhitomirskiy.
На Кomsomольском озере возведен павильон
(1954 год). Архитектор В. Житомирский.

the surrounding area, drawing on ideas from architectural magazines, foreign to the city and its traditions, mechanically “transplanting” buildings into the city based on the “beautiful in general” principle. When it turns into a city without identity, that is ugly.

Despite the fact that construction works are in progress, people, mainly young people, women and children, still swim there. Construction waste, garbage and other stuff are scattered on the shore. The survey allowed to find out that there are city residents among those who spend their leisure time on the lake. The same ones who for many years bathed in the lake continue to do so, despite the construction

works, waste and garbage. They still hope that as soon as the teahouse is put into operation they will be able to continue spending their leisure time and swimming in their favorite place.

Reference to the used source: Article from the Asia Plus newspaper. Author: Gafur SHERMATOV, journalist, urban activist

The structure of power involved in the transformation process (political or business structures)

The National Teahouse is being built by the state using public funds (the state budget). There are opinions that the teahouse, together with other projects in Tajikistan, is implemented at the expense of several large domestic companies trying to earn the favor of the distinguished president.

The Komsomolskiy lake was built by volunteers, and public funds (state budget) have been used.

Investor. Who invested in this building/Who made the decision?

Funds from the state budget, taxpayers deductions, foreign investment, additional funds of large companies and projects.

According to Western officials, the construction of the Teahouse costs USD 60 million - about 1 percent of GDP, an amount which is 33 percent greater than the money spent by the United States Agency for International Development in Tajikistan in the 2012 fiscal year.

Currently, the Republic of Tajikistan has an external debt of USD 2.5 billion; nevertheless it was decided to build a Teahouse complex costing USD 60 million from the state budget. Before the construction of such a costly facility no public hearings, no surveys were held, since they had to learn the views of taxpayers. The construction of the teahouse in Dushanbe amounted to 1% of the GDP. According to official data, Tajikistan is recognized as the poorest country in Central Asia, with a debt above USD 2.5 billion (external debt - basically investments - such as roads, tunnels, HPS, etc.). The decision was made by the authorities, which in recent years have been actively engaged in the construction and transformation of the city center into the palace complex and the municipal buildings (for example: the National Museum, the National Library, the Palace of Nations, etc.).

Controlling its future usage.

The National Teahouse is being built by the state and control is also in the hand of the state.

Working Sessions. Mobile Workshop – Dushanbe, 2014. Foto by Jamshed Kholikov
Рабочие сессии. Мобильная Мастерская – Душанбе, 2014. Фото Джамишед ХОЛИКОВ

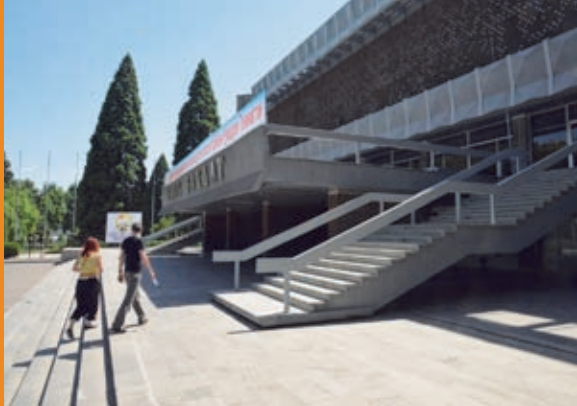

Guided tour "Vanishing city. Parks of Dushanbe" with Gafur SHERMATOV - journalist, urban activist. Foto by Jamshed KHOLIKOV

Guided tour "Urban Transformations in Dushanbe" with Salya MAMADZHONOVA - architect urbanist. Foto by Jamshed KHOLIKOV

The future.

It is planned to conduct the meeting of the leaders of the SCO (Shanghai Cooperation Organization) in the National teahouse. The meeting will be attended by the representatives of Kyrgyzstan, Kazakhstan, Tajikistan, Uzbekistan, Russia, China.

It is also planned to hold conferences, forums, workshops, presentations and round-table discussions at national and international levels in the teahouse.

There are also plans for delegation meetings and receptions and dinners at state level. The teahouse is accessible for all residents and guests of the capital who can pay for certain services. This teahouse has the capacity of over 3 thousand people at a time.

Analysis of the situation: Why is the most loved place of the city residents in such a dreary state?

Reasons for the drop in the popularity of the Komsomolskiy lake:

- the infrastructure has deteriorated, the lake is dirty, the urban municipality does not maintain the cleanliness of the lake, does not create conditions for the preservation of these sites, lakes, parks and shore areas. Because of environmental problems many citizens stopped swimming in the lake and coming with their families and friends to relax as they used to. This lake is losing its significance as a place for rest due to a number of problems;
- during the Soviet Union and after the collapse, there were many Russians, Tatars, Ukrainians, Koreans, Germans, and many others living here. Dushanbe was an international city where indigenous residents lived. Resting and swimming in the lake in a bathing suit was an ordinary thing, and the beach was full of men and women. Later on, the demographic situation changed, the villagers migrated into the city, the society became more traditional and religious, and Islamization increased. The way of life of women has changed, it became forbidden to show the naked body, and women began wearing traditional closed clothes, hijab dress with pants. Because of the ecological state of the lake, there were cases of infectious diseases, cases of death due to drowning or other reasons;
- also, historical events had their influence: after the civil war the lake acquired a negative connotation, the bodies of dead people were found at the bottom of the lake. After the war, many indigenous inhabitants left the country;
- not so long ago there was a change in country symbols and image, a new national discourse (Somonizm) appeared. Tourism started its development, the city residents are invited to relax in the new country resort areas in nature, with good service and comfort. New types of services (swimming pools, etc.) are available. Thus, the Komsomolskiy lake has lost its original purpose.

The Komsomolskiy lake is the only beach in the city, and as usual, preparatory works are conducted in early summer for the opening of the bathing season. But everyone thinks about the ecological situation of the Komsomolskiy lake – is it safe to swim there, are sanitary and urban controls made, are the water and shores treated against various infections. According to the lake and the park director, Timur Gurezov: “This year the lake got the full right to its usual operations. People can swim and bathe, water is purified with available chlorine every month; moreover, its shores are regularly treated as well – this is why the specific smell comes from the lake... It is difficult to get chlorine”.

But today the lake is covered in waste, including construction debris. The shores are full of scattered plastic bottles, bags and so on. It's amazing how the residents refer to the lake and the park, and even the authorities are proud that the biggest teahouse in the world is being built here; there will be a luxury residential complex, the National Museum and the Palace of Nations can be viewed from here. But despite the contamination people bathe in the water, young people spend their leisure time here.

Национальная чайхана и Комсомольское озеро

Случай был исследован группой N3 (Гулбара ОМОРОВА (Кыргызстан), Бахтиёр РАХИМОВ (Таджикистан), Ситора ТУРСУНОВА (Таджикистан) в рамках Мобильной Мастерской-Душанбе

Расположение (характеристика, почему это там? Что особенного в этом месте/пространстве?)

Комсомольское озеро – искусственное озеро в Душанбе, которое питается из реки Душанбинка. Озеро расположено к югу от «Молодёжного парка» (тадж. яз. “Боги чавонон”). Комсомольское озеро находится в центре города Душанбе, район Исмоила Сомони, напротив зоопарка (соединен подземным переходом). Площадь озера составляет 18,7 га. Длина озера – 700 м, ширина – ок. 300 м, максимальная глубина – 4 м. Объём – 0.5 млн м³ воды. Периодически (зимой) озеро осушается.

Location of the Kofi Navruz Chaihana and of the lake on the map. 2015. **Расположение** Чайханы Кохи Навруз и Комсомольского озера на карте. 2015.

The Komsomolskiy Lake and Park (1939).
Место - Комсомольское озеро и парк (1939) г.

В 1939 году созданием Комсомольского озера, парковой зоны и строительством спортивного комплекса (стадион им. Фрунзе) положено начало планомерному освоению правобережья реки Душанбе. Комсомольское озеро – искусственное озеро на севере Душанбе, питается из реки. В данный момент называется «Молодежное озеро». В 1938 году, когда было закончено строительство широкого железобетонного моста через Душанбинку, по инициативе комсомольцев Сталинабада и силами его жителей в 1939-м году было сооружено Комсомольское озеро. Во времена Советского Союза во многих республиках было сооружено по инициативе комсомольцев «Комсомольское озеро», например, в Республиках Молдова, Кыргызстан, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и др. В 1999 году озеро было переименовано на Кули Джавонон, в связи с переименованием исторических объектов, культурных центров, улиц города Душанбе.

Особенности. Что особенного в этом месте?

Комсомольское озеро находится в окружении культурных бизнес комплексов и коммерческих сооружений: «Диер Душанбе». Элитный жилой район «Диер Душанбе» расположен на территории 68,000 кв. м в центральной части столицы Таджикистана - городе Душанбе. Правительство Душанбе в новом генеральном плане выделило южный берег озера под строительство элитного жилого района «ДИЕР». По генеральному плану СССР территория не попадала под строительство жилых домов, за исключением имеющихся домов, окружающих данную территорию. Данная территория предназначалась только для строительства спортивных комплексов и рекреационных парковых территорий, а не для коммерческих целей и бизнес строений. Комплекс расположен недалеко от Президентского дворца и Филармонии, а также вблизи парка культуры и отдыха. С другой стороны, гостиничный комплекс «Хаятт Ридженси» и Национальная Чайхана.

«Диер Душанбе» был тщательно спланирован и сочетает в себе комбинацию жилой и коммерческой недвижимости. Развитие береговой линии превращает комплекс в прекрасное место для жизни, работы и посещения площадей, магазинов и парков.

Комплекс «Диер Душанбе» включает в себя:

- 5 жилых зданий;
- 3 офисных здания, предлагающих различные помещения, под аренду;
- обслуживаемые апартаменты;

The «Diier Dushanbe» construction site on the shore of the Komsomol Lake. 2014.
Строительная площадка «Диер Душанбе» на берегу Комсомольского озера. 2014.

- места для розничной торговли, отдыха и прогулок по набережной;
- торгово-развлекательный центр;
- легкий, безопасный доступ и широкая многоуровневая парковка.

«Хаятт Ридженс Душанбе»

«Хаятт» - международный пятизвездочный отель в Душанбе (Таджикистан), расположенный в центре города в непосредственной близости от Парламента, Президентского Дворца, концертного зала «Кохи Борбад», Центра исмаилитов, городского парка и Комсомольского озера.

Проект девелоперов из Катара

Срок реализации – 2 года. Компания «Катар Диер-Таджикистан» выстроит современный комплекс «Диер Душанбе», который расположится на площади 6,8 га. Комплекс будет состоять из 5 высотных жилых домов на 331 квартиру, пятизвездочной гостиницы на 128 апартаментов, конференц-зала на 400-600 мест, торговых и административных центров, ресторанов, кафетерия, школы и детского сада. Общая цена проекта составит до \$180 млн

Национальная Чайхана:

С 2011 года на берегу Комсомольского озера в Душанбе возводится огромная, многокупольная чайхана, расположившаяся между колесом обозрения и самым шикарным отелем в Таджикистане - гостиницей «Хаятт». Открыть новую достопримечательность планируется 9 сентября - в День Независимости республики.

На площади в три гектара располагаются 12 залов для чаепития, беседки, топчаны и фонтаны. Находится чайная в центре Душанбе, окна ее выходят на Комсомольское озеро, а в нескольких сотнях метров расположен фешенебельный отель «Хаятт». Недалеко от парковой зоны Комсомольского озера жители до сих пор купаются и в целом называют сооружение необходимым для страны. Самую крупную чайхану в Средней Азии некоторые назвали чудом таджикской архитектуры.

Мнение горожан о самой крупной Чайхоне:

- целесообразнее было бы потратить эти деньги на строительство социальных объектов, вложить эти деньги в развитие производственных объектов;
- по мнению экспертов и экономистов, окупаемость достаточно крупных объектов считается не очень выгодным вложением;
- горожане думают, что на территории парка можно было бы построить маленькую чайхану, которая бы более подходила по стилю и бюджету, и привлекала больше посетителей;
- «мы хотим побить мировые рекорды, - отметили студенты, теперь каждый может похвастаться наличием самого высокого флаштока и самой большой национальной Чайханы»;
- во время экскурсии по новой Чайхане, директор (его должны были назначить официально через 4 дня) рассказывал с гордостью о залах чайханы, представляя огромный конференц – зал для приема важных гостей, богато инкрустированный колоритной резьбой по дереву. Для строительства чайханы были привлечены самые лучшие китайские компании и она была возведена совместно с местными архитекторами, прорабами. В строительстве были задействованы 400 человек, половина из них являлись гражданами Китая.

The Kohi Navruz Chaihana. 2014.
Чайхана Кохи Наврӯз. 2014.

Многие респонденты сомневаются, что чайхана строится для широкой публики, как и расположенный напротив озера Дворец наций, строительство которого обошлось госбюджету в 300 млн долларов. Зачем такой бедной стране, как Таджикистан, строить пустующие дворцы, здания? Порой кажется, что горожанам все равно или они устали возражать против воли власти.

Временная линия (хронология, годы, даты, события, то, чем это место/пространство стало?)

Временная линия 1939-2014 (Парк и Комсомольское озеро)

Чайхана строилась с 2011 года по 2014 год, открытие планируется 9 сентября 2014 года.

Что было раньше в данном публичном пространстве и как оно трансформировалось?

Исторический контекст:

На месте Национальной Чайханы был установлен бюст Чеслава Путовского. На Комсомольском озере со стороны островка - памятник В.И. Ленину и И.В. Сталину (1951). Постамент на котором был установлен памятник сохранился на том же месте. Бюст Ч. Путовского был убран с аллеи и перенесен в Экспериментально – производственное управление по малым архитектурным формам г. Душанбе. Памятники В.И. Ленину и И.В. Сталину были снесены с постамента и не сохранились. На территории парка были открыты кафе, ошхона, мелкие точки для реализации общепита, павильоны. В парке можно взять в аренду место для продажи каких-либо товаров и услуг.

Всеми любимый остров (находится в середине озера) стал использоваться для коммерческих целей (шашлычница).

В летнее время посетителей парка очень много, особенно по выходным. Парк функционирует в прежнем режиме, сотрудники парка следят за порядком и безопасностью отдыхающих. Большинство посетителей с детьми предпочитают покушать тут же, на территории парка много готовят, имеется чайхана. Несмотря на запущенную инфраструктуру, люди не перестали посещать парк. Для того чтобы очистить парк от мусора, привести его в соответствующий вид требуется дополнительное финансирование для придания парку более привлекательного вида. По словам директора, в этом году руководство парка закупило больше 10 новых аттракционов для развлечения детей: новые замки, батуты, карусель «Самолет» и несколько паровозиков. В общем, установлено 17 новых аттракционов и прочих развлечений для детей. Все это было приобретено при содействии душанбинских предпринимателей.

Хронология

Хроники Солнечного озера

1951 год. Установлен памятник В.И. Ленину и И.В. Сталину

Сталинабад, 1940 год. Прекрасное голубое озеро раскинулось в пойме реки Душанбинка. В 1938 году, когда было закончено строительство широкого железобетонного моста через Душанбинку, по инициативе комсомольцев Сталинабада и силами его жителей в 1939-м году было сооружено Комсомольское озеро и рядом разбит большой тенистый парк с античными вазами и освещением по всему периметру. Для сталинабадцев озеро сразу стало самым любимым местом семейного отдыха и досуга.

Май 1941 года. На озеро приходили с семьями, с друзьями, шумными компаниями, и всем озеро дарило живительную прохладу, даже в самый жаркий день. Единственное, что смущает на этом фото, это грусть и предчувствие в глазах взрослых.

1950 год. На пароходике «Пионер» мог совершить прогулку по озеру любой желающий. Какая это была радость и счастье для детей! Жаль, что сегодня нет этой радости.

Февраль 2013 года. Гребная база на Молодежном озере напоминает руины Сталинграда. Глядя на это фото, становится стыдно и больно перед памятью о нашем прославленном олимпийском чемпионе Ибрагиме Хасанове, так много сделавшем для развития гребного спорта в республике.

Февраль 2013 года. Великолепная колоннада, настоящая жемчужина Комсомольского озера сегодня напоминает руины Херсонеса. Надо сделать все, чтобы спасти это удивительное творение прошлых лет. Ведь каждый житель этого прекрасного города должен знать, любить и хранить ту красоту, среди которой он живет. И имеем ли мы право отвергать культуру без разбора и суда?

1982 год. Олимпийский чемпион 1972 года, 10-кратный чемпион мира Юрий Лобанов проводит тренировку на Комсомольском озере. Сейчас уже трудно поверить, что здесь, в глубинах Азии, на Комсомольском озере города Душанбе была одна из лучших гребных баз советского спорта.

Михаил ЛОБАНОВ (1952 г.р.), заслуженный мастер спорта по гребле, двукратный чемпион мира 1974 и 1975 годов, чемпион СССР 1972-1975; Юрий ЛОБАНОВ (1952 г.р.), советский гребец на каноэ, олимпийский чемпион 1972 года, 10-кратный чемпион мира, заслуженный мастер спорта; Ибрагим ХАСАНОВ (1937 г.р.), двукратный чемпион Европы по гребле (1961-62 годы), серебряный призер чемпионата мира (1962) и 11-кратный чемпион СССР. Первый олимпиец из Таджикистана (Рим, 1960, Токио, 1964). Свои победы они ковали здесь, на Комсомольском озере.

Хуже всего, когда архитекторы города строят новые здания, не улавливая «образа красоты» окружающей местности, черпая свои идеи из архитектурных журналов, не привязанные к городу и его традициям, механически «пересаживая» в город здания по принципу «красивые вообще». Тогда и получается город без образа, то есть безобразный.

Не смотря на то что идут строительные работы, на озере купаются люди, в основном молодежь, женщины с детьми. На берегу разбросаны строительные отходы, мусор и прочий хлам. В процессе опроса выяснилось, что среди отдыхающих есть горожане,

которые много лет подряд купались в озере и продолжают купаться, не смотря на строительные работы, на отходы и мусор. Они очень надеются, что после запуска чайханы у них будет возможность продолжать отдыхать и купаться на любимом месте.

Ссылка на использованный источник: Статья из Газеты Азия Плюс. Автор: Гафур ШЕРМАТОВ, журналист, городской активист.

Структура власти, участвующая в процессе трансформации, (политика или бизнес структуры)

Национальная чайхана строится государством на публичные средства (госбюджет). Есть мнения, что чайхана совместно с другими проектами в Таджикистане реализуется на средства нескольких крупных отечественных компаний, старающихся заслужить расположение уважаемого президента страны.

Комсомольское озеро было построено волонтерами и были использованы публичные средства (госбюджет).

*The Komсомольskiy lake today. 2014.
Комсомольское озеро сегодня. 2014.*

Инвестор. Кто инвестировал в это задание /Кто принимал по нему решение?

Средства из государственного бюджета, отчисление налогоплательщиков, иностранные инвестиции, дополнительные средства крупных компаний, проекты.

По оценке западных чиновников, строительство чайной обошлось в 60 млн долларов – порядка 1 процента ВВП и в сумму, на 33 процента превышающую средства, потраченные правительственным Агентством США по международному развитию в Таджикистане в 2012 финансовом году.

На данный момент РТ имеет внешний долг в размере 2 500 000 000 долл, тем не менее было решено построить комплекс Чайхана сумму \$60 миллионов из государственного бюджета страны. Перед строительством затратного такого объекта не проводились общественные слушания, опросы, так как они должны были узнать мнения налогоплательщиков.

Строительство чайханы в Душанбе обошлось в 1% от ВВП.

По официальным данным Таджикистан признан самой бедной страной в ЦА.

Долг выше 2 500 000 000 \$. (внешний долг - это в основном инвестиции - например дороги, тоннели, ГЭС и т.д.)

Решение принимается со стороны властей, которые в последние годы активно занялись строительством, превращая центр города в дворцовый комплекс и муниципальные здания (например: Национальный музей, Национальная библиотека, Дворец наций и т.д.)

Контроль режима использования

Национальная чайхана строится государством и контроль осуществляется государством. В будущем в Национальной чайхане планируется проведение совещания руководителей органов государств-членов ШОС (Шанхайская организация сотрудничества). В заседании примут участие представители Кыргызстана, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана, России, Китая.

Так же планируется проведение конференций, форумов, симпозиумов, презентаций и круглых столов на национальном и международном уровнях.

Встреча делегаций и проведение приемов, званые ужины на государственном уровне. Чайхана будет доступной для всех горожан и гостей столицы, которые могут оплатить за определенные услуги. В данной чайхане одновременно смогут выпить чай более 3 тысячи человек.

Анализ ситуации: Почему излюбленное место отдыха и досуга горожан приобрело такой плачевный вид?

Причины снижения популярности Комсомольского озера:

- инфраструктура пришла в негодность, озеро загрязнилось, городской муниципалитет не следит за чистотой озера, не создает условий для сохранения этих мест, озера, парка и прибрежной территории. Из-за экологических проблем, многие горожане перестали купаться в озере и приезжать как раньше с семьями и друзьями отдыхать. Это озеро начало терять свою значимость как место для отдыха в связи с рядом возникших проблем;
- во время Советского Союза и после распада СССР здесь было много русских, татаров, украинцев, корейцев, немцев, и тд. Душанбе – был интернациональным городом, здесь жили коренные горожане. Отдыхать и купаться на озере в купальном костюме было в порядке вещей, пляж был заполнен и мужчинами, и женщинами. Позже демографическая ситуация изменилась, в город мигрировали жители деревень, общество стало более традиционным, исламизированным и религиозность возросла. Уклад жизни женщин поменялся, было запрещено показывать обнаженное тело, начали носить закрытую традиционную одежду, хиджабы, платье со штанами. Из-за экологического состояния озера, были случаи заболевания инфекционными болезнями, случаи гибели людей, утонувших или по другим причинам;
- так же повлияли исторические события, после гражданской войны озеро приобрело негативную окраску, на дне озера находили тела погибших людей. После войны многие коренные жители уехали;
- не так давно произошла смена символов и образа страны, появился новый национальный дискурс (Сомонизм). Стал развиваться туризм, горожанам предлагается отдохнуть в новых загородных курортных зонах на природе с сервисом и комфортом. Открылись новые виды услуг: крытые бассейны и пр. Таким образом, Комсомольское озеро утратило свое первоначальное назначение.

Комсомольское озеро является единственным городским пляжем в городе, и как всегда в начале лета проводятся подготовительные работы по открытию купального сезона. Но все думают об экологической обстановке Комсомольского озера, не безопасно ли купаться в нем, проходят ли проверки санитарной службой, городской инспекцией, обрабатывается ли вода, берега от всевозможных инфекций. По словам директора Комсомольского озера и парка Тимура Гурезова: «В этом году городское озеро получило полное право на полноценную деятельность, жители могут спокойно купаться, из собственных запасов воду хлорируют ежемесячно, плюс периодически обрабатываются и берега, оттуда и характерный запах... Ведь с хлоркой сейчас проблемы, её трудно достать».

Но на сегодняшний день озеро усыпано отходами, в том числе и строительными. Повсюду по берегу разбросаны пластик, бутылки, пакеты и пр. Удивительно, как сами горожане относятся к озеру и парку, да еще все гордо отвечают, что здесь строится самая большая чайхана в мире, здесь будет элитный жилой комплекс, отсюда хорошо просматривается Национальный музей и Дворец наций. Но не смотря на загрязненность люди купаются в воде, на берегу отдыхают молодые люди.

The Vanishing city. The Parks of Dushanbe

Gafur SHERMATOV – journalist, urban activist (TJ)

Images source: private archive of Gafur SHERMATOV

It was a feeling of holidays or vacations that this blue sky, fruits, heat and music playing in the park in the evening were embracing me with. And the mountains reminded me so much of the Black Sea summer. It seemed that all you needed was to turn around the corner and you would see the sea. That was the description given by the soviet playwright Eugeniy Schwartz, who was working in the Green Theater of Stalinabad, the city of those days.

70 years have past since that time. Stalinabad has long ago turned back to its name of Dushanbe, the Green Theater has become an art-studio, “Padida”, Eugeniy Lvovich has passed away in 1958, and the only feeling that has stayed unchanged in Tajikistan is the holiday feeling.

Having compared our past and present, we once again have assured ourselves that the nature of our capital stays the same: it is still slow, orientally wise, calm and welcoming, and it’s still celebrating its special holiday.

It has always been like this: in Dyushambe, in Stalinabad and in Dushanbe.

This year (2014) the main city of independent Tajikistan is celebrating its 90th anniversary. In 1924 an unattractive village called Dyushambe had been chosen to become the capital of Tajik Republic. Transcription of the capital’s name was explained by the fact that the Tajik language sounds softer than the Russian one, and in Moscow the name was heard exactly like that.

The translation of the word “Dushanbe” from the Tajik language to Russian means “Monday”. Long time ago, before our city became the capital, there was a big bazaar held on that day, well known all around the area. This is how this original name was born.

A busy street in Stalinabad. 1957.
Оживленная улица Сталинабада. 1957 год.

The executive board established in 1924 immediately started constructing the “village of the people’s commissariat” – that is how residents jokingly called Dushanbe at that time.

In a few months, the number of governmental and administrative buildings exceeded that of private constructions that survived the civil war. They say that in December 1925 only 283 people could have called themselves Dushanbe citizens. But just in one year the city was already inhabited by 6000 people.

In 1929 the capital of Tajikistan was renamed Stalinabad. That’s what it was called till 1961. That’s when the capital was given back its historical, rightful name, and was called, as it was meant Dushanbe.

However, the existence of Dushanbe was well-known long before the 20th century: the first written record about Dushanbe dates from 1676, in Balkh Khan Subkhanula Bakhodur’s message to the Russian King Fedor Alekseevich, sent to Russia through his ambassador, Alimurod.

In this document, the governor pointed out that Dushanbe is one of his domains, under his full control, and offered the “white king” to open up the way of communication. On the territory of the city the archaeologists have found outstanding historical evidence of the fact that Dushanbe is much older than one thousand years.

For example, necropolises with large jugs (khumami) were found near the Radio House. These jugs were used by Zoroastrians to bury people. Copper coins were found on the central streets of the city and were dated first century AD, etc.

These discoveries were made in Dushanbe in the 50’s, when the capital of the Soviet Social Republic of Tajikistan was organized, a modern city with developed infrastructure, art and culture, and the most wonderful place in the world for Dushanbe citizens.

In the 23 years of independence, the face of the capital of Tajikistan has changed greatly. A dozen new monuments, parks and squares, and multi-storeyed modern buildings have appeared in the city. The city is changing its image very rapidly, and right in front of your eyes it’s becoming a huge megapolis, but its soul, as before, attracts you with its kindness and openness, and makes you come back again and again.

The Park area around the Komsomol’skiy Lake

Stalinabad, the year 1940. A wonderful lake has appeared at the mouth of the Dushanbinka river.

The Park area around the Komsomol’skiy Lake. Aerial view. 70’s.
Парковая зона Комсомольского озера. Аэрофотосъёмка. 1970 годы.

In 1938, when the construction of a big concrete bridge across the Dushanbinka river was over, the Komsomol people of Stalinabad, with the help of its residents, organized the Komsomol’skiy Lake. That was in 1939. The north shore of the Lake was created as a sand beach, 500 meters long. In 1940 the same beach area became a big tennis park, with antique vases and lights along the whole perimeter. For the Stalinabad residents this lake became the most popular place for family relaxation and leisure. The water areas covered 22 hectares and the maximum depth was 4 meters. The eastern shore of the lake was coated in a faced concrete stone edge with descent to water. In the following years, till the 90-ies of the previous century, the lake and park were still the most popular public places, but later on, during the years of the civil war, much of the infrastructure of

the lake was destroyed or decayed.

In soviet times the park was open every day and, what most importantly, around the clock. In 1954 there was a municipal improvement project developed by architect Y.Snegovskiy. It was interesting for everybody

- many carousels intended for children of all ages, young people and adults. Carousels, an observation wheel, a playground, cafes, snack bars, restaurants, tea houses, small architectural structures, boat piers, a summer circus, motor cruisers – all that was lent unique color and wonderful attractiveness to the lake as well as to the shady park. Significantly, in the soviet times the residents and the park were living interesting and eventful lives. There was a library, big halls for billiard and chess playing. There was a diversity of sports competitions held by the lake: boat races, mass running, high board diving and etc. Also there were music and literature evenings, carnivals held on the territory of the park. Summer cinemas, dance rings and trade fairs were organized there as well. In 1980, a modern row-boat base was constructed on the west shore of the lake. In the 90s the park went down. In the old photos presented here and made from a bird's eye view, the borders of the old park and green zone are clearly visible.

Unfortunately, nowadays only a very small area of the old park has survived. Today, the huge palace “Kohi Navrus” has been constructed in the central area of the park. There is no doubt that the building is wonderful, but the question is: is it in the right place? There, where at certain times hundreds of people were resting under the shade of the trees and swimming in the lake, nowadays a massive building has been constructed.

But from the beginning all this territory has been meant for people's leisure time. A park is a certain area or territory, however, organized for the leisure of the residents. This territory is set aside in the city and fulfils one of the most important functions, i.e. to help the citizens relax. This balance of the Komsomol'skiy Lake was destroyed. It is important to mention that public areas meant to be used as absolutely free-of-charge recreation places for people of various social levels are gone forever.

The Komsomol'skiy Lake Park. 70's.
Жители Душанбе на пляже
Комсомольского озера. 1966 год

The Children's Park

The Children's park (the former Pioneer) is located in the Ismoili Somoni district near the “Spartak” stadium. The project was designed in 1936 by the architect S.Anisimov and was planned to be the Central pioneer park of culture and recreation. It was named after the Pioneer Palace located nearby. (Nowadays it is the Palace for children and teenage arts). This park was an outfit of various buildings for different purposes: a summer cinema, a canteen with 200 seats, playgrounds, photo, radio, aero and motor clubs, table-top

games etc. Also, there in the park there used to be a first circus, constructed in Dushanbe in the 1936. The park was very thick with trees: even now you can find there oaks, elm-trees, acacias, poplars, ash-trees. Besides this, in the park there were a lot of flowerbeds and lawns. In the central part of the park there was a pioneer's playground used for pioneers activities, celebratory assemblies, and teenagers' festivals. Nothing from what had been designed has survived till today. In the eighties of last century the park was reconstructed and landscaped. It was provided with small architectural structures and novelty benches, fountains with drinking water, all made from concrete and mosaic. Nowadays, most of those constructions have fallen in to disrepair and need to be renewed.

People's thoughts

Two letters received by Gafur SHERMATOV.

A city is not only buildings and constructions. A city is a friendly environment, green landscapes, where everything is thought through and made for the comfort of the people. We all love our little motherland, our Dushanbe, the city where we were all born and grew up. As we grow up the city grows up too; new houses are being constructed, new malls, banks and buildings sprout like mushrooms after a summer rain. The face and borders of the city are being changed, speed and traffic are increasing. And we do not recognize any more that green Stalinabad-Dushanbe of the past times. Besides this entire construction boom we have to admit that the city today is becoming uncomfortable for its common residents to live in. Dozen of old trees were cut under the specious excuse of better landscaping and roads widening. The public gardens planted by our parents and by us during the communist clean-up days are first falling into disgrace. Part of the trees on the old, cozy streets of the city were cut, the playgrounds, where mothers with children were going to have some rest and walk around were destroyed, together many monuments. Today the authorities are united in their inspiration to demolish strong buildings and cut the trees, overwhelmed with the desire to erase the memories of the past soviet times from the people's minds. The beautification of the city is a longtime and uniting process connected with a number of difficult production problems. Its technological difficulty lies in its construction material, which is plant, living organism, constantly changing in time, overreacting to an uncomfortable environment. Modern landscape design is now trying to put one into another, and connect nature with the engineering element in order to improve the living conditions in the city for all the people, without exception. Along with this, it can create wonderful ensembles even in commonplace areas of the city. There is a diversity of streets landscaping techniques in the city planning practice. The most popular is to plant one row of trees between the road and the paths. Sometimes the trees are being planted right on the path in the shape of rosette flowerbeds. In some cases the planting of the trees was combined with that of bushes. Planting between roads and paths meant more then two or more rows of trees. All that was widely represented in the greenest city of Central Asia-in Dushanbe. To include a boulevard into the size of the street – a magnificent type of landscaping. An excellent example is the central avenue-former Lenin Avenue, which was the favorite place for the city people's leisure.

The purposes of our parks near to the buildings were defined by the functionality of those buildings. For example, the parks near cinemas were used in summer time as a kind of lobbies, where people were awaiting their session. (The park near the Green Theater, the park near the Jomi cinema, the park near the Opera and Ballet theater). When the parks in the squares and streets were made only for decoration purposes, then they were of a small size, and most of the times monuments, sculptures and fountains were put in there. (the park near the Dzerzhinskiy monument, the park near the Mironenko monument, the fountain near the Abu-Ali-Ibn-Sino monument). They were also used as noise reduction devices in residential neighbourhoods.

Unlike this, the Park of Culture and Recreation is a big green area; due to its sizing, location in the city area and natural characteristics provides the best conditions for people's leisure, for mass cul-

tural events, sports and political events and others. The greenery takes up 80-90% of its total area. Excellent examples for that were two parks – the Lenin Central Park of Culture and Recreation, the park of the Officer's Club, and the wide park area near the Komsomol'skiy Lake. The rest and time spent in the park was excellently and fully organized. There were specially designated areas for quiet and active rest, for kids and adults, places where one would have been kept busy with activities, places where people could have a snack or enjoy themselves with an ice-cream in the shade of the alleys. Today the areas formerly known as "the capital's green lungs" have practically vanished. The recently constructed and very expensive Park for entertaining and rest is a big territory where a lot of attractions and entertainment facilities are located, but it is not functionally able to replace those parks. The greenery in the park takes up only 40% of the total area, and it will take many years to wait for it to grow. The water mirror and the Komsomol'skiy Lake areas, the lakeside cafes and restaurants, the boat piers used to be very comfortable. Prevention measures were taken to avoid water pollution by open water. A wide area around the lake was open for any family, of any income, and provided the possibility for any family to take rest in the city area. The leisure system, which was created for common use, embracing the green areas of Dushanbe, was intended both for countryside people and for the inhabitants of the city. It was meant for the combination of short-time leisure in parks and boulevards and rest in gardens and parks.

Green areas play a very important role in cleaning the atmosphere from dust and gas. Dust falls down on the leaves, branches and bodies of the trees and bushes, and that is being washed by the atmosphere condensation down to earth. The distribution and movement of the dust is also being prevented by lawns, which suppress the distribution of dust brought by wind from various places. The absorption of carbon dioxide and the release of oxygen by green plants influences the city temperature greatly. You can feel it in hot weather, when the temperature among green plants is lower than in open areas. The explanation is in the fact that leaves have a bigger reflecting surface than softwood. Moreover, plants evaporate a lot of water and increase air humidity. More effective are plants with big leaves. These big leaves reflect more energy than they absorb, and that is how they help reduce the radiation. The "champions" in this respect are plane trees and chestnuts – the most popular and favorite trees for many generations of Dushanbe residents. It just leaves a bitter feeling of regret that many such results of urban economy were destroyed and cannot be restored.

Sincerely yours,
Tatiana LEBEDEVA - former resident of our city, but, as it is well known,
there is no such notion as a former Dushanbe resident.
Hamburg, Germany.

There is no future without past (Proverbial wisdom)

Why they are "beautifying" Dushanbe?

Lately, a puzzled rage in regards of the demolition of complexes of well-matching architectural buildings in the former Dushanbe and the construction of new, inappropriate, and not mismatched buildings and of multi-storeyed complexes that do not match the landscape rises up among the old and new generations.

I, being born and raised in Dushanbe, do not support this trend, but will try to be most reasonable in my statements.

At all times, the old generation spoke with warm feelings and with some bitter feelings in their eyes about the past periods of their lives, rather than about their present. Nostalgia. Lots of words were said about it. I would avoid repeat myself, but would remember only a few phrases: most people remember their youth with nostalgia, as it was the most carefree and happy period of their

lives. People associate this or that building or construction or street to a certain period of their lives: childhood, teenage, more mature periods of their personal history. I think this can be said not only about Dushanbe.

Nostalgia about former lovely and sweetsounding Dushanbe is hurting the souls of mostly “soviet” people. Young people of the nineties are quite indifferent to the past soviet times. Both are right in their own way. I will try to draw a parallel between past and present:

In soviet Dushanbe the population was a little more than 500 people. Today the population of the city is more than two million people. In soviet times the tendency of migration of people from the countryside to the city was not that strongly seen. That period can be characterized by urbanization, the development of land for cities and the cultural education of society, the education level increase, with positive results in this direction. Nowadays we can clearly see de-urbanization (in our language it is called “village invasion”), with all the negative consequences, i.e. cultural and educational degradation. In soviet times the entire Soviet Union economy was directed towards raising the social level of the soviet people. That means that people adhered to different values-education level improvement, respect to other people, guidance to live in the spirit of patriotism and many others. It’s worth mentioning that there is no material component on the list, because the government was taking care of its people, and even if we were not walking in golden slippers, we were not living in poverty and need. The main social services like education and medical services were free. Today, all those values are forgotten, and the government failed to take care of its people and provide them with all those social components. The material status of people has become the priority. That means that people had to scramble as if they have suffered a shipwreck, using all possible and impossible means. The first thing they are thinking of is how to earn more money! Education, child guidance, cultural and family values are left in the background. I am not going to stress the exodus of leading professionals of Tajikistan during post-Soviet, military and post-military periods, which has also greatly influenced the economy of Tajikistan. Much was written and said about that...

With a lack of proper education, the new generation has nobody to learn from notions such as culture, art, family guidance, sense of taste, ethics and esthetics.

The current authorities are focusing on multi-storeyed houses and administrative buildings, forgetting about architectural monuments being secure as well as forgetting about building ensembles matching the environment and the entire look of the city, which were the requirements most of the old constructions and still existing buildings of our wonderful city complied with. There are such concepts as “old city” and “new city” in all civilized countries, i.e. “city”. In Dushanbe they do not exist.

Probably the reason is that a certain percentage of current authorities and city planners are not originally from the city, not talking about their education level, sense of taste and esthetics. So what does it lead to? The result is that new ugly idols, absolutely not matching to the atmosphere of the city, are replacing low-rise buildings, which were, however, so sweet for the heart and soul, so truly matching to each other and buried in greenery. These ugly idols are blocking green plants from the sun they are so used to, and which are, by the way, becoming less and less in number with each step of new “development”.

What picture of the city the new generation will carry about our, or probably, not our Dushanbe?

Oksana RASULOVA

Исчезающий город. Парки Душанбе

Гафур ШЕРМАТОВ – журналист, городской активист
(Таджикистан).

Фотоматериалы из личного архива Гафура ШЕРМАТОВА

«От ясного неба, фруктов, жары, вечерней музыки в парке было ощущение отпуска, каникул, праздника. Горы еще больше напоминали черноморское лето. Казалось, повернешь за угол – и увидишь море», - так, работая в столичном Зеленем театре, описывал, тогда еще Сталинабад, советский драматург Евгений Шварц.

С тех пор прошло 70 лет. Сталинабад давно вернул свое прежнее название - Душанбе, Зеленый театр превратился в театр-студию «Падида», Евгения Львовича не стало в 1958 году, а ощущение праздника в столице Таджикистана так и осталось.

Сопоставив прошлое и настоящее, мы еще раз убедились в том, что характер нашей столицы ничуть не изменился: она по-прежнему никуда не спешит; этот город по-восточному мудр, спокоен, радушен, приветлив, и продолжает справлять свой особенный праздник.

Так было всегда: в Дюшамбе, Сталинабаде, Душанбе.

В этом году главный город независимого Таджикистана справляет свой 90-летний юбилей. В октябре 1924 года столицей таджикской республики был выбран неказистый кишлак с названием Дюшамбе. Такая транскрипция названия таджикской столицы объяснялась тем, что таджикский язык звучит мягче, чем русский, и в Москве название слышали именно так. В переводе с таджикского языка «душанбе» означает «понедельник»; задолго до того времени, когда наш город стал столицей в этот день недели здесь проходил крупный базар, известный во всей округе, так и появилось это оригинальное название.

Busy street in Stalinabad, 1957.
Оживленная улица Сталинабада, 1957 год.

Созданный в 1924 году, городской исполком сразу же приступил к строительству «кишлака наркоматов» – так в шутку называли в то время Душанбе его жители. Правительственных и административных зданий здесь буквально за считанные месяцы стало больше, чем оставшихся после гражданской войны частных строений. Говорят, в декабре 1925 года душанбинцами могли называть себя всего 283 человека. Но ровно через год в городе проживало уже 6 тысяч человек.

В 1929 году столицу Таджикистана переименовали в Сталинабад. Так город назывался вплоть до 1961 года. Только тогда столице вернули историческое название, причем уже, как полагается – Душанбе.

Впрочем, о существовании Душанбе было известно задолго до 20 века: первое письменное упоминание о Душанбе датировано еще 1676 годом в обращении балхского хана Субханкула Баходура русскому царю Федору Алексеевичу, направленному в Россию через своего представителя Алимурода. В этом документе правитель указывает, что Душанбе в числе других владений, находится под его полным подчинением, и предлагает «белому царю» вступить на путь общения.

На территории города археологи находили удивительные исторические свидетельства того, что возраст Душанбе насчитывает уже не одну тысячу лет. Например, на территории близ Дома радио был найден некрополь с большими кувшинами - хумами, в которых зороастрийцы хоронили усопших; на центральной улице города были найдены медные монеты, датированные первым веком н.э., и многое другое.

Эти находки были обнаружены в Душанбе в 50-е годы, тогда, когда столица Таджикской ССР была уже сформированным, современным городом с развитой наукой, искусством и культурой, а для душанбинцев – самым прекрасным местом на всей Земле.

За 23 года государственной независимости облик столицы Таджикистана значительно изменился – в городе появились десятки новых памятников, парков и площадей, современных величественных зданий. Город стремительно меняет свой облик, на глазах превращается в огромный мегаполис, но его душа, как и прежде, пленяет своей добротой и открытостью, заставляет возвращаться сюда снова и снова.

Парковая зона вокруг Комсомольского озера

Сталинабад, 1940 год. Прекрасное голубое озеро раскинулось в пойме реки Душанбинка. В 1938 году, когда было закончено строительство широкого железобетонного моста через

Душанбинку, по инициативе комсомольцев Сталинабада и силами его жителей в 1939-м году было сооружено Комсомольское озеро, и сразу на северном берегу озера был устроен песчаный пляж длиной 500 метров. В 1940 году на этом же берегу был разбит большой тенистый парк с античными вазами и освещением по всему периметру.

Для сталинабадцев озеро сразу стало самым любимым местом семейного отдыха и досуга. Площадь акватории озера составила 22 га, максимальная глубина 4 метра. Восточный берег озера одет в бетонный облицованный каменными плитами бордюр со сходами к воде. И в последующие годы, вплоть до 90 – х годов прошлого века озеро и парк оставались

наиболее посещаемыми публичными местами, но в последующие годы гражданского противостояния многие объекты озера обеспечивающую инфраструктуру были фактически уничтожены или пришли в упадок.

В советские годы парк работал ежедневно и самое главное круглогодично. В 1954 году был разработан проект благоустройства (арх. Ю. Снеговской). Здесь было очень интересно всем – несколько каруселей, расчитанных и на детей самых разных возрастов, и на молодежь и на взрослых. Качели, колесо обозора, спортивные площадки, кафе – закусочные, чайханы, рестораны, малые архитектурные формы, лодочные станции, летний цирк, прогулочные катера, все это создавало неповторимый колорит и удивительную притягательность, как озера, так и конечно большого тенистого парка. Следует отметить, что в советские годы парк жил вместе с горожанами интересной, насыщенной жизнью. Здесь работала библиотека, имелись залы для игры в бильярд и шашки. На озере проводились всевозможные спортивные состязания: гонки на лодках, массовые заплывы, прыжки в воду с вышки и т.п. Также на территории парка проводились музыкальные и литературные вечера, карнавалы, здесь действовали летний кинотеатр и танцплощадка, проводились ярмарки. В 1980 году на западном берегу озера была построена современная гребная база. В 90-е парк пришел в упадок. На представленных старых фотографиях, сделанных с высоты птичьего полета хорошо видны границы старого парка и его зеленая зона. К сожалению сегодня, от старого парка осталась совсем маленькая территория. На месте его центральной части построен огромный дворец «Кохи Навруз». Споры нет, он прекрасен, но на своем ли он месте. Там где, когда-то в жаркие летние дни сотни горожан отдыхали в тени деревьев и купались в озере стоят огромные сооружения, а ведь с самого начала эта территория предназначалась для отдыха жителей города. Парк – это некая зона или территория, как угодно, которая предназначена для отдыха жителей города. Эта территория специально выделена в городе и несет одну из важнейших функций, парк помогает жителю города расслабиться, он берет на себя часть забот – отдых, занятие свободного времени теми делами, которые помогут оставаться человеку в тонусе, душевном спокойствии, не напряженным психологически. Это равновесие на Комсомольском озере было нарушено. Важно отметить, что то публичное пространство, совершенно бесплатное, предназначенное в первую очередь для отдыха людей разных социальных слоев, возрастов фактически потеряно навсегда.

The Komsomol'skiy Lake Park. 70's.
Жители Душанбе на пляже
Комсомольского озера. 1966 год

Детский парк

Детский (бывший Пионерский) парк городской находится в городском районе им. И Сомони, рядом со стадионом «Спартак». Спроектирован в 1936 году архитектором С. Анисимовым как Центральный пионерский парк культуры и отдыха. Название парку дал расположенный поблизости Дворец Пионеров (ныне Дворец детского и юношеского творчества). Представлял собой ансамбль построек различного назначения: летний кинотеатр, столовая на 200 мест, спортивные площадки, павильоны фото, радио, авиа, мотодела, настольных игр и т.д. Там же в парке находился первый цирк, построенный в Душанбе в 1936 году. Парк был очень густо засажен: здесь можно и сейчас встретить дубы, вязы, акацию, тополь, ясень. Кроме того, в парке было много красивых клумб, разбиты газоны. В центральной

части была отстроена пионерская площадка, на которой проводились пионерские мероприятия, торжественные линейки, молодежные праздники. В настоящее время из спроектированного ничего не сохранилось. В 80-годах прошлого века парк был реконструирован, благоустроен, снабжен

малыми архитектурными формами, дорожками, скамейками оригинальной конфигурации с использованием бетона и мозаики, питьевыми фонтанчиками. В настоящее время, большинство строений на его территории пришли в упадок и нуждаются в реставрации.

Мнение Жителей

(Два письма полученных Гафуром Шерматовым)

Город – это не только здания и сооружения, город – это еще дружелюбная среда, зеленая среда, где продумано все для удобства нахождения там человека. Все мы любим свою малую родину Душанбе, город, в котором мы родились и выросли. Но растем мы, вместе с нами растет город, строятся новые дома, как грибы после дождя растут торговые центры, банки, учреждения. Меняется облик города, его границы, ускоряются темпы, растет движение. И уже не узнать тот зеленый Сталинабад-Душанбе, который был ранее. Но нужно признать, что сегодня наш город, при всей внешней “тотальной городской стройке” становится неуютным и некомфортным для проживания простых горожан. Десятки старых деревьев были спилены под благовидным предлогом благоустройства или расширения проезжей части дорог. Скверики и парки, посаженные нами и нашими родителями на комсомольских субботниках, первыми попадают под немилость. Была вырублена часть деревьев на старых уютных улицах города, снесены детские площадки, куда молодые мамы ходили с детишками отдыхать, демонтированы многие памятники. Сегодня чиновники едины в своем порыве, снося достаточно прочные здания и вырубая деревья, желанием выправить из сознания горожан память о советском прошлом.

Озеленение города - это созидательный долговременный процесс, связанный с решением целого ряда сложных производственных задач. Сложность его технологии заключается в том, что основным строительным материалом является растение, живой организм, постоянно изменяющийся во времени, остро реагирующий на неблагоприятные условия окружающей среды. Современный ландшафтный дизайн, вписывая одно в другое, соединяя в единую картину природные и инженерные элементы, призван улучшить условия проживания в городе всех без исключений горожан. Причем он способен создавать великолепные ансамбли даже на обычных городских участках.

В практике градостроительства применяют различные приемы озеленения улиц. Самое известное решение - в виде посадок одного ряда деревьев между проезжей частью и тротуаром. Иногда деревья высаживают прямо на тротуаре, розеточной клумбой. В отдельных случаях посадка деревьев дополнялась кустарниками, посадка между тротуарами и проезжей частью двух и более рядов деревьев. Всё это было очень широко представлено в самом зеленом городе Средней Азии – Душанбе. Включение бульвара в габарит улицы – великолепный тип ее озеленения. Прекрасный пример этому центральная аллея на бывшем проспекте Ленина, любимое место отдыха многих горожан.

Целевое назначение наших городских скверов около зданий определялось функциями этих зданий. Например, скверы у кино/театров использовались летом как своеобразные фойе, в которых посетители ожидали начала сеанса (скверик у Зеленого театра, скверик возле кинотеатра Джамии, сквер у Оперного театра). Когда скверы на площадях и улицах создавались только с декоративными целями, они обычно были незначительные по размерам, и здесь частенько устанавливались памятники или скульптуры, размещались фонтаны (сквер у памятника Дзержинскому, сквер у памятника Мироненко, фонтан у Абу Али ибн Сино и другие). Они также использовались и в качестве шумозащитных устройств в жилых кварталах.

В отличие от них, парк культуры и отдыха представляет собой зеленый массив, который по размерам, размещению в городской черте и природной характеристике обеспечивает наилучшие условия для отдыха населения и организации массовых культурно-просветительных, спортивных, политических и других мероприятий. Зеленые насаждения в нем занимают не менее 80-90% общей площади. Замечательным примером этого были два парка – ЦПКиО им. Ленина совместно с парком Дома Офицеров и большая парковая зона вокруг Комсомольского озера. Прекрасно и полно организованный отдых в парке, где специально выделялись зоны для тихого и активного отдыха, для детей и взрослых, где всем было и чем заняться, и где перекусить или полакомиться в кафе мороженым в теннисных аллеях парка. Ныне же это практически исчезнувшие городские «зеленые легкие столицы». Новый недавно построенный дорогостоящий парк развлечений для отдыха посетителей, территория, на которой размещено большое число аттракционов и зрелищных сооружений, по своим задачам не может их заменить, там занято насаждениями менее 40% этой площади, да и ждать, когда они вырастут придется много много лет.

Площадь водного зеркала и пляжей Комсомольского озера, прибрежные полосы с кафе и ресторанами, лодочными станциями, были очень благоустроены. Предусмотренные меры исключали загрязнение водоема поверхностными водами. Большая парковая зона вокруг озера была доступна любой семье, с любым семейным достатком, обеспечивала возможность отдыха всей семьей в пределах городской черты. Созданная система отдыха среди городских зеленых насаждений общего пользования в Душанбе, рассчитанная на жителей района или города, предусматривала сочетание кратковременного отдыха в скверах и бульварах, с отдыхом в садах и парках.

Зеленые лиственные насаждения имеют немаловажное значение в очищении городского воздуха от пыли и газов. Пыль оседает на листьях, ветках и стволах деревьев и кустарников, а затем смывается атмосферными осадками на землю. Распространение или движение пыли сдерживается также газонами, которые задерживают движение пыли, перегоняемой ветром из разных мест. Поглощение зелеными насаждениями углекислоты и выделение кислорода существенно влияют на температуру воздуха в городе. Это особенно заметно в жаркую погоду, когда температура воздуха значительно ниже среди зеленых насаждений, чем на открытых местах. Это объясняется тем, что именно листья имеют большую, чем хвойные деревья, отражательную способность. Кроме того, растения испаряют большое количество влаги, повышая влажность воздуха. Наибольшей эффективностью отличаются растения с крупными листьями, которые значительную часть энергии отражают, не поглощая ее, и, таким образом, способствуют снижению количества солнечной радиации. «Чемпионы» в этом, известные и любимые многими поколениями душанбинцев, наши любимые чинары и каштаны.

Остается лишь сожалеть, что многое из подобных наработок в городском хозяйстве Душанбе, было разрушено и восстановлению не подлежит.

С уважением,
Татьяна ЛЕБЕДЕВА, бывшая жительница нашего города,
хотя, как известно, душанбинцы бывшими не бывают.
Гамбург, Германия

Без прошлого нет будущего (Народная мудрость)

Зачем «преображают» Душанбе?

В последнее время среди коренных душанбинцев старого и нового поколений разгораются недоуменные страсти по факту сноса комплексов хорошо сочетающихся между собой архитектурных сооружений былого Душанбе и возведения на их месте новых, неуместных, не сочетающихся между собой и не вписывающихся в окружающий ландшафт высотных жилых комплексов.

Я, как коренная душанбинка, не поддерживаю данную тенденцию, но постараюсь в своих высказываниях быть предельно объективной.

Во все времена старшее поколение высказывалось тепло, с некоторой грустью в глазах о былых, прошедших периодах их жизни, нежели о настоящем. Ностальгия... Многое сказано о ней. Не буду повторяться, вспомню лишь несколько фраз: большинство людей с ностальгией вспоминают свою молодость, ибо этот период их жизни был более беззаботным, радостным, счастливым. Люди ассоциируют то или иное здание, сооружение, постройку, улицу с определенным этапом своей жизни: детством, молодостью, какими-то более зрелыми вехами своей личной истории. Думаю, это относится не только к Душанбе.

Ностальгия по старому, милому душе и сердцу, Душанбе скребет душу в основном «советскому» гражданину, горожанину. Молодёжь 90-х более прохладно относится к советскому прошлому. И те и другие правы по-своему. Попробую провести параллель между прошлым и настоящим.

В советском Душанбе население составляло чуть более 500 тысяч человек. В настоящее время в городе более двух миллионов человек. В советский период тенденция переселения с сельской местности в городскую была выражена не так ярко. Тому периоду была свойственна урбанизация, освоение новых сельских земель под город и прививание культуры поведения в обществе, повышение уровня образования, со всеми позитивными последствиями в заданном направлении. В настоящее время происходит дезурбанизация, говоря нашим языком – «кишлакизация», со всеми негативными проявлениями, т.е. упадок уровня культуры, образования и т.д. В советское время на развитие социального уровня советского гражданина была направлена экономика ВСЕГО Советского Союза! То есть у людей были другие ценности – повышение уровня образования, уважение к людям, воспитание в духе патриотизма и многое другое. Заметьте, в списке нет материальной составляющей, ибо государство заботилось о своих гражданах и люди, если не и купались в роскоши, то и не бедствовали. Главные социальные услуги – образование и медицина, – были бесплатными. Сейчас же все эти ценности позабыты, ибо государство не в состоянии в полной мере заботиться о социальной составляющей своих граждан и на первый план вышло понятие материального статуса. То есть люди вынуждены, как потерпевшие кораблекрушение, до поры (!) сами выкарабкиваться из сложившейся ситуации «кто на чём» и первая мысль у людей – как заработать больше денег! Уровень образования, воспитания, культуры и семейных ценностей оказались на задворках. Не буду развивать тему оттока ведущих специалистов из Таджикистана в постсоветский, военный и послевоенный периоды, которые также сильно сказались на нынешнем состоянии Таджикистана и его экономики. Об этом написано и сказано много...

При отсутствии должного образования новому поколению не у кого учиться таким понятиям как искусство, культура, воспитание, чувство вкуса, этики, эстетики.

Нынешние власти делают ставку на высотные жилые и административные здания, но не думают о сохранении памятников архитектуры, соответствия ансамблей строений с окружающей средой и общим видом, каковым требованиям отвечали практически все

былые и пока ещё сохранившиеся постройки нашего такого замечательного города. Во всех цивилизованных странах есть понятия «старый город» и «новый город», то есть «сити». В Душанбе же такого понятия нет.

Возможно, связано это с тем, что определенный процент нынешней власти и «градостроителей» не являются коренными душанбинцами, не говоря уже об уровне их образования и чувства вкуса и эстетики. Вот и получается, что на месте пусть и малоэтажных, но милых душе и сердцу, сочетающихся между собой, утопающих в зелени зданий возводят отличающиеся друг от друга уродливые истуканы, которые совершенно не вписываются в атмосферу города Душанбе и заслоняют собой привыкшие к солнечному свету зеленые посадки, которых тоже, кстати, с каждым новым «освоением» территории становится всё меньше и меньше.

Каким запомнится будущему поколению наш, а возможно уже и не наш город Душанбе?

Оксана РАСУЛОВА

Mobile Workshop - Almaty

Period: February 2-5, 2015

Organizer: Dushanbe Art Ground (Public Foundation “Sanati Muosir”)

Workshop lector/tutor: Vladimir US, (MD).

Participants: architects, designers, researchers, urban activists and visual artists from Tajikistan and Kazakhstan.

Regional partners: Urban Initiatives “Ctrl+S Almaty”, ICOMOS Fund Kazakhstan, Saken Narynov-studio VDNH/Almaty, “Urban initiatives”- Public Foundation (Bishkek, Kyrgyzstan).

Project partners: Prince Claus Fund/The Netherlands, Arts Colaboratory - a Hivos&DOEN Foundation programme/ The Netherlands, Goethe Institute Tashkent/Uzbekistan, Goethe Institute Almaty/Kazakhstan, Open Society Institute – Assistance Foundation in Tajikistan.

Description:

The Mobile Workshop in Almaty was organized by Dushanbe Art Ground in partnership with Urban initiatives “Ctrl+S Almaty” and designed as a 4-day interaction between the project participants, the project team and the invited tutor (Vladimir US - Art Manager and Curator, (MD)) and consisted in presentations, guided tours with local guides (Raushan ATAGULOVA – architect, (KZ) and Almaguli RAMANKULOVA – architect (KZ)) and working sessions (from 10.00 to 17.00) that took place in Almaty, where the main urban transformations occurred recently. The workshop participants collected data and made a comprehensive analyse is concerning the recent transformations, the main actors as well the consequences of urban changes and impact on society standards. Based on this research platform, the workshop participants examined the structural determinants of public space and how it relates to the dominant activities, both of the state – a public institution – and of business and commercial interests – the private interests under the modern “Asian” type of capitalism which we could witness in Almaty.

The Mobile workshop was assisted throughout its program by the project team (Stefan RUSU - project curator, (MD) and Jamshed KHOLIKOV- project manager, (TJ) Dana MUN - coordinator (member of Ctrl+S Almaty) and the working sessions where chaired by Stefan RUSU (MD) in collaboration with Vladimir US (MD).

Participants:

Elena TYO - architect, designer, (KZ)

Galina KORETZKAYA - project coordinator, (KZ)

Edyge NESYPBEKOV - video artist, (KZ)
Murodjon SHARIFOV - video artist, designer, (TJ)
Timur AKTAEV - designer, (KZ)
Pavel KAS - street artist, (KZ)
Raushan ATAGULOVA - architect, (KZ)
Dana MUN - architect, (KZ)
Ivan BARIS - architect /designer, (KZ)
Timur JUMANOV - curator, museum director, (KZ)
Rustem ALDABERGENOV - researcher, (KZ)
Aydar ERGALI - architect, (KZ)
Galiya FAYZULINA - project manager, (KZ)
Timur NUSYMBEKOV - researcher, (KZ)
Emil DOSOV - sound artist, creative producer, (KZ)
Katya SUVOROVA - visual artist/film director, (KZ)

The participants were selected on the basis of submitted CVs, professional abilities and interest to work in a working urban context. The selection was made through our professional network in Kazakhstan (curators and art managers) in cooperation with Urban Initiatives “Ctrl+S Almaty” and ICOMOS Fund Kazakhstan.

Contributions to the workshop by Vladimir US - curator, art manager (MD):

Lecture title: Reclaiming public space through artistic practices

Duration: 90 minutes

Vladimir US shared his knowledge and experience in reclaiming public space through artistic practices in conjunction with a range of projects organized by the Oberliht Association in the past seven years, highlighting a number of artistic interventions that took place outside of traditional cultural institutions (the projects INTERVENTIONS, CHIOSK and the Civic Centre of Chisinau). These projects drew together artists, architects, sociologists, activists and other participants expressing interest in the transformations undergone by the public space in Chisinau, the goal being

that of creating, through such cultural interventions, a truly public space. These efforts became possible via self-education and self-organization as well as through the development of a new cultural and digital infrastructure, better suited to the needs of the independent cultural entities in Moldova, offering an alternative to the institutional environment and proposing new ways of engaging with the public.

Beside this content Vladimir US presented two films:

Film title: CHISINAU CIVIC CENTER – beyond the red lines

Film image by Ina IVANCEANU (AT) and Vahe BUDUMYAN (AM), edited by Gaëlle MEGE (FR), 2013-2014 / 55. Produced by the Oberliht Association.

The film “Beyond the red lines” documents the collaborations and interactions that took place in 2013 in the frame of “CHISINAU CIVIC CENTER – beyond the red lines” project (curated by Vladimir US, (MD)). One of the issues raised by the artistic and architecture community in Chisinau is the construction of the Cantemir Boulevard. Designed in the 70s by Soviet architects, it was just partially built. However this boulevard is still present on in the

official Chisinau General Urban Plan even if its longest part has not yet been constructed, two decades after the Republic of Moldova proclaimed its independence from the Soviet Union and its subsequent dissolution. Taking this as a starting point, as a leading thread, a group of artists, architects and researchers were invited to Chisinau to participate in a residency program and in a conference, and contribute to a publication – to work on this issue and to share similar experiences that could enrich the understanding of this particular situation and reveal new forms of criticism and protest. The result of this collaboration turned into a series of participatory artworks involving the inhabitants of Chisinau and opening new public spaces for culture and civic engagement in the areas where the Cantemir Boulevard was planned to be built.

Link: <https://vimeo.com/111312644>

Film title: The INTERVENTIONS3, 33', 2008

Produced by Oberliht Association

Description: The INTERVENTIONS3 (curators: Vladimir US, (MD), Natasa BODROZIC, (CR)), artistic project dealing with public space took place in the city of Chisinau and its surroundings throughout August 2008, thus anticipating the CHIOSC project. It gathered more than thirty participants from Moldova, Romania, Croatia, Germany and France, who stayed in the city for a short-term residency, creating artworks and reflecting on the processes that shape Chisinau's public space today, the city's visual structure, the hidden histories and experience of its inhabitants' everyday life. Their stay and the results of the project are documented in the catalogue, in two different issues of STATE OF EMERGENCY magazine / Oberliht Supplement and in the film. The project consisted of several phases: city walks, artists' projects, public presentations and discussions, Ghidighici GRAFFITI session and opening to the public of ARThotel – a space for artistic production and exchange.

Link: <https://vimeo.com/16828086>

Other contributors to the workshop:

1. Guided tour “The Green Architecture of the city of Almaty”

Guide: Raushan ATAGULOVA – architect, (KG).

Location: Green areas/parks. Almaty.

The Guided tour was focused on the green areas/parks in Almaty, which determined the public space of the city and leisure time of its inhabitants. Today, these spaces have undergone substantial changes, especially in the context of the collapse of the Soviet Union and in the period after Kazakhstan declared independency. The purpose of this tour was to explore the green

areas and to make a comparison with the real condition in which these spaces are today, by whom and how they are used today.

2. Guided tour “Urban transformations in Almaty. Socialist and post-socialist context”

Guide: Almaguli RAMANKULOVA – architect, (KG).

Location: Almaty

The Guided tour was focused on understanding the processes behind the establishment and planning of the city of Almaty and the analysis of the urban transformations that occurred in the former capital of Kazakhstan during the socialist period and after the 90s, when the capital was moved to the north (Astana). Practically we are witnessing a substantial demolition of an architectural heritage built in the soviet era; what is being erected in downtown today represents mainly the interests of the new political and economical elite of the city&country. In this context, it was important to compare the function of public spaces and public buildings, as they were designed and used in the Soviet era, with how this heritage is used and what needs of society it meets today.

Working sessions:

During the workshop sessions the participants, divided in to groups, developed the parameters and a set of criteria (conflict - situations) in order to identify and investigate the processes that took place behind the transformation, planning, use and commercialization of public space in Almaty.

The parameters:

1. Location (features, why it is there? what is special about location?)
2. Time-line (years, dates, events, important changes, what it has become?)
3. Structure of power involved (politics or business interest)
4. Who invested in it? Who made the decision?
5. Control? Who controls the space/location?

Conflict situations identified by the workshop participants in the urban context of Almaty:

1. Visible - Invisible (architecture that is not integrated, the demolition of old buildings and new constructions)
2. Rich - Poor (Gentrification - development of residential quarters at the expense of poor residents through the purchase of land and relocation of residents)
3. Private-Public (Situation: private owner occupies a public place, private business takes the pavement or the installation of fences on park territory, the construction of cafes, casinos, etc.)
4. Process of returning public spaces to its initial domain (Situation: the interests of car owners on the one hand and those of the residents of houses on the other, and/or when playgrounds and sidewalks are occupied by cars)

List of public spaces investigated by the workshop participants in the urban context of Almaty:

The Public Square on Abylai khan&Kurmangazi (Located at the crossroads between Abylai khan-Kurmangazi and Bayseitova Shevchenko)

The multifunctional complex Nurly Tau (Located at the crossroads between the Al-Farabi Avenue and Zheltoksan street)

The Old Bus Terminal - Sayakhat and road junction

Residential building - Three heroes - Cinema Iskra. The building had the nickname the “three heroes” and later became a marker of this district; it was part of the integrated development of one of the main streets (at the time) Alma-Ata - Lenin Avenue (now - Dostyk Avenue).

The Dostyk Plaza (on-site of a demolished sports complex) (The Dostyk Plaza shopping center is located in the vibrant eastern part of city center - at the intersection of Prospect and Zholdasbekov Dostik)

The “Tselinnyi” Cinema (The cinema is located on the T-shaped crossroads of Masanchi and Kabanbai knight streets, in front of a small area, separated from the roadway guardrail)

The Palace of the Republic and the Abai Square. (The Building of the Palace is located in Almaty city center at the T-shaped crossroads of Abai and Dostyk streets)

The “Baraholka” Bazaar (“Baraholka” is located along the northern ring on both sides of the road for several kilometres, and has a depth of about 8 rows.)

Мобильная Мастерская - Алматы

Период: 2-5 февраля 2015.

Организатор: Душанбе Арт Граунд (Общественный фонд «Санъати Муосир»)
Лектор/тренер: Владимир УС, (Молдова).

Партнеры проекта в Казахстане: Городская инициатива “Ctrl+S Almaty”,
Фонд ICOMOS Казахстан, Студия Сакена Нарынова, ВДНХ/Алматы.

Партнеры проекта: Фонд Принц Клаус/Голландия, Arts Colaboratory –
программа фонда Nivos&DOEN / Голландия, Институт Гёте Ташкент/
Узбекистан, Институт Гёте Алматы/Казахстан, Институт Открытое Общество
– Фонд в Таджикистане.

Участники: архитекторы, дизайнеры, исследователи, городские активисты и
художники из Таджикистана, Казахстана.

Описание:

Мобильная мастерская организована Душанбе Арт Граундом (Общественный фонд «Санъати Муосир») в сотрудничестве с городской инициативой “Ctrl+S Almaty” и была задумана как четырехдневное взаимодействие между участниками проекта, проектной команды и приглашенного лектора/тренера (Владимир УС - куратор (Молдова), и состояла из презентаций, экскурсий с местными гидами (Раушан АТАГУЛОВА - архитектор (Казахстан)) и Алмагуль РАМАНКУЛОВА - архитектор (Казахстан) и рабочих сессий (с 10:00 до 17:00). Работа мастерской была проведена в городе Алматы, где за последнее время произошли значительные городские преобразования. Участники мастерской собрали данные и произвели их всесторонний анализ, касающийся причин, главных действующих лиц (акторов), а также последствий городских трансформаций и их воздействия на общественные нормы и стандарты. Посредством этой исследовательской платформы участники изучили структурные детерминанты общественного пространства и то, как они соотносятся с доминирующей деятельностью как государственных, т.е. общественных учреждений, так и интересами бизнеса и коммерции, т.е. частными интересами, происходящими в современном капиталистическом обществе «азиатского» разлива, в данном случае в Алматы.

На протяжении всей работы мобильной мастерской была оказана помощь со стороны проектной команды (Штефан РУСУ - куратор проекта, (Молдова)), и руководитель проекта Джамшед ХОЛИКОВ, (Таджикистан), Дана МУН - координатор мастерской (член «Ctrl+S» Алматы). Рабочие сессии провёл Штефан РУСУ (Молдова) в сотрудничестве с Владимиром УС (Молдова).

Участники:

Елена ТЁ – архитектор, дизайнер (Казахстан)
Галина КОРЕЦКАЯ – координатор проекта (Казахстан)
Эдыже НЕСЫПБЕКОВ – видео художник (Казахстан)
Муроджон ШАРИФОВ – видео художник, дизайнер (Таджикистан)
Тимур АКТАЕВ – дизайнер (Казахстан)
Павел КАС – street-art художник (Казахстан)
Раушан АТАГУЛОВА – архитектор (Казахстан)
Дана МУН – архитектор (Казахстан)
Иван БАРИС – архитектор, дизайнер (Казахстан)
Тимур ЖУМАНОВ – куратор, директор музея (Казахстан)
Рустем АЛДАБЕРГЕНОВ – ученый/исследователь (Казахстан)
Айдар ЕРГАЛИ – архитектор (Казахстан)
Галия ФАЙЗУЛИНА – менеджер проекта (Казахстан)
Тимур НУСЫМБЕКОВ – ученый/исследователь (Казахстан)
Эмиль ДОСОВ – саунд-художник, креативный продюсер (Казахстан)
Катя СУВОРОВА – визуальный художник/директор фильма (Казахстан)

Список участников был выбран на основании представленных резюме, профессиональных способностей и интереса к работе в городском контексте. Выбор был сделан посредством профессиональной сети в Казахстане (кураторы и арт-менеджеры) в сотрудничестве с городской инициативой «Ctrl+S» Алматы и фонда ICOMOS Казахстана.

Лекция другие материалы, представленные Владимиром УС - куратор, арт менеджер для работы мастерской:

Лекция: Возрождение публичных пространств посредством художественных практик

Владимир УС поделился своими знаниями и опытом востребования публичного пространства с помощью художественных практик в сочетании с рядом проектов, организованных Ассоциацией Oberliht в течение последних семи лет, выделив ряд художественных мероприятий, которые имели место за пределами традиционных культурных институтов (проекты: INTERVENTIONS, CHIOSK и Гражданский центр Кишинева). Эти проекты собрали художников, архитекторов, социологов, активистов и других участников, выразивших заинтересованность в преобразовании публичного пространства в Кишинева, с той целью, чтобы создать действительно общественное пространство с помощью таких культурных мероприятий. Эти усилия стали возможными благодаря само-

образованию и самоорганизации, а также посредством развития новой культурной и цифровой инфраструктуры, которая лучше всего подходит для нужд независимых культурных организаций в Молдавии, предлагая альтернативу институциональной среде и новым способам взаимодействия с общественностью.

Фильм: ГРАЖДАНСКИЙ ЦЕНТР КИШИНЕВА – за красной линией

Кинооператоры – Ина ИВАНЦЕАНУ (Австрия) и Вахе БУДУМЯН (Армения), монтаж – Гаэль МЕГЕ (Франция), 2013-2014/55. Производство Ассоциации Oberliht.

Фильм «За красной линией» документирует сотрудничество и взаимодействие, которые имели место в 2013 году в рамках ГРАЖДАНСКОГО ЦЕНТРА КИШИНЕВА - проекта «За красной линией» (куратор Владимир УС, (Молдова)). Одним из вопросов, поднятых художественным и архитектурным сообществами в Кишиневе является строительство бульвара Кантемир. Разработанный в 70-е годы советскими архитекторами, он был лишь частично построен. Однако этот бульвар все еще присутствует в официальном Генеральном плане Кишинева, даже несмотря на то, что его большая часть еще не была построена, спустя два десятилетия после того, как Республика Молдова провозгласила свою независимость от Советского Союза и его последующего развала. Принимая его в качестве отправной точки, в качестве ведущего потока, группы художников, архитекторов и исследователей были приглашены в Кишинев для участия в программе и в конференции, и внесения своего вклада в публикацию - работать по заданной теме и поделиться схожим опытом, который может обогатить понимание данной ситуации и выявить новые формы критики и протеста. Результатом этого сотрудничества стала серия художественных работ с участием жителей Кишинева и открытие новых публичных пространств культуры и гражданской активности на той территории, где планировалось построить бульвар Кантемир.

Ссылка: <https://vimeo.com/111312644>

Фильм: ИНТЕРВЕНЦИИ 3, 33', 2008

Производство Ассоциации Oberliht

Описание: ИНТЕРВЕНЦИИЗ (кураторы: Владимир УС (Молдова), Наташа БОДРОЗИЧ (Хорватия)) – художественный проект, связанный с вопросами публичных пространств в Кишиневе и его окрестностях в августе-месяце 2008 года, предшествующий проекту CHI-OSC. Он собрал более тридцати участников из Молдовы, Румынии, Хорватии, Германии и Франции, которые ненадолго остались в городе, создавая произведения искусства и размышляя над процессами, которые способствуют созданию публичного пространства Кишинева сегодня, над визуальной структурой города, скрытыми историями и опытом повседневной жизни его жителей. Их пребывание и результаты проекта описаны в каталоге, в двух разных выпусках журнала STATE of EMERGENCY/ и вкладыше Oberliht, а также в показанном фильме. Проект состоял из нескольких этапов: прогулки по городу, проекты художников, общественные презентации и дискуссии, сессия Ghidighici GRAFFITI и открытие ARThotel для публики - пространства для художественной деятельности и обмена.

Ссылка: <https://vimeo.com/16828086>

Вклад других участников мастерской:

1. Экскурсия «Зеленая архитектура города Алматы»

с местным гидом Раушан АТАГУЛОВОЙ – архитектор (Казахстан).

Место: Городские парки, Алматы.

Экскурсия была сосредоточена на зеленых зонах/парках Алматы, что определяло публичное пространство города и досуга его жителей. Сегодня эти пространства претерпели существенные изменения, особенно в контексте распада Советского Союза и в период после принятия независимости Казахстаном. Цель данного тура заключалась в изучении зеленых зон и сравнении их с реальным состоянием, в котором эти пространства пребывают сегодня, кем и как они используются сегодня.

2. Экскурсия «Городские преобразования в Алматы.

Социалистический и пост-социалистический контекст»

с местным гидом Алмагуль РАМАНКУЛОВОЙ – архитектор (Казахстан).

Место: Алматы

Экскурсия была сосредоточена на понимании процессов, стоящих за инициированием и планированием города Алматы, а также на анализе городских преобразований, которые произошли в бывшей столице Казахстана в социалистический период и после 90-х годов, когда столица была перенесена на север (Астана). Практически мы наблюдаем существенное разрушение архитектурного наследия, а то, что возводится в центре города сегодня представляет в основном интересы новой политической и экономической элиты города и страны. В этом контексте было важным сравнить функцию общественных пространств и общественных зданий, так как они были разработаны и использовались в советское время, с тем, как используется это наследие и как оно отвечает потребностям общества сегодня.

Рабочие сессии:

Во время сессий участники разделились на группы, разработали параметры и комплекс критериев (конфликтных ситуаций) по выявлению и расследованию процессов, стоявших за преобразованиями, планированием, использованием и коммерциализацией публичного пространства в Душанбе.

Параметры:

1. Местоположение (характеристики, почему здесь? что особенного в данном месте?)
2. Временной период (года, даты, события, важные изменения, что стало с этим местом?)
3. Структура власти, принимающей участие (политика или коммерция)
4. Кто внес вклад? Кто принимал решение?
5. Контроль? Кто контролирует данное пространство/место?

Конфликтные ситуации, выявленные участниками мастерской в городском контексте Алматы:

1. Видимые - Невидимые (не интегрированная архитектура, снос старых и строительство новых зданий);
2. Богатые - Бедные (Джентрификация – развитие жилых кварталов за счет бедных жителей посредством покупки их земель и переселения);
3. Частные - Общественные (Ситуация: частный владелец занимает общественное место, частный бизнес захватывает тротуар или огораживает себе место в парковой зоне, строительство кафе, казино, и т.д.);
4. Процесс возвращения публичных пространств к своей изначальной функции (Ситуация: интересы владельцев автомашин с одной стороны, и жители домов с другой, и/или когда игровые площадки и тротуары заняты автомобилями).

Список общественных пространств, изученных участниками мастерской в городском контексте Алматы:

- Площадь на пересечении улиц Абылай Хана и Курмангазы (расположена на пересечении улиц Абылай Хана – Курмангазы – Байсеитова Шевченко);
- Муниципальный комплекс Нурлы Тау (расположен на пересечении проспекта Аль-Фараби и улицы Желтоқсан);
- Старый автобусный вокзал - Саяхат и развилка дорог;
- Жилой дом – Три богатыря – кинотеатр «Искра». Здание в народе называют «три богатыря», что в последующем стало указателем этого района; было частью комплексного развития одной из главных улиц (на то время) Алма-Ата - проспект Ленина (ныне - проспект Достык);
- Достык Плаза (на месте снесенного спортивного комплекса) (Торговый центр «Достык Плаза» расположен в оживленной восточной части центра города на пересечении проспектов Достык и Жолдасбекова);
- Кинотеатр «Целинный» (кинотеатр расположен на Т-образном пересечении улиц Масанчи и Кабанбай Батыр, недалеко от небольшой территории, огражденной от дороги перилами);
- Дворец Республики и Площадь Абая. (Здание Дворца находится в центре города Алматы на Т-образном пересечении улиц Абая и Достык);
- Базар «Барахолка» («Барахолка» расположена по северному кольцу по обеим сторонам дороги на несколько километров, имеет глубину около 8 рядов).

Appropriation of public space through cultural action

Vladimir US – curator (MD)

Images courtesy of Oberliht Association, Chisinau.

Intro:

During the last two decades, public spaces (parks, cultural and sports infrastructure, recreational areas, playgrounds and the inner yards of apartment blocks areas etc.) in the urban areas of former socialist countries have gone through significant transformations such as: degradation of existing public spaces, non-transparent privatization of public property, the commercialization of public space, substitution of the public function of various public spaces with profit-making type of activities. One major consequence of these transformations was the constant and permanent exclusion of certain social groups from the use of public space, while at a more general level citizens have been deprived of their right to participate in the decision-making process.

Once a top political priority of the ruling class in the Soviet Union, the process of city planning needs to be democratized and opened to new actors – among them professional groups (experts), nongovernmental organizations and inhabitants themselves – so that everybody has the chance to freely participate in public discussions and consultations when important decisions that can transform the urban environment and affect the life of the community are being adopted.

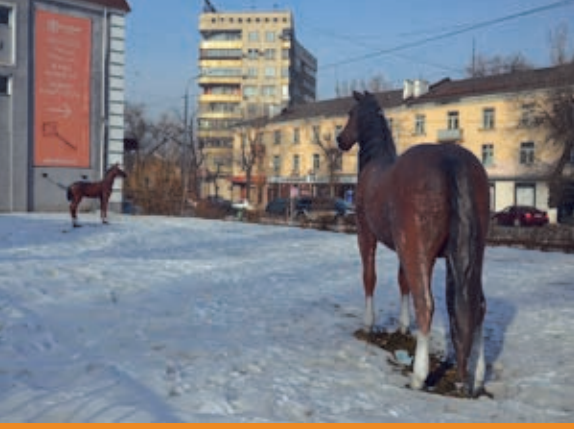
The Appropriation of public space in Chisinau

Established in 2007 as an artistic and curatorial collective (Oberliht Association¹) that got interested in urban transformations, we made ourselves present through various activities organized in the public space of Chisinau, where we have encountered various professional and interest groups, as well as various actors working on similar issues. In this process we have identified new partners and collaborators, among them the members of the architecture community, sociologists and anthropologists, historians and activists who help us understand the social, economic and political processes that shape the Chisinau public space today.

What we have found was a rather sad picture that testifies how easily ordinary people got deprived of their rights to common goods in urban areas in Moldova since the beginning of the 90s.

Issues related to built environment and urban development are often present in our projects due to the role that urban planning and architecture have in re-creating the public space and

¹ Founded in 2000 and based on a rather long working experience as an independent cultural actor, "Oberliht" aims to interconnect dispersed artistic scenes and build an artistic community making use of public spaces (<http://oberliht.com>).

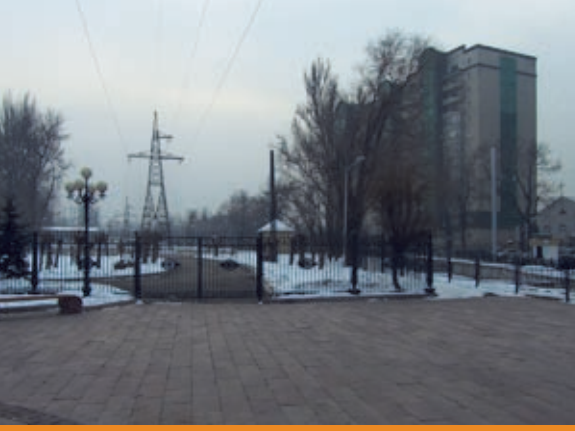
Working Sessions. Mobile Workshop – Almaty, 2014.
Foto by Stefan RUSU Jamshed KHOLIKOV

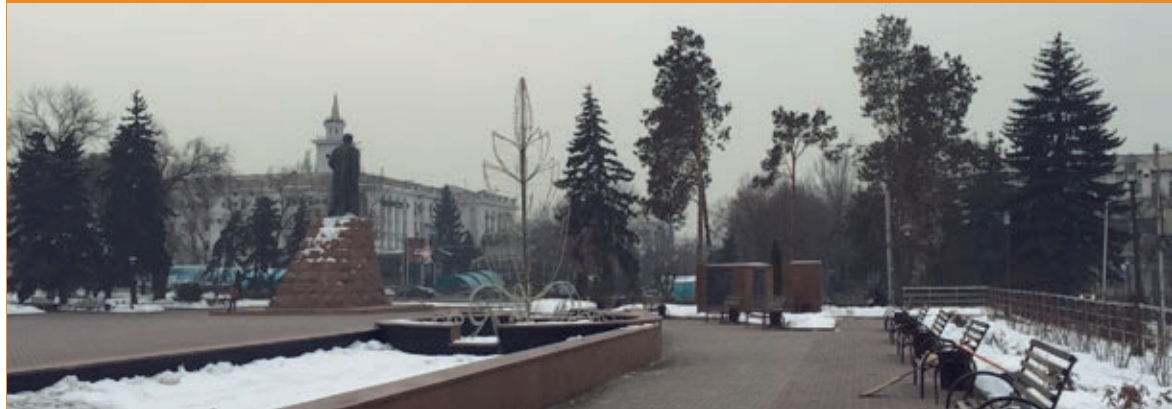
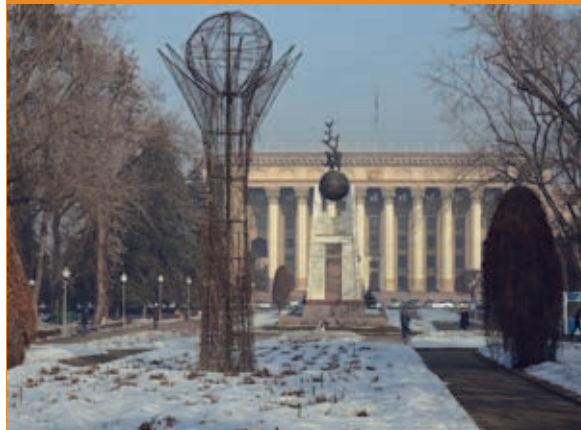
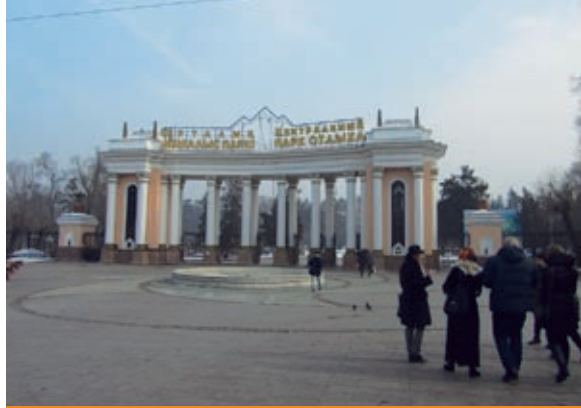

Guided tour "Urban transformations in Almaty. Socialist and post-socialist context" with Almagul RAMANKULOVA – architect, (KG). Foto by Stefan RUSU and Vladimir US

Guided tour "Green Architecture of the city of Almaty" with Raushan ATAGULOVA – architect (KG). Foto by Stefan RUSU and Vladimir US

Cleaning the fountain in front of the Chekhov Theatre. The Civic Center of Chisinau - outdoor cinema. Chisinau, 2012.
Очистка фонтана перед театром имени Чехова. Общественный центр Центр Кишинёва
 – кинотеатр под открытым небом. Кишинёв, 2012.

places for newly formed communities after the dissolution of the Soviet Union, and thus fostering or diminishing social cohesion or increasing/decreasing participation opportunities for the people.

Through our activities we aim to support the citizens in developing a new vision and imagining new situations in their neighborhoods that could help improve the living environment and respond to the community needs. We also aim to develop concrete mechanisms and instruments through which the local communities could be given a voice in the process of urban planning and public space design.

One possible way to do this is by explaining the city and its history, its architectural, natural and non-movable heritage, its spatial character, but also its cultural significance (and here I mean its multiethnic and multilingual character) to the inhabitants and to its most frequent users. Besides its positive character, conflicting situations also have to be revealed.

This can be done through cultural projects that address in-

equalities and through site-specific artistic interventions, which raise awareness and approach critically the city and the way it operates.

The citizens can be encouraged to participate next to the artists and engage in the process of reflection over the way their living environment is being shaped by more powerful actors (developers, companies, some of them affiliated to political parties), but also controlled, surveilled or policed, so that they can better understand the place they live in, get to know their neighbors and various communities that make use of the same spaces they do. On the other hand, people can also be invited to express themselves through different means (be it by writing, drawing, singing or dancing) and personalize the space by unleashing their creativity, by imagining themselves as a part of it.

Specifically in places that felt out of the community use and are being neglected by the local authorities this kind of work could be done.

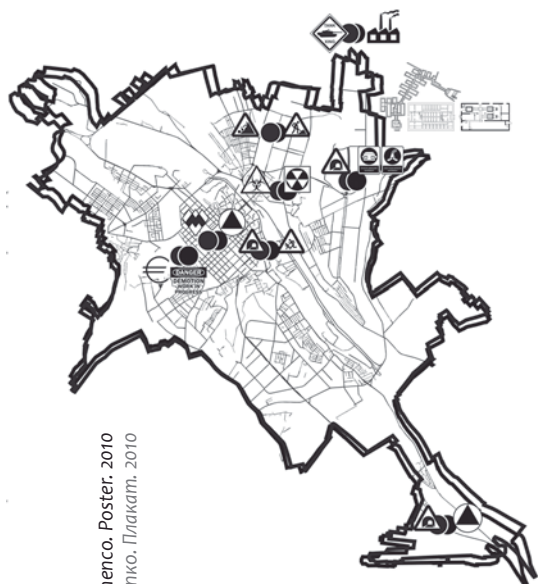
In the course of the last 8-9 years we have produced several projects and installations that have strong potential in reclaiming public spaces for cultural and socially engaged activities by engaging in a relationship with various communities of actors, among them the Flat Space for the community (a functional replica of a socialist apartment designed by Stefan RUSU in 2008 and commissioned to represent the identity of the KIOSK project), which evolved in a few years into a new activity – B68 - free zone / art. The point of departure for the design of the Flat Space was to publicly display the private space of a flat limited by the standards of the socialist society, which still is a strong visual element within the contemporary urban and social landscape of East European cities. On the other hand, B68² is declared a zone free from commerce and control, where issues of public importance can be discussed, analyzed and visualized through art and civic activities.

The Mapping of Public Space in Chisinau workshop (July 2012) came as an extension of the activities undertaken previously and aimed to develop a long-term action plan, which would enable the identification, recovery and re-use of public spaces in Chisinau, by lending them a strong civic character. Its objective was to analyze the existing public space and to conceptualize a network of public spaces for Chisinau that would offer an alternative to the ones designed during the previous regimes, and to extend access to public space and culture to the youth from urban areas and other social groups that feel excluded from the possibility of using it. The undertaken research materialized in a map and a series of projects titled Chisinau Civic Center, which were organized between 2012 and 2014.

<http://chisineu.wordpress.com/proiecte/centrul-civic-cinema/>

² B68 also extends an invitation to those who want to participate with artistic works or to contribute to the transformation of the square on Bucuresti Street 68 in Chisinau into a vibrant public space. <http://bucuresti68.wordpress.com/b68/>

The workshop itself was based on a methodology developed specifically for Chisinau and combining a set of activities like research and documentation, field trips followed by discussions, evaluation of the existing situation and analyses of concrete public spaces, which were followed by a set of recommendations formulated for their improvement. Based on the results obtained during the public space mapping workshop we started to ask ourselves how could we through research, urban planning, architecture, activism and art make our cities more inclusive and democratic, and help us resist the neo-liberal transformations that produce so much inequality and alienation.

Map of underground Chisinau by Maxim Cuzmenco. Poster: 2010
Карта подземного Кишинёва. Максим Кузменко. Плакат. 2010

Mapping Almaty

A similar workshop was carried out in February 2015 in Almaty – a city with many similarities with Chisinau and other capital cities in the former USSR.

Almaty is a place of contrasts: well-fit private apartments and luxury cars versus poor public transport, warm shopping malls versus icy and badly illuminated streets, huge micro-districts with blocks of flats designed in the soviet time, which are housing Kazakhs that once had a nomadic lifestyle (a cultural feature that in the meantime got replaced by the automobile culture and powerful cars that one can see everywhere on the wide streets of Almaty, and by the delicatessen prepared from horse meat that are sold in supermarkets), public parks that got built over, air pollution downtown generated by new private development up on the mountain. Almaty is also the cultural and educational center of the country, as the government moved out of the city to Astana, so maybe here lies a lot of potential.

So, where to start, when using mapping as a tool? What are the main issues that make sense to digging into more thoroughly?

The proposed methodology was centered on a few issues questioning the recent transformations of the city: observation of the gaps between the rich and poor neighborhoods, the building over of public areas due to privatization, as well as processes of reclaiming public spaces for common use, the more visible or less visible architectural interventions that change the way the city looks and functions. The participants who attended the workshop were invited to locate on the map and identify the periods when certain areas in Almaty have transformed, making reference to archival sources; they had to identify the actors who had been behind those transformations (whether they represented public administration or private investors) and the function along with the new uses that were added to the newly developed infrastructure etc.

The whole exercise proved to be an important learning experience as in the end it enabled us to look more thoroughly at various processes of space production in the “new” Almaty – it made us read the city differently and adopt a rather critical perspective on the recent changes there, considering the wider context of the real-estate market that is nurtured by investors from Russia, China and from elsewhere.

The brass band in the park. Civic Center of Chisinau with studioBASAR, Chisinau, 2014.
Духовой оркестр в парке. Гражданский Центр Кишинёва совместно с studioBASAR, Кишинёв, 2014.

There is no real conclusion, as we live in times of transformation

One of the results of the Soviet urbanization policies and the modernist style applied in architecture and other fields was the homogenization of the urban environment throughout the entire Soviet Union, thus producing similar types of space and habitat in Almaty and other capital cities, despite the cultural differences that one can still encounter in the former USSR republics, today – independent states.

It is enough to have a walk on the main streets of Kiev, Chisinau, Tbilisi or Yerevan in order to get a feeling of a similar approach to urbanism and urban planning – similar social infrastructure, buildings, boulevards and parks were designed and a similar scale was used during the Soviet period throughout the Soviet Union – it is as if the architects and urban planners, artists and designers went to the same college and had to face the same standards when going back home.

What followed after the dissolution of the USSR was an even more homogenizing process – a certain type of glass, steel and concrete architecture style was introduced in the early 90s, partially due to the technological innovations developed in the West and partially determined by the requirements imposed by the new economic order and by the market. This is the time when the first shopping malls and new luxury residential areas made their way through, producing a new type of space and habitat, and introducing consumerism as a new trend. These glass and steel facades covered huge parts of former socialist cities, hiding from view their architectural traditions and their ideological origins. In wintertime this becomes especially visible in Almaty, when the city itself is more transparent, giving the possibility to observe the streets, the facades and the architecture in particular.

What happened in the last few decades in Chisinau could be considered pure robbery by daylight, as parts of the city's public infrastructure were transferred into the private hands of the oligarchs that got rich during the nineties when the public property was redistributed unequally for a rather symbolic price, and into those of the profit-seeking developers.

Almaty appears to have a similar story, with its own particularities. Whether the citizens of Almaty will live in a fairer city in the future, whether they will have access to better public infrastructure, education and culture depends on many external factors, but first of all it depends on the citizens themselves.

Апроприация общественных пространств через культурные акции

Владимир УС – куратор (Молдова)

Фотоматериалы любезно
предоставлены Ассоциацией Оберлихт,
Кишинев.

Введение:

За последние два десятилетия публичные пространства (парки, культурные и спортивные объекты, зоны отдыха, детские площадки, внутренние дворы жилых массивов, и т. д.) в городских районах бывших социалистических стран прошли через значительные преобразования, такие как: деградация существующих публичных пространств, отсутствие транспарентности в процессе приватизации общественного имущества, коммерциализация публичного пространства и замещение их общественной функции другими действиями, приносящими прибыль. Одним из основных следствий этих преобразований было постоянное исключение определенных социальных групп от использования общественного пространства, в то время как большинство граждан были лишены права участвовать в процессе принятия решений.

Будучи когда-то одним из главных политических приоритетов правящего класса в Советском Союзе, процесс городского планирования необходимо демократизировать и открыть для новых участников – среди них группы профессионалов (экспертов), неправительственные организации и сами жители – с тем, чтобы каждый имел шанс свободно участвовать в общественных дискуссиях и консультациях, когда принимаются важные решения, которые могут изменить городскую среду и повлиять на жизнь общества.

Апроприация общественного пространства в Кишиневе

Начиная с 2007 года организовавшись в коллектив художников и кураторов (Ассоциация Оберлихт¹) заинтересованных в городских преобразованиях, мы начали организовывать различные мероприятия в общественном пространстве города Кишинева, где столкнулись с различными профессиональными группами, работающими в подобных направлениях. В этом процессе мы встретились с новыми для нас партнёрами и коллегами, среди них члены архитектурного сообщества, социологи и антропологи, историки и активисты, которые помогли нам понять социальные, экономические и политические процессы, которые формируют общественное пространство Кишинева сегодня. То, что мы выяснили, представляло собой довольно печальную картину, свидетельствующую о том, как легко простые люди лишились своих прав на общественное достояние в городских пространствах Молдовы с начала 90-х годов.

¹ Основана в 2000 и имеет довольно большой опыт работы в качестве независимого культурного деятеля. Основная цель ассоциации "Oberliht" направлена на соединение рассредоточенных художественных сцен и создание художественного сообщества с использованием общественных пространств (<http://oberliht.com>).

Flat Space extension. Chisinau Civic Center - open air cinema. Chisinau, 2014
Экспансия Открытой Квартиры.
 Гражданский Центр Кишинёва - Кинотеатр под открытым небом. Кишинёв, 2014.

Вопросы, связанные с городским развитием, часто присутствуют в наших проектах по той причине, что градостроительство и архитектура играют существенную роль в воссоздании пространств и мест для вновь образованных сообществ после распада Советского Союза, таким образом, способствуя или уменьшая социальную сплоченность или увеличению/уменьшению возможностей для участия людей.

Своими действиями мы стремимся поддержать граждан в развитии нового видения и представлении новых ситуаций в своих районах, которые могли бы помочь улучшению условий жизни и отвечали бы потребностям общества. Мы также стремимся разработать конкретные инструменты и механизмы, через которые местные жители смогли бы заявить о себе и быть услышанными в процессе городского планирования и облагораживания общественных пространств.

Один из возможных способов добиться этого – раскрытие самого города, его истории, архитектурного, природного и недвижимого наследия, его пространственного характера, а также его культурного значения (и здесь я имею в виду его многонациональный и многоязычный характер) для жителей и его наиболее активных пользователей. Помимо его позитивного характера следует выявить и конфликтные ситуации. Это может быть сделано с помощью культурных проектов, направленных на определённые неравенства и через специфические художественные «вмешательства», которые улучшают осведомленность о городе и критически рассматривают его функции.

Граждан можно привлекать к участию совместно с художниками, пробудить в них интерес к изучению процессов формирования окружающего пространства в который вовлечены более мощные субъекты (застройщики, компании, некоторые из которых связаны с политическими партиями), а также проанализировать существующие формы (видео) контроля или охраны, с тем чтобы обеспечить лучшее понимание того места, где они живут, чтобы лучше узнать своих соседей и различные сообщества, которые используют те же пространства. С другой стороны, людей также можно привлекать к самовыражению с помощью различных средств (написание, рисование, пение или танцы) и персонализировать пространство путем раскрытия своего творчества.

В частности, такое можно применять в тех местах, которые оказались за пределами использования сообществами, и которыми пренебрегают местные органы власти.

За последние 8-9 лет мы подготовили несколько проектов и инсталляций, имеющих сильный потенциал в освоении общественных пространств для культурных и социально ангажированных мероприятий посредством привлечения культурных деятелей к взаимодействию с различными сообществами. Среди них Открытая Квартира (Flat Space) для художественного сообщества (функциональная копия социалистической квартиры, дизайн которого разработан Штефаном Русу в 2008 году, представляющий идентичность проекта KIOSK), за несколько лет переросшего в новую деятельность - B68 – свободная зона/пространство искусства. Отправной точкой для разработки Открытой Квартиры являлось внедрение в публичное

пространство интимного/приватного пространства квартиры, ограниченного стандартами социалистического общества, что до сих пор является сильным визуальным элементом в современном городском и социальном пространстве городов Восточной Европы. С другой стороны, B68² объявлен зоной, свободной от торговли и контроля, где вопросы общественной важности могут обсуждаться, анализироваться и визуализироваться с помощью искусства и общественной деятельности.

Мастерская по картографии общественного пространства Кишинёва (июль 2012 г.) придал целостность и непрерывность деятельности, осуществляемой ранее и направленной на разработку долгосрочного плана действий, который позволил бы идентифицировать, восстановить и повторно использовать общественные пространства в Кишиневе, давая им сильный гражданский характер. Основная цель заключалась в том, чтобы проанализировать существующие общественные места и разработать концепцию сети публичных пространств в Кишинёве, предлагая альтернативу для тех, которые были разработаны прежними режимами, а также расширить доступ к общественному пространству и культуре для молодежи из городских районов и других социальных групп, которые чувствуют себя исключенными из возможности его использования. Проведенные исследования были наглядно представлены на карте и в ходе ряда проектов под названием Гражданский Центр Кишинева (Chisinau Civic Center), которые были организованы в период 2012-2014 гг.

<http://chisineu.wordpress.com/proiecte/centrul-civic-cinema/>

Эта мастерская была основана на методологии, разработанной специально для Кишинева, и объединила ряд действий, таких как: исследования и документация, выезды на места с последующими дискуссиями, оценка существующей ситуации и анализ конкретных общественных пространств, с последующей разработкой рекомендаций по их совершенствованию. На основании результатов, полученных в ходе картографии общественного пространства, мы начали спрашивать себя, каким образом через исследования, городское планирование, архитектуру, активизм и искусство мы можем сделать наши города более всеобъемлющими и демократичными и помочь нам противостоять нео-либеральным преобразованиям, которые порождают так много неравенства и отчуждения.

Картография - исследование Алматы

Аналогичная мастерская была проведена в феврале 2015 года в Алматы, городе, во многом схожем с Кишиневом и другими столицами стран бывшего СССР.

² B68 также приглашает тех, кто желает участвовать или внести вклад посредством своих художественных работ в процесс трансформации площади на улице Bucuresti Street 68 в городе Кишинев в яркое общественное пространство. <http://bucuresti68.wordpress.com/b68/>

“Power to Flowers” by Jarek Sedlak.
 68 Bucharest Street. Chisinau, 2011.
Интервенция “Power to Flowers” Ярека
 Седлака. Улица Бухарестская 68. Кишинев, 2011.

Алматы является местом контрастов, когда сравниваешь хорошо обустроенные частные квартиры и роскошные автомобили со старым общественным транспортом, теплые торговые центры с ледяными и плохо освещенными улицами, огромные микрорайоны с квартирными домами, спроектированными еще в советское время, где сейчас живут казахи, которые когда-то вели кочевой образ жизни (культурная особенность, которую со временем заменили автомобилисты и мощные автомашины, которые можно увидеть повсюду на широких улицах Алматы, а также деликатесы из конского мяса можно сейчас найти в любом супермаркете города), общественные парки, которые стали закрытыми местами, низлежащие районы с загрязненным воздухом благодаря частным застройкам, расположенных на более высокой местности. Алматы также является культурным и образовательным центром страны, так как правительство переехало в Астану, поэтому, возможно, здесь есть большой потенциал.

Так с чего начать при использовании картографии в качестве инструмента? На какие основные вопросы следует обратить больше внимания?

Предложенная методика была сосредоточена на нескольких вопросах касательно недавних преобразований города: исследование контрастов между богатыми и бедными кварталами, закрытие/захват общественных зон в последствии приватизации, а также процессов реконверсии общественных пространств для общего пользования, более или менее заметные архитектурные вмешательства, которые изменяют внешний вид и функции города. Участники, которые приняли участие в мастерской были приглашены обозначить на карте и определить периоды, когда некоторые районы в Алматы трансформировались, со ссылкой на архивные источники; они должны были определить тех, кто повлиял на эти преобразования (независимо от того, представляли ли они государственную администрацию или частных инвесторов) и функции наряду с новыми способами использования того или иного объекта, которые появились с развитием инфраструктуры, и т.д.

Данная практика оказалась важным моментом процесса изучения, так как в итоге она позволила нам более тщательно увидеть различные процессы создания пространств в «новом» городе Алматы – это заставило нас читать город по-другому и посмотреть довольно критическим взглядом на последние изменения с учетом более широкого контекста рынка недвижимости, который подпитывают инвесторы из России, Китая и других регионов.

Конкретного заключения нет, так как мы живем в эпоху трансформаций

Одним из результатов советской политики урбанизации и модернизации, применяемых в архитектуре и других сферах, была гомогенизация городской среды на протяжении всего периода существования Советского Союза, таким образом, создавая похожие пространства и

среду обитания в г. Алматы и других городах-столицах, несмотря на культурные различия, которые еще можно увидеть в бывших республиках СССР, ныне - независимых государств. Достаточно прогуляться по главным улицам Киева, Кишинева, Тбилиси или Еревана, чтобы получить ощущение одинакового подхода в градостроительстве и городском планировании – была разработана схожая социальная инфраструктура, похожие здания, бульвары и парки, и аналогичный масштаб был использован в советский период во всем Советском Союзе – это как если архитекторы и градостроители, художники и дизайнеры обучались в одном и том же учебном заведении, и им пришлось столкнуться с теми же стандартами по возвращении домой.

То, что последовало после распада СССР было еще более усиленным процессом гомогенизации – определенный архитектурный стиль, а также использования нового типа стекла, стали и бетона были введены в начале 90-х годов, отчасти по причине технологических инноваций, разработанных на Западе, и частично в связи с требованиями введенного нового экономического порядка и требований рынка.

Это время, когда первые торговые центры и новые роскошные жилые районы появились в пост-советском пространстве, создавая новую городскую среду обитания и вводя потребительство в качестве нового тренда. Эти стеклянные и стальные фасады покрыли широкие поверхности в бывших социалистических городах, скрывая от зрителя свои архитектурные традиции и идеологические корни. В зимнее время это становится особенно заметно в Алматы, когда сам город является более прозрачным, давая возможность видеть улицы, фасады и архитектуру, в частности.

То, что произошло в течение последних нескольких десятилетий в Кишиневе, можно считать ограблением среди бела дня, так как часть общественной инфраструктуры города была передана в руки олигархов, а также меркантильных застройщиков, которые разбогатели в девяностые годы, когда общественная собственность была перераспределена неравномерно за символическую плату.

Алматы имеет похожую историю, со своими особенностями. Будут ли граждане Алматы жить в более справедливом городе в будущем, будут ли они иметь доступ к публичной инфраструктуре, образованию и культуре, зависит от многих внешних факторов, но в первую очередь это зависит от самих граждан.

Mobile Workshop - Bishkek

Period: 2 - 5 March 2015

Organizer: Dushanbe Art Ground (Public Foundation “Sanati Muosir”)

Lectors/tutors: [STEALTH.unlimited] – Ana DŽOKIĆ (SRB/NL) and Marc NEELEN (NL)

Participants: architects, designers, researchers, urban activists and visual artists from Tajikistan, Kyrgyzstan, Kazakhstan and Uzbekistan.

Co-organizer: “Urban initiatives”- Public Foundation (Bishkek, Kyrgyzstan).

Regional partners: “Urban initiatives”-Public Foundation/Bishkek, Museum Studio/Bishkek, Urban Initiatives “Ctrl+S Almaty”, ICOMOS Fund Kazakhstan, Saken Narynov-studio VDNH/Almaty.

Project partners: Prince Claus Fund/The Netherlands, Arts Colaboratory - a Hivos&DOEN Foundation programme/ The Netherlands, Goethe Institute Tashkent/Uzbekistan, Goethe Institute Almaty/Kazakhstan, Open Society Institute – Assistance Foundation in Tajikistan.

Description:

The Mobile Workshop in Bishkek was organized by Dushanbe Art Ground in partnership with “Urban initiatives”-Public Foundation (Bishkek, Kyrgyzstan) as a mobile platform to research/analyse /map the changing status of public spaces in Central Asia and was designed as a 4-day interaction between the project participants, the project team and the invited tutors - STEALTH.unlimited – Ana DŽOKIĆ (SRB/NL) and Marc NEELEN (NL) that consisted in presentations, guided tours with local guides (Natalya ANDRIANOVA – architect, (KG) and Gulnara KURMANOVA – biologist, urban activist (KG)) and working sessions (from 10.00 to 17.00) that took place in Bishkek, where the main urban transformations occurred recently. The workshop participants collected data and provided comprehensive analyses concerning the causes, main actors as well the consequences of urban changes and impact on society standards. Based on this research platform the workshop participants examined the structural determinants of public space and how it relates to the dominant activities, both of the state – a public institution – and of business and commercial interests – the private interests under the modern “Asian” type of capitalism, in this case in Bishkek.

Participants:

Elena KOLOMEETZ - architect (KG)

Raushanna SARKEYEVA - project coordinator/urban activist (KG)

Ulan ISKANDEROV - architect (KG)

Murodjon SHARIFOV - video artist/designer (TJ)
 Munara ABDUKAHAROVA - architect (KG)
 Natalia ANDRIANOVA – architect (KG)
 Tatiana EFREMENKO - anthropologist, (KG)
 Gulbara OMAROVA – researcher, civil activist (KG)
 Aybek TURGUMBEOV - architect-urbanist (KG)
 Diana UHINA - urban researcher/photographer (KG)
 Dinara KANYBEK KYZY - anthropologist (KG)
 Darya KICHIGINA - architect (KG)
 Andrei GARDT - designer (KG)
 Nikolai CHERKASOV - designer, street artist (KG)
 Sergey Keller - street artist (KG)
 Talgat BERYKOV - video artist (KG)
 Gulnara KURMANOVA – biologist/urban activist (KG)
 Aikanysh DERBISHEVA – workshop coordinator/ urban activist (KG)

Note: The participants were selected on the basis of submitted CVs, professional abilities and interest in working with the urban context. Selection was made through our professional network in Kyrgyzstan (curators and art managers) with cooperation of “Urban initiatives”- Public Foundation (Bishkek, Kyrgyzstan). Mobile workshop was assisted throughout its program by project team (Stefan RUSU (MD) – project curator and Jamshed KHOLIKOV (TJ) - project manager and Aikanysh DERBISHEVA (KZ) – workshop coordinator and member of “Urban initiatives”- Public Foundation, beside that all working sessions were conducted by project curator - Stefan RUSU in collaboration with workshop tutors - Ana DŽOKIĆ (SRB/NL) and Marc NEELEN (NL).

Contributions to the workshop by STEALTH.unlimited – Ana DŽOKIĆ, (SRB/NL) and Marc NEELEN, (NL):

Lecture title: The City: Commodity or Common Ground

In this lecture, STEALTH introduced a number of investigations in cities that underwent a so-called period of “transition” during the last decades, sparked by the geopolitical changes in the early 1990s. This line of investigations, called “Cities Log”, started from an exhibition or-

ganized for the 4th Tirana International Art Biennial (2009) in Albania, which put Ana and Marc in front of the challenge to gain an understanding of the rapid growth of the city of Tirana without having direct access to the persons directly responsible for this fast and at times speculative growth. Therefore, they decided to map the urban changes in important cities in the surrounding countries (like Croatia, Serbia, Montenegro, Macedonia) in order to compare the mechanisms and their effects on the cities undergoing change. This has resulted in the first Cities Log, which has seen special editions for Tirana,

Novi Sad, Chisinau, Novi Pazar and Sarajevo. In their talk, STEALTH will also speak about pioneering groups of cultural workers, artists, architects and citizens that challenge the disruptive effects on public space, the effect of privatization on the city, and of ad-hoc changes to laws and urban plans. The cases of Right to the City in Zagreb, the citizens' struggle to keep their Peti Park in the centre of Belgrade, and Smarter Building – a project that STEALTH co-initiated in order to re-invent affordable housing in Belgrade, will be highlighted. In short, these initiatives try to re-define the city as a common ground – something we hope to do within the Mobile Workshop-Bishkek as well.

Lecture title: **STEALTH: A Practice on the Run**

In their talk, Ana and Marc presented-through numerous illustrations and in discussion with the workshop participants and guests the trajectory of their evolving practice, which started from a research of the rapid urban changes in the city of Belgrade after the break-up of Yugoslavia in the 1990s (“Wild City” research, 1999-2001). Once they understood that they had very few professional tools to analyze the enormous unplanned changes the city was going through, they stepped out onto the street and started investigating and cataloguing the seemingly chaotic city around them. This has resulted on the one hand in a practice in which the mapping of urban change has been a constant preoccupation, but on the other hand in a practice that aims to discuss the urgency for the professional world of architects and urban designers to develop an attitude towards this, as well as new tools and mindset to intervene in it – like in STEALTH’s project for the Venice Architecture Biennale “ARCHIPHONIX” (2008) that explored the need for change in architectural education. Last but not least, for Ana and Marc the experiences from their “Wild City” research also pointed out the necessity to envision the future of cities together with the citizens of these cities, something they have taken as one of their main drives. They will speak about this through their spatial intervention “(Dis)assembled” (2011) on claiming public space in the city of Gothenburg, Sweden, as well as the search for a common ground in the city of Novi Pazar, Serbia with the publication “What Pazar has in common(s):” (2012).

Other contributors/contributions to the workshop:

1. Guided tour **“The Parks and Green Areas of the South Zone of Bishkek”**

with Gulnara KURMANOVA – biologist and urban activist (KG).

Location: Parks and green spaces of the South Zone of town

The purpose of the guided tour is to imagine the potential of parks and green spaces in Bishkek. In fact the South Zone is primarily a dormitory area, filled with housing compounds. There are

places where people spend their free time with the family or with friends, with their pets or in their privacy. Ideally, the green areas of the South Zone of the city can provide citizens with luxurious recreational opportunities.

We will start the introduction of the city parks in the center of Bishkek, near the Central Department Store, where there are two of the citizens' favorite places – a fountain and a pond. Then we will continue to the park near the monument to Urkue Salieva in the central square - an example of callous approach to the development of urban environment. Leaving the city center, we will visit the southern area of the Botanical Garden of the Academy of Sciences, which was chosen by the locals as a walking zone.

Next stop – the Walnut Grove in the sixth district, an example of how the city authorities look after the needs of citizens, and the nearby birch grove – another example of the potential that is not yet realized.

From there we will move to a beautifully landscaped of the Victory park situated at the southern gate of the city, where the voices of birds do not cease, day or night, and where you can feed squirrels from your hand. After the Victory Park we will visit the Park of Friendship, which residents haven't yet learned to call "Ataturk".

This park is also an example of a desperate struggle, where city residents have fought against privatisation of these territories by private sector during the past years.

During the tour we will discuss the issues concerning the history of green areas and public attention to them, the concept of development and technical issues, as well the needs of various subgroups of the population, which to some extent will have an interactive character.

2. Lecture and guided tour “Public spaces - realization of the plan and the dream of paradise”

with Natalia ANDRIANOVA – architect, urban activist (KG).

Location: Bishkek

The Public spaces in Bishkek (monuments, squares, markets, recreational areas) were examined in three sections: the public as social, the public as a state and as a symbolic public. The main objectives of the tour were: Identifying the special features of specific spaces, functions that changed over time, tools that changed (addition or removal of any items), as well as changes in the symbolic component of these places. The locations were selected based on the principle of contrast: from the huge trees on the Karagachevoy territory, having a long history in the informal urban life, to a small courtyard of an apartment building in the “South Gate”; and from the “main places of the country,” the Ala-Too Central Square, to the little park with fountains near the Central Department Store.

A special place in the tour was dedicated to Victory Square, located on the site of the former Green Bazaar. This space changed its function: from a lively place, once frequented by citizens, it has turned today into a place of rituals and is largely unused. Symbolic meanings and their usage, their changes and the causes of their emergence, were analyzed during the tour using the examples of the Oak Park, the Central Square, the Ala-Too Square and the Manasovskiy Ail (the only major public space created in the post-Soviet period).

Working sessions:

During the workshop the participants developed a set of parameters and a set of criteria (conflict - situations) in order to identify and investigate the processes that took place behind the transformation, planning, use and commercialization of public space in Bishkek.

The list of public spaces selected by the workshop participants in the urban context of Bishkek:

- The Central Square Ala-Too and the monument to Manas (Chuy Ave.)
- The Chinghiz Aitmatov National Russian Drama Theater (122 Tynystanov Street)
- The Terentiev House (first mayor of Pishpek) and the Pioneer palace (crossing of Zhibek Zholy and Baitik Baatyr)
- The “Jar-Ptitza” fountain and the public square (Sovetskaya Street – Toktogul Street)
- The Railroad park next to the “Pishpek” residential area (Lev Tolstoy Street)
- The Printing House (Kiev Street – Dzerzhinsky Street)

Conclusions:

As a conclusion, one of the main objectives of the project to empower local communities to re-activate and re-use the public space by means of contemporary art & culture as a medium of expression were realized through presentations, guided tours, screenings and debates, also by investigating and mapping the public spaces collectively by the workshop participants during the four working days in Bishkek. The other main objective of the workshop was to involve the local art community in understanding the potential of the public space, its social and political dimension; it was realized in collaboration with architects, urban activists, designers, visual artists and other researchers from Tajikistan and Kyrgyzstan.

Мобильная Мастерская - Бишкек

Период: 2-5 Марта, 2015.

Организатор: Душанбе Арт Граунд (Общественный фонд «Санъати Муосир»)

Со-организатор: Фонд «Городские инициативы», Бишкек

Лекторы / преподаватели мастерской: [STEALTH.unlimited] - Ана ДЖОКИЧ (Сербия / Голландия) и Марк НИЛЕН (Голландия).

Участники: архитекторы-урбанисты, визуальные художники, дизайнеры, антропологи, городские активисты из Кыргызстана и Таджикистана.

Партнеры проекта: Фонд Принц Клаус/Голландия, Arts Colaboratory – программа фонда Hivos&DOEN / Голландия, Институт Гёте Ташкент/ Узбекистан, Институт Гёте Алматы/Казахстан, Институт Открытое Общество – Фонд в Таджикистане.

Региональные партнёры: Общественный Фонд “Городские инициативы”, Бишкек, Кыргызстан, Студия Музеум / Бишкек, “Городские инициативы “Ctrl+S Almaty”, Фонд ICOMOS Казахстан, Студия Сакен Нарынов - (VDNH), Алматы, Казахстан.

Описание:

Мобильная Мастерская в Бишкеке организована центром “Душанбе Арт Граунд” в партнерстве с Фондом «Городские инициативы», Бишкек как мобильная площадка для исследования /анализа / картографии процессов преобразования общественных пространств в городах Центральной Азии, и задумана как площадка для взаимодействия между участниками, командой проекта и приглашенными тьюторами (Ана Джокич и Марк Нилен - проект STEALTH, Роттердам, Голландия) и состояла из презентаций, обзорных экскурсий по городу с местными гидами (Гульнара КУРМАНОВА – биолог, городской активист (Кыргызстан) и Наталья АНДРИАНОВА – архитектор, городской активист (Кыргызстан)) и рабочих сессий (10.00-17.00) в течение 4 дней в Бишкеке.

Участники собрали данные и произвели их всесторонний анализ, касающийся причин, главных действующих лиц (акторов), а также последствий городских трансформаций и их воздействия на общественные нормы и стандарты. Посредством этой исследовательской платформы участники изучили структурные детерминанты общественного пространства и то, как они соотносятся с доминирующей деятельностью как государственных, т.е. общественных учреждений, так и интересами бизнеса и коммерции, т.е. частными интересами, произошедшими в современном капиталистическом обществе «азиатского» типа, в данном случае в Бишкеке.

Участники:

Елена КОЛОМЕЕЦ – архитектор (Кыргызстан)
Раушанна САРКЕЕВА – координатор проекта/ городской активист (Кыргызстан)
Улан ИСКЕНДЕРОВ – архитектор (Кыргызстан)
Муроджон ШАРИФОВ – видео художник, дизайнер (Таджикистан)
Мунара АБДУКАХАРОВА – архитектор (Кыргызстан)
Наталья АНДРИАНОВА – архитектор (Кыргызстан)
Татьяна ЕФЕРЕМЕНКО – антрополог (Кыргызстан)
Гульбара ОМОРОВА – исследователь, гражданский активист (Кыргызстан)
Айбек ТУРГУМБЕКОВ – архитектор/градостроитель (Кыргызстан)
Диана УХИНА – городской исследователь /фотограф (Кыргызстан)
Динара КАНЫБЕК КЫЗЫ – антрополог (Кыргызстан)
Дарья КИЧИГИНА – архитектор (Кыргызстан)
Андрей ГАРДТ – дизайнер (Кыргызстан)
Николай ЧЕРКАСОВ – дизайнер, street art художник (Кыргызстан)
Сергей КЕЛЛЕР – street art художник (Кыргызстан)
Талгат БЕРИКОВ – видео художник, (Кыргызстан)
Гульнара КУРМАНОВА – биолог, городской активист (Кыргызстан)
Айканыш ДЕРБИШЕВА – координатор мастерской, городской активист (Кыргызстан)

Список участников был составлен на основании представленных резюме, профессиональных способностей и интереса к работе в городском контексте. Выбор был сделан посредством профессиональной сети в Кыргызстане (кураторы и арт-менеджеры) в сотрудничестве с Общественным Фондом “Городские инициативы”, Бишкек.

Лекции представленные [STEALTH.unlimited] – Ана Джокич (Сербия /Голландия) и Марк Нилен (Голландия).

лекция-1: Город: товар или общественное достояние?

В их лекции 2 МАРТА, 2015 под названием – Город: товар или общественное достояние? STEALTH представили серию исследований в городах, которые подвергаются так называемый периодом «перехода» в течение последних десятилетий, вызванные геополитическими изменениями в начале 1990-х годов. Эта линия исследований под названием “Лог Городов”(“Cities Log”) начались с выставки, которая имела место на 4-ой Международной Биеннале в Тиране (2009) в Албании. Эта выставка поставила Ану и Марка перед объяснением быстро растущего города Тирана, без прямого доступа к лицам, непосредственно отвечающим за это и время от времени спекулирующие этот рост. Таким образом, они решили зафиксировать городские изменения в важных городах в соседних странах (таких как, Хорватия, Сербия, Черногория, Македония), чтобы иметь

возможность сравнить механизмы и их влияние на изменяющиеся города. Это привело к первым «Лог Городам» (“Cities Log”), которые были выпущены специальными выпусками для Тираны, Нови-Сада, Кишинева, Нови-Пазара и Сараево. В их лекции, STEALTH рассказывали о пионерских группах среди работников культуры, художников, архитекторов и граждан, которые бросают вызов разрушительному воздействию на общественное пространство, эффект приватизации города, узкоспециализированные изменения в законах и градостроительных планах. В случае Права на Город в Загреб, борьба граждан, за то чтобы сохранить свой Пети Парк в центре Белграда, и Здание Смартер – проект STEALTH совместно инициировал и заново изобрел доступное жилье в Белграде, которое они особо подчеркнули в этой лекции. Другими словами, эти инициативы пытаются по-новому определить город как общее пространство – то, что мы предложили сделать в рамках Мобильной Мастерской – Бишкек.

Лекция-2: STEALTH: практика в действии

Ана и Марк представили свою развивающуюся практику, которая началась с исследования стремительно развивающихся изменений в городе Белграде после распада Югославии в 1990-е годы (исследование “Дикий Город” (Wild City), 1999-2001). После того, как они поняли, что у них очень мало адекватных инструментов для анализа огромных незапланированных изменений, посредством которых трансформируются города, они вышли на улицу и начали исследовать и регистрировать хаотично выглядевший город. Это привело к практике, в которой, с одной стороны картографирование городских изменений констатировало озабоченность, но с другой стороны эта практика стремилась обсудить актуальность задачи для профессионального мира архитекторов и городских дизайнеров. Разработать позицию по отношению к происходящему, а также разработать новые инструменты и привлечь соответствующее мышление, для вмешательства в эту ситуацию - как в проект STEALTH’a, который был осуществлен для “ARCHIPHONIX” (2008) Венецианского Архитектурного Биеннале. Этот проект исследовал необходимость перемен в архитектурном образовании. Не в последнюю очередь, для Аны и Марка важно было в исследовании “Дикого Города” (Wild City) обратить внимание на необходимость представить себе будущее городов вместе с гражданами этих городов, и что бы они взяли этот факт в качестве одного из своих главных приоритетов. Они будут рассказывать об этом через их пространственную интервенцию в проекте “(Де)монтированный” (“(Dis) assembled”) (2011) на востребованном публичном пространстве в городе Гетеборге, Швеция, а также в исследовании точек соприкосновения в городе Нови-Пазар, Сербии с публикацией “Что Пазар имеет общего ?” (2012).

Вклад других участников мастерской:

1. Обзорная экскурсия “Парки и зеленые зоны южной части Бишкека”

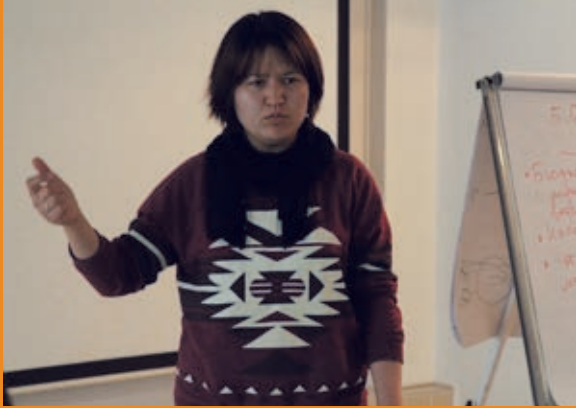
с местным гидом: Гульнара КУРМАНОВА – биолог, городской активист (Кыргызстан)

Место: Парки и зеленые зоны южной части Бишкека

Цель экскурсии – представить потенциал парков и зеленых зон Бишкека. Южная зона – это прежде всего спальные районы, застроенные многоэтажными домами. Здесь места, где люди проводят свободное время с семьей или с

Working Sessions. Mobile Workshop – Bishkek, 2015. Фото by Jamshed KHOLIKOV
Рабочие сессии. Мобильная Мастерская – Бишкек, 2015. Фото Джамшед ХОЛИКОВ

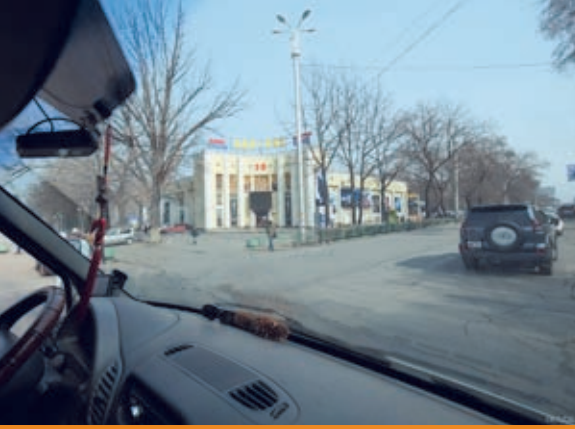

Guided tour "Parks and Green Areas of the South Zone of Bishkek" with Gulnara KURMANOVA – biologist, urban activist (KG). Foto by Jamshed KHOLIKOV

Lecture and guided tour "Public spaces - realization of the plan and dream of paradise" with Natalia ANDRIANOVA – architect, urban activist (KG). Foto by Jamshed KHOLIKOV

друзьями, со своими домашними любимцами или в уединении. В идеале, зеленые зоны южной части города могут предоставлять горожанам роскошные рекреационные возможности.

Мы начнем знакомство с парками Бишкека в центре города, у ЦУМа, где расположено любимое горожанами место – фонтан и водоем, погруженные в ивовые купы. Затем мы проследуем к скверу возле памятника Уркуе Салиевой и к центральной площади – примерам бездушного подхода к формированию городской среды.

Покинув центр, мы посетим южную территорию Ботанического сада Академии Наук, который местные жители облюбовали в качестве прогулочной зоны.

Следующая остановка – Ореховая роща в шестом микрорайоне, пример заботы городских властей о нуждах горожан, и близлежащая березовая роща - пример пока не реализованного потенциала. Оттуда мы проследуем в прекрасный ухоженный Парк Победы на Южных воротах города, где днем и ночью не смолкают голоса птиц, и где можно покормить белку с руки. После Парка Победы нас ждет Парк Дружбы, который жители так и не привыкли называть именем Ататюрка. Этот парк – пример отчаянной борьбы, которую не первый год ведет общественность города против отторжения территорий в пользу частных лиц. Потребности разных субгрупп населения, история зеленых зон и общественное внимание к ним, концепция их развития и технические проблемы станут предметом обсуждения во время экскурсии, которой, по мере возможности, мы постараемся придать интерактивный характер.

2. Лекция и обзорная экскурсия по городу – “Общественные пространства - реализация плана и мечты о рае”

с местным гидом: Наталья АНДРИАНОВА – архитектор, городской активист (Кыргызстан)

Место: Бишкек и окрестности

Общественные пространства Бишкека (парки, площади, базары, зоны отдыха) были рассмотрены в трех сечениях: общественное как общественное, общественное как государственное и общественное как символическое. Основными задачами экскурсии были: выявление особых функций конкретных пространств, изменение этих функций во времени, инструменты этих изменений (добавление или изъятие каких-либо элементов), а так же изменения символической составляющей этих мест. Объекты экскурсии были отобраны по принципу контраста: от огромной по территории Карагачевой рощи, имеющей длинную историю в неформальной жизни горожан до небольшого дворика многоквартирного дома в районе «Южные ворота»; от «главного места страны» площади Ала-Тоо до скверика с фонтанами около ЦУМа...

Особое место в экскурсии заняла Площадь Победы, расположенная на месте бывшего Зеленого базара. Пространство, поменявшее функции живого и востребованного горожанами места на обрядово-мертвую зону.

Символические ряды, их смена и причины, их породившие, были рассмотрены на примере Дубового парка, Центрального сквера, площади Ала-Тоо и Манасовского аила (единственного крупного общественного пространства, созданного в постсоветское время).

Рабочие сессии:

Во время мастерской участники разработали параметры и критерии (конфликтные ситуации) для выявления местоположения пространств и так называемых конфликтных ситуаций для анализа общественных пространств, с тем чтобы подвергнуть сравнительному анализу те процессы, которые стоят за преобразованиями общественных пространств, планированием, коммерциализацией и режимов их использования в Бишкеке.

Список общественных пространств, изученных участниками мастерской в городском контексте:

- Площадь Ала-Тоо и памятник Манасу (проспект Чуй)
- Государственный Национальный Русский Театр Драмы им. Ч. Айтматова (ул. Тыныстанова, 122)
- Дом Терентьева (первого градоначальника Пишпека) и дворец пионеров (пересечение улиц Жибек Жолу и Байтик Батыра)
- Фонтан «Жар-птица» и публичный сквер (ул. Советская - ул. Токтогула)
- Парк железнодорожников в жилом районе «Пишпек» (ул. Льва Толстого)
- Дом Печати (ул. Киевская – ул. Дзержинская)

Заключение:

В заключение следует отметить, что одна из основных целей мастерской, заключавшаяся в расширении возможностей местных сообществ для ре-активации и апроприации общественного пространства с помощью практик современного искусства и культуры, как средства выражения, была достигнута посредством презентаций, экскурсий, показов и дискуссий, а также анализа общественных пространств, изученных участниками мастерской, которые удалось провести в течение четырех рабочих дней в городе Бишкеке. Другой задачей проекта являлось привлечение местного художественного сообщества к пониманию и осознанию потенциальных возможностей общественного пространства, его социальных и политических масштабов, которые удалось сделать в сотрудничестве с архитекторами, дизайнерами, урбанистами, визуальными художниками, городскими активистами и теоретиками из Таджикистана и Кыргызстана.

To Change Ourselves by Changing the City

[STEALTH.unlimited] – Ana DŽOKIĆ (SRB/NL)
and Marc NEELEN (NL)

Images source: Courtesy of STEALTH.
unlimited (Ana DŽOKIĆ and Marc NEELEN).

It comes with a sense of relief when, having crossed almost half the globe, following a short ride from the airport you enter a city for the first time to discover that you intuitively know how to navigate its urban landscape – already. At least, it all immediately made sense, somehow, when on June 16, 2014 we landed in Dushanbe after our long travel.

This remarkable capacity to intuitively read an urban context is particularly characteristic of cities constructed according to the principles that became “en vogue” more or less a century ago in different parts of Europe and the vibrant young Soviet Union: functional modernism. The call was clear: in an era of “modern” planning and blueprints, industrialization and rationalization, the setup of cities should be no less subject to such principles. It lends these cities a rather clear and straightforward urban setup, with a high level of predictability and recognition. A lucky thing for those freshly entering Dushanbe, for instance.

The result of this planning approach is not without merit, as a lot of conceptual and empirical research has been undertaken to lend architecture and urbanism this rational and economic base: from the “Minimum Subsistence Dwelling”¹ that would influence housing in much of Europe and the Soviet Union in the decades to come, to the spatial zoning of the various urban functions² that most “modern” cities would embrace, up to the tedious (and from today’s perspective at times hilarious) ergonomic research into how kitchens should be set up.

In Europe and the Soviet Union, the exact form in which this rationalism worked out was obviously not exactly similar. However, the large degree of exchange of discourse and inspiration between professionals and the generally adhered-to set of “modern” principles brought an almost industrially applied approach to planning across the various cities and states involved. And while this “universal” set of principles makes it easy today to navigate these cities (even if you’ve acquired your navigation skills in a city a few thousand kilometers away), it comes with a clear drawback.

This rational, functional approach has created a supposed “expert field” of professionals that have (entitled themselves to) sovereignty over principle decisions regarding these cities and the way our lives unfold in them. (That is, of course, backed by a political apparatus in favor of such an approach to the city.) Nonetheless, it is a field with a rather authoritarian expert class drafting our common urban future.

Thus this century of rational planning has not come without its doubts. Already from the mid-1950s onward, some of those same experts started objecting the harsh functionalism underpinning it. And although groups of architects and planners – in many different cities – broke with dogmatism

¹ “Die Wohnung für das Existenzminimum,” Frankfurt, 1929.

² CIAM 4 congress, “The Functional City” (Athens, 1933).

in favor of “strategies that would make room for individual and collective identities”³ the field of operation remained firmly that of the experts.

It may be telling that one of the more significant attempts to take modernist planning out of the exclusive hands of a privileged group of experts and open it up to the citizens of these very cities comes from a philosopher, Henri Lefebvre.

Our journey to Dushanbe had started from the airport close to New Belgrade (Serbia), a modernist city extension for which Henri Lefebvre, together with the architects Serge Renaudie and Pierre Guilbaud in 1985, made a proposal for how it should be completed⁴ – or more precisely, how it could become a city made for and by its citizens. The fact that Yugoslavia, at the time of the competition, was based on a system of self-managed socialism inspired them to believe that it was one of the rare countries where the problem of a new urbanity could be concretely tackled.

Lefebvre was very critical of the CIAM principles on which New Belgrade was based. In the competition entry he calls for for “the active participation of the citizen in the control of the territory, and its management.” Their proposal was rooted in “the coexistence of order and diversity” with new modes of urban combinations based on overlaps and specificities, while no longer seeing the architect in the role of educator: “It will be indispensable to elaborate a new organization of the distribution of land property and construction permits. The construction should be controlled very severely, while at the same time permitting free implementations, in order to allow individual initiative and the liberty to participate in the elaborations of the city.”⁵

Much of his attempts to re-think urbanity did not have a direct effect on the prevalent approaches to “making the city,” or remained obscured for a long time, but it is fascinating to understand how Lefebvre thought the field of power over the cities’ future could be shifted. Today, Lefebvre is mostly known for the notion of “right to the city” which he coined in his 1968 book *Le Droit à la ville*, and which informed the 1986 Belgrade proposal. The New-York based urban geographer David Harvey explains the concept as follows: “The right to the city is far more than the individual liberty to access urban resources: it is a right to change ourselves by changing the city. It is, moreover, a common rather than an individual right since this transformation inevitably depends upon the exercise of a collective power to reshape the processes of urbanization. The freedom to make and remake our cities and ourselves is, I want to argue, one of the most precious yet most neglected of our human rights.”⁶ A very powerful concept, with far-reaching consequences – that even almost fifty years after its emergence still has to materialize!

Today, in most cities and societies, the concept of rational planning as we have described it above has lost its edge. It has been replaced by a whole host of other concepts, like the Smart City, the Self-Sustainable City, etc. – often part of contractually confidential commercial concepts, remaining in the realm of closed expertise approaches. So far, many post-socialist and post-communist cities have escaped this trend – although none of them escaped alarming levels of clientelism, authoritarianism, and the privatization of collective property.

Understanding Dushanbe

The post-socialist condition is a confusing one, if not outright conflicting. While the pre-1990s approach to urbanism (functional modernism, of course flavored with its own local need for decorum and power-architecture) provided for the aforementioned clarity and straightforwardness both in concept and physical structure at the expense of an authoritarian technical approach, the post

³ Dirk van de Heuvel and Max Risselada about one of these groups, Team X, with participants from both Western- and Eastern European countries.

⁴ Serge Renaudie, Pierre Guilbaud, and Henri Lefebvre, “International Competition for the New Belgrade Urban Structure Improvement,” Competition Report, 1986.

⁵ Introduction to the current discussion about New Belgrade by Ljiljana Blagojevic in her book *Novi Beograd: osporeni modernizam* (New Belgrade: Contested Modernism), 2007, quote is taken from the original competition entry.

⁶ David Harvey (2008), “The Right to the City,” *New Left Review* 53, pp. 23–40.

Dushanbe: under construction - II, 2014.
 Душанбе: в процессе строительства - II, 2014 года.

1990s “transition” has not transformed the planning approach into the more democratic and citizens driven one advocated by Henri Lefebvre.

For one, the terms on which urban interventions are being made are much more obscure today. Our experience from the Spaces on the Run workshop in Dushanbe was that while it was relatively easy to make a sort of classification or taxonomy of pre-1990s architecture (the “why, how, how much, and who” behind buildings or spatial settings), it is currently much more difficult if not impossible to find publicly available material on which these aspects are based. Dushanbe obviously shows a lot of building activity by private and, notably, also public actors. The news portal Eurasia.net reports: “Already home to the world’s tallest flagpole and the longest flag, Dushanbe, if all goes to plan, will be home to the world’s largest teahouse by Independence Day this September, breaking (or making) another world record.”⁷ The frenzy going on in a city like Dushanbe makes it – in a workshop focusing on contemporary urban changes in the city – ultimately relevant to understand the dynamics behind the growth. This is easier said than done given that it has taken us days

to just come up with the most superficial bits, which often had to be extracted from sources that could not be independently verified (statements of a “manager” of the Teahouse or the “operator” of a club in a former public cinema), or were even more obscure (urban myths of sorts). And interestingly, most sources insist on being anonymous, as if giving away information on the current development of the city is a perilous act in itself.

And, maybe, it is in fact perilous. At least if we look at the expertise gained in the cities of the post-Yugoslav region. Here the vacuum of a convincing, contemporary approach to the urban development of cities to the benefit of their citizens has been combined with the conflicting field of privatization, the new cohort of real-estate moguls, and a drain on public finances leading to a poisonous mix for the city and its citizens. Cities like Belgrade today are dreaming of becoming regional capitals, with anonymous projects supposedly financed by capital from the United Arab Emirates.⁸ An entire new city center is being planned, based on confidential plans and contracts, with apartments priced at 3000 euro/m² while the average citizen has an income of some 350 euro/month. For whom is all of this, then?

This is a question that also came to our mind in Dushanbe: for whom is this city, then? In its reporting on the National Teahouse (Chaihana), Eurasia.net adds a note: “State television dutifully praises the structures while only a few question the expense. [...] Western officials estimate the Teahouse is costing \$60 million – equivalent to about 1 percent of the GDP [...]” The current post-production economy is radically different from the economy we still remember from half a century ago. Today, many cities thrive increasingly on the production of the urban dream itself (real-estate, with its speculative investments, consumerism) than of anything else. This means that for citizens it is vital to understand the capital flows that impact their surroundings.

Because then, a conversation with one of our taxi drivers could have taken a slightly different course from the one it actually took in the soaring summer temperatures. “Do you know Komsomol lake?” “Yes, I used to go to swim there as a boy in the summer.” “And what do you think about the new

⁷ “Tajikistan: Building the World’s Biggest Teahouse,” in Eurasianet.org, accessed on July 5, 2014.

⁸ Belgrade Waterfront project worth 3.2 billion euros.

Chaihana under construction?” “It is a beautiful building, we should be proud of it.” It would have been a revelation of sorts had the taxi driver continued: “But I am still worried that our lake, which was constructed with volunteer work over seventy years ago, for everyone, is now being converted into an exclusive area. Have you heard that 1 percent of our national budget has been spent on it? And no one ever asked us if this is our priority!”

Understanding the current urban changes in a city like Dushanbe means being aware of the dynamics that propel

them, that make them possible, that make them desired – also economically. If this information is not readily available, it means we have to painstakingly assemble the bits and pieces to reverse-engineer the city we have in front of us, much as if we were undertaking an expedition into a yet unknown territory. It might be a bit adventurous, like any expedition, but it opens a world that ultimately belongs to all of us: our cities.

Amidst Dushanbe’s summer heat, we continued to Dushanbe Art Ground for some urban detective work...

Although the aforementioned urban interventions proposed by Henri Lefebvre never took effect, lately his notion of the “right to the city” has seen a strong renewed interest. It is not so difficult to see why: the development of cities today has taken a direction that many experience in a way that is not beneficial to its citizens. While every one of us can increasingly micro-manage their consumption patterns, their social relations, or shape their private lives, when it comes to the very cities in which this takes place we are left clueless and powerless.

For the citizens, starting to address this challenge requires a huge effort, because it necessitates inventing an entirely new approach to collectively defining the cities’ future. Still, our own experiences in cities that are open-minded show that a multitude of very engaged, very interesting initiatives have sprung up.

Entering Bishkek

While the workshop in Bishkek unfolded bit by bit, it became clear that in this city multiple groups of citizens had started taking matters into their own hands. Obviously there is a history to this: in Bishkek but also in Dushanbe, looming in the center and on the periphery are large areas of small-scale houses stretching beyond the planned streets. They obviously escaped the building code and have likely been built by their owners. However, there is something more interesting to be discovered: what happens when citizens start taking things into their own hands collectively. While this was evident in some of the districts we visited (like the Walnut Grove Park from the sixth district next to a few apartment blocks in which the neighbors had decided to collectively put their energy to revive it), this spirit was especially noticeable among the workshop participants themselves.

That individual citizens’ initiatives can thrive brings us a step closer to getting Lefebvre’s right to the city acted out in space – and it would signal a significant shift in the question of “Who makes the city?” The challenge here becomes how to weave such a fragmentary, dispersed, and

Bishkek: The Walnut Grove - park where the citizens makes the city, 2015.
Бишкек: Ореховая роща - это парк, где граждане делают город, 2015.

slightly self-referential approach (in the end we do it for “ourselves”) into something of wider, urban relevance.

The seduction of the opposite is obvious: in many cities around the world, self-generated urban interventions by citizens have become trendy, and unfortunately sometimes also rather meaningless. In agreement with the authorities and owners, and sometimes in spite of them, groups of citizens are given small plots, temporary permits, and end up merely simulating participation in urban change instead of enacting it for real. The latter would

mean a shift of authority, a transfer of power. It would also implicate that we take the city for real, as a structure in which we act and not only on which we act.

Building such awareness, and building such “self-institutions” is a serious act. In Zagreb (Croatia) the initiative named Right to The City⁹ has taken years to carefully develop a strategy that brings together the many different groups and individuals. In doing so, it has been discovered that architects and urban planners at times become formidable obstacles to the transfer of power from their “expert field” to a wider, more democratic practice. In part because their current skill set does not provide them the tools of how to deal with more up-to-date forms of co-deciding and co-designing (which in other design disciplines have become more of a standard!) but equally because the current production of urbanity as the main economy in cities is something they don’t desire to open up (yet). However, even more of these professionals understand that over the long term the only lasting solution is a city that works for us.

Now, we see the very first results of this becoming real in space: exciting new institutions like PO-GON – Zagreb’s Center for Independent Culture and Youth (collectively programmed by some fifty organizations!), which declares its setup as follows: “This hybrid model [a partnership between the users and the City of Zagreb] provides long-term sustainability as the result of a balance between public financing and supervision on one hand and independent programming and participatory decision-making on the other.” It meanwhile has inspired groups in other cities to start similar initiatives. It also means inventing new spatial models, which now read like testing-sites for what can be done on a larger scale at the level of the city, and with that confronting predominantly finance-driven urban development, while redefining what governance is.

In Bishkek we were glad to see similar interest and curiosity in exploring ways in which the city can be made differently, particularly among people around quite active and predominantly female citizens’ initiatives. And with each city having its own specificities, we are deeply curious to see what will emerge from this. Obviously, it needs more than just determined citizens – a supportive political framework is also required. And thus, a few decades after Lefebvre outlined his ideas for New Belgrade, a potentially contemporary approach to his vision can be pioneered!

⁹ Pravo na Grad, <http://pravonagrad.org>

Изменить себя, изменив город

[STEALTH.unlimited] – Ана ДЖОКИЧ
(Сербия/Нидерланды) и МАРК НИЛЕН
(Нидерланды)

Источник: Фотоматериалы предоставлены
STEALTH.unlimited (Ана ДЖОКИЧ и Марк
НИЛЕН)

Чувствуешь облегчение, когда, объехав почти половину земного шара, после короткой поездки из аэропорта вы выходите в город в первый раз, чтобы обнаружить, что вы уже интуитивно знаете как сориентироваться в городском пространстве. По крайней мере, так оказалось, когда 16 июня 2014 года мы приземлились в Душанбе после нашего долгого путешествия.

Такая замечательная способность на интуитивном уровне читать городской контекст особенно характерна в городах, построенных в соответствии с принципами, которые стали «в моде» более или менее века назад в разных частях Европы и оживленном молодом Советском Союзе: функциональный модернизм. Вызов был ясен: в эпоху «модернистского» планирования и проектирования, индустриализации и рационализации, устройство городов должно было учитывать такие принципы. Это придает городам довольно четкую и ясную структуру с высокой степенью предсказуемости и узнаваемости. Для тех, кто, к примеру, недавно приехал в Душанбе, этот факт весьма полезен.

Результат такого подхода в планировании включает множество достижений, представляющих собой ряд концептуальных и эмпирических исследований в целях придания архитектуре и градостроительству эту рациональную и экономическую основу: от «прожиточного минимума»¹, который влиял на жилье в большей части Европы и Советского Союза в последующие десятилетия, до пространственной зональности различных городских функций², которые имеют большинство «модернистских» городов, вплоть до утомительных (а с сегодняшней точки зрения временами забавных) эргономических исследований относительно того, как кухни должны быть устроены.

В Европе и в Советском Союзе, точные формы разработки такого рационализма были явно не совсем похожи. Тем не менее, большая часть активного процесса обмена мнениями между профессионалами в целом придерживалась «модернистских» принципов и тем самым практически индустриально прикладной подход к планированию в различных городах и странах. И хотя это «универсальный» набор принципов сегодня облегчает процесс ориентирования в этих городах (даже если вы приобрели свои навыки ориентации в городе еще за несколько тысяч километров), все же есть один четкий недостаток.

Этот рациональный, функциональный подход создал так называемое «экспертное поле» профессионалов, которое разворачивает (приписанный) суверенитет над принципиальными решениями в этих городах и образом жизни. (Это, конечно, при поддержке

¹ “Die Wohnung für das Existenzminimum”, Франкфурт, 1929 г.

² Четвертый Международный Конгресс Современной Архитектуры (CIAM 4), «Функциональный город» (Афины, 1933 г.)

политической власти в пользу такого подхода к городу.) Тем не менее, это поле состоит из довольно авторитарного класса экспертов, которые разрабатывают структуру нашего общего городского будущего.

Этот век рационального планирования, конечно же, не обошелся без сомнений. Уже с середины 1950-х годов, некоторые из этих же экспертов начали возражать против сурового функционализма, лежащего в основе строительства. И хотя некоторые группы архитекторов и проектировщиков во многих городах покончили с догматизмом в пользу «стратегий, которые дают пространство для индивидуальных и коллективных идентичностей»³, поле деятельности по-прежнему оставалось исключительно из числа тех самых экспертов.

По словам философа Анри Лефевра, это одна из наиболее значительных попыток вырвать модернистское планирование из рук эксклюзивной привилегированной группы экспертов и открыть его для граждан этих самых городов.

Наше путешествие в Душанбе началось с аэропорта, расположенного вблизи Нового Белграда (Сербия), модернистского города, в отношении которого Анри Лефевр, вместе с архитекторами Сержем Ренодье и Пьером Гильбо, в 1985 году выступили с предложением о том, как сделать его завершенным⁴, или, точнее сказать, как сделать из него город, созданный его гражданами и для самих граждан. Тот факт, что Югославия, во время проведения тендера, основывалась на системе самоуправляемого социализма, вдохновило их поверить, что это была одна из редких стран, где проблема новой урбанистики может быть вполне решаемой.

Лефевр был очень критически настроен в отношении принципов Международного Конгресса Современной Архитектуры (CIAM), на которых основывался Новый Белград. В заявке на участие он ищет «активное участие гражданина в контролировании и управлении территорией». Их предложение исходило из «сосуществования порядка и разнообразия» с новыми вариантами городских комбинаций, основанных на совпадениях и особенностях, в то время как архитектор не играл более роль образователя: «Появится необходимость в разработке новой организации распределения земельной собственности и разрешений на строительство. Строительство должно быть под строгим контролем, в то же время допуская свободу в действиях, с тем чтобы дать возможность индивидуальным инициативам и добавить смелости для участия в разработках города»⁵.

Многие из его попыток переосмыслить городскую жизнь не имеют прямого воздействия на распространенные подходы к «созданию города», или долгое время оставались недоступными, но интересно понимать то, что же Лефевр думал об изменении поля власти в городах в будущем. Сегодня, Лефевр в основном известен благодаря понятию «право на город», которое он придумал в своей книге 1968 года «Le Droit à la ville» и которое легло в основу предложения по Белграду в 1986 году.

Городской географ из Нью-Йорка, Дэвид Харви, объясняет концепцию следующим образом: «Право на город гораздо больше, чем личная свобода в получении доступа к городским ресурсам: это право на изменение себя, изменяя город. Это, кроме того, общее, а не индивидуальное право, так как это преобразование неизбежно зависит от осуществления коллективной власти в ходе изменения процессов урбанизации. Могут поспорить о том, что свобода создавать и переделывать наши города и самих себя – это одно из самых драгоценных, хотя и одно из самых обделенных вниманием прав человека.»⁶ Очень мощная концепция, с далеко идущими последствиями - что даже почти через 50 лет, эта концепция до сих пор материализуется!

³ Дерк ван де Хевел и Макс Рисселада об одной из таких групп, Команда X, с участниками из стран Западной и Восточной Европы.

⁴ Серж Реноди, Пьер Гильбо и Анри Лефевр. Международный тендер по улучшению городской структуры Нового Белграда. Отчет по тендеру, 1986 г.

⁵ Введение в текущую дискуссию по вопросу Нового Белграда. Лиана Благожевич, Книга «Новый Белград»: оспаривание модернизации (New Belgrade: Contested Modernism), 2007 г.

⁶ Дэвид Харви (2008). «Право на город», Обзор, 53. 23–40 стр.

Сегодня в большинстве городов и обществ концепция рационального планирования, как мы описали выше, потеряла свою остроту. Ее заменил целый ряд других концепций, как Смарт-Сити, Самодостаточный город, и т.д., часто являющихся частью конфиденциальных коммерческих концепций, оставшихся в застенках закрытых подходов экспертизы. Пока многим постсоциалистическим и посткоммунистическим городам удалось избежать этой тенденции, хотя ни один из них не избежал тревожных этапов клиентализма, авторитаризма и приватизации коллективной собственности.

Понимая Душанбе

Постсоциалистические условия являются довольно запутанными, если не сказать конфликтными. В то время как подход к урбанизму до начала 1990-х годов (функциональный модернизм, конечно, приправленный самой необходимостью декорирования и усиленной архитектуры) предусматривал вышеупомянутую четкость и прямолинейность, как в концепции, так и в физической структуре за счет авторитарного технического подхода, «переход» после 1990-х не изменил подход к планированию в более демократичную сторону, как пропагандировал Анри Лефевр.

С одной стороны, сегодня совсем неясно то, на каких условиях происходят изменения в городе. Наш опыт, полученный в ходе мобильной мастерской «Публичные пространства в действии» (Spaces on the Run) в Душанбе, показал, что было относительно легко сделать своего рода классификацию или таксономию архитектуры начала 1990-х годов («почему, как, сколько и кто» в отношении зданий или пространственных параметров) на основе общедоступного материала. В настоящее время такую информацию гораздо более сложно, если вообще не невозможно найти. В Душанбе очевидно строительство частными агентствами и государственными структурами. Новостной портал Eurasia.net сообщает: «Уже являясь домом самого высокого флагштока в мире и самого длинного флага, Душанбе, если все пойдет по плану, станет и домом для крупнейшей в мире чайхоны ко Дню Независимости в сентябре этого года, превосходя или достигнув еще одного мирового рекорда».⁷ Ажиотаж, который происходит в таком городе, как Душанбе, делает его – как говорилось в ходе работы мастерской, посвященного современным изменениям в городе – в конечном счете, соответствующим для полного понимания динамики. Этого легче пожелать нежели сделать, так как нам потребовались дни, чтобы просто определить хоть какие-то самые поверхностные элементы, которые часто были получены из источников, которые невозможно было независимо проверить (например, по словам «управляющего» в чайхане или «оператора» из клуба в бывшем кинотеатре), или даже из более неопределенных источников (различные городские мифы). И что интересно,

большинство источников настаивали на анонимности, словно предоставление информации о текущем развитии города само по себе является опасным действием.

И может быть, это действительно опасно. По крайней мере, если мы вспомним опыт, накопленный в городах пост-югославского региона. Там, вакуум убедительного современного подхода к развитию городов в интересах их граждан сочетался с противоречивой приватизацией, новыми группами магнатов недвижимости, и оттоком

⁷ «Таджикистан: Строительство самой большой чайхоны в мире». Eurasianet.org, 05.07.2014 г.

Dushanbe: The National Tedhouse (Kohi Navruz) at the former Komsomol Lake - "No one ever asked us if this is our priority.", 2014.

Душанбе: Национальная Чайхана (Кохи Навруз) на бывшем Комсомольском озере - "Никто никогда не спрашивал нас, если это является нашим приоритетом.", 2014.

государственных финансов в ядовитую для города и его жителей смесь. Такие города, как Белград, сегодня мечтают стать региональной столицей с анонимными проектами, которые предполагается финансировать из капитала Объединенных Арабских Эмиратов.⁸ Весь новый центр города планируется устроить на основе конфиденциальных планов и контрактов с квартирами по цене 3000 евро/м², в то время как среднестатистический гражданин имеет доход около 350 евро в месяц. Для кого все это тогда?

Это вопрос, который также пришел нам в голову в Душанбе: для кого это город-то? В своем сообщении о Национальной чайхане, Eurasia.net добавляет к сведению: «Государственное телевидение послушно хвалит структуры, в то время как лишь немногие поднимают вопрос затрат. [...] Западные чиновники оценили чайхану в 60 миллионов долларов США, что эквивалентно примерно 1% от ВВП [...]». В настоящее время пост-производственная экономика в корне отличается от экономики, которая осталась у нас в голове еще с полувека назад. Сегодня многие города процветают более за счет производства городской мечты (недвижимости с ее спекулятивными инвестициями и потребительством), чем на основании чего-либо другого. Это означает, что для граждан важно понимать каковы потоки капитала, которые влияют на их окружение.

Тогда, разговор с одним из наших таксистов мог бы развиваться несколько иначе от того, как он на самом деле произошел в знойной летней жаре. «Вы знаете Комсомольское озеро?» «Да, я ходил туда купаться, еще мальчишкой в летнее время». «А что вы думаете о строящейся новой Чайхане?» «Это красивое здание, мы должны гордиться им». Это было бы своего рода откровением, но таксист продолжил: «Но все-таки меня беспокоит тот факт, что наше озеро, созданное волонтерскими усилиями более 70 лет назад для всех, в настоящее время преобразовано в эксклюзивное место. А вы слышали, что 1% нашего национального бюджета было потрачено на чайхану? И никто никогда не спрашивал нас насколько это для нас приоритетно!»

Понимание текущих городских изменений в таком городе, как Душанбе, означает быть в курсе динамики, которая способствует этому, которая делает это возможным, которая делает это желаемым - и в экономическом плане тоже. Если эта информация недоступна, это означает, что мы должны тщательно собрать кусочки, чтобы перепроектировать город, который мы имеем сейчас, так же как если бы мы выполнили экспедицию на еще неизведанную территорию. Это может быть немного рискованно, как и в любой экспедиции, но можно открыть мир, который в конечном счете принадлежит всем нам: наши города.

Среди летней жары Душанбе мы продолжали городское расследование в помещении Душанбе Арт Граунд-а ...

Хотя вышеупомянутые городские мероприятия, предложенные Анри Лефевром, не возымели силу, в последнее время его понятие «право на город» обрело сильный новый интерес. Причину

⁸ Проект набережной Белграда стоимостью 3.2 млрд. евро.

не так трудно понять: развитие городов сегодня пошло в том направлении, в котором многие понимают, что оно идет не на пользу своим гражданам. В то время как каждый из нас может более тщательно управлять своими способами потребления, их социальными отношениями, или придать форму частной жизни, когда дело доходит до самих городов, в которых это происходит, мы оставлены без ключа и без силы.

Чтобы начать решение этой задачи, гражданам требуются огромные усилия, потому что необходимо изобрести совершенно новый подход к комплексному определению будущего городов. Тем не менее, наш собственный опыт в различных городах показывает, что появилось множество очень интересных инициатив.

Въезжая в Бишкек

В то время как семинар в Бишкеке потихоньку разворачивался, стало ясно, что в этом городе несколько групп граждан начали брать дело в свои руки. Очевидно, у этого есть своя история: в Бишкеке, да и в Душанбе, в центре и на окраинах, нечеткие большие участки мелких домов выходят за рамки запланированных улиц. Они, очевидно, были упущены из вида планировщиками и, вероятно, были построены самостоятельно. Тем не менее, есть что-то более интересное: когда граждане коллективно берутся за что-то. Это просматривалось в некоторых районах, которые мы посетили (как в Ореховой роще из шестого микрорайона, рядом с несколькими многоквартирными домами, который соседи решили коллективно своими силами возродить), и этот дух был особенно замечен среди самих участников семинара.

Такие индивидуальные инициативы граждан процветают и приводят нас на один шаг ближе к тому, чтобы «право на город» Лефевра возымело силу – это будет означать довольно важный сдвиг в вопросе «кто создает город?» Возникает сложность в том, как сплести такие рассредоточенные, разносторонние и слегка соотносящиеся (в конце концов мы делаем это для «себя») во что-то более обширное и имеющее городскую актуальность.

Соблазн в обратном очевиден: во многих городах по всему миру стали модными самостоятельные городские мероприятия, проводимые самими жителями, и, к сожалению, иногда они бывают довольно бессмысленны. В согласии с властями и владельцами, а иногда и без учета их мнения, группы граждан получают небольшие участки, временные разрешения, и в конечном итоге имитируют участие в изменении города вместо реальных действий. Последнее означает сдвиг власти, передачу власти. Это будет в равной степени воздействовать на то, что мы принимаем город по-настоящему, как структуру, в которой мы действуем, а не только, на которую мы действуем.

Bishkek: Citizen's Initiatives, site of a future children's playground in the 6th microdistrict, 2015.
Бишкек: Гражданская инициатива и место будущей детской площадки в шестом микрорайоне, 2015.

Построение такой осведомленности, а также создание таких «самостоятельных учреждений» является серьезным действием. В Загребе (Хорватия) на инициативу, названную «Право на город»⁹, ушло немало лет, чтобы тщательно разработать стратегию, которая объединяет множество различных групп и отдельных лиц. При этом, было обнаружено, что архитекторы и градостроители порой наталкиваются на огромные препятствия на пути передачи власти от их «экспертного поля» более широким и более демократичным действиям. Отчасти потому, что их текущие навыки не дают им инструментов для взаимодействия с более современными формами совместного решения и проектирования (что в других проектных дисциплинах стало более, чем стандартом!), и в равной степени, потому что существующее производство урбанизации в качестве основного элемента экономики в городах является тем, что они не желают открыть (пока). Тем не менее, даже большинство этих специалистов понимают, что в долгосрочной перспективе единственное длительное решение – это город, который работает на нас.

Теперь мы видим самые первые результаты, которые становятся реальностью в пространстве: захватывающие новые институты, такие как ПОГОН - Центр независимой культуры и молодежи Загреба для (совместно созданный около 50 организациями!), который заявляет о своем создании следующим образом: «Эта гибридная модель [партнерство между пользователями и городом Загреб] обеспечивает долгосрочную устойчивость в результате баланса между государственным финансированием и контролем, с одной стороны, и независимого программирования и принятия совместных решений с другой». Тем временем, вдохновились и группы в других городах и стали начинать подобные инициативы. Это также означает, что изобретая новые пространственные модели, которые в настоящее время считаются местами для тестирования, которые могут быть образцом для исполнения в большем масштабе на уровне города, и преимущественно противостоять городскому развитию, основанному на финансировании, с переосмыслением того, чем является управление.

В Бишкеке мы были рады видеть подобный интерес и любопытство в исследовании того, как можно изменить город, особенно среди участников довольно активных и преимущественно женских гражданских инициатив. И с каждым городом, имеющим свои особенности, нам было весьма любопытно посмотреть, что же выйдет из этого. Очевидно, что нужно больше, чем просто определенные граждане – также необходима и благоприятная политическая основа. И таким образом, спустя несколько десятилетий, после того, как Лефевр изложил свои идеи для Нового Белграда, возможно, и получится запустить современный подход к его видению!

⁹ Pravo na Grad, <http://pravonagrad.org>

Post-Soviet Residential Quarters – a Model Developing the Modern Urban Milieu

Gamal BOKONBAEV – architect, curator (KG)

Images courtesy of Gamal BOKONBAEV

Since the early 1990s, in Bishkek, the capital city of the Kyrgyz Republic, new housing, office buildings, trade and service operations have been constructed and the views around the city have improved, but a vast majority of these buildings have been developed on private properties, which have become isolated from the common space by impenetrable fences. The common municipal areas remain orphaned and in disarray. They acquire the status of useless, intermediary plots.

The urban environment of Bishkek is being crowded by technical facilities and is slowly losing the pristine features of a city attractive for living. Degradation of the architectural and design environment of Bishkek threatens the moral fabric of society, reduces the level of confidence in the institutions of power, and reduces the city's and the country's attractiveness for tourists.

These days, the architectural-design environment in post-Soviet cities is not always correctly perceived by people as a phenomenon of change in eras, degradation, and decline. The problems of urban environmental design in post-Soviet space have their own specificities, and studying them is particularly relevant in the transitional period. Besides, in the era of total globalization, the issues of Soviet heritage and post-Soviet urban identity conservation become relevant more than ever before.

Under the new conditions, it is important to adjust the principles of urban environmental formation. Soviet design and construction rules and regulations were not designed for and did not assume the emergence of private property and the market environment. The lack of theoretical engineering in this direction has already constrained the optimal development of architecture in the republic.

For the purposes of a representative study, a residential quarter in the city center has been selected, where all the new developments took shape in a manner typical of the post-Soviet era. Primarily, the problems here are related to congestion due to construction, traffic and commercialization.

The residential quarter is formed by the following streets: Abdrakhmanova (former Sovetskaya), Toktogula, Tynystanova (former Krasnooktyabrskaya), and Kievskaya.

Dimensions of the quarter inclusive of existing buildings is: 250 x 174 meters (242 x 168 in red lines)

Residential quarter area: 4.35 ha

Population: approx. 1,750 people

Congestion of construction: 3.1 thousand m²/ha

The quarter is supplied with all the utilities.

Network of single-storey shops on the
Kiev Street.
Сеть одноэтажных магазинов по
улице Киевской.

Historically, you can even trace and see the quarter and its general outlines on the old town map of Pishpek at the beginning of the century. According to the general plan of the city and the existing detailed project plan for the city center, it is a residential area, built with multistorey residential buildings, where Tynystanova Street is not a district level thoroughfare.

The quarter now is formed by city and district level thoroughfares – these are the streets of vehicular movement. There is a public transport stop on Abdrakhmanova Street. Public transport operates on all streets except Tynystanova Street. Toktogula Street is a one-way street.

Since 1991, a significant number of new residential and public facilities have been built in the quarter. Assessing the high volume of new construction in the area is possible by comparing the 1997 topographical map (please see diagram No.1) with the current state of the quarter. The site development and construction of the quarter was carried out in a chaotic fashion, without consideration for construction rules and regulations, and as a result of pressures from the commercialization processes in the architectural and construction sectors of Bishkek.

In her work, Khramova states: “The city is not changing for the better from a visual point of view. One is confronted with an overload of information and too much attention is paid to advertisements. Expression of national identity in architecture is increasingly vague and becomes lost in new buildings, and more emphasis is placed on modern materials and technologies.”¹

A photographic record – a visual assessment – of the residential quarter has been produced in order to study the area. The composition of the area consists of a development plan, a driveways plan, and a landscape gardening plan. Plans also exist for institutional plots and commercial and residential buildings. A table, “List of Buildings and Structures,” has been compiled to reflect the key data. The plans and tables are attached.

Description of the Roles of Various Institutions in the Operation of the Quarter

Residential buildings – form the backbone of the quarter and have not been displaced by offices and commercial enterprises. The same trend is also present in other quarters of Bishkek. On the other hand, the presence of service and trade businesses in the district, and in the quarter itself, makes this area attractive and prestigious for capital investments in the construction of new housing. More specifically, this means the construction of profitable apartment buildings, which investors tend to inaccurately call elite or luxury housing. A peculiar indication of profitable housing is the absence of neighbouring plots in the traditional Soviet sense. In a prestigious area, realtors sell apartments, rather than the surroundings or the views seen from windows.

The perceptions of elite housing are gradually changing and some of the apartments in the new buildings remain empty. According to data from the city administration, these make up 10 % of all apartments.

1 Khramova N.S., “Stages of architectural heritage of the city of Bishkek,” Newspaper KRSU, Volume 8, No. 9, (2008).

Pedestrian walkway in a residential area.
Пешеходная аллея в жилом районе.

It is necessary to add that the perception of property in the city center as prestigious is changing too, and a portion of residential spaces is rented out as office space. According to data from the housing cooperative administration, this percentage is as high as 15%, often on lower floors.

The infrastructure of the quarter is under strain. The traditional Soviet-era principles of zoning and provisioning of all sorts of daily services within an area bounded by thoroughfare streets are not respected. The school and the kindergarten are located beyond the thoroughfare streets. There is a surplus of commercial enterprises that operate citywide. The ratio of the area allotted to commercial enterprises vs. residential buildings exceeds the necessary indexes designed for residential neighborhoods.

Observing the housing plots, it is easy to see that the space allocated for children, sports, and domestic activities is far less than that allotted for parking lots. This, too, according to the survey, is a typical situation for the residential areas of the city.

This, however, is offset by pedestrian access to Dzerzhinsky Boulevard and Dubovy (Oak) Park, where there are well-equipped children's playgrounds, with easy access to shops for the playgrounds located close to shopping areas. There are no spaces allotted for household activities. There are three locations for solid waste collection.

Located within the quarter is a pay-to-play football field with artificial turf – this facility may be counted as part of the service sector. This business partly balances out the absence of sports facilities in the area. In addition, there is a youth sports school located within the quarter, and its facilities are partially used by local residents for sporting activities.

It is impossible not to notice the impact of HOC (The Homeowners Cooperative – “ТСК”) activities. A primary example here is the residential building No.176 on Abdrakhmanova Street. The property around this building is fenced, landscaped, and the residents have apparently found space both for parking lots and children's playgrounds. The area in front of the building is used as a children's playground. As such, the HOC is currently an active party in the “struggle” to utilize urban spaces for the benefit of ordinary citizens, opposing the efforts of a commercial infrastructure that seeks to monetize all urban space.

It is important to note that the wholesome influence of Soviet planning decisions are still felt today – wide alleys, recreational areas, green areas between buildings, and so on.

The quarter features a large number of shopping outlets, office enterprises, and service sector businesses. The area is highly attractive for accommodating such commercial ventures. From 1991 to 2014, capital investments replaced temporary structures and the quarter became more concentrated.

Located at the intersection of Abdrakhmanova and Togtogula streets is Moto, an imposing five-story shopping and office center, and Mgn Extra, a clothing brand store, is located at the intersection of Kievskaya and Abdrakhmanova streets.

The shopping center at the corner of Toktogul and Abdrakhmanov Streets.
Торговый центр на углу улиц Абрахманова-Токтогула.

In addition, there are numerous single-story shops and cafes, as well as solitary ones, for example, on the ground floors of residential buildings.

Franchise operations are of particular importance. These are not temporary ventures and they follow their own marketing principles, including rules for proper maintenance of adjoining areas. Narodnyi (Peoples), a chain store, Gasprom, a chain of gasoline filling stations play similar roles and have a positive effect on the urban environment.

Administrative institutions have existed in the area since Soviet times. Even today several major administrative institutions are located within the quarter. Their areas represent a kind of spatial recreation, freed of commercial interests but serving as a showcase of power. The Ministry of Social Development, the Embassy of Uzbekistan, the Consulate of Belgium, and the General Command Staff of the Armed Forces of the Kyrgyz Republic make up the composition of Tynystanova Street. The neighboring areas are in good condition, the sidewalks and ditches are kept clean, the green spaces are well maintained and feature elements of park landscaping and design. The buildings themselves are updated and in good shape.

Several parking lots and garages are located **within the quarter**. There is a paid car parking structure. An underground garage for 200 cars is located underneath one of the residential buildings. Clearly, this does not provide enough parking for all the residents of the quarter, and, as mentioned above, parking lots have been spontaneously organized on almost all the open spaces next to the residential housing. The administrative institutions have their own departmental garages.

Landscape gardening in the quarter consists of green spaces along the thoroughfares and on lots next to the residential housing. There is a splendid and popular fenced-in mini-park located on the property of the City Directorate for National Security. There is no public access to it; its role is one of visibility. This is a typical situation: greenery is well preserved on the property of protected state institutions.

The quarter already has its **newest history**. In 1997, the offices of Kumtor Gold Company, a gold mining operation, moved into the kindergarten building on Kievskaya Street, which is now the headquarters for the City Directorate of the State Committee for National Security (SCNS). Following the revolution of April 7, this building became the focus of a big corruption scandal, widely publicized in the media. These institutions have in effect shaped the destiny of the buildings on Kievskaya Street – the location has remained intact as a recreational zone of one-story development.

A historically significant place is the memorial plaque near the General Command Staff of the Armed Forces of the Republic (the former military station) at the intersection of Tynystanova and Toktogul streets. It bears the inscription: “Built by the workers of the City of Frunze for the soldiers of the Soviet Army in honor of the 25th anniversary of victory in the Great Patriotic War. May 9, 1970.”

Most unfortunately, the historic building of the publishing house Kyrgyzstan, the former building of School No.5, the first school in Bishkek where Kyrgyz was the language of instruction,

was partially demolished in order to construct a bank. In 2012, officials from the Mayor's Office decided to strip this historic relic of its status as an architectural monument of local significance. Half of the building has been left untouched only because it houses the offices of Mir, the international broadcasting company.

Buildings in various styles from the Soviet era make for a rich environment from a historical point of view.

Cooperation and fellowship ideals are expressed in contrasting combinations. Residential areas, commercial enterprises and administrative institutions – all make a sustainable combination. They mutually reinforce their individual advantages, making them attractive to investors, thus forming a secondary real estate market.

This combination makes it possible to achieve a high level of building development and an acceptable degree of density without overcrowding and turning the quarter into an undesirable area.

Such a combination was also present in the Soviet architectural environment, but all these components were balanced out and did not have such a pronounced influence on each other.

Commercial enterprises form the centers of attraction, drawing the residents of the quarter, district, and the city. They contribute to the revitalization and improvement of the quarter.

New residential buildings mean a reliable investment in a prestigious area. Residents of the quarter ensure that the area is not empty during the evenings, when the flow of citizens to city shopping malls stops. The residents of the quarter provide a minimum amount of foot traffic for local trade and services businesses: pharmacies, hairdressers, grocery stores, kiosks, cafes, and canteens. The residents of the quarter seek employment in the nearby businesses – in offices, shops and so on.

A portion of the commercial enterprise traffic is generated by the state institutions – the occasional visitors them and the employees themselves.

If the commercial enterprises are the places of activity, then the administrative zones play the role of recreation. In some cases authorities restrain the aggressive expansion of commercial ventures. For instance, the building of the City Directorate of the State Committee of National Security effectively “guards” the *bonne bouche* eyed by store developers – the mini-park on Kievskaya Street.

Some administrative institutions have a small flow of visitors, others are closed to outsiders. These are not public places. Consequently, the active commercial spots on Abdrakhmanova Street are offset by the quiet administrative zone on Tynystanova Street.

The architectural and design environment is inconceivable without the existence of the simultaneity and perception of “a shell and its filling,” and the types of activities and kinds of buildings

Network of single-storey shops on the Kiev Street.
Сеть одноэтажных магазинов по улице Киевской.

The shopping center at the corner of Abdrakhmanova and Kiev Streets.
Торговый центр на углу улиц Абдрахманова-Киевская.

implemented here. The term “environmental image” differs from that of “architectural image” due to the complex variety of process-based effects occurring in the environment.

In other words, while in architecture the process (utilitarian need) serves seemingly as a pretext, cause, or impetus for the emergence of an architectural image, which, after construction has been completed, begins to take on a life of its own outside the tasks that generated it, the environmental image is fundamentally focused on the unity of the “causes” of the design and the “outcomes” of the project activities.²

Indeed, the actions of various forces in the quarter, often emerging spontaneously, have given rise several phenomena specific to the environment. There are no abandoned plots, no intermediate “no man’s” lands. For instance: the areas of the quarter with a high concentration of commercial enterprises have become buffer zones, exhibiting all the signs of intense environmental degradation. No one is responsible for or can agree on anything unless a major investor intervenes. With regards to the bedroom community, without a sufficient set of business enterprise options, no prospects for developing a secondary real estate market exist, thus making it unattractive to investors.

The most interesting elements of the quarter are the spontaneous footpaths that crisscross the area. They operate as alleyways and places for playing games, a mini-park, and a kind of peculiar square, here at the intersection of pedestrian traffic flows. Through a passage in a twelve-story apartment building, a pedestrian alley runs from the busy shopping street of Abdrakhmanova to the quiet administrative street of Tynystanova, passing through a parking lot and a children’s playground, in front of one-story manor houses. It is intersected by an improvised path running lengthwise from Toktogula Street to Kievskaya Street, passing through the housing-adjointing areas of all the multi-story residential buildings of the quarter, and along the service entrances to administrative offices. This pass-through footpath could become a landscaped pedestrian alley, compensating for the absence of a mini-park for rest and recreation.

These whimsical pedestrian axes match and blend with the natural, straight axes running along the thoroughfares. The hierarchy of the quarter composition is as follows: Abdrakhmanova Street serves the active focus, it is supported by the “quiet” Tynystanova Street, the “one-story” Kievskaya Street and the “multi-story” Toktogula Street. The multi-story buildings form a monotone composite background of the quarter. The five-story Moto commercial and office center provides a focus and stands out against this background. In the minds of citizens it is a social hierarchy open for all.

The shopping zones reflect energy, dynamics, openness, expansion, and noise. The administrative zones reflect relaxation, quiet, stasis, and closeness. In between exists the private life of the inhabitants of the quarter – these reflect transitions, flexibility, ambivalence, and inconsistency.

² Shimko V.T., Fundamentals of Design and Environmental Engineering, training manual, (Moscow, 2007).

According to the results of a study conducted by Charles Jencks comparing thirteen examples of postmodern architecture³, the quarter fits the definition of a postmodern quarter. Presented here are extracts from table No.4 of the general comparison, which are provided in full in the addendum:

1. The post-Soviet quarter environment is ambivalent, perhaps no aesthetic tastes are expressed here, but there is space for imagination.
2. The post-Soviet quarter environment is complex and is more a result of random factors than of principles of linear dynamics.
3. Historical buildings, which have their own codes, are being preserved in the post-Soviet quarter.
4. The architecture of the post-Soviet quarter is the “language” of the people. The buildings are not characterized by their architectural originality; they are, however, a reflection of the time.
5. The architecture of post-Soviet quarters forms the city, and due to a mix in the types of users, a mixing of building types also takes place.
6. In the post-Soviet quarter, Bishkek’s social reality has become crystallized.
7. The post-Soviet quarter is in an anticipated state of becoming, thus producing many situations causing both laughter and irony.

In addition, the position of postmodern architecture in general features and coincides with the principles of an environmental approach, to architecture, which were developed by Soviet and Russian scientists. “The environmental approach with its reliance on intuition, with careful respect for the already existing ‘environmental atmosphere’ could take shape in the background of postmodernism and in the context of its ideology.”⁴

Conclusions:

The existing quarter may rightfully be called a post-Soviet one. The Soviet principles of planning underlie its formation, where a substantial number of Soviet buildings have been preserved, and which to a large extent determine the “face” of the quarter. At the same time, it is a modern quarter amid commercialization and it is consistent with the modern perceptions of architectural and design environments. There is an element of citizens’ participation present in shaping the environment and it is expressed in the type of actions carried out by HOCs, which have a post-Soviet structure.

The quarter reflects postmodern architectural positions and has taken shape spontaneously in accordance with the principles of an environmentally sensitive approach.

The Soviet planning, commercial, and business attitudes toward urban spaces, private initiatives, the existence of HOC and the presence of state institutions define the quarter as a balanced and harmonious model of the post-Soviet environment.

When analyzing the list of elements of the quarter in table No.1, the following conclusions may be drawn:

Total acreage in percentage under state ownership is 17%, under HOC ownership 33%, and under private ownership 50%.

Total acreage occupied by administrative institutions is 24%, by shopping and entertainment facilities 14%, and by housing 62%.

Private property does not prevail here and both HOC and state property can lead to “environmental competition.”

The residential areas dominate the quarter, the area taken up by administrative institutions makes up a quarter of the total area and the area of shopping and entertainment facilities is the smallest of all. This notwithstanding, they are the very factors determining the quarter’s degree of activity.

These relationships have defined the current status of the post-Soviet quarter’s environment.

³ Jenks, *Postmodern Architecture Language*, trans. by A.V. Ryabushina, M. V. Uvarova (Moscow: Stroyizdat, 1985).

⁴ Rozenson I.A., *Fundamentals of Design Theory*, textbook for universities – СПб (St. Petersburg: Piter, 2003), p. 216.

It would be appropriate to recommend to city officials that they take into account the concept of the post-Soviet quarter in the future development planning processes of urban neighborhoods, and adapt the existing realities to the model of cooperation between multiple stakeholders, representing the state, citizens, and businesses.

It is impossible to revive the modernist principles of neighborhood planning, ideal examples may be created for demonstration purposes, but in everyday life it is the type described above that is most sustainable as a planning model, since post-Soviet quarters reflect the essence of our time.

List of references:

Barsukova N.I. Environment Design in the projected culture of post-modernism of the late twentieth and early twenty-first centuries. Abstract of dissertation for the academic degree of Doctor of Arts. - M., 2008.

Vagin V.V. Urban sociology: Training manual for municipal managers - M.: Moscow research public foundation, School of Municipal Management, 2001.

JenksJ. Postmodern architecture language. Translated from English Language by A.V. Ryabushina, M. V. Uvarova. Moscow: Stroyizdat. 1985. 136 pages, illustr.

Dobritsyna I. A. From postmodernism to non-linear architecture. Architecture in the context of modern philosophy and science. - M.: Progress-Traditsiya, 2004. – 416 pages, 32 p. illustr.

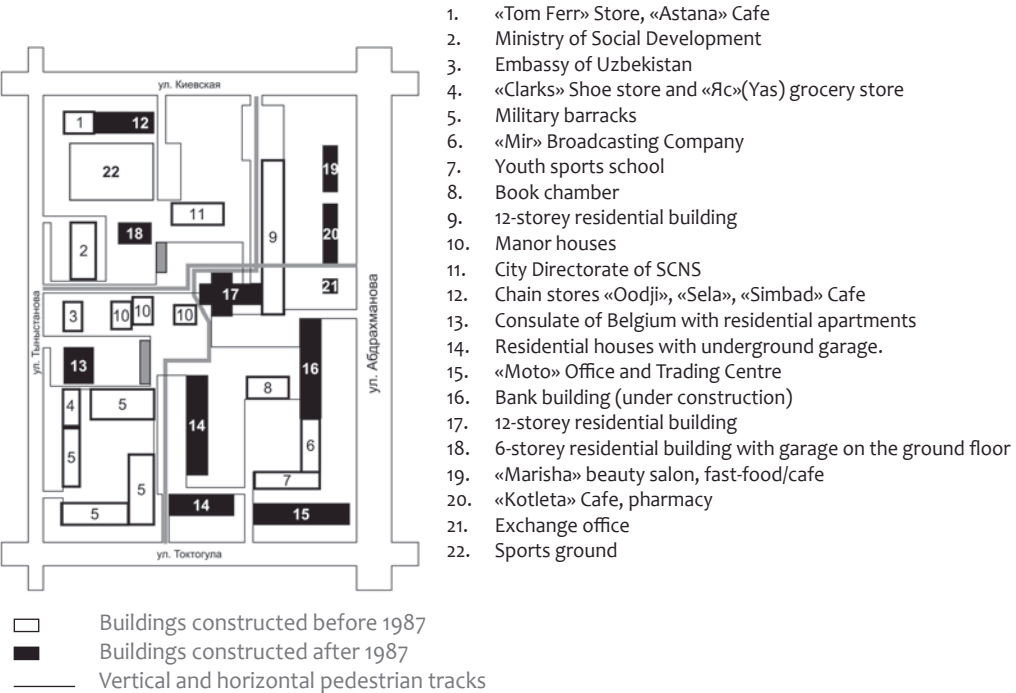
Rozenson I.A. Fundamentals of design theory. Textbook for universities. – СПб.: Publishing house «Piter», 2003 – 216 pages.

Construction standards and regulations. Urban development. Planning and construction of urban and rural settlements. Building codes 2.07.01-89

Khramova N.S. Stages of architectural heritage of the city of Bishkek. Newspaper KRSU. 2008. Volume 8. No. 9

Shimko V.T. Fundamentals of design and environmental engineering. Training manual. Moscow, 2007.

Attachment / Blueprint No.1. Quarter build up

Постсоветский квартал как модель развития современной городской среды

Гамал БОКОНБАЕВ – архитектор, куратор
(Кыргызстан)

Фотоматериалы любезно предоставлены
Гамалом БОКОНБАЕВЫМ.

С начала 90-х годов в Бишкеке, столице Кыргызской Республики, возводятся новые жилые, офисные здания, предприятия торговли и обслуживания, благоустраиваются территории, но, в подавляющем большинстве случаев, это облагораживание частной собственности, отгороженной от общего пространства непроницаемыми заборами. Общегородские территории остаются бесхозными и неухоженными. Они приобретают статус, никому не нужных, промежуточных территорий.

Среда города Бишкека загромождается техническими сооружениями и окончательно теряет былые черты города привлекательного для проживания. Деградация архитектурно-дизайнерской среды Бишкека угрожает моральному состоянию общества, понижает уровень доверия к институтам власти, снижает привлекательность города и страны для туристов.

Сейчас архитектурно-дизайнерская среда постсоветских городов в общественном сознании не всегда справедливо воспринимается как явление эпохи перемен, деградации и упадка. Проблемы дизайна среды городов постсоветского пространства имеют свою специфику, их изучение особенно актуально в переходный период. Кроме того, в эпоху всеобщей глобализации как никогда актуальны вопросы сохранения советского наследия, городской идентичности постсоветских городов.

В новых условиях необходима корректировка принципов формирования городской среды. Советские нормы и правила проектирования и строительства не были рассчитаны на появление частной собственности и рыночной стихии. Отсутствие теоретических разработок в этом направлении уже сдерживают оптимальное развитие архитектуры республики.

Для примера выбран квартал в центре города, в котором все новые явления, характерные для постсоветской среды приняли законченную форму. Прежде всего, это проблемы уплотнения застройки, автомобилизации и коммерциализации.

Квартал, образованный улицами: Абдрахманова (бывшая Советская), Токтогула, Тыныстанова (бывшая Краснооктябрьская), Киевская.

Размеры: по существующей застройке: 250x174 метров (242x168 в красных линиях)

Площадь квартала: 4,35 га

Население: примерно 1750 человек

Плотность застройки: 3,1 тыс. м²/га

Квартал обеспечен всеми видами коммунальных услуг.

Square in the territory of the National Security Committee of the City administration on the Kiev Street.
Сквер на территории Городского управления ГКНБ по улице Киевской.

Квартал сложился исторически и его общие очертания можно заметить еще на карте города Пишпек начала века. Согласно генеральному плану города и существующему ПДП центра города – это жилой квартал, застроенный многоэтажными жилыми зданиями, где улица Тыныстанова не является районной магистралью.

Сейчас квартал образуют магистрали городского и районного значения, это улицы интенсивного автомобильного движения. По улице Абдрахманова расположена остановка общественного транспорта. По всем улицам, кроме улицы Тыныстанова, курсируют общественный транспорт. Улица Токтогула – улица с односторонним движением.

Квартал с 1991 года интенсивно застраивался жилыми и общественными зданиями. Интенсивность строительства новых зданий можно оценить, если сравнить топографическую съемку местности 1997 года с современным состоянием. Застройка квартала велась хаотично, без учета норм и правил строительства, под давлением процессов коммерциализации в архитектуре и строительстве города Бишкек.

Как пишет в своей работе Храмова Н.С.: «В визуальном плане город изменяется не в лучшую сторону. Отмечается и информационная перегрузка, чрезмерно много внимания уделяется рекламе. В новых постройках теряется национальное своеобразие зодчества, акцент делается на современные материалы и технологии».¹

При изучении квартала был сделан фотоотчет, визуальная оценка состояния территории. Подготовлены: схема застройки, транспортная схема, схема озеленения. Схема участков учреждений, предприятий и жилых зданий. Сделана таблица «Перечень зданий и сооружений», где собраны основные данные.

Описание роли различных учреждений в функционировании квартала

Жилые здания – основа квартала и они не вытеснены из центра офисными и торговыми предприятиями. Эта тенденция наблюдается и в других кварталах города Бишкек. С другой стороны наличие центров услуг в этом районе и в самом квартале сделала этот участок привлекательным и престижным для инвестирования капиталов в строительство нового жилья. Фактически это строительство доходных домов, которые сами инвесторы склонны неточно называть элитными домами или домами повышенной комфортности. Признак доходных домов – отсутствие придомовой территории в традиционном советском смысле. Коммерсанты продают квартиры в престижном районе, но не среду, не виды из окна.

Представления об элитном жилье постепенно меняются и часть квартир в новых домах пустует. По данным администрации до 10 % всех квартир.

Необходимо добавить, что и представление о престижности жилья в центре города тоже

¹ Храмова Н.С. Этапы архитектурного наследия города Бишкек. Вестник КРСУ. 2008. Том 8. № 9

Pedestrian walkway in a residential area.
Пешеходная аллея в жилом районе.

постепенно меняется и часть жилых помещений сдается в аренду как офисные помещения. По данным администрации ТСЖ до 15 %, чаще на нижних этажах.

Инфраструктура жилого квартала нарушена. Традиционные советские принципы зонирования и предоставления всех видов повседневных услуг в пределах территории ограниченной магистральными улицами не соблюдаются. Школа и детский сад находится за магистральными улицами. Наблюдается избыток торговых предприятий общегородского назначения. Соотношение площади торговых предприятий и жилой застройки превышает необходимые для микрорайонов показатели.

На придомовых участках детские, спортивные, хозяйственные площадки в основном вытеснены автомобильными стоянками. Это тоже является типичной ситуацией для жилых кварталов города согласно опросу.

Это компенсируется пешеходной доступностью бульвара Дзержинского и Дубового парка, где имеются благоустроенные детские развлекательные площадки, и устройством детских площадок в торговых залах некоторых магазинов. Оборудованных хозяйственных площадок нет. Имеются три площадки для сбора мусора.

На территории квартала есть платное футбольное поле с искусственным покрытием, этот объект можно причислить к сфере услуг. Этот бизнес частично компенсирует отсутствие на участке спортивных учреждений. Кроме того, на территории квартала расположена Юношеская спортивная школа, помещения которой для спортивных занятий частично используются жителями квартала.

Невозможно не заметить результаты **деятельности ТСЖ** (товарищества собственников жилья). Это, прежде всего, касается дома №176 по улице Абдрахманова. Территория этого дома огорожена, благоустроена, нашлось место и для автостоянки и для детской площадки. Для устройства детской площадки занято место перед зданием. Таким образом, ТСЖ является сейчас активным участником борьбы за городские пространства в пользу простых горожан, противодействуя усилиям коммерческих структур превратить все городское пространство в товар.

Необходимо отметить, что до сих пор чувствуется благотворное влияние советских планировочных решений – широкие аллеи, рекреационные зоны, придомовые участки и так далее.

Квартал насыщен торговыми, офисными предприятиями и предприятиями сферы услуг. Для размещения этих объектов территория весьма привлекательна. За 1991-2014 годы временные сооружения сменялись капитальными зданиями, и квартал к этому времени окончательно уплотнен.

На пересечении улиц Абдрахманова и Тогтогула расположен крупный торгово-офисный 5-ти этажный центр «Moto», а на пересечении улиц Абдрахманова и Киевская магазин фирменной одежды «Mgn extra».

The shopping center at the corner of Toktogul and Abdrakhmanov Streets.
Торговый центр на углу улиц Абдрахманова-Токтогула.

Кроме этого, имеются многочисленные одноэтажные магазины и кафе, как отдельно стоящие, так и в первых этажах жилых зданий.

Особое значение имеют предприятия сетевой торговли. Это не временные образования, у них есть свои маркетинговые принципы, в которые включены правила надлежащего содержания прилегающей территории.

По городу подобную роль предприятий, улучшающих среду, играют сеть магазинов «Народный» и сеть автозаправок «Газпром».

Административные учреждения существовали на участке еще с советских времен. И сейчас на территории квартала расположены несколько крупных административных учреждений. Их территории служат своеобразной пространственной рекреацией, где отсутствует мотив коммерческого использования территории, но есть мотив презентации власти. Министерство социального развития, Посольство Узбекистана, Консульство Бельгии и Генеральный штаб вооруженных сил Кыргызской республики образуют средовое содержание улицы Тыныстанова. Прилегающие территории убраны, тротуары и арыки очищены, зелень ухоженная, есть элементы паркового оформления. Сами здания отремонтированы.

На территории квартала организованы несколько **автостоянок и гаражей**. Есть платная автостоянка. Есть подземный гараж под жилым домом на 200 автомашин. Этого явно недостаточно для обеспечения жителей квартала и, как уже было сказано выше, автостоянки стихийно заняли практически всю придомовую территорию. Административные учреждения имеют свои ведомственные гаражи.

Озеленение квартала состоит: из зеленых насаждений вдоль магистралей и озеленения придомовых территорий. На территории Городского управления Национальной Безопасности имеется великолепный ухоженный огороженный сквер. Доступа к нему нет, и сквер играет чисто видовую роль. Это типичная ситуация: зелень хорошо сохраняется на участках охраняемых государственных учреждений.

У квартала есть своя **новейшая история**. В здании детского сада по улице Киевской в 1997 году разместился офис золотодобывающей компании «Кумтор Голд Компани», а сейчас здесь находится городское отделение Государственного Комитета Национальной Безопасности (ГКНБ). После революции 7 апреля это здание стало объектом крупного коррупционного скандала, широко освещенного в СМИ. Именно эти учреждения решили судьбу застройки квартала по улице Киевской, она осталась нетронутой рекреационной зоной одноэтажной застройки.

Историческим, знаковым местом является памятная доска возле генерального штаба вооруженных сил республики (бывшего военного гарнизона) на пересечении улиц Тыныстанова и Токтогула. На ней надпись «Построено трудящимися города Фрунзе воинам Советской армии в честь 25-летия победы в Великой Отечественной войне. 9 мая 1970 года».

К большому сожалению, для строительства банка, было частично снесено историческое здание издательского дома «Кыргызстан», бывшее здании школы №5, первой в Бишкеке школы с кыргызским языком обучения. По решению чиновников мэрии в 2012 году эта историческая реликвия утратила значение памятника архитектуры местного значения. Половину этого здания оставили, и то только потому, что здесь расположился офис международной телерадиокомпании «Мир».

Здания разных стилей советской эпохи формируют насыщенную с исторической точки зрения среду.

Сотрудничество и соучастие выразились в контрастных сочетаниях. Жилая зона, торговые предприятия, административные учреждения – устойчивое сочетание. Они наилучшим образом поддерживают привлекательность друг друга для инвесторов, образуя вторичный рынок недвижимости.

Такое сочетание позволяет достигнуть высокого уровня застройки и приемлемую плотность, без перенаселения и превращения квартала в трущобы.

Такое сочетание было и в советской архитектурной среде, но все эти составляющие были нивелированы и не имели такого ярко выраженного влияния друг на друга.

Торговые предприятия – это центры притяжения, посещаемости для горожан: жителей квартала, района, города. Они способствуют оживлению и благоустройству территории квартала.

Новые жилые дома это надежное вложение инвестиций в престижный район. Жители квартала обеспечивают наполнение квартала по вечерам, когда поток горожан к торговым центрам города иссякает. Жители квартала обеспечивают минимум посещаемости для близлежащих предприятий торговли и услуг: аптек, парикмахерских, продовольственных магазинов, киосков и кафе-столовых. Жители квартала пытаются устраиваться на рабочие места в близлежащие предприятия – офисы, магазины и так далее.

Некоторую долю посещаемости торговых предприятий образуют и государственные учреждения, это редкие посетители и сами работники этих учреждений.

Если торговые предприятия является местом активности, то административные зоны играют роль рекреаций. В некоторых случаях властные органы сдерживают агрессивную экспансию коммерческих структур. Например, здание городского управления ГКНБ надежно «охраняет» лакомый кусочек для застройки магазинами – сквер по улице Киевской.

Часть административных учреждений имеет небольшой поток посетителей, другая часть закрыта для посторонних. Это не общественные места. Таким образом, активные торговые

Network of single-storey shops on the Kiev Street.
Сеть одноэтажных магазинов по улице Киевской.

The shopping center at the corner of
Abdrakhmanova and Kiev Streets.
Торговый центр на углу улиц
Абдрахманова-Киевская.

точки по улице Абрахманова компенсируются тихой административной зоной по улице Тыныстанова.

«Архитектурно-дизайнерская среда» немислима без единовременности существования и восприятия «оболочки» и ее заполнения, субъектов и объектов осуществляемых здесь видов деятельности. «Образ среды» отличается от термина «архитектурный образ», комплексным воздействием протекающих в среде процессов.

Другими словами, если в архитектуре процесс (утилитарная потребность) служит как бы поводом, толчком к появлению архитектурного образа, который после воплощения в постройке начинает жить сам по себе, вне породивших его задач, то образ среды принципиально ориентирован на единство «причины» проектирования и «следствия» проектной деятельности».²

И действительно, в квартале деятельность различных сил, подчас действующих стихийно, сформировали несколько феноменальных объектов среды. Нет заброшенных участков, нет промежуточных ничейных территорий. Например: городские кварталы, застроенные сплошь торговыми предприятиями, становятся буферными зонами и имеют все признаки интенсивной деградации среды. Никто ни за что не отвечает, и договориться не могут, пока не придет крупный инвестор. А спальные микрорайоны, без достаточного набора предприятий бизнеса, не имеют перспектив для развития вторичного рынка недвижимости и не представляют интерес для инвесторов.

Самые интересные объекты квартала – это стихийные пешеходные дорожки, продольная и поперечная. Здесь и аллея, и место игр, и сквер, и своеобразная площадь на месте пересечения пешеходных потоков. Поперечная дорожка проходит от активной торговой улицы Абрахманова, через проход в 12-этажном жилом здании, мимо автостоянки и детской площадки, вдоль одноэтажных усадебных домов, к тихой административной улице Тыныстанова. Ее пересекает продольная импровизированная дорожка от улицы Токтогула к улице Киевской, проходит она по придомовым участкам всех многоэтажных жилых зданий квартала, вдоль служебных входов в административные учреждения. Эта сквозная дорожка могла бы быть прогулочной озелененной улицей, компенсируя отсутствие сквера для отдыха.

Эти прихотливые пешеходные оси сочетаются с естественными, прямыми, осями вдоль магистральных улиц. Иерархия композиции квартала следующая: активной доминантой является улица Абдрахманова, ее поддерживают «тихая» Тыныстанова, «одноэтажная» Киевская и «многоэтажная» Токтогула. Многоэтажная застройка монотонная и образуют композиционный фон квартала. На этом фоне выделяется 5-ти этажная доминанта торгово-офисного центра Moto. В сознании горожан это, открытая для всех, общественная вертикаль.

² Шимко В.Т. Основы дизайна и средовое проектирование. Учебное пособие. Москва, 2007

Торговые зоны – активность, динамика, открытость, экспансия и шум. Административные зоны – это рекреация, тишина, статика и закрытость. Между ними частная жизнь жителей квартала – переходы, пластичность, амбивалентность и противоречивость.

Согласно результатам сравнения с 13 позициями архитектуры постмодернизма Чарльза Дженкса³, исследуемый квартал подходит к понятию постмодернистский квартал. Вот выдержки из таблицы №4 общего сравнения приведенного полностью в приложении:

1. Среда постсоветского квартала амбивалентная, возможно здесь нет вкуса, но есть поле для воображения.
2. Среда постсоветского квартала не простая и выстроена скорее хаотично, чем по принципам линейной динамики.
3. В постсоветском квартале сохраняются исторические здания, имеющие свои коды.
4. Архитектура постсоветского квартала это «язык» публики. Эти здания не отличаются архитектурным своеобразием, тем не менее, являются отражением времени.
5. Архитектура постсоветского квартала формирует город, из-за смешения типов пользователей происходит смешение типов строений.
6. В постсоветском квартале произошла кристаллизация социальной реальности города Бишкек.
7. Постсоветский квартал в предчувствии становления, отсюда много ситуаций, которые вызывают, и смех, и иронию.

Кроме того, позиции архитектуры постмодернизма в общих чертах совпадают с принципами средового подхода в архитектуре, разработанными советскими, российскими учеными. «Средовой подход с его опорой на интуитивизм, с бережным отношением к уже сложившейся «средовой атмосфере» мог сформироваться на фоне постмодернизма и в контексте его идеологии».⁴

Выводы:

Сложившийся квартал с полным правом можно назвать постсоветским. В основе планировки квартала советские принципы, сохранилось достаточное количество советских зданий, которые в немалой степени определяют «лицо» квартала. Вместе с тем, это современный квартал в условиях коммерциализации и соответствует представлениям о современной архитектурно-дизайнерской среде. Налицо элемент соучастия горожан в формировании среды и выражено это в форме деятельности ТСЖ, постсоветской структуры.

Квартал соответствует позициям постмодернистской архитектуры и стихийно формировался в соответствии с принципами средового подхода.

Советская планировка, коммерческое, деловое отношение к городским пространствам, частные инициативы ТСЖ и наличие государственных учреждений делают квартал сбалансированным и гармоничным образцом постсоветской среды.

При анализе таблицы №1 перечня объектов квартала можно сделать следующие выводы:

Суммарная площадь, находящаяся в государственной собственности в процентном соотношении составляет 17%, находящаяся в собственности ТСЖ – 33% и в частной собственности – 50%

Суммарная площадь административных учреждений составляет 24% торгово-развлекательных учреждений – 14%, суммарная площадь жилья 62%.

Частная собственность не является преобладающей, «средовую конкуренцию» ей могут составить и собственность ТСЖ и государственная собственность.

Площадь жилья преобладает в квартале, площадь административных учреждений составляет четверть и площадь торгово-развлекательных учреждений самая маленькая. Несмотря на это именно они формируют активность квартала.

³ Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. Перевод с английского А.В. Рябушина, М. В. Уваровой. Москва: Стройиздат. 1985. 136 с., илл.

⁴ Розенсон И.А. Основы теории дизайна. Учебник для ВУЗов. – СПб.: Из-во «Питер», 2003 – 216 с.

Эти отношения и определили существующее состояние среды постсоветского квартала.

Будет уместно порекомендовать городским властям при дальнейшей разработке планировки городских кварталов, учитывать понятие постсоветский квартал и корректировать сложившиеся реалии с использованием модели сотрудничества многих сил, сил, представляющих государство, простых граждан и бизнес.

Модернистские принципы планировки микрорайонов не возродить, можно создавать показательные образцовые примеры, но в повседневной жизни наиболее устойчивым типом является описанная выше модель, так как постсоветский квартал отражает суть нашего времени.

Список использованной литературы

Барсукова Н.И. Дизайн среды в проектной культуре постмодернизма конца XX-начала XXI веков. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора искусствоведения. – М.:, 2008.

Вагин В.В. Городская социология: Учебное пособие для муниципальных управляющих – М.: Московский научный общественный фонд, Школа муниципального управления, 2001.

Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. Перевод с английского А.В. Рябушина, М. В. Уваровой. Москва: Стройиздат. 1985. 136 с., илл.

Добрицына И. А. От постмодернизма к нелинейной архитектуре. Архитектура в контексте современной философии и науки. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 416 с., 32 л. ил.

Розенсон И.А. Основы теории дизайна. Учебник для ВУЗов. – СПб.: Из-во «Питер», 2003 – 216 с.

Строительные нормы и правила. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. СНиП 2.07.01-89

Храмова Н.С. Этапы архитектурного наследия города Бишкек. Вестник КРСУ. 2008. Том 8. № 9

Шимко В.Т. Основы дизайна и средовое проектирование. Учебное пособие. Москва, 2007.

Приложение / Схема №1. Застройка квартала

Research-Documentation Lab and Theoretic Seminars

Period: 23 of JUNE-1st of JULY, 2014

Project organizer: Dushanbe Art Ground (Public Foundation "Sanati Muosir")

Participants: Invited participants from Tajikistan, Kyrgyzstan, Kazakhstan and Uzbekistan.

Description:

The purpose of the Research-Documentation Lab and Theoretic Seminars was to share experience and to undertake a comparative analysis of the transformations of public spaces in Central Asian context. The invited participants from Central Asia (Kyrgyzstan, Kazakhstan, Uzbekistan and Tajikistan) confronted their knowledge and project proposals with the local context and the actual status of public spaces in Tajikistan. They worked on the field (individually or in groups) and further developed their research and project proposals, elaborated texts related to the urban transformations in Dushanbe. A number of international curators from Tbilisi/Georgia, Samara/Russia and Honk Kong/China presented recent practices of dealing with the public space and shared their experience in exploring and activating the public space using new approaches and strategies.

Lectors involved in the theoretic Seminars:

Nini PALAVANDISHVILI – curator of GeoAIR, Tbilisi, Georgia, Nelya KORZHOVA - curator of the Shiryaevo Biennale. Samara, Russia, Stefan RUSU – curator of Dushanbe Art Ground, Dushanbe, Tajikistan, Cosmin COSTINAS - Executive Director/Curator of Para Site, Hong Kong.

Theoretic Seminars program:

Lecture (I) title: Undergo. The parallels - an attempt to rethink public space.

Lecturer: Nini PALAVANDISHVILI – curator of GeoAIR, Tbilisi, Georgia

Date: 24th of JUNE

Location: Dushanbe Art Ground

The main objective of “SPACES Undergo the parallels” project was to raise questions and issues, that have become silent. To quote Boris Buden: “Art is a form of publicity, because it explores the possibilities of the public, its new meanings. Art creates a public space and deals with its specific issues through the available possibilities, by making facts visible, by raising questions and issues that not only interrogate the old public sphere, but also generate new forms of publicity.”

Lecture (II) title: **Mapping Vacant Central and Eastern Europe**

Lecturer: Nini PALAVANDISHVILI – curator of GeoAIR, Tbilisi, Georgia

Date: 24th of JUNE

Location: Dushanbe Art Ground

The Vacant Central and Eastern Europe project follows the project VAC (Vacant Central Europe) initiated in 2013 by KEK - Hungarian Contemporary Architecture Centre. It aims to address the problem of vacancy by mapping empty properties, by researching planning instruments and architectural tools and by exchanging experiences and strategies of intervention that make possible the temporary use of empty properties and their conversion for another purpose.

Lecture (I) title: **International contemporary art festival “The Street as a Museum – The Museum as a Street”**

Lecturer: Nelya KORZHOVA - curator, Samara, Russia

Date: 25th of JUNE

Location: Dushanbe Art Ground

The festival “The Street as a Museum – the Museum as a Street” (curated by Nelya Korzhova&Roman Korzhov) is dedicated to

new techniques of interaction between contemporary art and the urban environment. The festival presupposes simultaneous display of contemporary art pieces at public bus stops and in exhibition halls, the main purpose being to define a border between the field of “culture and art” and street space.

Lecture (II) title: **The International Shiryaevo Biennale: «between Europe and Asia»**

Lecturer: Nelya KORZHOVA - curator, Samara, Russia

Date: 25th of JUNE

Location: Dushanbe Art Ground

An important part of the structure is the biennial international art laboratory that conducted the contemporary art experiment in the Russian village for two weeks. The peculiarity of this stage was that during the Biennale the artists lived in the homes of local residents. This condition of “immersion” into the local cultural environment is seen as a method of creating an irrelative or “ideal” environment for artistic expression. The basic idea of such an experiment - to give the artist

a chance to 'start working from scratch', without the pressure of the accumulated image and technologies of the arts market.

Lecture title: What is to be done with public space ?

Lecturer: Stefan RUSU - curator of Dushanbe Art Ground, Dushanbe, Tajikistan

Date: 28th of JUNE

Location: Dushanbe Art Ground

Stefan Rusu introduced CHIȘINĂU - Art, Research in the Public Sphere project – a cross-disciplinary platform established in 2010 that investigated the connections between political and cultural symbols and propaganda and its impact on the urban environment, the interference between personal narratives and imported ideologies and cultural discourses in relation to the public sphere. The artist's projects and interventions in the city of Chisinau explored the dominant institutional and political discourses that have shaped the society and the urban landscape of the city of Chisinau in the course of its recent history. Beside that he introduced the art practice of Joanna Rajkowska and Ewa Rudnizka from Poland, which deals with the appropriation of public space.

Lecture title: A Journal of the Plague Year. Fear, ghosts, rebels. SARS, Leslie and the Hong Kong story.

Lecturer: Cosmin COSTINAS - Executive Director/Curator of Para Site, Hong Kong.

Date: 1st of JULY

Location: Dushanbe Art Ground

A Journal of the Plague Year. Fear, ghosts, rebels. SARS, Leslie and the Hong Kong story started from the events that affected Hong Kong in the spring of 2003, tracing the various narratives, historical backgrounds as well as the implications of these events in relation to the contemporary culture and politics of Hong Kong and the world. The city has a subjectively internalised history of epidemics and of representations in the colonial era as an infected land that needed to be conquered from nature, disease and oriental habits in order to be made healthy, modern and profitable. These narratives culminated with the identification of the bacillus causing the plague during an epidemic in Hong Kong in 1894, in Para Site's current neighborhood. In conjunction with his lecture, Costinas presented a number of artists and projects: Ai Weiwei, Bernd Behr, Natalia Sui-hung Chan, Oscar Chan Yik Long, Yin-Ju Chen, James T. Hong, Irene Kopelman and others.

Guided tour, part of the "Hidden Mosaic" project, with Suleiman SHARIFI – visual artists, Tajikistan. Gulliston Factory, 2014. Foto by Ozar SHARIFI and Jamshed KHOLIKOV.

Presentation of the "Wandering bus stop" project by Jamshed KHOLIKOV - visual artist, Tajikistan. Bus stop on the outskirts of Dushanbe, 2015. Foto by Stefan RUSU

Исследовательско - документационная Лаборатория и Теоретические Семинары

Период: 23 июня - 1 июля, 2014г.

Организатор: Душанбе Арт Граунд (Общественный Фонд «Санъати Муосир»)

Участники: Приглашенные участники из Таджикистана, Кыргызстана, Казахстана и Узбекистана.

Описание:

Цель Исследовательско-документационной лаборатории и Теоретических семинаров состоит в том, чтобы поделиться опытом и провести сравнительный (компаративный) анализ преобразований общественных мест в других контекстах. Приглашенные участники из Центральной Азии (Кыргызстан, Казахстан, Узбекистан и Таджикистан) будут обмениваться опытом, разрабатывать тексты и развивать проектные предложения с учетом местных условий и изменяющегося статуса публичных пространств в Таджикистане. Продолжат своё исследование и документирование (индивидуально, либо в группах) публичных пространств в городской среде, анализируя городские преобразования в городе Душанбе. Ряд международных кураторов из Тбилиси/Грузии, Самары/России и Гонконга/Китай представят современные практики работы с публичным пространством. Они поделятся своим опытом в области исследования и активации общественного пространства, посредством новых подходов и стратегии.

Лекторы Теоретических Семинаров:

Нини ПАЛАВАНДИШВИЛИ - куратор, GeoAIR, Тбилиси, Грузия, Неля КОРЖОВА - куратор Ширяево Биеннале. Самара, Россия, Стефан РУСУ - куратор Душанбе Арт Граунд, Таджикистан, Космин КОСТИНАС- Исполнительный директор / Куратор Para Site, Гонконг.

Программа Теоретических Семинаров:

Лекция (I): Undergo. The parallels

- попытка переосмыслить общественное пространство.

Лектор: Нини ПАЛАВАНДИШВИЛИ - куратор, GeoAIR, Тбилиси, Грузия.

Дата: 24 июня

Место проведения: Душанбе Арт Граунд

Предметом лекции является пространство Undergo. The parallels - проект был создан для того, чтобы поднять вопросы и проблемы, о которых умалчивается. По словам Бориса Будена: «Искусство форма публичности, потому

что она исследует возможности общности, её новый смысл. Искусство создает общественное пространство и имеет дело с ее конкретными вопросами через имеющиеся возможности, путем вынесения некоторых фактов на обозрение, поднимая вопросы и проблемы, которые не только опрашивают устаревшую публику, но и генерируют новые формы публичности».

Лекция (II): Картография Вакантной (пустующей) Центральной и Восточной Европы.

Лектор: Нини ПАЛАВАНДИШВИЛИ - куратор, GeoAIR, Тбилиси, Грузия.

Дата: 24 июня

Место проведения: Душанбе Арт Граунд

Проект Вакантной Центральной и Восточной Европы следует за проектом СЦЕ (Свободная Центральная Европа), инициированный в 2013 году КЕК – Венгерским Центром Современной Архитектуры. Он призван решить проблему свободы путем картографии вакантных (пустующих) пространств, тщательно разрабатывая план, архитектурных инструментов, путем обмена опытом и стратегиями интервенций, которые позволяют временно использовать пустые пространства, преобразуя их, для другого возможного использования.

Лекция (I): Международный фестиваль современного искусства «Улица как музей - музей как улица»

Лектор: Неля КОРЖОВА - куратор, Самара, Россия

Дата: 25 июня

Место проведения: Душанбе Арт Граунд

Фестиваль «Улица как музей – музей как улица» (куратор Неля Коржова и Роман Коржов) посвящен новым методам взаимодействия современного искусства и городской среды. Фестиваль предполагает одновременную экспозицию современных произведений искусства на общественной автобусной остановке и в выставочных залах,

основной задачей которого является определение границы между областями «культуры и искусства» и уличного пространства.

Лекция (II): Международное Ширяевское Биеннале: «между Европой и Азией»

Лектор: Неля КОРЖОВА - куратор, Самара, Россия

Дата: 25 июня

Место проведения: Душанбе Арт Граунд

Важной частью структуры Биеннале является международная творческая лаборатория, проводившая эксперимент современного искусства в русской деревне в течение двух недель. Особенность этого этапа в том, что художники на период Биеннале проживали в домах местных жителей. Это условие «погружения» в локальную культурную среду рассматривается как метод создания абсолютной или «идеальной» среды для художественного выражения. Основная идея такого эксперимента - дать художнику шанс «начать работать с нуля», без давления со стороны накопившегося образа и технологий рынка искусств.

Лекция: Что делать с публичными пространствами?

Лектор: Стефан РУСУ - куратор Душанбе Арт Грауд, Таджикистан

Дата: 28 июня

Место проведения: Душанбе Арт Граунд

Русу познакомит нас с проектом «Кишинев – Искусство, Исследование в Публичной Сфере» - междисциплинарная платформа

осуществленная в 2010 исследовала связь между политическими и культурными символами, пропаганды и его влияние на городскую среду, интерференции между субъективной трактовкой, и внедряемой идеологией и культурными дискурсами в связи с общественной сферой. Художественные проекты и мероприятия в городе Кишиневе исследователи доминирующие институциональные и политические дискурсы, которые сформировали общество и городской ландшафт города Кишинева в процессе своей новейшей истории. Кроме этого он расскажет об активации публичных пространств на примере художественных практик Джоанны Райковской и Евы Рудницкой из Польши, которые занимаются различными аспектами и интерпретациями общественного пространства.

Лекция: Журнал о Чуме года. Страх, призраки, восставшие. SARS, Лесли и история Гонконга.

Лектор: Космин КОСТИНАС – Исполнительный директор / Куратор Para Site, Гонконг.

Дата: 1 июля

Место проведения: Душанбе Арт Граунд

Журнал о Чуме года. Страх, призраки, восставшие. SARS, Лесли и история

Гонконг началась с событий, которые поразили Гонконг весной 2003 года, прослеживая различные версии рассказов, историческое прошлое, а также причастность этих событий по отношению к современной культуре и политике Гонконга и всего мира. В городе есть субъективно усвоенная история об эпидемии и представления о колониальной эпохе, как о зараженной земле, которую необходимо отвоевать у природы, болезни и азиатские привычки, с тем, чтобы быть здоровым, современным и полезным. Эти рассказы завершились отождествлением бацилл, вызвавших чуму во время эпидемии в Гонконге в 1894 году, в том же районе где ведет свою деятельность - Para Site. В связи с обозначенной лекцией, Костинас представит следующих художников и их проекты: Ай Вэйвэй, Бернд Бехр, Наталья Суй-хун Чан, Оскар Чан Йик Лонг, Инь-Джу Чен, Ирен Копельман и др.

Art-Walks in Almaty

Yulia SOROKINA, curator (KZ)

Almaty / Alma-Ata has always been a freedom-loving, cozy city open to innovation. Apparently, its location sets the tone – an active part of the Silk Road, an important meeting place for various goods, cultures, and ethnic groups. Here, in the foothills of the Trans-Ili Alatau, the climate is mild and the weather is good. These historical and climatic factors shaped the architectural concept of Almaty. The town was founded in 1854 as an outpost of Verniy, on the site of earlier historic settlements. Located in a bowl-shaped valley, a new city was planned paying strict attention to the wind rose because its climate was generated in a mountain valley by circulating airflows. This resulted in a very comfortable Hippodamian plan that divides the city into rectangular blocks. This made it possible to further implement a modernist concept of “garden city” in Alma-Ata. Recreational “green” zones were created all over the city: the Government Garden or the Central Park of Culture and Leisure (1856), the Alferov City Grove or the Baum Grove (1894), the Main Botanical Garden (1932) and many others. In general, parks, forests, boulevards and flower gardens cover more than eight thousand hectares in the city. The establishment of green recreational areas around construction sites is still typical of the planning practice in Almaty. Wonderful traditions that today save residents from ecological disaster – the city’s “green lungs” allow it to at least partially solve the problem of traffic-related emissions build-up.

The popular pastime of residents is directly linked with the image of a garden-city. We love to walk around the city, especially in spring, when it is full of flowering apple, apricot, and cherry trees, or in fall, when parks are colored in all shades of yellow and red. Traditionally, all the parks of Almaty are public and are seemingly tailored for a variety of public events. For example, in the M. Gorky Central Park of Culture and Leisure, events used to be held in Soviet times, displaying the best traditions of an up beat Soviet style. Youth tournaments were held in the park stadium, a brass band played on the open-air stage, people danced on the dance floor; seasonal holidays such as the Maslenitsa Festival or the Farewell to Winter were held in the main square of the park. I remember that a show called Luna Park came to the park every year with its “house of horrors” amusement, various kinds of shooting galleries and a toy lottery. In Almaty Park there is also a pond where people could go boating during my childhood, and have a snack in the restaurant on the shore – one of the first restaurants in the city. Generally speaking, in Soviet times the public space of the city provided the public with a standard set of leisure-time spectacles planned by the economics of Soviet times. Perhaps such recreation was more intrinsic to Alma-Ata due to its climatic conditions and abundance of parks.

In addition to the park, there were a number of other places for recreational activities in Alma-Ata during Soviet times. These included, first of all, several cafés. Akku – a cafe on stilts over the pond, featuring weeping willows and actual pairs of swans (now demolished). Real Turkish coffee was brewed here; the cult film Needle, with rock singer Viktor Tsoi playing the title role, was shot here.

Ruslan Getmanchuk "Diogenes and St. Francis at the Zoo"; 2009, action, video (still image), the exhibition Выход/EXIT, Theater ART & SHOK, 2009.
Руслан Гетманчук - "Диоген и Св. Франциск в зоопарке"; 2009, акция, видео (снимок), выставка Выход/EXIT, театр ART&SHOK, 2009.

the street lead to the main "Green" bazaar. These streets also had cult status because they were the center for cultural hangouts in the city. In the 1960s the parents of many of my friends and my father, in particular, demonstrated here a sense of ownership of a modern world culture through the actions of youth sub-cultures. They were mods – young people who imitated Western culture and fashion. They wore tight drainpipe pants, bouffant hairdos, danced the boogie, listened to Louis Armstrong and Ella Fitzgerald, read Hemingway and Updike and simply walked around the Arbat part of Kalinin street (now Kabanbai Batyr), between Furmanov street and Mir street (now Nauryzbai Batyr). The Post-Abai, the Opera and Ballet Theater and the Theater for Young People (which burned down) stood here. The culture-minded Almaty resident had to drink coffee at Akku and eat ice cream at the Theater cafe, of course, after leaving the theater. Young people coming to study at Almaty universities or work in the new scientific research institutes or national cultural centers tried to emulate the most iconic image of cosmopolitans who were regulars at the above mentioned locales.

It seemed like not much changed in the 1990s – the parks, squares, and boulevards were still green, people enjoyed walking around, cafes and restaurants still functioned well. Their number increased. Today in Almaty one can find a restaurant to please any taste, numerous coffee shops sell coffee on the spot and make coffee-to-go, lectures and film screenings are presented in coffee shops, only the cult streets have gone elsewhere and the walking population is lacking in culture. However, with the disappearance of modernist cosmopolitanism, urbanization is gradually losing its position. Almaty city culture is disappearing, washed away by waves of surging low-skilled migrant workers, selling all sorts of things in the bazaars and ad-hoc markets, shouting the names of the bus stops which are often broken, polluting the city by mindlessly throwing garbage around... Almaty is in danger of losing a kind of multicultural face, one that is intelligent, thoughtful, and appreciates beauty, its sense of coziness, and its high-cultural public festivities.

How can this be resisted? Perhaps, in this situation, creative people should once again occupy the forefront of the invisible cultural sphere. In the 1950s, an odd artist, Sergei Kalmykov, walked around Almaty streets, dressed in his own hand-made outfits decorated with lace and bells. When someone in the street asked him why he looked so strange, the artist replied that if the aliens arrived and saw the gray masses, how would they know that thinking people live here? Contemporary artists from time to time follow the legacy of the "last avant-garde of the first call," as Kalmykov called himself. In the history of post-Soviet Almaty, several attempts were made to elevate the cultural topology of the city, to give it, as it were, cult status.

A spontaneous art market on the Arbat can be viewed as an effort to bring culture to public space. In the early 1990s artists benefited from the freedom of entrepreneurship, they could sit in a row along the Arbat and offer passers-by and people nearby to draw their portraits. Later on, artists began selling ready-made paintings here, and it was possible to buy the works of good artists. This to some extent anticipated a gallery movement in Almaty, but with the emergence of art galleries, the Arbat quickly turned into a low-standard ornamental bazaar.

There was also the "Snezhinka" ice-cream café – a small miracle of Almaty proletarian functionalism – a round-shaped, glass-walled building (now demolished). Several streets had cult status and traditionally attracted Almaty pedestrians: Tulebaev, Baiseitova, Gagarin, and the Botanical boulevard. For walking around Almaty, the local Arbat or "Broadway" was always of special importance (part of Zhibek Zholy street / former Gorkiy street, between Ablai Khan/former Communist prospect, and Kunaev street/ former Karl Marx street). This part of the street was an active place for taking walks, central shops were concentrated here, and

With increasing gallery movement, the topography of cultural Almaty was enriched by several poles of attraction. In particular, the first galleries (many of which are now closed) were located in the wings of public buildings: the Tengri-Umai Gallery, was first run in the lobby of the Russian Drama Theater post-Lermontov; the Ular Gallery – on the upper floor of the House of Scientists of the Academy of Sciences; the Voyager Gallery – in the former domestic club; the KOKSEREK Gallery – inside the German Theater (now demolished); the “Tribune” Gallery – in the former grandstands of the Politburo used by Soviet party functionaries during parades in the square (demolished); and the Arch and Asia Art Galleries – in business centers. Each gallery was frequented by a particular circle of artists, giving each area of the city a special character, as if it was shared by artistic interests. In the 1990s, all galleries united once a year for the famous Galleries Parade Festival, bringing all the galleries under the roof of the A. Kasteyev State Museum of Arts, the main art museum of the country. Each gallery exhibited its major accomplishments and put on display its unique character in the museum. Neither before nor after the Galleries Parade have I seen such a gathering of people at an art exhibition – its synergy attracted a huge audience that longed to see new art, to support its artistic idols, which in turn, together, demonstrated a new cultural reality of the nascent art market. Unfortunately, due to economic reasons (excessively high rents for a fledgling art market), most of these galleries were closed. The Galleries Parade project also ended and now there is nothing to show. Recently, the A. Kasteyev State Museum of Arts of the Republic of Kazakhstan has decided to bring art outside the museum. In 2014, in the park area of the museum, a sculpture park was established for displaying works by prominent sculptors of modern-day Kazakhstan. However, this was a one-time action and does not feature a public program. Its location far away from the main public routes and behind the fence of the museum means that the sculpture park is not visited and promoted.

For some time, a non-commercial alternative to galleries and the traditional museum was the Soros Center for Contemporary Art-SCCA-Almaty (now closed), which initiated a series of contemporary art projects in the city, from 1997 to 2010. The Center's public activities with the most potential were two annual exhibitions: the first (1999) and the second (2000) exhibitions. The first annual exhibition, Self-identity: Futuristic Projections, was organized upon the initiative of a group of artists formed around the SCCA, in the former “Moscow” store, which was under repair at the time. The exhibition was held in the dismantled halls of the store, raising important questions about the identity of a new culture in Kazakhstan. Eighteen artists from Kazakhstan exhibited their works, examining the theme of self-identify with respect to their own selves, their family, their city, country, their respective art positions and global art history. The exhibition was organized around the idea of an “art board,” where all the artists were involved in both developing the exhibition concept and the show itself. The team managed to utilize the semi-destroyed space in an organic way, transforming it into a construction site of a new artistic identity for the country. The exhibition was located in the heart of the city, at the intersection of Tulebaev Boulevard and Gogol Street and welcomed a large number of visitors, who came to this pedestrian area of Almaty intentionally or by chance.

The second annual SCCA exhibition, Communications: Experience of Interaction, was organized by the curatorial team in the ninth pavilion of the “Atakent” Exhibition Center (former VDNKh), in an area frequently visited by large numbers of people. For many visitors it was not only their first time experiencing contemporary art but the first time for any kind of exhibition. The exhibition was set up inside a hangar type building and included not only Kazakhstan artists but also participants from other countries: Kyrgyzstan, Russia, Hungary, Bulgaria, etc. The

ArtBatFest Festival - 2013. Georgy Tryakin-Bukharov next to his artwork PeGAZ, 2013.
Фестиваль АртБатФест - 2013. Георгий Трякин-Бухаров на фоне своего объекта PeGAZ, 2013, сквер около Академии искусств им. Жургенова, г. Алматы.

exhibition was structured in such a way that the audience could see the intentions of the artists, thereby entering into a virtual dialogue and communication with them. In this sense, the main message of the exhibition contained in its title was aimed not only at the communication of the art environment, but also at the visitors. Within the framework of the exhibition the curatorial group developed an extensive program of professional conferences, school excursions, volunteer student groups, guided tours, etc. This resulted in record attendance numbers and enormous public interest. The strategic choice of location – the most visited shopping and leisure park in Almaty – predetermined the public traffic volume, and a professionally organized program and broad PR campaign contributed to an unprecedented success.

Over the past few years, further attempts to develop the public spaces of the city have been made. The Art board (Hudsovet), for example, organized an exhibition titled Exit (2010), which examined the interactions between the artist and the city. Artists held their actions on the streets of Almaty and filmed them. The filmed actions were then assembled into one show, which was screened at the ARTISHOK theater, where public discussion of the project also took place. The exhibition program Exit was divided into two parts: archive and laboratory. The archive of collected video works featured public interactive broadcasting events of Central Asian artists of the past. This included the following events: the action by Helena and Victor Vorobiev's Classics Farewell to the People (Istiqlal str. in Istanbul, 1999), which showed the public interacting with wax candle statues of ancient sculptures; Almagul Menlibaeva's video Eternal Bride (2002), showing a performance of the artist walking around Almaty while wearing a bride's dress and her fantastic way of communicating with city residents; the Artist action by the "Armored train" Group, which engaged residents of South-Kazakh cities in a discussion of the artist's personality (2002); Ernst Abdrazakov's work I'm with No One was conducted on the streets of Bishkek during the Tulip Revolution (2005); Natalie Du's performance Caterpillar, in which she moved around the streets of Almaty in costume and tried to enter into a paradoxical dialogue with residents. The Members of the laboratory section focused on the city, bringing the art context into the public topography. Accordingly, Ruslan Getmanchuk went looking for a human and spoke with the eagles at the city zoo (Diogenes and St. Francis at the Zoo, 2009); Sergei Meltzer and the "Eyebrows" group made a graffiti depicting the seven deadly sins on Furmanov street, a main thoroughfare (Eyebrows, 2009); Katya Nikonova decided to create pedestrian crossings with the white traces of her feet in locations where people needed them (Lost in Transition, 2009); Alexander Ugai entered a virtual dialogue with the users of urban garbage bins by marking them with philosophical inscriptions: "Art" – "Non-art" or "Faith," "Hope," "Love." In addition, the members of the Art board filmed the activities of the Kiev RAP group, which staged the Akyn performance, where the real Kazakh Akyn was asked to sing a short history of contemporary art at the Almaty Arbat in his own style. All the actions of the artists were different and addressed the notion of comprehension in various ways. One thing was clear – artists need to communicate with the city and the public is interested in contemporary art; all that is required is bringing the reality of fiction and the reality of the city together.

The next step in understanding the interaction between art and the city was the project Art_City (2011), a competition for the public art, held in Almaty within the network program of the Almaty

Goethe Institute. The fifteen projects of the competition were shown to the public mainly in the hall of the Almaty post office. In the central hall of the post office, where people usually receive parcels and registered letters, the projects were exhibited and the viewers could vote, together with the jury for this or that project dealing with the artistic exploration of urban space. The winners received a grant to implement their projects. Unfortunately, the grand prix project (Composition 128, 2011) by Zhanar Serikpaeva and Aygerim Idrisova, who proposed installing a giant guitar neck on the blank end wall of a residential building in the center of Almaty, was im-

General view of the exhibition "Raum für Raum", open contest and projects in the public space organised by the Goethe Institute. The Central Post Office, Almaty, 2011.
Общий вид экспозиции конкурса проектов в публичном пространстве "Raum für Raum", Главпочтамт г. Алматы, 2011.

possible to realize, since the owner of the building refused to implement it. Nevertheless, a mobile version of the first prize project was incarnated several times in other locations. The artists Aisha Dzhandosova and Asya Tuleshova installed static generator bikes in city parks, which allowed the riders to generate electricity for viewing video programs (Bicycles Project, 2011). The competition showed that, despite the willingness of Almaty residents to accept and perceive public art in this way, there are numerous aesthetic, practical, and legal problems. One of the main problems here are the consequences of the wild privatization of the 1990s, which resulted in many public-use facilities becoming privatized and which are now not always available for use for public purposes.

The problems emerged clearly also in the activities of the ArtBatFest public art festival, which was held in the city for the sixth time. The festival was initially designed and launched by the organizers – the Eurasian Alliance NGO – as an attempt to display contemporary art objects on Almaty streets, centered primarily around the area of the Arbat. Apparently, this was done in memory of a time when artists first ventured out and entered into direct dialogue with the public. But the Arbat area is too eclectic and oversaturated with visual elements – there are a lot of posters, the space is filled with crowds of people walking around and shoppers visiting the stores of this commercial district. As a result, the simple display of art objects on the street looked a little wild and inorganic. Artists did not enter into dialogue with the city but were somewhat in contradiction with it. Artists did not have enough experience with the urban topography and urban scale. The works had to be protected and promoted... However, the audience welcomed the city innovation with enthusiasm – the festival objects were seen by thousands of people. Many people saw the festival artifacts as compelling background material for photographs, in other words the Almaty residents essentially accepted and welcomed the festival. Now the ArtBatFest goes beyond the Arbat limits, it has gained an international status and conducts artistic dialogue between the art world and the city. Every September, the Almaty residents are out walking around with the map of ArtBatFest, looking at the city from the new perspectives offered by various artists. Perhaps in the future the ArtBatFest objects, which are now installed in the city temporarily, will be permanently installed on the streets, forming a kind of specially configured art walk.

Of course, many examples can be given of various events held in Almaty's public spaces – there is also a place for traditional parades and fireworks, and non-traditional street theater and pop contests, mass celebrations in the squares and fairs of agricultural products. The main thing is that the city does not lose its right to make available its streets, parks, squares, and the area to its residents. We would like to maintain Almaty's cultural glory as a city filled with high-quality art events, and a garden city that fulfills the utopian idea of modernism in real life. These days, with all the competing desires, this is not always possible. This is also true because of legal safety issues concerning public spaces, both because of a lack of respect for public cultural heritage and because of the population's lack of culture in general. Squares and front gardens are cut down, irrigation systems are allowed to deteriorate, air circulation is hampered by new buildings, historic buildings are demolished or not reconstructed in accordance with official restoration requirements, brutally altering the original appearance of the city, etc. And yet, despite everything, walks in Almaty are still relevant today.

Арт - прогулки по Алматы

Юлия СОРОКИНА, куратор (Казахстан)

Алматы/Алма-Ата всегда была свободолюбивым, открытым для любых новшеств, уютным городом. Видимо, задавало тон её расположение – на активной веками точке Шёлкового пути, важном месте встречи разных товаров, культур, этносов. Здесь, в предгорьях Заилийского Алатау, мягкий климат и хорошая погода. Такая совокупность исторических и климатических данных сформировала архитектурную концепцию Алматы. Город возник в 1854 году как форпост Верный, на месте более ранних исторических поселений. Расположенный в чашеобразной долине, новый город планировался со строгим учётом Розы ветров, поскольку его климат формируется в условиях горно-долинной циркуляции воздушных потоков. С этим связана очень удобная, гипподамова сетка разбивки города на прямоугольные кварталы. Это позволило в дальнейшем осуществить в Алма-Ате модернистскую концепцию города-сада. В городе постоянно создавались рекреационные «зелёные» зоны: Казённый сад, или Центральный парк культуры и отдыха (1856), Алферовская городская роща, или Роща Баума (1894), Главный ботанический сад (1932), и многие другие. В общей сложности парки, рощи, скверы, бульвары, цветники занимают свыше восьми тысяч гектаров городской территории. В Алматы до сих пор практикуется при планировании объекта застройки обязательно создавать вокруг зелёную рекреационную зону. Замечательная традиция сегодня спасает горожан от экологического бедствия – зелёные лёгкие города позволяют хотя бы частично решить проблему загазованности в условиях транспортной перегрузки.

С образом города-сада связано популярное времяпрепровождение горожан. Мы любим гулять по городу, особенно весной, когда город утопает в цветении яблочных, урючных и вишнёвых деревьев или осенью, когда парки и скверы расцветаются всеми оттенками жёлтого и красного. Традиционно все парки и скверы Алматы носят общественный характер и как будто приспособлены для проведения различных публичных мероприятий. Например, в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького во времена СССР проводились мероприятия в лучших традициях духоподъёмного советского стиля. На стадионе парка проводились молодёжные турниры, на открытой сцене играл духовой оркестр и проходили концерты советской эстрады, на танц-площадке устраивали танцы; на главной площади парка проводились сезонные праздники, такие как Проводы зимы или Масленица. Мне помнится, что каждый год в парк приезжал так называемый Луна-парк, с аттракционами Комнаты страха, различными видами тира и игрушечной лотереи. В алматинском парке также есть пруд, на котором во времена моего детства можно было покататься на лодках, а в ресторане на берегу пруда – перекусить (это один из

первых ресторанов города). В общем можно сказать, что в советские времена публичные пространства города предоставляли гуляющей публике весь стандартный набор зрелищ, запланированный экономикой отдыха советских граждан. Может быть, в Алма-Ате этот отдых происходил более естественно, в силу климатических условий и обилия парковых зон.

Кроме Парка в советское время в Алма-Ате было несколько культовых мест городского отдыха. К ним можно отнести, прежде всего, несколько кафе. Акку – кафе на опорах над прудом с плакучими ивами и настоящими парами лебедей (ныне снесено). Здесь варили настоящий турецкий кофе, здесь снимался культовый фильм Игла, с рок-певцом Виктором Цоем в главной роли. Кафе-мороженое Лыдинка – маленькое чудо алматинского пролетарского функционализма – круглое в плане здание со стеклянными стенами-панелями (ныне разрушено и перестроено заново). Культовыми можно назвать несколько улиц, традиционно привлекавших гуляющих алматинцев: Тулебаева, Байсеитовой, Гагарина и Ботанический бульвар. Для прогулочной Алматы важное значение всегда имел местный Арбат (часть улицы Жибек Жолы/ бывшая Горького, между ул. Аблай хана/ бывший пр. Коммунистический и ул. Кунаева/ бывшая ул. Карла Маркса). Этот участок улицы являлся оживлённым местом променада, здесь сосредоточены центральные магазины, эта улица ведёт к главному «Зелёному» базару города. Культовыми эти улицы являлись ещё и потому, что все они были центром притяжения культурных тусовок города. Родители многих моих друзей, и мой отец, в частности, в 60-е годы демонстрировали здесь свою сопричастность современной мировой культуре через акции молодёжных суб-культур. Они стилизовались, то есть были стилистами – молодыми людьми, подражавшими западной культуре и моде. Они одевали узкие брюки-дудочки, взбивали на голове коки, танцевали буги-вуги, слушали Луи Армстронга и Эллу Фицджеральд, читали Хэмингуэя и Апдайка и просто гуляли по «Арбату» или «Бродвею» - части улицы Калинина (ныне Кабанбай батыра) между ул. Фурманова и ул. Мира (ныне Наурызбай батыра). Здесь же стояли Театр оперы и балета им. Абая и ТЮЗ (сгоревший). Считалось, что культурный житель Алматы просто обязан пить кофе в Акку и есть мороженое в Театральном кафе, естественно, выходя из театра. Молодые люди, приезжая учиться в алматинские ВУЗы или работать в новые Научно-исследовательские институты, республиканские центры культуры, старались соответствовать тому самому культовому образу космополитов, которые были завсегдатями вышеописанных мест.

Казалось бы, мало что изменилось в 90-е – всё так же зеленели парки, скверы и бульвары, гуляли люди, работали кафе и рестораны. Их становилось всё больше, сейчас в Алматы можно найти ресторан на любой вкус, многочисленные кофейни торгуют кофе на месте и на вынос, в кофейнях читаются лекции и показываются фильмы, вот только культовость улиц куда-то испарилась и культуры у гуляющего населения становится всё меньше. Вместе с уходом модернистского космополитизма урбанизация постепенно сдаёт свои позиции. Городская алматинская культура исчезает, смысается волнами нахлынувших трудовых мигрантов без профессии, продающих всякую всячину на базарах и базарчиках, выкрикивающих названия остановок из часто разбитых автобусов, засоряющих город бездумно выбрасываемым мусором... Алматы грозит потеря своеобразного мультикультурного лица города умного, вдумчивого и чувствительного к красоте, и уюту, имеющего высокую культуру публичных гуляний.

Как этому противостоять? Пожалуй, в данной ситуации на передовую невидимого культурного фронта опять выходят творческие люди. В 50-х по улицам Алма-Аты разгуливал странный художник Сергей Калмыков, одетый в собственноручно пошитые костюмы, украшенные тесьмой и бубенцами. Когда кто-нибудь на улице спрашивал его, почему он

Art board (HudSovet) in the ARTSHOCK theater (in the basement of an apartment house), 2009. Image by Alexander Ugay.
Худсовет в театре ARTШОК (в подвале жилого дома), 2009.
Фото Александр Угай

так странно выглядит, художник отвечал, что если прилетят инопланетяне и увидят серую массу, как они поймут, что здесь живут мыслящие люди? Современные художники время от времени следуют завету «последнего авангардиста первого призыва», как называл себя Калмыков. В истории Алматы постсоветской несколько раз предпринимались попытки вывести топологию города на некий культурный уровень или, если хотите, уровень культовости.

Такой попыткой окультуривания публичного пространства можно считать стихийный художественный рынок на Арбате. В начале 90-х годов художники воспользовались свободой предпринимательства, они сидели в ряд вдоль Арбата и предлагали прохожим и гуляющим нарисовать их портреты. Позже там же стали продавать и заранее написанные картины, и можно было купить работы хороших художников. Это в какой-то мере предвосхищало галерейное движение в Алматы, но с возникновением галерей художественный проход Арбата достаточно быстро превратился в низкопробный поделочный базар.

С нарастанием галерейного движения топография культурного Алматы обогатилась сразу несколькими полюсами притяжения. Характерно, что первые галереи (многие из которых сейчас закрылись) располагались в разных частях публичных зданий: Тенгри-Умай галерея сначала работала в вестибюле Русского драматического театра им. Лермонтова; галерея Улар – в верхнем этаже Дома учёных Академии наук; галерея Вояджер – в бывшем дворе клубе; галерея KOKSEREK в помещении Немецкого театра (ныне снесён); галерея «Трибуна» – в помещении бывшей трибуны Политбюро, которую советские партийные функционеры использовали во времена парадов на площади (снесено), галереи Арк и Азия Арт – в бизнес-центрах. К каждой галерее тяготел тот или иной круг художников, придавая особый характер тому или иному району города, как бы разделяя его по художественным интересам. Раз в году все галереи собирались на знаменитый в 90-х Парад галерей – фестиваль, собиравший все галереи под крышей ГМИ им. А. Кастеева – главного художественного музея страны. Каждая галерея выставляла в музее свои главные достижения и демонстрировала свой уникальный характер. Никогда больше, ни до, ни после Парада галерей мне не приходилось видеть такого скопления людей на художественной выставке – синергия объединения собирала огромное количество публики, которая жаждала видеть новое искусство, поддержать своих художественных кумиров, которые в свою очередь, объединившись, демонстрировали новую культурную реальность зарождавшегося арт-рынка. К сожалению, в силу экономических причин (непомерно высокой арендной платы при так и не развившемся арт-рынке) большинство из вышеперечисленных галерей были закрыты. Закрылся и проект «Парад галерей», которому теперь нечего демонстрировать. Сейчас ГМИ РК им. А. Кастеева решил вывести искусство за стены музея. В парковой зоне музея был разбит Парк скульптуры (2014), в котором представлены произведения ведущих скульпторов современного Казахстана. Однако, эта акция носила единовременный характер, не имела публичной программы и находилась в стороне от основных публичных троп, за оградой музея. Как результат – парк скульптур не посещается и не пропагандируется.

Некоммерческой альтернативой галереям и традиционному музею в своё время стал Центр современного искусства Сороса-СЦСИ-Алматы (ныне закрыт), который с 1997 по 2010 годы инициировал ряд проектов современного искусства в городе. Наиболее показательными публичными мероприятиями Центра явились две отчётные выставки – Первая годовая (1999) и Вторая годовая (2000). Первая годовая выставка «Самоидентификация: футурологические прогнозы» была организована инициативной группой художников, сформировавшейся вокруг СЦСИ, в здании бывшего магазина «Москва»,

находившегося в то время на капитальном ремонте. В демонтированных залах магазина была развернута экспозиция, ставившая важные вопросы идентичности новой культуры Казахстана. В выставке участвовали 18 казахстанских художников, сделавших попытку самоидентифицироваться относительно своего «Я», своей семьи, своего города, страны, художественной позиции, мировой истории искусств. Выставка создавалась в режиме худсовета, где все художники участвовали как в разработке концепции, так и в создании экспозиции. Команде удалось органично освоить полуразрушенное пространство и превратить его в строительную площадку художественной идентичности новой страны. Выставка находилась в самом центре города на пересечении бульварной улицы Тулебаева и Гоголя и приняла большое количество посетителей, вольно или невольно попадавших в эту прогулочную зону Алматы.

Вторая годовая выставка СЦСИ «Коммуникации: опыты взаимодействия» была организована кураторской группой в 9-ом павильоне выставочного комплекса «Атакент» (бывшая ВДНХ), в очень посещаемой зоне, где побывало огромное количество народа, многие посетители впервые попали не только на выставку современного искусства, но и вообще на выставку. Выставка развернулась в здании шатрово-ангарного типа и включала в себя уже не только казахстанских художников, но и участников из других стран: Киргизии, России, Венгрии, Болгарии и т.д. Экспозиция была выстроена таким образом, чтобы зритель считывал послания художников, входя с ними в виртуальный диалог-коммуникацию. В этом смысле, основное послание выставки, заключённое в её названии, было направлено не только в коммуникационную арт-среду, но и для зрителя-посетителя выставки. В рамках выставки кураторской группой была разработана обширная программа профессиональных конференций, школьных экскурсий, волонтерских студенческих групп, гидов-экскурсоводов по экспозиции и т.п. Как результат – рекордная посещаемость и интерес публики. Стратегический выбор места – самого посещаемого торгово-развлекательного парка Алматы – predetermined публичный поток, а умело организованная программа и обширная PR акция определили небывалый успех.

За последние несколько лет предпринимались дальнейшие попытки осваивать публичные пространства города. Алматинский Худсовет, например, провёл акцию/выставку под говорящим названием «Выход» (2009), направленную на осмысление взаимодействия художника и города. Художники-участники проводили свои акции на улицах Алматы и снимали свои действия на камеру. Зафиксированные акции были собраны в программу, которая демонстрировалась в театре АРТИШОК, где также проводилось общественное обсуждение проекта. Программа выставки «Выход» делилась на две части: архивную и лабораторную. В архивной части были собраны видео-работы, транслирующие интерактивные публичные акции художников центрально-азиатского региона в прошлом. Сюда входили следующие события: акция Елены и Виктора Воробьёвых «Прощание классики с народом» (ул. Истикляль в Стамбуле, 1999), демонстрировавшая взаимодействие публики с восковыми свечами-скульптурами в виде античных изваяний; видеофильм Алмагуль Менлибаевой «Вечная невеста» (2002), зафиксировавший перформанс-прогулку художницы по Алматы в платье невесты и её фантастическую коммуникацию с жителями города; акцию «Художник» группы Бронепоезд, которая вступила в диалог с жителями южно-казахстанских городов по вопросу личности художника (2002); акцию Эрнста Абдразакова «Я ни с кем», проведённую на улицах Бишкека во время тюльпановой революции (2005); перформанс Натальи Дю «Гусеница», которая вышла в соответствующем названию костюме на улицы Алматы и попыталась войти в парадоксальный диалог с жителями. Участники

The ArtBatFest Festival 2014. Said Atabekov object "Rubik's Cube", 2014 the Square near the Abay Opera and Ballet Theatre, Almaty.
Фестиваль АртБатФест 2014, Said Атабеков объект "Кубик Рубика", 2014, сквер около Театра оперы и балета им. Абая, г. Алматы.

раздела лаборатории уже адресно выходили в город, вынося художественный контекст в публичную топографию. Так, Руслан Гетманчук отправился искать человека и разговаривать с орлами в городском зоопарке («Диоген и Св. Франциск в зоопарке», 2009); Сергей Мельцер и группа «Брови» нанесли граффити с изображением семи смертных грехов на центральной улице Фурманова («Брови», 2009); Катя Никонорова решила создать народный пешеходный переход с помощью белых следов от ног там, где он нужен людям («Трудности перехода», 2009); Александр Угай вошёл в виртуальный диалог с пользователями городских помойных ящиков, промаркировав их философскими надписями: «Искусство» - «Неискусство» или «Вера», «Надежда», «Любовь». Кроме того, членами Худсовета была отснята акция киевской группы Р.Э.П., разработавшей перформанс «Акын», где настоящему казахскому акыну было предложено пропеть в своей интерпретации короткую историю contemporary art на алматинском Арбате. Все выходы художников оказались разными и передавали разные грани осмысления проблемы. Ясно было одно – художникам необходимо общаться с городом, а публике интересно актуальное искусство, просто нужно свести реальность художественную и реальность городскую.

Следующим шагом осмысления взаимодействия искусства и города явился конкурс на публич-арт проект „Арт_Город“ (2011), прошедший в Алматы в рамках сетевой программы Гёте-Института Алматы, и пятнадцать проектов конкурса были показаны публике, в основном, в зале алматинского Главпочтамта. В центральном зале почты, где люди получают посылки и заказные письма, была развёрнута экспозиция проектов и посетители почты могли, кроме всего прочего, вместе с жюри проголосовать за тот или иной проект художественного освоения городского пространства. Призёры получали грант на воплощение задуманного проекта. К сожалению, замечательный гран-при проект („Композиция 128“, 2011) Жанар Серикпаевой и Айгерим Идрисовой, предлагавшим установить гигантский гриф гитары на пустой торцевой стене одного из домов в центре Алматы, было невозможно осуществить, поскольку владелец дома категорически отказался от воплощения проекта. И всё-таки проект, получивший первую премию, был воплощён несколько раз благодаря своей мобильности. Художницы Айша Джандосова и Ася Тулешова установили в парках города статичные генераторы-велосипеды, позволявшие велосипедистам вырабатывать электричество для просмотра видео-программ (проект „Велосипеды“, 2011). В результате конкурса выяснилось, что, несмотря на готовность алматинцев принимать и воспринимать публич-арт в этом направлении, существует масса проблем эстетического, механического и юридического порядка. Одной из главных можно считать последствия дикой приватизации 90-х, в результате которой многие объекты публичного пользования перешли в статус приватизированных и теперь не всегда могут быть использованными для публичных целей.

Проблемы ярко выявились и в деятельности фестиваля публич-арта „АртБатФест“, который проводится в городе вот уже шестой раз подряд. Фестиваль задумывался и начинался организаторами – НПО „Евразийский Альянс“, как попытка вывода на улицу объектов современного искусства и сосредоточение их в основном в зоне алматинского Арбата. Это было сделано, видимо, в память о том времени, когда художники впервые вышли на улицы

Aisha Dzhandosova, Asia Tuleshova, project „Bicycles“, 2011. The project has received 1st prize in the competition public art projects „Art_Gorod“ (2011), in the framework of the network program Goethe Institute in Almaty. ArtBatFest Festival 2014.

Айша Джандосова, Ася Тулешова, проект „Велосипеды“, 2011. Проект получил 1-ую премию в конкурсе публич арт проектов „Арт_Город“ (2011), в рамках сетевой программы Гёте-Института Алматы. Фестиваль АртБатФест 2014.

и вступили в непосредственный диалог с публикой. Но зона Арбата – слишком эклектичное и перенасыщенное визуальными факторами место – здесь пестрит в глазах от рекламных плакатов, пространство загромождено толпой гуляющих и покупателей близлежащих магазинов этой торговой зоны. В результате простое вынесение арт-объектов на улицу выглядело несколько дико и неорганично. Художники не вступали в диалог с городом, а входили с ним в некое противоречие. У художников не хватало опыта работы с городской топографией и городскими масштабами. Произведения нужно было охранять и пропагандировать... Однако публика встретила городское новшество с энтузиазмом – фестивальные объекты увидели тысячи людей. Многие восприняли артефакты фестиваля, как удачный фон для фотографирования на память, то есть по-сути алматинцы приняли фестиваль. Сейчас АртБатФест давно вышел за пределы Арбата, обрёл международный статус и ведёт художественный диалог арт-мира с городом. Каждый сентябрь алматинцы проходят по карте АртБатФеста, обозревая город с новых точек зрения, предложенных разными художниками. Возможно, в будущем объекты АртБатФеста, которые сейчас устанавливаются в городе временно, получат свою постоянную дислокацию на улицах, как будто специально приспособленных для арт-прогулок.

Безусловно, можно ещё долго приводить примеры и перечисления различных мероприятий, проводимых в публичных пространствах Алматы – здесь есть место и традиционным парадам и салютам, и нетрадиционным уличным театрам и эстрадным конкурсам, и массовым гуляньям на площадях и ярмаркам сельско-хозяйственной продукции. Главное, что город не утрачивает своего права предоставлять свои улицы, парки, скверы и площади своим жителям. Хотелось бы сохранить за Алматы славу культурного города, наполненного качественными арт-событиями, и города-сада, претворившего утопическую идею модернизма в жизнь. При всём желании на сегодняшний день это не всегда возможно. И в силу юридической незащищённости публичных пространств, и в силу отсутствия культуры бережного отношения к общественному наследию, и в силу просто нехватки общей культуры населения. Вырубаются скверы и палисадники, приходят в негодность системы орошения, каналы циркуляции воздушных потоков перекрываются новыми постройками, исторические здания сносятся или реконструируются вопреки всем правилам реставрации, варварски меняя первоначальный облик города и т.д. И, всё-таки, несмотря ни на что, прогулки по Алматы не утрачивают своей актуальности.

The Factory Kitchen Chronicles

Nelya KORZHOVA – curator (RU)

Photo source: <http://www.archnadzor.ru/>

The Factory Kitchen is a unique Constructivist monument in Samara, which was designed by Ekaterina Maximova in the shape of a hammer and sickle and built in 1932. Internationally known for its iconic shape, the structure has a concealed symbolism, since these forms are hidden from view. No high-rise public facilities surround it. No one can see it from above.

The Factory Kitchen is a unique phenomenon within the history of Soviet Russia, a monument testifying to the radical changes in the people's vision, an immense conceptual reorientation toward avant-garde notions in society and culture. The Factory Kitchen, born on the crest of discoveries, utopias and tragic mistakes of the revolutionary era, survived the NEP, the Great Patriotic War, and the prosperity, stagnation and collapse of the USSR. Having withstood the general chaos of perestroika, the building complex was miraculously saved from the demolition planned by its most recent Russian owners and is only now returning to its primary role as a center of new culture.

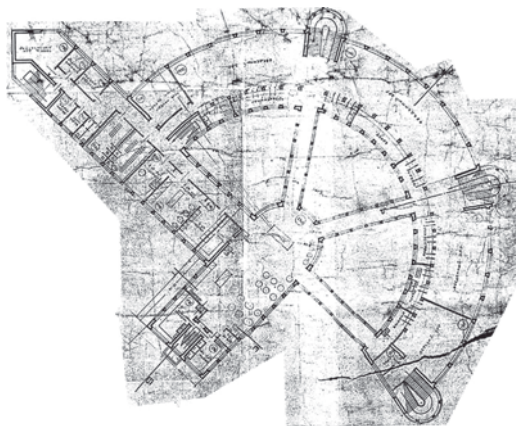
The Factory-kitchen – monument of constructivism, designed by Ekaterina Maximova in the shape of a hammer and sickle, built in 1932. View from above, 2014. Samara. **Photo** by Vitaly Polotov.

Фабрика-кухня памятник конструктивизма, построенный в 1932 году по проекту Екатериной Максимовой в виде серпа и молота. Вид сверху 2014 год. Самара. **Фото** Виталия Политова.

Utopia

The Factory Kitchen opened on January 1, 1932 for the Maslennikov / ZIM/ Plant. The development of the project was entrusted to the young Moscow architect E. N. Maximova.

Initially, her proposal to build it in the shape of a hammer and sickle was rejected because of its high cost, and arguments were made for a simpler version, an L-shaped building. Maximova showed incredible insistence in the fight for her idea, and finally her initial plan was adopted.

Factory-kitchen blueprint. Architect Ekaterina

Maximova. 1932.

План фабрики-кухни. Архитектор Екатерина
Максимова. 1932 г.

On one hand, at the beginning of the Soviet era the “trademark” of hammer and sickle was considered, to phrase it in modern terms, the “proper PR” for the new social ideology. On the other hand, the Factory Kitchen came to embody a brilliant experiment in redesigning the relationship between the individual and the collective by means of architecture. This unique project aimed to build a “new life” by employing the codes and tenets of avant-garde constructivism – and represented a breakthrough in terms of advanced engineering technologies.

An explanatory note by E. Maximova on a draft of the Factory Kitchen project at Plant #42 in Samara reads: “In accordance with your task, the Factory Kitchen is designed for the capacity to produce 9000 lunches simultaneously.”

In the years following the revolution in the USSR, the design of the “Factory Kitchen” project was disseminated throughout the country. As a socio-architectural phenomenon, the design of the building aimed to promote a new type of user, who was presented with a structure for not only changing his daily life but also rethinking his spiritual vision.

“The reorientation towards industrialization required qualitative changes in the system of consumption. Public food had become a prerequisite of this process: a need emerged for consolidated and mechanized enterprises, able to feed large numbers of people with operative efficiency.”

Accompanying this shift came a movement towards liberating women from domestic work.

Also, the “People’s Food” (Narpit) cooperative formed at the time. It broke up individual, private farms, robbing all the owners’ belongings and taking not only their food but also their wives, children, and their livelihoods and forcing them to work in the new public industries. Nevertheless, this tragic aspect of the history of transformation was perceived by many people as a necessary measure imposed for the reconstruction of society as a whole. The farmers recruited as workers, people who had only experienced interiors such as their dark kitchens and who perceived the chambers of the aristocracy or the church refectory glowing with candles light as pinnacles of luxury, had to be compelled to accept the idea of the correct order – now finding themselves in a huge bright room with electricity and a water closet. For such a farmer, now detached from the black earth, even “washing his hands before eating” by using running water was a breakthrough into a new structure of everyday life. The complex of the Factory Kitchen also offered a library, a gym, a post office and shop, and individual diet and children’s areas.

1 <https://ru.wikipedia.org/wiki/Фабрика-кухня>

Parallel History

The Mysterious Destiny of E. Maximova

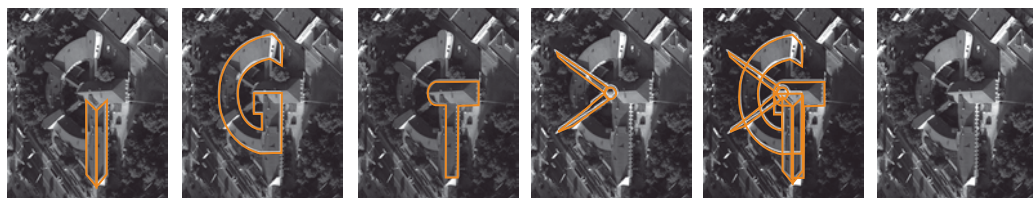
Ekaterina Nikolaevna Maximova, chief architect of the Factory Kitchen came from a very religious family. She was strongly influenced by her brother, Vladimir Nikolaevich Maximov, and followed in his footsteps by becoming an architect. Her brother was favored by the Tzar, who even was the godfather of Maximov's son.

The year 1932 marked the beginning of the second five-year plan, announced as the "solid five-year plan of godlessness." This year also proved fatal to the brother and sister, both accused of belonging to "masonic counter-revolutionary terrorist organizations." The All-Russian Extraordinary Commission for Combating Counterrevolution and Sabotage (ChK), an organization dedicated to suppressing rampant "insubordination," arrested Vladimir Nikolaevich Maximov and his sixteen-year-son Arseniy in April. There was a warrant for Ekaterina's arrest as well, but she tragically died a month earlier under mysterious circumstances, after being caught under the wheels of a train.

Historian Nina Bogaevskaya interprets the Factory Kitchen symbols in Samara as referring to the mystical order of the Masons and embodying a form of Templar symbols.

The Masonic Order flourished in Soviet Russia at the end of the Civil War, during the period of the New Economic Policy. The ideology of the Knights of the Order of Christ was popular in the circles of the creative intelligentsia, as reflected in the novel *The Master and Margarita* by Mikhail Bulgakov. This book became cult literature in the years of the stagnation of the Soviet power, and due to its outstanding artistic merit, it helped bridge the gap between the proletariat and the dissident circles.

The range in the interpretations of the symbols that make up the building clearly illustrates the dialectics of various resistance movements. Beginning with "the red" (workers and peasants) and "the white" (counter-revolutionary), the history and fate of the Factory Kitchen in Samara was ruled by various social groups, often employing opposite symbols, as embodied by the famous line of the Russian revolutionary song "he who was nothing will become everything".

Rationing

The Factory Kitchen in Samara when through several phases of restructuring.

Samara is the largest city in the Middle Volga region of Russia. It was founded in 1586 as a guarded fortress; during the period of 1935–1991 it bore the name Kuibyshev, in honor of the Soviet party and state leader Valerian Vladimirovich Kuibyshev.

These were the years of rapid growth. At the beginning of World War II, Kuibyshev was chosen as an alternate capital city should Moscow fall to the Germans.

During the war, the Factory Kitchen was reconstructed. In 1944 the wrap-around glazing of the façades was blocked, because of difficulties in heating the building, and the façade was restructured in a classic style by Samara architect I. G. Salonikidi. The building took on the quality of a fortress, which better met the demand in Kuibyshev, a major new economic, transport, scientific, educational, and cultural center.

For the city of Kuibyshev the Soviet period was also an era of growth associated with the emergence of a new class of technically-oriented intellectuals, which formed the secret central assembly, and was shaped by the engineering bureaus that worked for the space and defense industries. Kuibyshev was a closed city, with many internal supply structures, including the “Berezka” shops; the word of the day was “shortage.” Shortages defined everything and were implemented as an important policy tool. The Factory Kitchen was very much in demand, serving a city with a population of one million. Apart from the public canteen, the kitchens were operational. The library was closed down, but the sports school was active.

By the 1980s the building was surrounded by a variety of huts and additions. However, its function as part of a planned economy was retained. The strategic purpose of the building and the understanding of food as an instrument of policy and management were perpetuated. With this period of stagnation came the rise of double standards, the strengthening of dissidence, a strange interweaving of “atheism” and the demand for “faith” within the elite intelligentsia.

“Children and Youth Sport School № 5” at the Factory-Kitchen, 1973-75. Photo from the collection of Elena Matygorova.

”Детско-юношеская спортивная школа № 5” на Фабрике-Кухне 1973-75гг. Фото из коллекции Елены Матеровой.

Utopia Again

Finally, the dissident circles won out, and the 1990s brought Perestroika. Not the figure of Woland from the Master and Margarita but Satan and the four horsemen of the apocalypse brought the chaos of the free market to the city, which then took on its former name while the new structures of power and ownership emerged. The building of the Factory Kitchen now included the “Passage” entertainment and shopping center and was divided up and leased to various entities, such as shops, boutiques, banks, and bars. The bars provided bad food, if any food at all. People drank there, daydreamed and sometimes lost themselves in alcohol.

In recalling the period of Perestroika, everyone remembers the lack of food; this instability was the most alarming. But more dominant than hunger was fear. People lost their stable salaries and now recalled almost fondly the days of Soviet rule.

Despite the heady sense of freedom brought by Perestroika, a desire to once again regain a strong position of power developed in the depths of the collective unconscious.

The second reconstruction to the Factory Kitchen took place in the interval 1998–1999. The classic decor of the façade was taken down, and the entire structure was covered with strips of plastic.

This plastic cover was a central source of disapproval. Life began to improve, and European-style economy-class repairs become associated not just with poverty but also with the oppression of the new ruling class. Why plastic panels ended up becoming a symbol of the evil of Europe is unclear. Everyone dreamed about traveling there, or they studied there and bought everything they could, from houses to T-shirts. But no one wanted to accept the fact that our

suppliers imported cheap products. It was during the Perestroika period that a huge amount of plastic waste appeared in the form of disposable tableware and bottles. The new threat of perishing under the garbage of a global industry brought residents together. The experience of loss spurred a fight for the little bit of remaining "indigenous" culture, lifestyle, and environment.

In the mid 2000s, the Factory Kitchen was purchased by the region's largest real estate development company, which wanted to erect a high-rise business and entertainment building to replace the two-story building. In addition, rumors circulated that this plan was pushed forward with the support of the administrative authorities.

The public rebelled. Inspired social protest took shape.

A press conference on the public initiative to preserve the buildings of the former Factory Kitchen was held in Samara in March 2008, at the House of the Architect and originating in the initiative of Samara-Moscow architect Vitaly Stadnikov. It was attended by authoritative international organizations, including DOKOMOMO (Dokomomo-International), the World Heritage Fund, Icomos, UNESCO, CA Russia, and MAPS. The movement to preserve the Factory Kitchen was born.

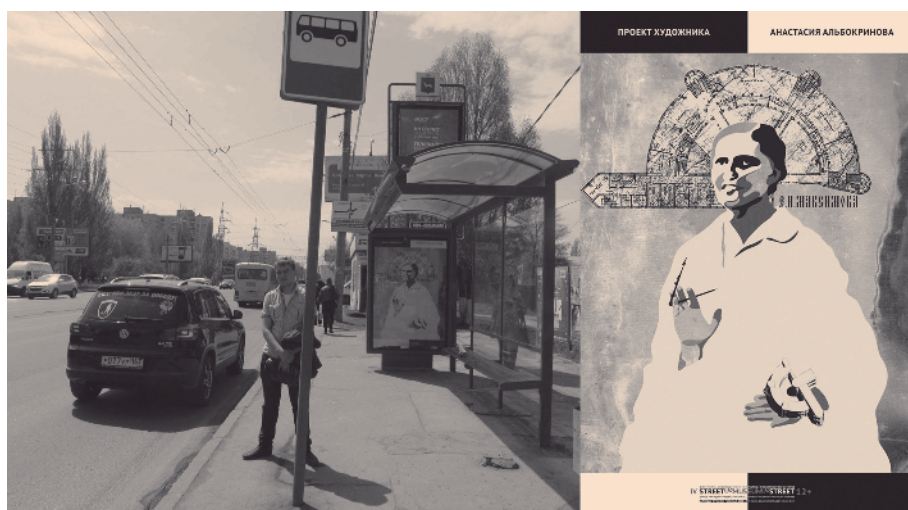
In July of the same year a delegation of the Council of the European Heritage and the Moscow Architecture Preservation Society arrived in Samara. Responding to an invitation from the Samara Architectural University and the movement to preserve the Factory Kitchen, the delegation monitored the losses of historical Samara, a city "considered as part of the European cultural heritage."

People actively participated in the ongoing protests – holding conferences, forming volunteer groups or "subbotniks," and organizing bicycle races. New books on the architecture of Samara were published. Journalists and bloggers and ordinary citizens discussed how to save the unique constructivist monument and to adapt the building for modern use without significant alterations.

In the fight for the preservation of the building, a major role was played by architects, who wanted to protect one of the first buildings with concrete floors in the Volga region and restore its cantilever design.

However, when the question arose as to the new purpose of the Factory Kitchen, all agreed that it should house a Center for Contemporary Art.

Vitaly Stadnikov has meanwhile become a major figure in the city and even served as the city's chief architect of the city in 2013. In 2014 he was an adviser to the mayor. However, during his

fight for the preservation of the Factory Kitchen, Stadnikov faced many obstacles posed by the authorities, and most likely his struggles would have come to nothing, if he had not appealed to the Deputy of the State Duma Alexander Hinshtein, Head of the Committee to Combat Corruption, for support. Alexander Hinshtein played a decisive role in saving the Factory Kitchen from destruction and reached an agreement with the owner of the building to hand it over to the state.

On September 15, 2013, the Minister of Culture of Russia, Vladimir Medinskiy, paid an official visit to the Samara region at the invitation of the Hinshtein. A decision was reached to provide funding for the restoration of the Factory Kitchen and install a new branch of the National Center for Contemporary Art in the building.

Two months later, a meeting of the working group on the conservation of cultural heritage was held in Samara. At this meeting it was decided to set up a branch of the Middle Volga National Center for Contemporary Arts at the Factory Kitchen. One month later, the agreement on the hand-over of the Factory Kitchen, a monument of regional significance to the Samara region, was signed.

In accordance with Order # 1707 of the Ministry of Culture of the Russian Federation dated October 3, 2014, the Middle Volga Branch of the National Center for Contemporary Art (NCCA) was established in Samara.

The History of Contemporary Art in Samara

Despite the fact that Samara has been seen as primarily a city for business, culture was revived in the post-Perestroika city, even though a parallel community of “alternative” people had always existed in the city. The first high-profile organization of contemporary art in Samara was established in 1997. It was called the Regional Public Charity Foundation, Center for Contemporary Art. Its articles of incorporation stated: “the main purpose of the CCA Foundation is the formation of a new concept of public life and experience for a person with cultural interests today.” Roman Korzhov is the Chairman of the CCA Foundation board. Nelya Korzhova is the Artistic Director of the Samara Public Charitable Foundation.

That was a time of change. Perestroika, the fall of the Berlin Wall – Samara acquired the status of an open city, international connections were being actively developed. Through the activities of the Foundation, many social, artistic and charitable projects and programs were implemented. The most famous, the Shiryayev Biennale, has been held consistently from 1999 to the present and has united many Russian international, regional and city partners.

In 2007 the Department of the Volga Branch of the National Center for Contemporary Art opened in Samara. That same year, the NCCA served as the organizer of the Shiryayev Biennale.

Approximately at the same time, Samara experienced a boom in contemporary art. Thanks to the positive attitude of public institutions to this phenomenon, several new institutions have emerged, including the Victoria Gallery, Art Promotion, the Art Center, ARTPOLIS, and XI Rooms. Many more artists, curators, and, most importantly, viewers have recently added vitality to the scene.

The society generally perceives contemporary art as progressive.

The First Project

By June 2015 a project was developed to restore the Factory Kitchen.

However, in the first half of 2015 no funds were allocated for the program of the new NCCA.

The organization has nevertheless been presenting artists since January 2015.

In winter, a major project was launched, titled Volga. Zero, which is curated by N. Korzhova and K. Zacepin. It is a long-term program in the form of personal presentations focused on the discovery, understanding, development, and popularization of the current artistic practices that make up the local artistic communities of the cities in the Volga region.

The project was launched in the unheated halls of the Factory Kitchen, because it was decided that it was important to provide a show of faith in the struggle for a place for contemporary art. Local and international entities had struggled for this. A range of interest groups supported this initiative, in a rare show of unity. The architectural community defended the uniqueness of the building; the city administration called for the restoration of legitimacy, and the residents simply wanted to reclaim the memory of a cult place. Together they agreed that this masterpiece of Constructivism should rouse contemporary art. In other words, the phenomenal resource of the Factory Kitchen consolidated the civil society around the cause. This also means that the contributions made in local contemporary art (the personal achievements of our artists and the projects of institutions ranging from regional public institutions, registered organizations to temporary creative projects) are perceived by the society as a resource for growth – a resource worth promoting. Now the Factory Kitchen is an experimental platform, where one can easily come with family and friends for free, and this friendly atmosphere is valued.

The building is located at the crossroads of the historic city, within the residential areas. Thus, the Factory Kitchen has become a kind of ideological “crossroads”, where not only the past and present of the city, but also the different styles and ways of life meet.

The new branch of the National Center for Contemporary Art in Samara aims to become a major innovation center for contemporary art in the region.

Its exhibition and educational policy as well as the research activities of the Middle Volga NCCA must be built on the implementation of network programs and major exhibitions by the NCCA in addition to other existing and newly-created projects.

The Branch will work to present both new artists and creative producers in addition to exhibiting highly recognized artists. Its mission also includes showing the collections of other institutions, organize the Shiryayev Biennale, conduct regional contests and competitions in the field of contemporary art, host lectures and film screenings for the general public, organize conferences and workshops for professionals and present concerts and performances. The new branch will also include a school of contemporary art for children and adults, a children’s area, an artist residency and publishing program, a media library, its own production base (factory), a coffee club and a book and gift shop.

Providing visitors an opportunity to access the international database on contemporary art the Branch brings together audiences and individuals involved in the creation, development, learning, support, and promotion of Russian contemporary art.

For attracting potential new visitors it is important to preserve not only the architectural look of the building but also the historical structure of its operation by retaining the “concept” of food as key to the history of the building, while reconstructing the Factory Kitchen into a factory of ideas. Not only spiritual food but also actual “food” as a popular media campaign can be used as a brand for the new center. It is worth mentioning that the basic idea of the avant-garde is the introduction of art in everyday life, bringing about a change in consciousness through the most simple and ordinary things and phenomena. Food, as the most essential and unifying medium, could become a gathering point for artists, curators, and the general public, and could serve as the focus of an international exhibition program titled Food: the Medium is the Message.

“The medium is the message,” a statement by Marshall McLuhan, the famous Canadian philosopher of the 20th century, underscores the value of “food” as a concept and practice in the context of artistic projects.

The program will be implemented as a new form of communication with the audience, and articulate food as a genuine material for creating works of art. In today’s gallery and museum practice the structure of cafes and restaurants is traditionally used not only as a place for dining but also as an area of informal communication that encourages people to visit exhibitions.

While developing this strategy, the program involves the visitor in the creative process, while expanding the practice of the artist. Food, in this sense, becomes an artistic environment, where artistic images and real products are used.

The program includes a wide range of interactive exhibition practices using different forms and ideologies in catering, including fast food, fine dining, and the idea of the restaurant in which invited artists create new “products” and methods for their “consumption.”

Хроники Фабрики –Кухни

Неля КОРЖОВА – куратор (Россия)

Фото с сайта <http://www.archnadzor.ru/>

Фабрика-кухня является уникальным памятником конструктивизма в Самаре, построенного в 1932 году по проекту Екатериной Максимовой в виде серпа и молота. Всемирно известная своей знаковой формой, она таит коды своих символов от всеобщего обозрения, в её близости нет высотных объектов общественного назначения. Её никто не видит сверху.

Фабрика-кухня это уникальный феномен истории Советской Власти в России, памятник радикальных преобразований в мировоззрении людей, гигантского разворота мысли в сторону авангарда в социуме и культуре. Фабрика-кухня, рожденная на гребне открытий, утопий и трагических заблуждений революционного времени, пережившая НЭП, Великую Отечественную войну, годы расцвета, застоя и развала СССР, устоявшая от всеобщей разрухи перестройки, чудом спаслась от недавних новорусских владельцев и только сейчас возвращается к своему первичному назначению центра новой культуры.

УТОПИЯ

Фабрика-кухня была открыта 1 января 1932 года для Завода им. Масленникова / ЗИМ/. Разработка проекта была поручена молодому московскому архитектору Е. Н. Максимовой.

Вначале её предложение строить в виде «серпа и молота» было отвергнуто, как чрезмерно дорогое и оспаривалось более простым вариантом с Г-образной формой здания. Максимова проявила невероятную настойчивость в борьбе за свое решение и, в конце концов, к реализации был принят её первоначальный замысел.

С одной стороны, для начала советской эпохи бренд «серпа и молота» был, выражаясь современным языком, самым «правильным пиаром» новой идеологии общества. С другой, Фабрика-Кухня стала воплощением гениального эксперимента в перераспределении соотношений индивидуального и коллективного средствами архитектуры. Это уникальный проект построения «нового быта» через авангардные коды конструктивизма, прорыв в области передовых инженерных технологий.

Из пояснительной записки Е. Максимовой к эскизному проекту фабрики-кухни на заводе №42 в городе Самаре: «В соответствие с вашим заданием, фабрика-кухня запроектирована на 9000 обедов единовременной мощности»

В послереволюционные годы в СССР проект «Фабрика-кухня» был распространен по всей стране. Этот социо – архитектурный феномен был направлен на формирование нового типа потребителя, которому предлагается не только изменить свою повседневность, но и переосмыслить свое духовное мировоззрение.

«Курс, взятый на индустриализацию, потребовал качественного изменения системы потребления. Общественное питание стало необходимым условием этого процесса: назрела потребность в укрупнённых и механизированных предприятиях, способных оперативно накормить большие массы людей».

Параллельно разворачивалась программа «освобождения женщин от домашнего труда».

В это же время был организован кооператив «Народного питания» (Нарпит), разоряющий индивидуальные крестьянские хозяйства, отнимающий у частников последнее, не только еду, но жен, детей, и самую их жизнь, через привлечение к общественному труду новой индустрии. Но всё-таки, эта трагическая часть истории, многими воспринималась как вынужденная мера по переустройству общества в целом. Крестьянин, именуемый теперь рабочим, не выдавший ничего кроме своей тёмной кухни, почитавший венцом роскоши барские покои или мерцающую свечами церковную трапезную, оказавшись в огромном светлом помещении с электричеством и ватерклозетами, реально должен был быть покорен идеей правильного порядка. Для него, оторванного от чернозёма, даже «мыть руки перед едой», используя систему водопровода, было прорывом в новую оболочку повседневности, а в то время как комплекс Фабрики-Кухни предлагал и библиотеку, и спортзал, и почтовое отделение, и магазин, и отдельные диетические и детские зоны.

Параллельная история

Загадочная судьба Е. Максимовой

Екатерина Николаевна Максимова, главный архитектор Фабрики-Кухни, была из очень религиозной семьи. Известно, что она испытывала сильное влияние брата Владимира Николаевича Максимова, и по его стопам приобрела профессию архитектора. Брат был обласкан императором, который согласился быть крёстным отцом у новорожденного сына Максимова.

«1932 г. – год начала второй пятилетки, объявленной «пятилеткой сплошного безбожия», когда громились «масонские контрреволюционные террористические организации» стал роковым и для брата, и для сестры. На подавление разгула “неподчинённых” была брошена Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ЧК).

В апреле арестовали Владимира Николаевича Максимова и его шестнадцатилетнего сына Арсения. Был ордер и на арест Екатерины Владимировны, но она месяцем раньше трагически погибла при невыясненных обстоятельствах под колёсами поезда.

Особое прочтение символов Фабрики-кухни в Самаре, принадлежит историку Нине Богаевской, оно отсылает к мистике «Масонов». По этой версии здание воплотило форму символов Тамплиеров.

Масонство в советской России расцвело по окончании Гражданской войны, во время НЭПа (Новой экономической политики). Идеология рыцарей Ордена Христа витала в кругах творческой интеллигенции, что нашло своё отражение в романе «Мастер и Маргарита» Булгакова. Эта книга стала культовой в годы застоя советской власти и, благодаря своим выдающимся художественным заслугам, играла роль мостка между «пролетариатом» и диссидентствующими кругами.

На примере разной трактовки одних и тех же символов хорошо прослеживается диалектика сопротивлений разных движений. Начавшись с «красного» (рабочих и крестьян) и «белого» (контрреволюционного), на протяжении всей истории ФК в Самаре её судьбу решали разные общественные группы, часто с противоположными знаками, воплощая в жизнь известную строчку песни «кто был ничем, тот станет всем».

Рацио

Фабрика-Кухня, построенная в Самаре, снова вернулась в неё.

Самара – крупный город в Среднем Поволжье России, основанный в 1586 году как сторожевая крепость, с 1935 по 1991 была переименована в Куйбышев, в честь советского партийного и государственного деятеля Валериана Владимировича Куйбышева.

Это были годы бурного роста. В начале ВОВ Куйбышев был признан запасной столицей.

В войну фабрика-кухня была реконструирована. В 1944 году по проекту самарского архитектора И.Г. Салоникиди фасады с ленточным остеклением были заложены, из-за трудностей с отоплением фасад переделали под классику. Здание стало похоже на крепость. И в этом виде оно было более востребовано в Куйбышеве, в новом крупном экономическом, транспортном, научно-образовательном и культурном центре.

Для города Куйбышева советское время – это ещё и эпоха романтики, связанная с рождением нового класса технической интеллигенции, основанием секретных ЦСКБ, работающих на космос и оборонку, в каком-то смысле это была своя «силиконовая долина», где плавилась мозги от знаний о «других» мирах, от секретности и опасности производства. Куйбышев являлся «закрытым» городом со множеством закрытых структур снабжения, магазинов «Березка», культовым словом - «Дефицит». Дефицитным было всё, еда, в первую

Factory - kitchen general view, 2014. Photo by Roman Korzhov
Фабрика - кухня общий вид, 2014 год. Фото Романа Коржова

очередь, она рассматривалась как важный инструмент политики. Комбинат Фабрика Кухня был более чем востребован, он обслуживал миллионный город, помимо столовой, активно работала кулинария, библиотека исчезла, но активно функционировала спортивная школа.

К 80-ым здание обросло множеством пристроек и подсобок. Однако сохранялась плановость, чувствовалось стратегическое назначение объекта и понимание, что Еда – это инструмент политики и управления.

Наступило время застоя, и это было время двойных стандартов, усиления инакомыслия, странного переплетения «атеизма» и запроса на «веру» в элитарной части интеллигенции.

И снова утопия

В конце концов, диссидентствующие круги победили. В девяностые грянула перестройка. И уж не Мастер и не Маргарита, а сам Воланд с четырьмя всадниками апокалипсиса принесли в город хаос свободного рынка, вернув ему прежнее название и выдвинув новых хозяев жизни. И в здании расположился развлекательно-торговый центр «Пассаж». Его поделили на куски, сдавая под разные нужды, магазины, бутики, банки, бары. В барах кормили плохо, или не кормили совсем, там выпивали, мечтали, иногда спивались.

Вспоминая перестроечное время, все помнят нехватку еды, именно эта травма была самой чувствительной. Это был не голод, это был испуг. Люди лишились стабильных зарплат и появился повод вспомнить военные пайки.

И, несмотря на пьянящее чувство свободы, которое принесла перестройка, в глубине коллективного бессознательного стало возникать желание вернуть сильную власть.

В 1998-99гг. произошла вторая реконструкция, классический декор фасадов был сбит, весь объём памятника обшит пластиковой рейкой.

Именно эта пластиковая оболочка и явилась главным раздражителем. Жизнь стала налаживаться и евроремонты эконом-класса стали ассоциироваться, не просто с бедностью, а гнётом нового класса. Почему у нас пластиковые панели стали дурным символом Европы - неясно. Ведь все мечтали о поездках, учились там, покупали всё, что можно, от домов до маек. Но никто не хотел разбираться в том, что наши поставщики завозили эту дешёвую продукцию. Именно в перестройку к нам хлынула гора пластикового мусора в виде одноразовой посуды, ларьков и бутылок. Новая угроза погибнуть под глобальной помойкой глобальной индустрии консолидировала самосознание горожан. Опыт пережитых потерь побуждал к борьбе за то небольшое «своё» в культуре, укладе жизни, экологии.

В середине нулевых, собственником Фабрики-Кухни здания стала крупная девелоперская компания, желающая водрузить вместо 2-х этажного строения рентабельную офисно-развлекательную высотку. К тому же поползли слухи, что эта афера проходит при административной поддержке властей.

Общественность взбунтовалась. Инспирированный этим социальный протест приобрёл реальные черты.

В марте 2008 года в Самаре в Доме архитектора, по инициативе самарско-московского архитектора Виталия Стадника, состоялась пресс-конференция, посвящённая общественной инициативе по сохранению здания бывшей фабрики-кухни, в которой приняли участие

Ekaterina Maximova on a red horse. A series of posters - "Factory-Kitchen". Artist: Anastasia Albockirnova. Size: 1200 x 1500 mm, full-color print, 2014.

Екатерина Николаевна Максимова на красном коне. Серия плакатов «Фабрика-Кухня». Художник: Анастасия Альбокирнова. Размер: 1200 x 1500 мм, полноцветная печать, 2014 г.

дискутировали о том, как спасти уникальный памятник конструктивизма и без существенной переделки приспособить здание под современное использование.

В борьбе за сохранение здания главную роль играли архитекторы, желающие сберечь одно из первых зданий с бетонными перекрытиями в Поволжье, восстановить смелые консольные конструкции. «Огромные горизонтальные проемы с узкими простенками, горизонтальными тягами и характерными конструктивистскими переплетами имитировали ленточное остекление».

Однако когда встал вопрос о новом назначении Фабрики-Кухни, все сошлось во мнении, что здесь должен быть «Центр современного искусства».

Виталий Стадников, стал культовой персоной города и даже занимал пост главного архитектора города в течении 2013 года, в 2014 был советником мэра. Однако, вступив в борьбу за сохранение ФК, Стадников претерпел множество препятствий со стороны властных структур и, скорее всего, дело было бы похоронено в бумажной волоките, если бы он не обратился за поддержкой к депутату Государственной Думы РФ Александру Хинштейну, возглавлявшему комитет по борьбе с коррупцией. Александра Хинштейн сыграл решающую роль в спасении Фабрики-кухни от уничтожения и договорился с владельцами здания о передаче его государству.

15 сентября 2013 года по приглашению депутата состоялся рабочий визит Министра культуры России Владимира Мединского в Самарскую область. Было решено выделить финансирование на восстановление Фабрики-кухни и разместить в ней новый филиал Государственного центра современного искусства.

Через два месяца в Самаре состоялось заседание рабочей группы по сохранению объекта культурного наследия, на котором было принято решение о создании в стенах фабрики-кухни Средневолжского филиала Государственного центра современного искусства, через месяц состоялось подписание соглашения о передаче фабрики-кухни как памятника регионального значения в собственность Самарской области.

В соответствии с Приказом Министерства культуры Российской Федерации от 3 октября 2014 года № 1707 в Самаре создан Средневолжский филиал Государственного центра современного искусства (ГЦСИ).

авторитетные международные организации ДОКОМОМО (Docomomo-International), Фонд мирового наследия (the World Heritage Fund), ИКОМОС (Icomos) и ЮНЕСКО, СА России, MAPS. Было создано движение по сохранению «Фабрики-Кухни».

В июле того же года в Самару прибывает Делегация Совета европейского наследия и Московского общества охраны архитектурного наследия. По приглашению Самарского архитектурно-строительного университета и движения «Фабрика-кухня», делегация проводит мониторинг утрат исторической Самары, где город «рассматривается как часть общеевропейского культурного богатства»

Люди активно участвовали в борьбе: проводились конференции, субботники, велопробеги. Издавались новые книги по архитектуре Самары. Журналисты и блогеры и просто горожане

История современного искусства в Самаре

Несмотря на то, что Самара считается исконно купеческим городом, в послеперестроечное время вновь ожил культ «балясин», в этом городе всегда шла параллельная жизнь людей из «другого кино».

Первая профильная организация современного искусства в Самаре была организована в 1997 году. Это был региональный общественный благотворительный фонд «Центр Современного Искусства». Из устава видно, что «основной целью деятельности фонда «ЦСИ» является формирование новой концепции открытых взаимоотношений личности с культурными инициативами сегодняшнего дня». Председатель совета фонда «ЦСИ» – Роман Коржов. Арт-директор СРОБФ «ЦСИ» – Неля Коржова

Это было время перемен: перестройка, падение Берлинской стены, Самара приобрела статус открытого города, активно развивались международные связи. За время работы фонда были реализованы многие социальные, художественные и благотворительные проекты и программы. Самая известная – Ширяевская биеннале, проводимая с 1999 по настоящее время, сплотившая вокруг много международных российских, областных и городских партнеров.

С 2007 года в Самаре открыт отдел Приволжского Филиала Государственного Центра Современного Искусства, с этого же года ГЦСИ является организатором Ширяевской биеннале.

Примерно в это же время в Самаре наблюдался бум современного искусства, благодаря позитивному отношению к этому феномену государственных учреждений, родилось сразу несколько новых институций этого профиля: галерея «Виктория», Арт-пропаганда, Арт-Центр, «АРТПОЛИС», «ХИ комнат». В последние годы явно прибило художников, кураторов, а главное зрителей.

Обществом в целом феномен Современного искусства считывался как прогрессивный.

Первый проект

К июню 2015 разработан проект реставрации Фабрики-Кухни.

В первом полугодии 2015 в новом ГЦСИ отсутствовало финансирования творческой деятельности.

Однако с января 2015 велась активная художественная деятельность.

Зимой стартовал большой проект «Волга. Ноль» (Кураторы Н.Коржова, К. Зацепин) – долгосрочная программа в формате персональных авторских презентаций, направленная на открытие, осмысление, развитие и популяризацию актуальных художественных практик, образующих локальные художественные контексты городов Поволжья.

Проект запустили в нетопленных залах фабрики-кухни, потому что нельзя потерять веру людей в то, что не зря велась борьба за право «БЫТЬ» современному искусству. За это боролись самые разные слои и местные и международные. И здесь все поддерживали друг друга, что вообще-то редко бывает: архитектурная общественность отстаивала уникальность здания, административные силы ратовали за восстановление законности, а горожане просто хотели вернуть себе память культового места. И все вместе сошлись во мнении, что в этом шедевре конструктивизма должно бытовать современное искусство. А это значит, что именно оно явилось тем феноменальным ресурсом, который консолидировал вокруг себя гражданское общество. Это значит, что заслуги локального современного искусства (это и личные достижения наших художников, и проектная деятельность институций (самых разных институций городских областных, общественных зарегистрированных и работающих как временные творческие коллективы) обществом в целом восприняты как ресурс роста, на который нужно опираться. Ресурс, который

стоит продвигать. Поддержать идею, что мы целостный художественный сплав, который является уникальным самарским проявлением. Сейчас зона Фабрики-кухни служит экспериментальной площадкой, куда можно бесплатно приходить с семьей и с друзьями. Важно создать дружелюбную атмосферу вокруг.

Здание расположено на пересечении исторической части города со спальными районами. Таким образом, Фабрика-кухня становится своего рода идеологическим «перекрестком», где сходятся не только прошлое и настоящее города, но и разные стили и уклады жизни.

Новый филиал Государственного центра современного искусства в Самаре должен стать главным инновационным центром в области современного искусства в регионе.

Выставочно-образовательная политика и научная деятельность Средневолжского филиала ГЦСИ должна быть выстроена на осуществлении как сетевых программ и «больших выставках» ГЦСИ, так и на собственных существующих и вновь созданных проектах.

Филиал будет демонстрировать творчество, как начинающих авторов, так и экспозиции признанных мастеров, репрезентации коллекций других институций, Ширяевскую биеннале, проводить региональные премии и конкурсы в области современного искусства, открытые лекции и кинопоказы для широкой аудитории, конференции и семинары для профессионалов, концерты и перформансы. Также в новом филиале будет школа современного искусства для детей и взрослых, детская зона, резиденция художников, издательская программа и медиатека собственная производственная база (Фабрика), кафе-клуб, книжный и сувенирный магазины.

Создавая возможность широкого доступа к международной базе данных о современном искусстве, филиал объединит зрителей и людей, занимающихся созданием, развитием, изучением, поддержкой и продвижением российского современного искусства.

Для максимальной активации потенциально нового посетителя, реконструируя «Фабрику-Кухню» в фабрику идей, важно сохранить не только архитектурный облик здания, но и историческую структуру его функционирования - «идею» присутствия еды с интерактивным участием зрителей. Не только духовная пища, но и буквально «ЕДА», как один из популярных медиа-образов, может стать брендом нового центра, актуализировать новые вопросы современности. Здесь стоит вспомнить, что основная идея авангарда - это внедрение искусства в оболочку повседневности каждого, изменение сознания через самые простые, обычные вещи и явления. Еда как самое сущностное и объединяющее начало может стать точкой сборки для художников, кураторов и самой широкой аудитории и быть темой международной выставочной программы - «Food: the medium is the message».

«The medium is the message» - высказывание Герберта Маршалла Маклюэна – известного канадского философа 20 века, теоретика воздействия артефактов, как средств коммуникации, помогает в достаточной мере раскрыть значение феномена «еды» в контексте художественных проектов.

Программа будет осуществляться как новая форма коммуникации со зрителем и артикулировать «еду» как повод и реальный материал для создания произведений искусства. В современной галерейно-музейной практике структура кафе и ресторанов традиционно используется не только как зона питания, но и как зона неформального общения, провоцирующая к посещению выставок.

Развивая эту стратегию, программа с одной стороны делает посетителя участником творческого процесса, с другой расширяет практику художника. Еда в этом смысле становится артистической средой, где используются как художественные образы, так и реальные продукты.

Программа включает в себя широкий спектр выставочных интерактивных практик с использованием разных форм и идеологий в сфере общественного питания: «фастфуд», «столовая», «ресторан», где приглашенные художники создают новые «продукты» и способы их «потребления».

Chapter III

Spaces on the Run. Projects
in Dushanbe

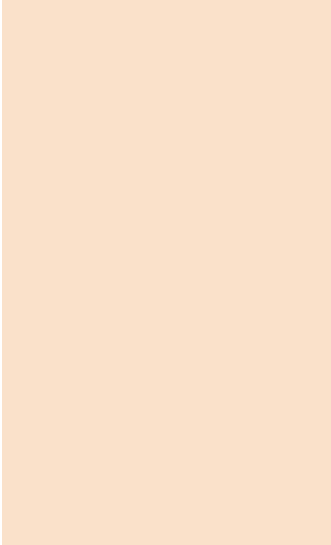
SPACES
ON THE
RUN

Пространства в движении. Проекты в Душанбе

Contents:

Mobile Platform – Ewa RUDNICKA, architect (PL) / Мобильная Площадка – Ева РУДНИЦЬКА, архитектор (Польша)	242/244
My city. Choice – Alexander NICOLAEV, visual artist (UZ) / Мой город. Выбор – Александр НИКОЛАЕВ, визуальный художник (Узбекистан)	246/248
Unrevealed – Aleksei RUMYANTSEV, visual artist (TJ) / Неявление – Алексей РУМЯНЦЕВ, визуальный художник (Таджикистан)	250/252
Dushanbe-Selfie – Surayo TUYCHIEVA, visual artist (TJ) / Dushanbe-Selfie – Сурайе ТУЙЧИЕВА, визуальный художник (Таджикистан)	254/256
The Best Citizens – Bahytjan SALIKHOV, designer, artist (KZ) / Лучшие горожане – Бахытжан САЛИХОВ, дизайнер, художник (Казахстан)	258/260
Wish them luck! – Murod SHARIFOV, visual artist (TJ) / Пожелай им удачи! – Мурод ШАРИФОВ, визуальный художник (Таджикистан)	262/264
Hidden Mosaic – Suleiman SHARIFI, visual artist (TJ) / Скрытая мозаика – Сулейман ШАРИФИ, визуальный художник (Таджикистан)	266/268
Wandering Bus Stop – Jamshed KHOLIKOV, visual artist (TJ) / Блуждающая остановка – Джемшед ХОЛИКОВ, визуальный художник (Таджикистан)	270/272

Ewa RUDNICKA – architect, Poland

Time: 22 October, 2014

Location: The Children's Park

Address: 54 Shohtemur Street, Dushanbe

Mobile Platform

Mobile Platform - two bikes with trailers that trace the streets of Dushanbe to carry equipment and to transform the chosen place into a shelter for gathering, learning, sharing and discovering through a public program. Its character is dictated by the formal rules of Tajikistan's capital – it can exist in the public space for a fleeting moment so it has to transfer as much interesting and important content as possible.

The simplicity, mobility and informal character of this ephemeral art installation encourage the observers not only to look at, but most of all to actively participate in its program. It's an example of „Active Culture“ methodology, where culture involves people into the event for spontaneous reactions, not only for passive observation. The Mobile Platform will quickly disappear after the presentation, just to show up and fit in some new circumstances in urban space, so dynamically and wildly changing in Dushanbe... The Mobile Platform was designed by Ewa Rudnicka in the frame of SPACES ON THE RUN - Mapping, activating, rethinking the status of public spaces in the Central Asian context.

Ewa Rudnicka – architect, lives and works in Warsaw. Graduated from the École Nationale Supérieure D'architecture de Paris-La Villette, involved in interdisciplinary city development projects in France and Poland. She designs and popularises pro-social and artistic actions in the city space. She organises educational programmes and architectural workshops and is especially engaged in the popularisation of temporary and self-construction architecture. She works with architectural groups such as raumlabor_berlin and EXYZT from Paris, as well as the Association of Polish Architects.

Ева РУДНИЦЬКА – архитектор, Польша

Время: 22 Октября, 15.00

Место проведения: Детский Парк

Адрес: ул. Шохтемур 54, Душанбе

Мобильная Площадка

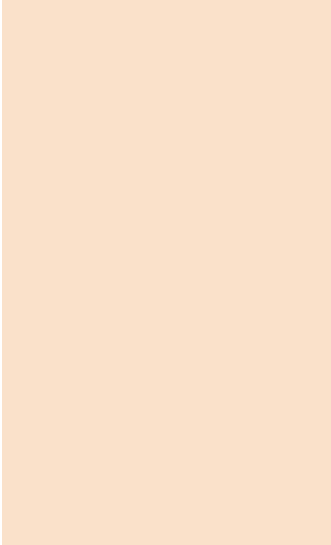
Мобильная Площадка – это два велосипеда с прицепами, которые проедут по улицам Душанбе, провезут оборудование которое полностью изменит выбранное место во временное убежище для встреч, обучения, обмена и открытий посредством публичной программы. Характер этой структуры диктуется формальными правилами столицы Таджикистана, где инсталляция может существовать непродолжительное время в городском пространстве, поэтому она должна передать столько интересного и важного содержания, насколько это возможно.

Простота, мобильность и неформальный характер этой эфемерной арт-инсталляции позволяет наблюдателям не только созерцать, но прежде всего принять активное участие в публичной программе. Это можно сказать один из примеров методологии “Активной культуры”, где культура вовлекает в себя людей не только для пассивного наблюдения, но и в качестве спонтанных реакций. Мобильная Площадка в состоянии быстро исчезнуть после презентации, чтобы показать и вписаться в новые обстоятельства городского пространства, так динамично и дико изменяющемся городе Душанбе...

Мобильная Площадка, разработанная Евой Рудницка произведена в рамках проекта «ПУБЛИЧНЫЕ ПРОСТРАНСТВА В ДЕЙСТВИИ. Картография, активация, переосмысление статуса общественных пространств в Центрально-Азиатском контексте»

Ева Рудницка – архитектор, живет и работает в Варшаве, входит в состав Ассоциации польских архитекторов. Окончила Национальную школу Архитектуры в Париже Ла-Виллет (École Nationale Supérieure D'architecture de Paris-La Villette) участница междисциплинарных проектов развития городов во Франции и Польше. Рудницка разрабатывает и популяризирует про-социальные и художественные акции в городском пространстве. Помимо этого, она организует образовательные программы и архитектурная мастерская и особенно занимается популяризацией временных и само-строительной архитектуры. Рудницка работает с архитектурными группами, такими как Raumlabor_BERLIN и EXYZT из Парижа, а также Ассоциацией польских архитекторов.

Alexandr NICOLAEV – visual artist, Uzbekistan

Period: 25 October, 2014

Location: Cinema 8 March

Address: Rudaki Boulevard

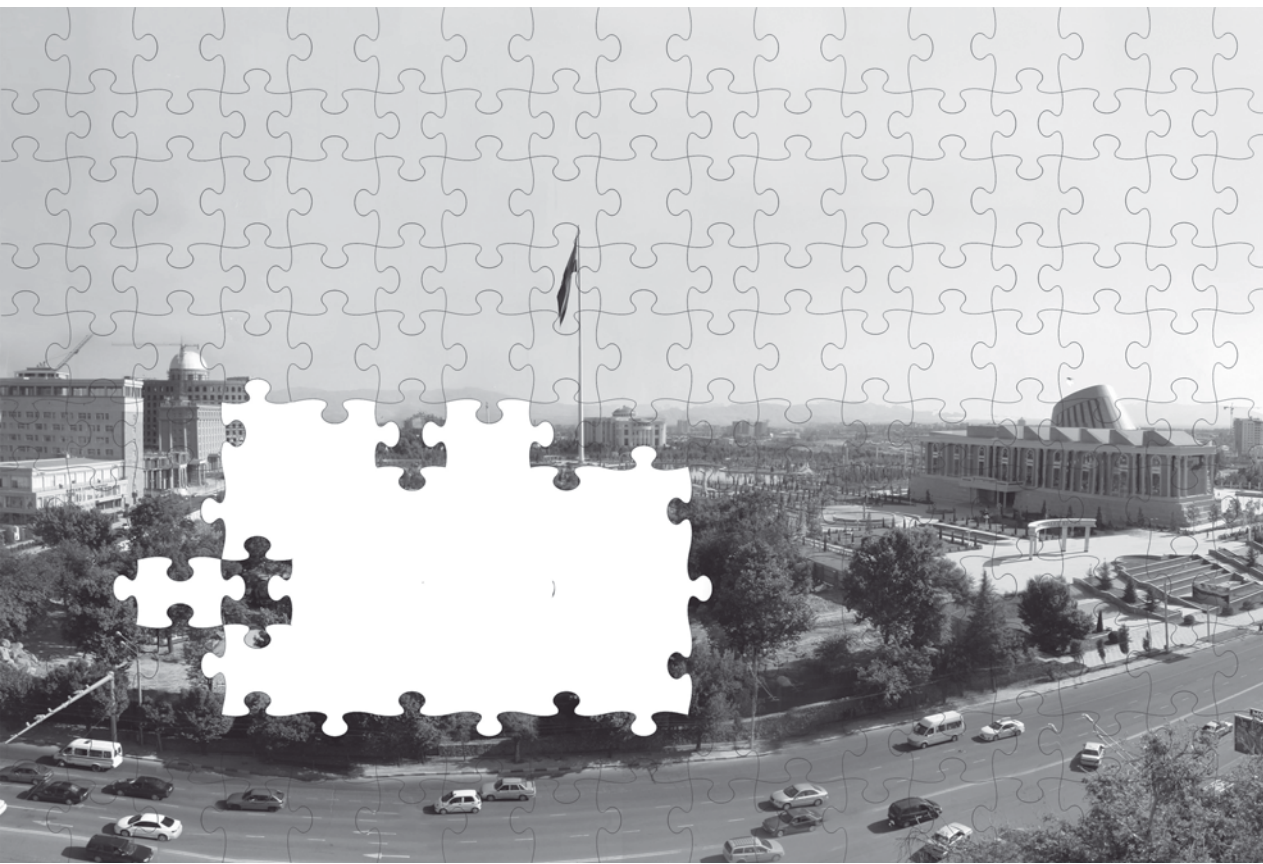
My City. Choice

The Intense development of various construction projects in the former Soviet Union in Central Asia was a way to stand out from the grey sameness of everyday life of the Soviet socialist planned construction and find their own identity, scale and significance. In particular it is important that, in the period after the Central Asian countries became independent, the construction of new buildings defined the shape, structure and functionality of various sites in the urban environment. The result highlights the main tendencies of this development, the construction of which is determined by many factors - priorities, the mentality, the economic situation and other factors.

This type of constructions, such as high-rise buildings (administrative, residential, luxury hotels etc.), together with a mosque or a customary object for Asia (a fountain) becomes, in the end, the vector of state and social development – a secular, business, religious or other. In the project “My City. Choice”, urban construction, difficult and responsible in every sense, here turns into a “PUZZLE” game, in which the participants in the game are the inhabitants of Dushanbe.

Citizens are invited to choose an object - a building, which could be erected in an urban environment, on an empty construction site. There is a choice, between a modern urban building, a mosque and a fountain. The final choice is determined by the preferences of the citizens, who aren't burdened with the tasks of state planning, financing, etc.

The solution to build an object is determined only by the demand and wishes of the local inhabitants and will be decided by the majority of votes. “My City. Choice” project was developed by Alexandr Nicolaev in the frame of “SPACES ON THE RUN - Mapping, activating, rethinking the status of public spaces in Central Asian context”.

Александр НИКОЛАЕВ – визуальный
художник, Узбекистан

Время: 25 Октября, 2014

Место проведения: Кинотеатр 8 МАРТА

Адрес: Проспект Рудаки

Мой город. Выбор

Интенсивное строительство различных объектов капитального строительства в постсоветском пространстве в Центральной Азии – способ выделиться из серой однородности, повседневности советского социалистического планового строительства и обрести собственную идентичность, масштабность и значимость.

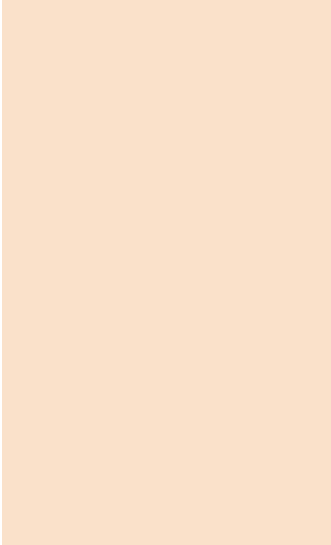
Актуальным становится вопрос строительства зданий, определяющих облик, структуру и назначение различных объектов в городской среде в период после обретения независимости. В результате выделяются основные объекты, строительство которых определяют многие факторы – приоритет развития, ментальность, экономическая ситуация и другие факторы.

Такие объекты как, высотное современное здание (государственное, гостиничное, элитное жилое), мусульманская мечеть или особый для Азии объект - фонтан - приобретает, в конечном счете, вектор государственного и общественного развития – светского, делового, религиозного и т.д.

В проекте «Мой город. Выбор» городское строительство, сложное и ответственное во всех смыслах здесь превращается в игру “PUZZLE”, где участниками игры становятся сами горожане. Горожанам предлагается сделать выбор объекта – здание, которое возможно построить в городской среде, на пустой строительной площадке. На выбор предлагается: современное урбанистическое здание, мечеть и фонтан.

В результате определяются предпочтения горожан, не обремененных задачами государственного планирования, финансирования и т.д. Решение строительства того или иного объекта определяется только востребованностью и желаниями жителей города и побеждает простым количеством голосов. Проект Александра Николаева “Мой город. Выбор” создан в рамках проекта «ПУБЛИЧНЫЕ ПРОСТРАНСТВА В ДЕЙСТВИИ. Картография, активация, переосмысление статуса общественных пространств в Центрально азиатском контексте».

Alexei RUMYANTSEV – visual artist, Tajikistan

Time: 25 October

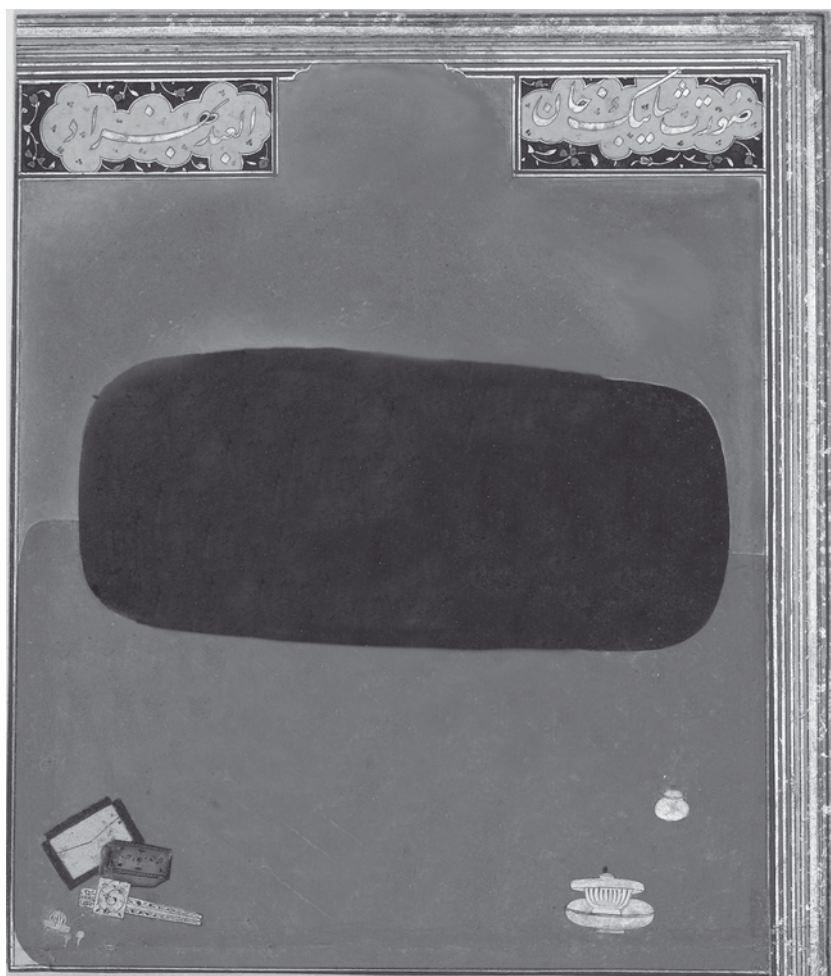
Location: State University of Visual Arts
and Design of Tajikistan,

Address: 31 Ayni Street (entrance from
Lahuty street)

Unrevealed

The building that today belongs to the State University of Visual Arts and Design hosted for about 50 years the Museum of Kamollidin Behzod - a Persian miniature artist, recognized as one of the greatest masters of the Herat school of drawing. During this time, the museum was visited by hundreds of thousands of people and the most striking fact is that for the whole period the museum didn't present any of Behzod's works or even copies. The action-exhibition and performance introduced a number of copies of Behzod's masterpieces, from which all characters were erased, leaving only the backgrounds, views and frames, as if the characters depicted once in his works had never been there, and couldn't appear in front of the audience.

The idea of the project was to restore a "historical justice", because in one way or another the museum once called Behzod should finally present his works. The action – exhibition "Unrevealed" was produced by Alexei Rumyantsev in the frame of "SPACES ON THE RUN - Mapping, activating, rethinking the status of public spaces in Central Asian context".

Алексей РУМЯНЦЕВ – визуальный
художник, Таджикистан

Время: 25 Октября

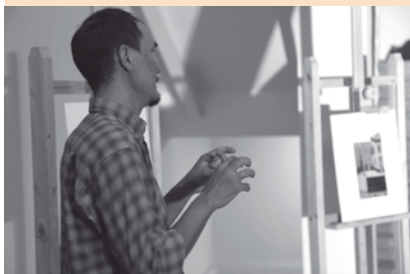
Место проведения: Государственный институт
изобразительного искусства
и дизайна Таджикистана

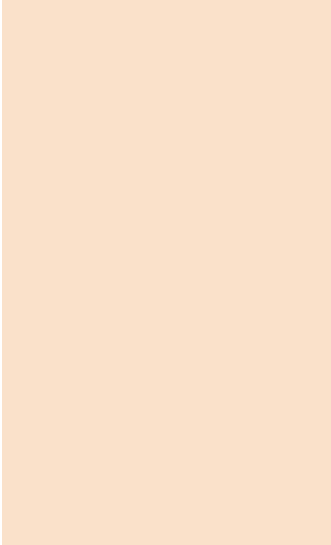
Адрес: ул. Айни 31 (вход с улицы Лахути)

Неявление

Идея проекта состоит в том, что около 50 лет в здании Государственного института изобразительного искусства и дизайна просуществовал музей им. Камоллидинна Бехзода, персидского художника-миниатюриста, признанного одним из крупнейших мастеров гератской школы рисования. За это время музей посетили сотни тысяч людей, но за весь этот период в музее не были выставлены ни работы самого Бехзода, ни копии его работ.

На этой акции-выставке и перформансе автор проекта разместил репродукции Бехзода, с которых удалены все персонажи и оставлены только бэкграунды, пейзажи и рамки, как будто персонажи так и не явились в свою обитель и не смогли предстать перед зрителем. Таким образом, выставка – это своеобразная акция по восстановлению «исторической справедливости», ведь так или иначе на территории института именуемой более полувека музеем им. Бехзода должны появиться его работы. Акция-выставка “Неявление” произведена Алексеем Румянцевым (визуальный художник, Таджикистан) в рамках проекта ПУБЛИЧНЫЕ ПРОСТРАНСТВА В ДЕЙСТВИИ. Картография, активация, переосмысление статуса общественных пространств в Центрально-Азиатском контексте.

Surayo TUYCHIEVA – visual artist, Tajikistan

Period: March-October, 2014

Location: Dushanbe

Address: Rudaki Boulevard

Dushanbe – selfie

After the investigation of urban planning of the city of Dushanbe, I will find out what buildings will be demolished in the next 5-7 years. I did a photo-documentation of the people living in these buildings and/or with passers-by on the background of these sites. Using a special device (a selfie-stick) I walked to the buildings and monuments that will be demolished and took photos of myself with the passers-by and the residents of the apartment buildings; I also did a series of interviews with the inhabitants of those houses/facilities. The idea was to find out how important for them are these buildings/monuments. We do not know which people will be subjected to relocation. In fact my idea was to find out the voices of those inhabitants. After collecting all the information and photo documentation, an edited version will be published in the format of postcards, with photos of the buildings on the front side and an interview with the inhabitants on the reverse side. The selected buildings will become part of a post-card series. Also, the images of demolished buildings will be printed as postcards and will be handed out to passers-by. Thus, the people will understand what buildings are going to be demolished in the near future and we will find out the opinion of residents and will identify those who are not indifferent to these developments. The project “Dushanbe-selfie” was developed by Surayo Tuychieva – visual artist, Tajikistan in the frame of “SPACES ON THE RUN – Mapping, activating, rethinking the status of public spaces in Central Asian context”.

Сурайе ТУЙЧИЕВА – визуальный
художник, Таджикистан

Время: Март-Октябрь, 2014

Место проведения: Душанбе

Адрес: Проспект Рудаки

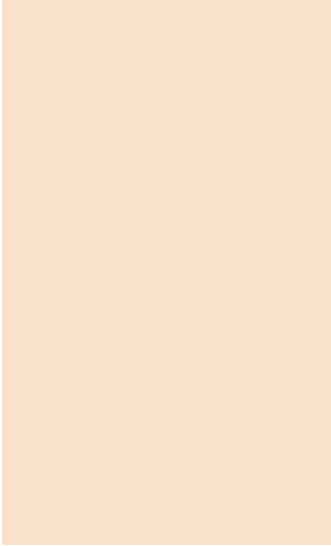
Dushanbe – selfie

Проведя исследование по архитектурному планированию города, было выявлено какие здания будут сносить в ближайшие 5-7 лет. Помимо этого, я фиксировала людей, проживающих в этих зданиях или просто равнодушных людей возможно в последний раз на фоне этих объектов. Имея специальный прибор, в виде метровой палки для Selfie я ходила по сносимым зданиям и объектам, фиксировала себя с прохожими и жителями квартирных домов, также было сделано интервью с жителями этих домов. Моей целью было определить, насколько важен для них этот объект. Так как мы не знаем мнение людей подвергшимся переселению. Я хотела услышать голоса жителей города. К примеру если это будет объект публичного пользования или монумент, я опрашивала прохожих, узнавала их мнение по поводу сноса и насколько этот объект необходим, по их мнению, на данном месте. После того как я получила генплан города, я провела траекторию движения, которая была отображена на карте города.

После сбора всей информации и фотосъёмки, отредактированный вариант будет опубликован в виде открыток с фото на лицевой стороне и с интервью с их историей на оборотной стороне. Каждому объекту будет посвящена открытка. Эти открытки будут распечатаны и будут раздаваться прохожим. Таким образом, жители будут знать какие объекты будут снесены в ближайшее время, узнают мнение жителей и не равнодушных людей к происходящему.

Проект “Dushanbe selfie” Сурайе Туйчиевой – визуальный художник, Таджикистан создан в рамках проекта «Душанбе Арт Граунд» «ПУБЛИЧНЫЕ ПРОСТРАНСТВА В ДЕЙСТВИИ. Картография, активация, переосмысление статуса общественных пространств в Центрально-Азиатском контексте».

Bakhytzhan SALIKHOV – designer/visual artist,
Kazakhstan

Period: 3 June 2015

Location: The Bogy Poitaht Park

Address: 114, Karamov Street, Sino district,
Dushanbe

The Best Citizens

In today's world social stratification takes a new shape. The classic divisions of top and bottom, rich and poor, has migrated into the virtual space of social networks and turned into popular and unpopular, readable and unreadable, etc. etc. But in the recent past we have had our "faces" (Facebook) and that was a "Board of Honor". The persons presented on that wall where proud, respected, all of us listened to their opinions, but sometimes they where also criticized. In this project we intended to create a similar "Board of Honor" for the residents of Dushanbe. This "Board of Honor" aimed to present publicly its best citizens. But none of these people will be chosen, and people will not look at the pictures in the framework... they will look at their own reflection.

The project involves the placement of mirror boards of honor on the streets. The title "The Best Citizens" will be placed above the mirrors. The purpose of the project is to show to the citizens their value in today's society, regardless of their social status or social networks. "The Best Citizens" project was developed by Bakhytzhan Salikhov-designer/visual artist, Kazakhstan in the frame of "SPACES ON THE RUN - Mapping, activating, rethinking the status of public spaces in Central Asian context".

Бахытжан САЛИХОВ – дизайнер / художник,
Казахстан

Время: 3 июня, 2015

Место проведения: Парк Боги Пойтахт

Адрес: ул. Карамова 114, Душанбе

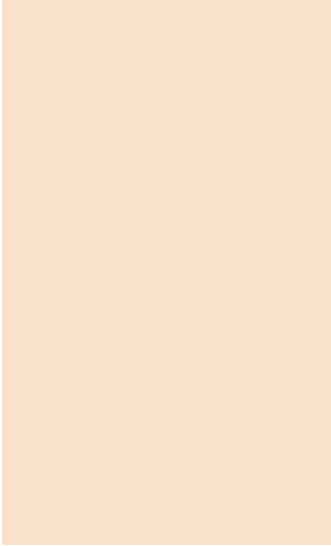
Лучшие горожане

В современном мире расслоение общества приобретает новые формы. Классические верхи и низы, богатые и бедные, переключаясь в социальные сети, превращаются в популярных и непопулярных, читаемых и нечитаемых и т.д. А ведь в недавнем прошлом у нас были свои «книжки» (Facebook) и назывались они просто «Доска почета». Людьми, попавшими на такие доски гордились, их уважали, к их мнению прислушивались, но иногда их же и критиковали.

В своем проекте мы хотим создать необычную «Доску почета» для горожан Душанбе. Эта доска почета будет показывать людям лучших горожан. Но этих людей никто не будет выбирать и люди будут смотреть не на фотографии в рамках... они будут смотреть на свое собственное отражение.

Проект предполагает размещение зеркальных досок почета на улицах города. Над зеркалами будет размещена вывеска из пенополистерола «Лучшие горожане». Цель проекта показать людям их ценность в современном обществе, независимо от их социального статуса или статуса в социальных сетях. Проект «Лучшие горожане» создан Бахытжаном Салиховым – дизайнер/художник, Казахстан в рамках проекта «ПУБЛИЧНЫЕ ПРОСТРАНСТВА В ДЕЙСТВИИ. Картография, активация, переосмысление статуса общественных пространств в Центрально-Азиатском контексте».

Murod SHARIFOV – visual artist, Tajikistan

Period: 3 June, 2015

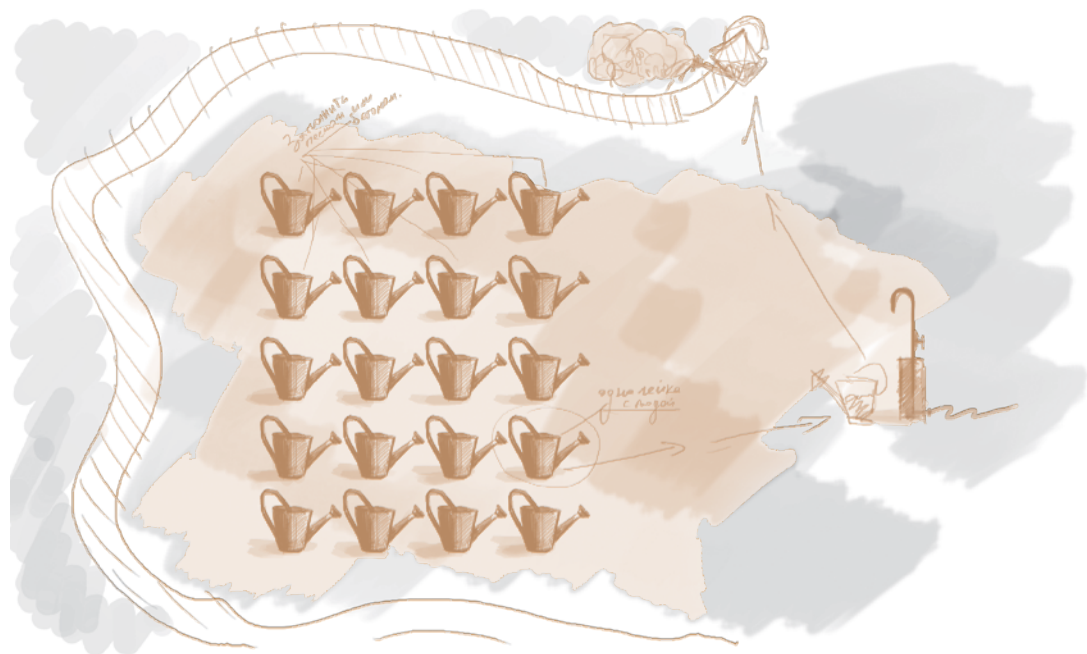
Location: Park Bogoy Poitaht

Address: 114, Karamov Street, Sino district,
Dushanbe

Wish them luck!

Most of the post-Soviet countries develop laws and create social and environmental actions, but in creating all this, they do not provide solutions for solving these problems and do not consult the citizens concerning certain important public issues. But the main problem lies in the fact that when one authority decides to solve a particular problem, the other authority does not give permission, or creates obstacles in solving the issue. For such cases there is always someone who solves these problems through corruption. The project aims to identify the mechanism of bureaucratic corruption activities through interventions in urban space.

In this project, there is a problem and there is a solution, though not everyone is able to find it. In this case, instead of list of tasks we have a number of watering cans filled with sand / gravel signifying the task/problem, and only one watering can is empty and one person who was elected (the corrupt person) can use a watering can, fill it with water and water green spaces, but all those who wish to follow his example (to use the watering can) will face the problem of not being able to solve anything. “Wish them luck!” was developed by Murod Sharifov – visual artist, Tajikistan in the frame of “SPACES ON THE RUN - Mapping, activating, rethinking the status of public spaces in Central Asian context”.

Мурод ШАРИФОВ – визуальный
художник, Таджикистан

Время: 3 июня, 2015

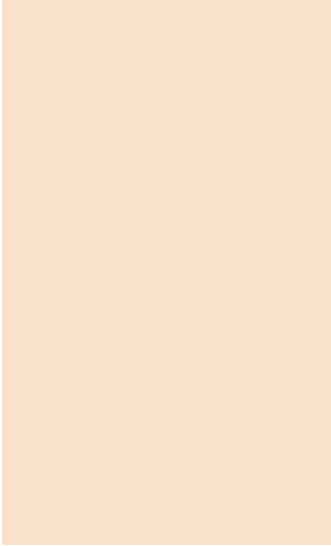
Место проведения: Парк Боги Пойтахт

Адрес: ул. Каримова 114, Душанбе

Пожелай **им удачи!**

Большинство стран постсоветского пространства принимают законы, создают социальные и экологические акции, но создавая это всё они не предоставляют пути решения этих задач, не содействуют и не консультируют граждан для решения тех или иных вопросов. Но основная проблема кроется в том что, когда одна инстанция ставит ту или иную задачу, то другая инстанция не дает разрешения или создаёт барьер в ее решении. Для таких случаев всегда есть персона, которая решает эти проблемы коррупционным путем. Проект направлен на выявление бюрократического механизма коррупционной деятельности посредством интервенции в городское пространство. В этом проекте есть задача и есть ее решение, все же не каждому это решение по силам. В данном случае, в парке выставлены в ряд лейки, (как список задач) заполненные песком или щебнем, символизирующее задачу/проблему, и только одна лейка пустая и один человек тот, кто избранный (коррупцированная персона) может воспользоваться лейкой, наполнить её водой и поливать зеленые насаждения, но в случае если кто-то захочет последовать его примеру (поливать с помощью лейки) столкнется с задачей которую ему невозможно решить. Проект “Пожелай им удачи!” создан Муродом Шарифовым – визуальный художник, Таджикистан в рамках проекта «ПУБЛИЧНЫЕ ПРОСТРАНСТВА В ДЕЙСТВИИ. Картография, активация, переосмысление статуса общественных пространств в Центрально-Азиатском контексте».

Suleiman SHARIFI – visual artist, Tajikistan

Period: 21st of October 2014

Location: The Guliston Textile Factory

Address: Bukhara Street

Hidden Mosaic

The guided tour is focused on the garment factory in Dushanbe. The exterior walls and the main facade of the building are covered with mosaics. The exterior wall of the building bore a monumental mosaic, “Labor”, once overlooking a busy street. Several years ago, on the plot of land between the end of the road and the garment factory a hotel was built, covering entirely the wall with the mosaic. Over a two-month period, Suleiman documented the process of hotel construction, which subsequently covered the mosaic entirely. Today the mosaic is located just about 50 cm between the hotel and the factory buildings and is hidden from the eyes of the passers-by.

An insufficient cultural level of perception regarding the significance and functionality of public space and the impossibility to protect cultural heritage lead to the loss of buildings, art objects and murals from the socialist period, like the “Labor” mosaic, which was a prominent part of the public space of the city; as a conclusion we hope that “Hidden Mosaic” project will raise the awareness concerning the protection of public heritage. At this stage, Suleiman is planning to create a video work, through which he intends to convey this idea to the citizens of other areas of the city where a large part of the monumental Dushanbe mosaics are still intact. The guided tour is part of the “Hidden Mosaic” project developed by Suleiman Sharifi – visual artist, Tajikistan in the frame of “SPACES ON THE RUN – Mapping, activating, rethinking the status of public spaces in Central Asian context”.

Сулейман ШАРИФИ – визуальный
художник из Душанбе

Время: 14.00-15.00, 21 Октября (Вторник)

Место проведения: Текстильная Фабрика Гулистон

Адрес: Улица Бухоро, Душанбе

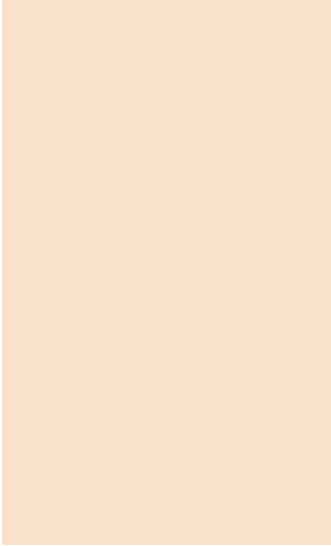
Скрытая мозаика

Маршрут экскурсии: начало у главного фасада фабрики, остановка у мозаики «Праздник», старый корпус фабрики, мозаичный фасад, финальная остановка у скрытой мозаики «Труд». Объект экскурсии: швейная фабрика в Душанбе. Торцы и фасад здания покрыты смальтовой мозаикой. Торец здания, на котором располагалось монументальное мозаичное панно «Труд», выходил на оживлённую улицу. Несколько лет назад на участке земли между торцом и дорогой построили гостиницу, которая скрыла за собой мозаику. Сулейман документировал на протяжении 2-х месяцев процесс постройки гостиницы, которая впоследствии скрыла эту мозаику. Сейчас мозаика находится на расстоянии около 50 см. между зданием гостиницы и фабрики и недоступна взору прохожих.

Недостаточный уровень культуры восприятия публичного пространства и как следствие защиты достояний этого пространства ведёт к утере подобных арт. объектов, как мозаика «Труд», которая являлась заметной частью в публичном пространстве города; и надеется, что проект «Скрытая Мозаика» послужит толчком к осознанию этой проблемы.

На данном этапе Сулейман планирует создать видео работу, с помощью которой представит эту проблему жителям других районов города, где еще сохранилась большая часть монументальных мозаик Душанбе. Экскурсия и проект Сулеймана Шарифи «Скрытая мозаика» произведены в рамках проекта «Душанбе Арт Граунд» «ПУБЛИЧНЫЕ ПРОСТРАНСТВА В ДЕЙСТВИИ. Картография, активация, переосмысление статуса общественных пространств в Центрально-Азиатском контексте».

Jamshed KHOLIKOV – visual artist, Tajikistan

Period: 2 June 2015

Location: Dushanbe

Wandering **Bus Stop**

“Wandering Bus Stop” is a mobile structure that can be transformed into an art platform, which can be placed in various locations around the city, town or village...

“Wandering Bus Stop “ is a format that moves away from the established classical forms of conventional, fixed gallery or exhibition spaces, where the viewer comes to the event.

This mobile platform can be transformed/modified, depending on the needs of the art event or cultural activity, into an exhibition space, space for film screenings, music/sound performances and small theatre productions. In this format, the space itself comes directly to the public to present an event and create a direct interaction.

This platform provides an opportunity for all the talented creative individuals to realize their creative potential in an open space for the audience. It can serve as a venue for artists, photographers, film screenings, theatre plays, performances, chamber concerts and creative meetings with young filmmakers, artists and writers. The project “Wandering Bus Stop” was designed by Jamshed Kholikov - visual artist, Tajikistan, in the frame of “SPACES ON THE RUN - Mapping, activating, rethinking the status of public spaces in Central Asian context”.

Джамшед ХОЛИКОВ – визуальный
художник, Таджикистан

Время: 2 Июня, 2015

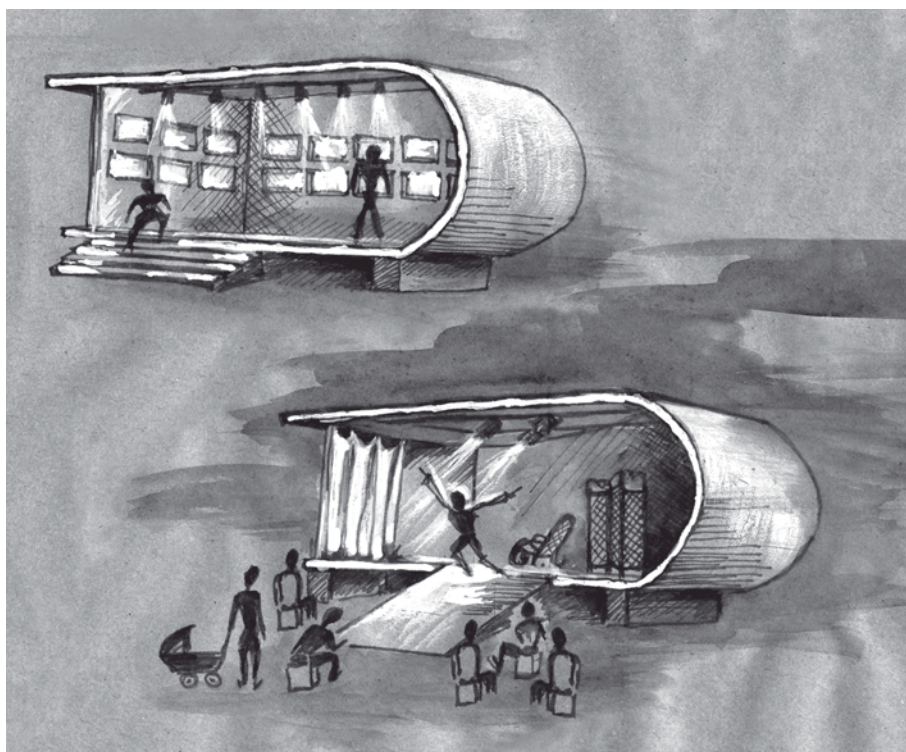
Место проведения: Душанбе

Блуждающая **остановка**

«Блуждающая остановка» – это трансформирующая, передвижная конструкция – арт площадка, которая может перемещаться, внедряться в разные части города, поселка, кишлака...

«Блуждающая остановка» – это формат, который отходит от устоявшихся классических форм, традиционного уклада стационарных галерей, выставочных пространств, концертных и театральных залов, когда зритель приходит на публичное мероприятие. Арт площадка может трансформироваться и видоизменяться в соответствии с функциональностью того или иного мероприятия как то; выставочное пространство, место для кино показов, камерных концертных программ и небольших театральных постановок. В данном формате само событие приходит непосредственно к зрителю на просмотр, к непосредственному диалогу.

Эта площадка дает возможность всем талантливым творческим личностям реализовать свой творческий потенциал в открытом пространстве на суд зрителей. Она может служить местом для событий художников, фотографов, кино показов, театральных постановок, перфомансов, камерных концертов и творческих встреч с начинающими режиссёрами, художниками и литераторами. "Блуждающая остановка" разработана Джамшедом Холиковым (визуальный художник, Таджикистан) в рамках проекта - ПУБЛИЧНЫЕ ПРОСТРАНСТВА В ДЕЙСТВИИ. Картография, активация, переосмысление статуса общественных пространств в Центрально-Азиатском контексте.

Biographies / Биографии

Stefan RUSU (MD), born in 1964, Caietu, Moldova. He is an art manager, curator, editor and filmmaker. Ștefan's art and curatorial agenda is closely connected to the processes post-socialist societies underwent and to the changes that occurred in these societies after 1989. Beginning with 2000 he was involved in the development of the KSAK Center, where he developed curatorial projects and art initiatives. In 2004 he completed an MA in cultural policy and management and mediation at the Belgrade Art University; in 2005-06 he attended the Curatorial Training Program at Stichting De Appel in Amsterdam. Beginning with 2013 he works as a curator at Dushanbe Art Ground, Tajikistan. Currently lives and works in Dushanbe.

Штефан РУСУ (Молдова) является арт-менеджером, куратором, редактором и режиссёром, живет и работает в Душанбе / Таджикистан. Художественная и кураторская практика Штефана тесно связана с процессами изменения постсоциалистических сообществ, которые произошли после 1989 года. Начиная с 2000 г. он принимал участие в развитии Центра Современного Искусства – KSAK, где он разрабатывал кураторские проекты и художественные инициативы. В 2004 году он завершил степень магистра в области культурных политик и менеджмента в Белградском Институте Искусств, в последующие годы 2005-06 был участником Кураторской Программы в Центре Современного Искусства - De Apple в Амстердаме. Начиная с 2013 года сотрудничает в качестве куратора с центром Душанбе Арт Граунд, Таджикистан. В настоящее время живет и работает в Душанбе.

Victor DUBOVITSKIY (TJ), born in 1954 s. Novosergievka in the Orenburg region (Russian Federation). After graduating from high school, fascinated by the East, he moved to Tajikistan. In 1976 he graduated from the history department of the Tajik State University. Since 1980 works at the A. Donisha Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan; from 1990. to 2012 – deputy Director of research division of the Institute; currently – the head of the Department of the History of Science & Technology of the Institute. In 1989 V. Dubovitsky defended his thesis on the topic “The activities of the Turkestan Department for the Study of the Russian

Geographical Society in Tajikistan (1897-1917)”, later in 2004 he defended his doctoral thesis - “The history of the formation of geopolitical relations between Russia and Central Asia for the period 1700-2002”; author of two books (one - in collaboration), the study of the Tajik Diaspora (as co-author) “Tajiks and the Tajiks abroad”, the popular scientific book “At the Gates of the East” (Dushanbe, 2011), (co-author), which was translated and published in Tajik («Дар дарвозаи Шарк») one year after the publication; the historical novel “Stalinabad Symphony” (Dushanbe, 2014) (as co-author). V. Dubovitsky – won the prize of the Union of Journalists of the Republic of Tajikistan (2010); the results of the competition held for the 65th anniversary of the Victory in the World War II). Lives and works in Dushanbe.

Виктор ДУБОВИЦКИЙ (Таджикистан) родился в 1954г. в с.Новосергиевка Оренбургской области. После окончания средней школы, увлекшись Востоком, уехал в Таджикистан. В 1976г. окончил исторический факультет Таджикского государственного университета. С 1980г. работает в Институте истории, археологии и этнографии им. А.Дониша АН Республики Таджикистан: с 1990г. по 2012г. – зам. директора по научной работе Института; ныне – зав. отделом истории науки и техники Института. В 1989г. В.Дубовицкий защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Деятельность Туркестанского отдела РГО по изучению территории Таджикистана (1897-1917гг.)»; в 2004г. защитил докторскую - «История формирования системы геополитических взаимоотношений между Россией и Средней Азией в период 1700-2002гг.»; автор двух монографий (одна – в соавторстве), исследования о таджикской диаспоре (в соавторстве) «Таджики и таджикистанцы за рубежом», научно-популярного сборника «У врат Востока» (Душанбе 2011г.) (в соавторстве), который через год после выхода в свет переведен и опубликован на таджикском языке («Дар дарвозаи Шарк»); исторического романа «Сталинабадская симфония» (Душанбе, 2014г.) (в соавторстве). В.Дубовицкий – лауреат премии Союза журналистов Республики Таджикистан (2010г. по результатам конкурса, проведенного к 65-летию Победы в ВОВ). Живет и работает в Душанбе.

Madina JUNUSSOVA (KAZ), is an international expert working in the areas of Urban and Regional Planning, Environmental

Protection and Local Governance. She is a National Delegate for Kazakhstan in the International Society of City and Regional Planners (ISOCARP). Since 2004, she has been working as an independent consultant providing professional assessments for the local planning companies, local and national government of Kazakhstan, as well as international institutions. Madina was involved in the local development projects (Kazakhstan, Uzbekistan and Kyrgyzstan) financed by the World Bank, the Asian Development Bank, the Food and Agriculture Organization of the United Nations, the German Federal Enterprise for International Cooperation and etc.

Madina believes that for being a good planner it is important to be engaged in the continuous process of learning and cooperation. She equally respects practical experience and academic, theoretical research. She started her university education from architecture and urban design and then continued her post-graduate studies on urban and regional planning. In 2012, Madina got a scholarship provided by the Development Faculty of the cross-border University of Central Asia (UCA) and now she is doing her PhD in Public Policy at the School of Public Policy and Administration of Carleton University. The topic of her research is “Local Government and Economic Development in Kazakhstan”. In parallel, Mrs Junussova serves as the Research Fellow at the Institute of Public Policy and Administration of the UCA. She lives and works in Almaty.

Мадина ДЖУНУСОВА (Казахстан) - международный эксперт, специализирующийся в сферах городского и регионального планирования, охраны окружающей среды и местного управления. Она является национальным делегатом, представляющим Казахстан в Международном Сообществе Городских и Региональных Планировщиков (ISOCARP). С 2004 года, Мадина представляет услуги индивидуального консалтинга для местных компаний занимающихся планированием, органов местного и национального управления Казахстана, а также международных организаций. Она участвовала в работе над проектами, инициированными при поддержке Всемирного банка, Азиатского банка развития, Продовольственной и сельскохозяйственной организацией Объединенных Наций, Германского общества по международному сотрудничеству и др (в Казахстане, Узбекистане и

Кыргызстане). Быть хорошим планировщиком для Мадины означает быть вовлеченной в непрерывный процесс обучения и сотрудничества. Для нее одинаковое значение имеет практический и академический, теоретический опыт. Она начала свою карьеру как архитектор и градостроитель, далее продолжила свое обучение в аспирантуре в сфере городского и регионального планирования. В 2010, она защитила кандидатскую диссертацию и ей была присвоена степень кандидата архитектуры. В 2012 году, в рамках программы Университета Центральной Азии (УЦА), направленной на формирование кадрового состава, Мадина получила гран для прохождения докторской программы (PhD) в сфере общественной политики (Public Policy) в стенах Школы общественной политики и администрирования. Темой ее докторского исследования является «Роль муниципалитетов и экономическое развитие в Казахстане». В данный момент, г-жа Джунусова является научным сотрудником Института общественной политики и администрирования УЦА. Живет и работает в Алматы.

Yelena TYO (KAZ), has graduated in 2009 as an architect, lives and works in Almaty. She took a course in civil architecture at the Kazakh national technical university. During studies and after she took part in international workshops on urban planning in Almaty, Kazakhstan (2006), in Algiers, Algeria (2007) and in Moscow (2014). At the same time she worked for an urban planning company. After graduation she decided to return to her visual artistic vocation and took part in several exhibitions dedicated to the city and urban environment. Yelena then switched to the media field, where she has worked as a designer and 2d animator. Today she uses different types of experience and knowledge in her artwork and animation. She takes part in experimental projects related to development of public spaces in her own city, where the fields of art and architecture meet. That's the point Yelena wants to study thoroughly in the nearest future.

Елена ТЁ (Казахстан) получила степень бакалавра архитектуры в 2009 году, закончив Казахский национальный технический университет (кафедра архитектуры). Ещё во время учёбы она стала участвовать в различных воркшопах и летних школах, проводимых совместно с международными организациями планировщиков: летняя школа в Алматы, Казахстан (2006), воркшоп в Алжире, Алжир (2007). А также и после учёбы: воркшоп, проводимый ISOCARP в Москве (2014). Во время учёбы началась также и реальная работа в градостроительной сфере.

После окончания учёбы Елена решает обратиться к искусству, и принимает участие в конкурсах и выставках, связанных с организацией городской среды. В это время она переходит работать в сферу медиа, где занимается дизайном и 2d анимацией. На сегодняшний день она пытается совмещать полученные знания и применять их в своих работах, например, участвуя в проектах по развитию общественных пространств в её родном городе Алматы. Здесь сходятся сферы искусства и архитектуры, что представляет интерес для более глубоко изучения в ближайшем будущем. Живет и работает в Алматы.

Natalia ANDRIANOVA (KZ), was born in 1971 in Frunze. Beginning with 1988 she studied at the Architecture Faculty of the Frunze Polytechnic Institute, and in 1994 defended her thesis «Renovation of the gravel pits in the South of Bishkek under the multi-function recreation area» (supervised by prof. Y. Smirnov). She was a participant of the 54th edition of the Venice Biennale (Pavilion of Central Asia «Lingua Franka. Frank Tilly» 2011), the VI-th Tashkent Photo Biennale 2012, the art project «Kyrgyzstan 2010», the exhibition «Stripped History», 2011 and other events. She is a permanent participant at the Bishkek April Fools art festivals. Besides that, she curated a number of projects such as: «Generation «bl» 2008, «Bishkek Face» 2003, «Here and now» 2011-14, «corruption and Me» 2014, «Art-positive» 2010 (the last one - together with Gamal Bokonbaev). For seven years she taught at the «Design of architectural environment» department at the Faculty of Architecture of the Kyrgyz-Russian Slavic University in Bishkek, communicating with students and enhancing ideas and speech. In recent years her sphere of interest has moved / changed towards projects in the field of social poster, photographs and research on the architectural history of Bishkek. Lives and works in Bishkek.

Наталья АНДРИАНОВА (Кыргызстан) Родилась в 1971 году во Фрунзе. Поступила в 1988 на архитектурный факультет Фрунзенского политехнического института, защитила дипломную работу «Реновация гравийных карьеров на юге Бишкека под многофункциональную зону отдыха» (руководитель проф. Ю.Смирнов) в 1994 году. Участница 54-ой Венецианской биеннале (павильон Центральной Азии «Lingua Franka. Франк Тили» 2011), VI-ой Ташкентской Фотобиеннале 2012, арт-проекта «Кыргызстан 2010», выставки «Непарадная история» 2011 и ряда других событий. Постоянная участница Бишкекских перво-апрельских арт-фестивалей. Выступала как куратор в проектах:

«Поколение «bl» 2008, «Лицо Бишкека» 2003, «Здесь и Сейчас» 2011-14, «Я и коррупция» 2014, «Арт-позитив» 2010 (последние три - совместно с Гамалом Боконбаевым). Семь лет с удовольствием преподавала на кафедре «Дизайн архитектурной среды» Архитектурного факультета Киргизско-российского славянского университета в Бишкеке, в общении со студентами оттачивая идеи и слова.

Сфера интересов в последнее время сместилась/уточнилась в сторону проектов в области социального плаката, фотографии и исследований по архитектурной истории Бишкека. Живет и работает в Бишкеке.

Abdumannop ZIYAEV (UZ), was born in 1949 in Tashkent. He graduated from the Polytechnic Institute, and later completed postgraduate and doctoral studies in architecture. Lives and works in Tashkent. Since 1999 he is a Member of the International Academy of Architecture of Eastern Countries.

The main focus of his scientific activity - the urbanization of cities in Central Asia and their development in ancient, medieval and modern times. Some aspects of this study include historical ensembles, old residential areas and modern urban complexes. His works include the monograph - «Tashkent in ancient times, the Middle Ages and Modernity» (in three volumes). His recent monograph, «The bazaars of Tashkent», is devoted to little-known sides of town shopping facilities, the periods of their formation and development, the characteristics of urban planning in the town markets, their functions at the current stage. Abdumannop is the author of nine published brochures, as well as of a dozen scientific papers published in journals and collections in his home country and abroad.

Абдуманноп ЗИЯЕВ (Узбекистан) родился в 1949 г. в Ташкенте. Окончил Политехнический Институт, аспирантуру и докторантуру по специальности архитектура. Живёт и работает в Ташкенте. С 1999 года член-корреспондент Международной Академии архитектуры стран Востока. Основное направление научной деятельности – урбанизация городов Центральной Азии в древний, средневековый и современные периоды развития. В аспекты изучения входят исторические ансамбли, старые жилые массивы, современные градостроительные комплексы. В число выпущенных крупных трудов входят монографии – «Ташкент в древности, средневековье и современности» (в трех томах). Монография «Базары Ташкента», посвящённая малоизученным сторонам торговых объектов города, периоды их становления и развития,

градостроительные особенности рынков города, их функционирование на современном этапе. Автором изданы девять брошюр, и опубликованы несколько десятков научных статей в журналах и сборниках у себя и зарубежных странах.

Gulbara OMOROVA (KZ), born in 1987; she is a researcher, public space civil activist, works in the POLIS ASIA Analytical Center; graduated from the Academy of Management under the President of the Kyrgyz Republic, Master Program on Management. She also worked at the Bishkek Contemporary Art Center as a project coordinator of the Project of Biocultural Legacy and Identity at the Nomadic Art Camp, participated at the From Past to Future Comparative Art Exhibition with the installation Plastic Legacy for Future Generation, at the Identity and Biocultural Legacy Contemporary Art Exhibition with the art installation Women Migration from Kyrgyzstan at the Kyrgyz National Museum of Fine Arts. She has researched public spaces in the cities of Bishkek and Dushanbe within the project of Dushanbe Art Ground Spaces on the Run. Cartography, Activation, Rethinking of Status of Public Spaces in the Central Asian Context; co-founder of the "MOTION" ecologic movement of mountain tourism in Bishkek, Kyrgyzstan. Lives and works in Bishkek.

Гульбара ОМОРОВА (Кыргызстан), родилась в 1987г., исследователь, гражданский активист публичных пространств работает в Аналитическом Центре «Полис Азия». Окончила Академию Управления при Президенте КР, магистерскую программу по направлению «Менеджмент». Работала в Бишкекском Арт Центре Современного искусства координатором проекта Nomadic Art Camp. Принимала участие на выставках современного искусства «От Прошлого в Будущее», с инсталляцией Пластиковое наследие будущему поколению, «Идентичность и био-культурное наследие» с художественной инсталляцией «Миграция женщин из Кыргызстана» в Кыргызском Национальном Музее Изобразительных Искусств. Исследовала публичные пространства в городах Бишкек и Душанбе в рамках проекта «Душанбе Арт Граунд» ПУБЛИЧНЫЕ ПРОСТРАНСТВА В ДЕЙСТВИИ. Картография, активация, переосмысление статуса общественных пространств в Центральноазиатском контексте». Соучредитель Экологического движения горного туризма «Motion» Бишкек, Кыргызстан. Живет и работает в Бишкеке.

Gafur SHERMATOV (TJ), was born in 1960 in Dushanbe, Tajikistan. In 1979 he graduated from the Polytechnic College

of Dushanbe, during 1979 – 1981 he served in the Soviet Army. In 1987 he graduated from the Tajik Agricultural Institute as a hydraulic engineer. From 1987 to 2000 he worked as a chief engineer and director of the Dushanbe plant of pressure pipes and concrete products. Since 2000 he is the employee of the 201 Russian military base in Tajikistan. War correspondent. In 2010 he graduated from the Russian - Tajik (Slavonic) University, majoring in "History". Over the past ten years he is engaged in researching the military-historical collaboration and cooperation between Russia and Tajikistan, the history of Stalinabad-Dushanbe architecture. He has published dozens of articles, stories and essays on the topics of military history. For several years he leads a popular, weekly column "Old Town" in the Asia Plus newspaper, which tells the history of Dushanbe city, its architecture and city residents. He is the author of the idea of a historical album "Dyushambe - Stalinabad - Dushanbe" and one of its authors. Author of the book "At the Gates of the East", together with the historians Victor and Irina Dubovitskiy. Lives and works in Dushanbe.

Гафур ШЕРМАТОВ (Таджикистан) родился в 1960 году в г. Душанбе. В 1979 году окончил Душанбинский Политехникум, в 1979 – 1981гг. служил в рядах Советской Армии. В 1987 году закончил Таджикский сельскохозяйственный институт, по специальности инженер – гидротехник. С 1987 года по 2000 год работал главным инженером и директором Душанбинского завода напорных труб и железобетонных изделий. С 2000 года - служащий 201-й Военной Базы РФ в РТ. Военный корреспондент. В 2010 году окончил Российско – Таджикский (славянский) университет по специальности «История». На протяжении последних десяти лет занимается исследованиями военно – исторического сотрудничества и взаимодействия России и Таджикистана, историей архитектуры Сталинабада – Душанбе. Им опубликованы несколько десятков статей, очерков и эссе по военно-исторической тематике. В течение ряда лет ведет популярную, еженедельную рубрику в газете Азия Плюс: «Старый город», в которой рассказывает об истории города Душанбе, его архитектуре и жителях города, является автором идеи создания исторического фотоальбома «Дюшамбе – Сталинабад – Душанбе» и одним из его составителей. Автор книги «У врат Востока», совместно с историками Виктором и Ириной Дубовицкими. Живет и работает в Душанбе.

Dana MUN (KAZ), has an MA in Architecture, her professional activity started in 2003 in the urban design firm "Urbostyle". From 2006 she is a co-founder of the Cultural heritage conservation firm "Kumbez" and an editor

of the architecture magazine "Kumbez". She has realized more than 30 restoration and conservation projects in various parts of Kazakhstan. Dana Mun conducts research on architectural heritage properties in Kazakhstan and has written scientific articles in national and international publications. Participated in international workshops and conferences in USA, Mexico, Malta, France. In 2008 she was a participant of the US ICOMOS internship on cultural heritage preservation in USA. She is a member of ICOMOS (International Council on Monuments and Sites) from 2006. Lives and works in Almaty.

Дана МУН (Казахстан) имеет степень магистра в области архитектуры. Профессиональную деятельность начала в 2003 году в проектно-градостроительной фирме «Урбостиль», а с 2006 года является соучредителем проектно-реставрационной фирмы «Кумбезд» и редактором архитектурного журнала «Кумбезд». Она является членом Международного совета по охране памятников и исторических мест ICOMOS и реализовала более 30 проектов реставрации объектов культурного наследия в Казахстане, в том числе в г. Алматы. Дана также ведет научные исследования памятников истории и культуры Казахстана, имеет научные публикации в казахстанских и международных изданиях, участвовала в международных семинарах и конференциях в США, Мексике, Мальте, Франции, а в 2008 г. прошла стажировку по сохранению культурного наследия в США по линии ICOMOS. Живет и работает в Алматы.

Raushan ATAGULOVA (KAZ), was born in Almaty, Kazakhstan on 6 September 1990. She graduated from the Faculty of Architecture; KazGASA in 2012 and received a Bachelor of Architecture in 2014 received a master's degree in art sciences, specialty "Architecture" (scientific and pedagogical direction). Her career in KazGASA started immediately after she obtained her M.A. in 2014; as an assistant professor is engaged in research in the field of energy saving technologies in architecture and construction, as well as agro-industrial architecture. Every year together with the students she takes an active part in international and urban projects: "Energy efficient design" (2014), "Innovation Convention mini-Expo 2014" (2014), "Sustainable transport in Almaty" (2015) and other projects. Lives and works in Almaty.

Раушан АТАГУЛОВА (Казахстан) родилась в г.Алматы 6 сентября в 1990 году. Закончила Факультет Архитектуры КазГАСА в 2012 году и получила степень бакалавр архитектуры, в 2014 году получила степень магистра искусствоведческих наук по специальности

«Архитектура» (научное и педагогическое направление). Свою трудовую деятельность в КазГАСА начала сразу после окончания магистратуры в 2014 году в должности ассистента профессора, занимается исследованием в области энергосберегающих технологий в архитектуре и строительстве, а также агропромышленной архитектурой. Совместно со студентами ежегодно она принимает активное участие в междугородных и городских проектах: «Энергоэффективное проектирование» (2014), «Инновационный конвент: мини-экспо 2014» (2014), «Устойчивый транспорт г. Алматы» (2015) и другие проекты. Живет и работает в Алматы.

Almagul RAMANKULOVA (KAZ), was born in 1992 in Aktau city and studied the economics Lyceum. Starting from 2009 she studied at the Faculty of Architecture at KazGASA. She has a Bachelor degree in architecture (2015) and prior to this she took one semester at Fachhochschule, Erfurt (2012) and later received a Master Degree at KazGASA, Almaty (2015). She conducted a study of architectural and landscape resources of tourism in Almaty. During 2012-2015 she won a lot of international, inter-regional and national competitions in architecture, urban planning and landscape architecture. She received a number of awards in city competitions of architecture, architectural physics and design. Lives and works in Almaty.

Алмагуль РАМАНКУЛОВА (Казakhstan) родилась в 1992 в г. Актау, закончила экономический лицей в г. Актау. В 2009 г. поступила в КазГАСА на факультет Архитектуры, получила академическую степень по магистратуре в 2015 г. по специальности «архитектура». Провела исследования архитектурно-ландшафтных ресурсов туристической деятельности на территории г.Алматы. В 2012 г. проучилась 1 семестр на бакалавре в университете Fachhochschule в г.Ерфурт. Дипломант I степени международных, межрегиональных и республиканских конкурсов по архитектуре, градостроительству и ландшафтной архитектуре. Лауреат городских конкурсов по архитектурной физике и архитектурному проектированию. Живет и работает в Алматы.

Vladimir US (MD) - artist and curator, was born in 1980; he is an artist and curator based in Chisinau, Moldova. He studied art, curating, cultural management and cultural policy in Chisinau, Grenoble and Belgrade. Through his recent works and projects he examines the processes of transformation of the public space in post-Soviet cities along with the need for conceptualizing an alternative network of public spaces in Chisinau. This effort became possible via self-education and self-organization as well as through the

development of a new cultural and digital infrastructure, better suited to the needs of independent cultural entities in Moldova, offering an alternative to the institutional environment and proposing new ways of engaging with the public. Vladimir Us is a founding member of Oberliht Young Artists Association. The Oberliht Association organized in the past seven years, highlighting a number of artistic interventions, which took place outside traditional cultural institutions (the projects INTERVENTIONS, CHIOSK, the Civic Centre of Chisinau). These projects drew together artists, architects, sociologists, activists and other participants expressing interest in the transformations undergone by the public space in Chisinau, the goal being that of creating, through such cultural interventions, a truly public space. Lives and works in Chisinau.

Владимир УС (Молдова), художник и куратор, родился в 1980 г. Владимир изучал искусство, кураторство, культурное управление и культурную политику в Кишиневе, Гренобле и Белграде. В своих последних работах и проектах он рассматривает процессы трансформации общественного пространства в пост-советских городах наряду с необходимостью для концептуализации альтернативной сети общественных пространств в Кишиневе. Эта работа стала возможной благодаря самообразованию и самоорганизации, а также посредством развития новой культурной и цифровой инфраструктуры, которые лучше всего подходят для нужд независимых культурных организаций в Молдавии, предлагая альтернативу институциональной среде и новым способам входить в контакт с общественностью. Владимир Ус является членом-учредителем Ассоциации молодых художников Oberliht. Ассоциация Oberliht была организована в течение последних семи лет, выделив ряд художественных мероприятий, которые имели место быть за пределами традиционных культурных институтов (проекты INTERVENTIONS, CHIOSK, Гражданский Центр Кишинева). Эти проекты сблизили художников, архитекторов, социологов, активистов и других участников, выражающих заинтересованность в преобразованиях, происходящих в общественном пространстве Кишинева. Цель их заключается в том, чтобы создать действительно общественное пространство с помощью таких культурных мероприятий. Живет и работает в Кишинёве.

Raushanna SARKEYEVA (KZ), was born in Bishkek in 1986. After finishing my quite generic studies in "Business Administration",

I started to work in management consultancy, where I got a proper training in how to be a good analyst and business trainer. During my one year in Groningen (the Netherlands) I learnt how to ride a bike and obtained a Master degree in Change Management. Back in Kyrgyzstan, I worked as business analyst with large companies and as a manager – with small creative teams, including on the position of managing director at the "Tseh" loft. I was introduced to urban development issues in 2013, while assisting a group of experts who developed the Strategic Plan for Bishkek. In 2014 I established the Urban Initiatives Foundation, and co-created the agenda of the Bishkek Urban Forum – the first urban conference in the region. I left my job as a business analyst to work at the Foundation. In 2015, our team co-organized the Urban Forum in Osh, and worked on creating/revitalizing public spaces in various peripheral districts of Bishkek. I do not aspire to become an urbanist, but I want to create conditions for those multifaceted specialists in urban development to emerge and start working in our region. From time to time I teach students and adults on how to become an effective learner and train myself on how to be a better English-Russian interpreter. I want to follow an urban researcher's path. I live in Bishkek with my husband.

Раушанна САРКЕЕВА (Кыргызстан) – родилась в Бишкеке в 1986 году. Получив достаточно распространённый диплом «менеджера», в 2007 начала работать в управленческом консалтинге, где и получила настоящее образование аналитика и тренера. Один год провела в Гронингене (Голландия) где научилась сносно ездить на велосипеде и получила степень магистра по «Управлению изменениями». По возвращению в Кыргызстан работала с крупными компаниями, а затем – с небольшими творческими коллективами, в том числе, управляющим в лофте «Цех». Впервые заинтересовалась урбанистикой в 2013 году, когда ассистировала группе разработчиков стратегии развития города Бишкек. В 2014 основала общественный фонд «Городские инициативы» и отвечала за программную часть первой урбанистической конференции в регионе – Бишкек Урбан Форум. В настоящее время оставила работу бизнес-аналитика и занимаюсь проектами фонда. В 2015 году фонд выступал со-организатором Урбан форума в Оше, также реализовал ряд проектов по созданию/изменению общественных пространств в периферийных районах Бишкека. Не стремлюсь стать урбанистом, но хочу, чтобы у нас появились разносторонние профессионалы в сфере городского развития. Помимо работы, провожу

тренинги для студентов и взрослых по навыкам эффективного обучения, перевожу с английского, хочу заниматься исследованиями городской среды. Живу в Бишкеке, с мужем.

Ayganysh DERBISHEVA (KZ), was born in 1987 in Frunze (currently Bishkek), Kyrgyzstan. In 2005 she studied at the Kyrgyz-Russian Slavic University the specialty «International relations», in the frame of a students exchange program in China. After graduation worked in the capacity of coordinator in several projects. Since 2014 she works at PF “Urban Initiative”. Ayganysh has expanded her experience in the organization of forums, coordinating projects for the development of public spaces. She works as a project manager at PF “Urban Initiative”, curating projects focused on the sustainability of urban public spaces, such as: “Unnamed parks”, “Children’s playground”, “New Life of municipal libraries in Bishkek”. Recently she coordinated the preparation of the Festival of Urban Activism as part of the Osh Urban Forum. Lives and works in Bishkek.

Айканыш ДЕРБИШЕВА (Кыргызстан). Родилась в 1987 году в городе Фрунзе. В 2005 году поступила в Кыргызско-Российский Славянский Университет на специальность «Международные Отношения», в рамках Программы обмена студентами проучилась год в Китае. После окончания ВУЗа проработала координатором в нескольких проектах. С 2014 года работаю в ОФ «Городские инициативы». Имею опыт организации форумов, координировании проектов по развитию общественных пространств. Проектный менеджер ОФ «Городские инициативы», курирую проекты направленные на развитие общественных пространств в городах “Безымянные парки”, “Детская площадка”, “Новая жизнь муниципальных библиотек г. Бишкек”. Координировала подготовку Фестиваля Городского Активизма в рамках Ош Урбан Форума. Живет и работает в Бишкеке.

Gulnara KURMANOVA (KZ), has a degree in biology and chemistry (1984), she took a course in ecology at the Moscow State University by Dr. Fyodorov (1980) and received a Sand.Sci. (the Soviet equivalent to a PhD) at the Institute of Cytology and Genetics, Novosibirsk, USSR (1992). While still a student, she had a lot of practice in the botanical gardens and the Forestry Department of the Kyrgyz National Academy of Science, and devoted her time to studying the history of green areas of the city and its surroundings. During recent years, Gulnara Kurmanova developed the concept of community development for the residential village

“Alatoun” in the southern neighborhood of Bishkek for the Kyrgyz branch of the Foundation “Dialogue of Cultures - United World”. In 2014, as a civil activist, she took part in the Bishkek Urban Forum, as well as in public city hearings on the development of the Gareev Botanical Garden, as well as in the public discussion of the green areas in Bishkek. Lives and works in Bishkek.

Гульнара КУРМАНОВА (Кыргызстан) имеет степень магистра в области биологии и химии (1984), помимо этого она закончила курс экологии в Московском государственном университете под руководством доктора Федорова (1980) и получила докторскую степень в Институте цитологии и генетики СО РАН в Новосибирске, СССР (1992). Будучи студенткой, провела практику в ботанических садах Института леса Национальной Академии наук Кыргызской Республики, кроме этого посвятила много времени, изучению истории зеленых районов города и его окрестностей. В последние годы, Гульнара Курманова разработала концепцию развития сообщества для жилого поселка в южной окрестности Бишкека для филиала кыргызского фонда «Диалог культур - Единый мир». В 2014 году, в качестве гражданской активистки приняла участие в Бишкекском урбанистическом форуме и в городских общественных слушаниях по развитию ботанического сада им. Э. З. Гареева, а также в публичных дискуссиях по зеленому территориям Бишкека. Живет и работает в Бишкеке.

[STEALTH.unlimited] Ana DZOKIC and Marc NEELEN, (NL). Following a collaboration started in 1996, in the year 2000 Ana Dzikic and Marc Neelen initiated STEALTH, a practice based between Rotterdam and Belgrade – in which shifts of perspectives between urban research, visual arts, spatial intervention and cultural activism are a key element. STEALTH shape opportunities where various fields of investigation and people meet; in order to mobilize thinking about possible future(s) of the city. They consider space both a tool and an agency, and focus on innovative aspects of sometimes hidden, temporary or unplanned urban practices that challenge the ways to create physical aspects of the city and its culture. By creating devices that can take the form of specific spatial interventions, occasions for knowledge exchange, but also a piece of software, STEALTH produce conditions for probing the shared authoring of urban space and culture. STEALTH initiated (or participated in) a large number of internationally published and exhibited projects on the complexity and inconsistency of the contemporary city, like Wild City (Belgrade), Urban Catalyst (Amsterdam), Adaptations (Apexart, New York and Fridricianum, Kassel), Challenging

the Conservative Brain (Kunstverein Munich), Cut for Purpose (Museum Boijmans van Beuningen, Rotterdam), Europe Lost and Found (Western Balkans), Plans and Slums (Rome/Belgrade), Port City Safari (Rotterdam), Constitution for the Interim (The Netherlands), Cities Log (Western Balkans).

[STEALTH.unlimited] Анна ДЖОКИЧ и МАРК НИЛЕН, (Нидерланды). Анна Джокич и Марк Нилен работают вместе с 1996 года, и в 2000 году основали коллектив архитекторов STEALTH (СТЕЛС), который базируется в Роттердаме и в Белграде. Ключевой элемент всех проектов СТЕЛС – изменение перспектив между городским (урбанистическим) исследованием, визуальным искусством, интервенциями в пространство города и культурным активизмом. СТЕЛС создает возможности для размышления о будущем города(ов), сталкивая людей с различными проблематиками исследований. Анна и Марк рассматривают пространство и как инструмент и как агента, фокусируются на инновационных аспектах городских практик, которые зачастую носят скрытый, временный или незапланированный характер. СТЕЛС стремится опробовать соавторство людей в создании городского пространства и культуры, что может иметь самые разные формы, воплощаться в разных носителях – это и городские интервенции, и площадки для обмена знаниями, ИТ программы или приложения. СТЕЛС участвовали во многих известных международных публикациях и выставках на тему сложности и непостоянства современных городов. Среди них: «Дикий Город»/Wild City (Belgrade), «Городской Катализатор»/Urban Catalyst (Amsterdam), «Адаптации»/Adaptations (Apexart, New York and Fridricianum, Kassel), Испытывая Консервативный Мозг/Challenging the Conservative Brain (Kunstverein Munich), Cut for Purpose (Museum Boijmans van Beuningen, Rotterdam), Потерянная и найденная Европа/Europe Lost and Found (Western Balkans), Планы и Трущобы/Plans and Slums (Rome/Belgrade), Port City Safari (Rotterdam), Constitution for the Interim (The Netherlands), Cities Log (Western Balkans).

Gamal BOKONBAEV (KZ), born on November 26, 1958 in Bishkek. In 1980 he graduated from the Faculty of Architecture of the Frunze Polytechnic Institute. Member of the UPKR since 1996. Participant in many national and international art exhibitions. His works are in private collections in many countries of the world. Since 2000, engaged in art criticism. Participant in many publishing projects. Since 2008 – chief editor of the periodical «СХ» UPKR. Since 2011, chairman of the Public Fund «TOLON MUSEUM». Since 2012 he has taught architecture at the Boris Yeltsin KRSU.

Major curatorial projects and publications: 2009 – curator of the Kyrgyz project on contemporary photos and videos of the Goethe Institute (Germany) «The Changing World – Telling Time», 2010 – Curator of Contemporary Art «Kyrgyzstan 2010» Goethe Institute (Germany), 2012-13 – curator of the International Festival of Video Art «REFORMAT» and «REFORMAT13». Lives and works in Bishkek.

Гамал БОКОНБАЕВ (Кыргызстан). Родился 26 ноября 1958 года в Бишкеке. В 1980 году окончил Архитектурный факультет Фрунзенского политехнического института. Член СХКР с 1996 года. Участник многих республиканских и международных художественных выставок. Произведения художника находятся в частных коллекциях многих стран мира. С 2000 года занимается художественной критикой. Участник многих издательских проектов. С 2008 года – главный редактор периодического издания «СХ», СХКР. С 2011 года председатель Общественного Фонда «TOLON MUSEUM». С 2012 года преподаёт архитектуру в КРСУ имени Ельцина*. Наиболее крупные кураторские проекты и издания: 2009 – Куратор от Кыргызстана проекта по современному фото и видео Института Гете (Германия) «Меняющийся мир – запечатленное время», 2010 – Куратор проекта современного искусства «Кыргызстан 2010» Института Гете (Германия). Выставка и каталог, 2012-13 – Куратор Международного фестиваля видеоискусства «REFORMAT» и «REFORMAT13». Живет и работает в Бишкеке.

Yuliya SOROKINA (KAZ), is a curator and tutor/lecturer, was born in 1965. She has curated several projects in Central Asian contemporary art, such as: Art Dubai Marker 2014 International Art Fair. Kazakhstan Department. Dubai, UAE; “In-between Past and Future. Archeology of Actuality”, the exhibition dedicated to 20th Anniversary of the Collapse of USSR and the Former Kazakh Republic Independence, 2011; “Muzykstan: Media generation of contemporary artists from Central Asia” The Central Asia Pavilion at the 52nd International Art Exhibition La Biennale di Venezia, 2007 and others. She regularly publishes articles, such as: The Ghost of the Garden-City. Catalog of the project ‘Soviet Modernism 1955-1991’, 2012 Architekturzentrum Wien and Park Books, Zurich, Englische Ausgabe; Almagul Menlibayeva: Wanderings and Incarnations. Afterall Journal, #31, 2012, UK; and many others. Currently she is doing PhD research and working on ASTRAL NOMADS Digital Archive/Resource of Central Asian Contemporary Art <http://astralnomads.net/> Lives and works in Almaty.

Юлия СОРОКИНА (Казахстан) родилась в 1965 году, независимый куратор современного искусства, лектор,

преподаватель и автор текстов. Она является куратором многочисленных проектов с участием художников из Центральной Азии, в том числе таких, как: Программа Маркер, Арт Дубай 2014, Дубай ОАЭ; «Между прошлым и будущим. Археология актуальности». Выставочный проект в рамках программы Гёте Института «Минус Двадцать». ГМИ РК им. А.Кастеева, Алматы, Казахстан, 2011; «Музыкстан: медиа-поколение современных художников из Центральной Азии» Центрально-Азиатский павильон, 52. International Art Exhibition La Biennale di Venezia, 2007 и других. Она регулярно публикует различные статьи, как например: Призрак города-сада. Каталог проекта ‘Soviet Modernism 1955-1991’, 2012 Architekturzentrum Wien and Park Books, Zurich, Englische Ausgabe; Almagul Menlibayeva. Переколёвки и реинкарнации. Afterall Journal, #31, 2012, UK; и многие другие. В настоящее время она работает над тезисами PhD и разрабатывает проект «Звёздные ковчегники», Дигитальный Архив/ресурс современного искусства Центральной Азии <http://astralnomads.net/> Живет и работает в Алматы.

Nelya KORZHOVA (RU) – curator of Shiryayev Biennale. Samara, Russia. Nelya was born in 1963. In 1997, together with Roman Korzhov, organized the Regional Public Charity Foundation “Center for Contemporary Art” of Samara (art director, ROBF “CSI”). It was the first professional institution in Samara actively engaged in the search for new forms of communication of art in the social environment and the development of international dialogue in contemporary art. In 2001 she attended the Scholarship program for curators of the German Institute of International Relations (Institut für Auslandsbeziehungen (ifa), Stuttgart). Since 2007 she works in the Volga branch of the National Center for Contemporary Art. Lives and works in Samara.

Неля КОРЖОВА (Россия) – куратор Ширяево Биеннале, Самара. Родилась в 1963 году. В 1997 году она вместе с Романом Коржовым организовала Региональный Общественный Благотворительный Фонд «Центр современного искусства» Самары (арт-директор, ROBF «CSI»). Это был первый профессиональный институт в Самаре, активно занимающийся поиском новых форм коммуникации искусства с социальной средой, развитие международного диалога в современном искусстве. В 2001 году участвовала в стипендиальной программе для кураторов от Германского института международных отношений (Institut für Auslandsbeziehungen (IFA), Stuttgart). С 2007 года она работает в Приволжском филиале

Государственного центра современного искусства. Живет и работает в Самаре.

Nini PALAVANDISHVILI (GEO) – curator of GeoAIR, Tbilisi, Georgia. Nini was born in 1976 and raised in Tbilisi, Georgia. After studying Art History in Tbilisi, she graduated from the UdK Berlin, the Faculty of Public and Industrial Communication. In 2006 Nini joined the artist initiative GeoAIR and since then she has been actively engaged in curating and organizing international exchange projects in Georgia and beyond its borders. Nini Palavandishvili is also the coordinator of an art residency program launched by GeoAIR in January 2010 in Tbilisi, Georgia. Lives and works in Tbilisi.

Нини ПАЛАВАНДИШВИЛИ (Грузия) – куратор, GeoAIR, Тбилиси. Нини родилась (в 1976 году) и выросла в Тбилиси, Грузия. После изучения истории искусств в Тбилиси, окончила UdK в Берлине факультет Общественных и Промышленных коммуникаций. В 2006 Нини присоединилась к художественной инициативе GeoAIR и с тех пор она активно занимается кураторством и организацией международных проектов в Грузии и за ее пределами. Нини Палавандишвили также координатор программы по арт резиденциям - GeoAIR с января 2010 года в Тбилиси, Грузия. Живет и работает в Тбилиси.

Cosmin COSTINAS (RO), born in 1982, Satu Mare, Romania. He is the Executive Director/ Curator of Para Site, Hong Kong. He was the Curator of BAK, basis voor actuele kunst, Utrecht, Netherlands (2008-2011), co-curator (with Ekaterina Degot and David Riff) of the 1st Ural Industrial Biennial: Shockworkers of the Mobile Image, Ekaterinburg, 2010, and Editor of documenta 12 Magazines, Kassel/ Vienna (2005–2007). He co-authored the novel Philip (2007) and has contributed his writing to numerous magazines, books, and exhibition catalogs across the world. Costinas has taught and lectured at various universities and art academies in Europe and Asia. Costinas lives and works in Hong Kong.

Космин КОСТИНАС (Румыния) – Исполнительный директор / Куратор Para Site, Гонконг. Космин (родился в 1982 в Сату-Маре, Румыния) он работал Куратором BAK-а (basis voor actuele kunst) Утрехт, Нидерланды (2008-2011), со-куратор (с Екатериной Деготь и Дэвидом Рифф) 1-ой Уральской Индустриальной Биеннале: Ударники Мобильного Облика, Екатеринбург, 2010, и редактор Журналов 12-Документы, Кассель / Вена (2005-2007). Он был соавтором романа Филипп (2007) и способствовал написанию многочисленных журналов, книг и каталогов о выставках по всему миру. Костинас преподавал и читал

лекции в различных университетах и художественных академиях в Европе и Азии. Костина живет и работает в Гонконге.

Saken NARYNOV (KAZ) was born in the village of Issyk in Kazakhstan in 1946. In 1979 has graduated from the architecture faculty of the Kazakh Polytechnic Institute, specialty "Architecture". In 1985 has finished the higher architectural courses of the Moscow Architectural Institute (MARCHI), in 1987-postgraduate study of Kazakh Leading Academy of Architecture and Civil Engineering (KazGASA). From 1976 to 1987 has worked as a lecturer at the Department of Theory and History of Architecture in the Alma-Ata Institute of Architecture and Construction, since 2009 also teaches at KazGASA. Saken Narynov is an architect, professor of architecture at KazGASA (the degree was obtained in 1997), author of 34 scientific articles that were published in the domestic and foreign press, author of 5 inventions and 1 industrial prototype (in the field of architecture and geometry; in 1983 he received the title "The Inventor of USSR", author of 45 architectural-structural design, author of more than 100 architectural projects, founder and head of the Design Forecasting Laboratory of the Union of Kazakhstan Designers (in 1987; from 2002 called – Saken Narynov's Work room – "Kopyklyrly" (Multifaceted)). Narynov's projects were exhibited in more than 30 international and republic exhibitions: in Moscow (Russia, 1985-1999, 2002, 2008), Plovdiv (Bulgaria, 1985), Askhabad (Turkmenistan, 1992), Osaka (Japan, 1991), Berlin (Germany, 1994), Lion (France, 1995), Lima (Peru, 1995), Copenhagen (Denmark, 1998), Almaty, Astana, Kokshetau, (Kazakhstan 2000-2006) etc. Lives and works in Almaty.

Сакен НАРЫНОВ (Казахстан) родился в селе Иссык в Казахстане в 1946 году. В 1979 году окончил архитектурный факультет Казахского Политехнического Института по специальности «Архитектура». В 1985 году закончил высшие архитектурные курсы Московского Архитектурного Института (МАРХИ), в 1987-поступил в аспирантуру в Казахскую Главную Академию Архитектуры и Строительных наук (КазГАСА). С 1976 по 1987 работал преподавателем на Кафедре Теории и Истории Архитектуры в Алма-Атинском Институте Архитектуры и Строительства, с 2009 года также преподает в КазГАСА. Сакен Нарынов архитектор, профессор архитектуры в КазГАСА (степень была присвоена в 1997 году), автор 34 научных статей, которые были опубликованы в отечественной и зарубежной печати, автор 5 изобретений и 1 промышленного

образца (в сфере архитектуры и геометрии; в 1983 году он получил звание "Изобретатель СССР", автор 45 архитектурно-строительных дизайнов, автор более 100 архитектурных проектов, основатель и руководитель Лаборатории по Прогнозированию Дизайна в Союзе Дизайнеров Казахстана (в 1987 году; с 2002 называется – Мастерская Сакена Нарынова – "Копкүрүлү" (Многогранный)). Проекты Нарынова экспонировались на более чем 30 международных и республиканских выставках: В Москве (Россия, 1985-1999, 2002, 2008), Пловдив (Болгария, 1985), Ашхабаде (Туркменистан, 1992), Осаке (Япония, 1991), Берлине (Германия, 1994), Лионе, (Франция, 1995), Лима, (Перу, 1995), Копенгагене (Дания, 1998), Алматы, Астана, Кокшетау, (Казахстан 2000-2006) и т.д. Живет и работает в Алматы.

Ewa RUDNICKA (PL) – architect (part of the URBalance group), was born in 1982 in Warsaw, graduated from Ecole Nationale Supérieure d'Architecture Paris La Villette in 2009, lives and works in Warsaw. She is involved in interdisciplinary city development projects in France and Poland. She designs and popularizes pro-social and artistic actions in the city space. She organizes educational programmes and architectural workshops and is especially engaged in the popularization of temporary and self-construction architecture. She works with architectural groups such as raumlabor_berlin and EXYZT from Paris, as well as the Association of Polish Architects. Lives and works in Warsaw.

Ева РУДНИЦЬКА (Польша) – архитектор, родилась в 1982 в Варшаве, состоит в Ассоциации польских архитекторов. Окончила Национальную школу Архитектуры в Париже Ла-Виллет (École Nationale Supérieure d'architecture de Paris-La Villette) 2009, живет и работает в Варшаве. Участница междисциплинарных проектов развития городов во Франции и Польше. Она разрабатывает и популяризирует про-социальные и художественные акции в городском пространстве. Ева организует образовательные программы и архитектурные мастерские и особенно занимается популяризацией временных и само-строительной архитектуры. Она работает с архитектурными группами, такими как Raumlabor_BERLIN и EXYZT из Парижа, а также Ассоциации польских архитекторов. Живет и работает в Варшаве.

Alexander NIKOLAEV (UZ), was born in 1968. Studied at the P. Benkov Republican Art College. His activity begun in 1992, when he participated in the youth exhibitions "Unity out of style" and "Wonderful - 70" the Ilkhom Theater.

In 2010 developed a curatorial internet-based media project "The streets of Ancient Bukhara" where objects of contemporary art of Central Asia artists were virtually placed on the streets of the ancient city. Within the frame of the International exhibition project of contemporary art "Signs of time" (2007-2011) created the project "The World of kind People" in cooperation with Lika Panova (2010), which was presented at the 54-Venice Biennale (2011) and also at the 4th Moscow Biennale, Special project, Gallery A3, Moscow, Russia (2011). In 2005 took part in the 2nd International exhibition of contemporary art "In the shadows of the heroes", Bishkek, Kyrgyzstan, with a kinetic installation and a video, "Evolution". In 2008 Nikolaev participated in the group exhibition "Tracing roads through Central Asia: On Traders' Dilemmas and Travelers' Perspectives" with the video project: "Open City", the Yerba Buena center of arts (YBCA), San Francisco, USA. The project "Want to be in Hollywood" was presented at the 1st International exhibition of contemporary art "...and others", Bishkek, Kyrgyzstan (2004), and also at the first Central Asia Pavilion at the 51-Venice Biennale (2005). Lives and works in Tashkent.

Александр НИКОЛАЕВ (Узбекистан), родился в 1968 году. Закончил Республиканское художественное училище им. П. Бенькова в 1987 году. Выставочную деятельность начал с 1992 года с молодежных выставок «Единство вне стили», «Вандерфул - 70», проходивших в выставочном зале театра «Ильхом». В 2010 г. создал кураторский интернет-проект «На улицах древней Бухары», где объекты актуального искусства художников Центральной Азии были виртуально размещены на улицах древнего города. В 2010 г. в рамках Международного выставочного проекта актуального искусства «Знаки времени» (2007-2013) был создан проект «Мир добрых людей» совместно с ташкентской мастерской Л. Пановой, в 2011 г. и был показан на 54- Венецианской биеннале, а так же и специальным проекте 4-ой Московской биеннале в Галерее «А3» Москва (Россия). В 2005 участвовал во 2-Международной выставке современного искусства «В тени героев» в Бишкеке (Киргизстан) с кинетической инсталляцией и видео «Эволюция». В 2004 участвовал в 1-ой Международной выставке современного искусства «...и другие» в Бишкеке (Киргизстан) с проектом «Хочу в Голливуд». В 2005 году этот проект был представлен в Павильоне Центральной Азии на 51- Венецианской биеннале. В 2008 принял участие в выставке «Tracing Roads Through Central Asia: On Traders' Dilemmas and Travelers' Perspectives» Уэрба Буена центр искусств (YBCA) Сан Франциско (США), 52- Венецианской биеннале. Живет и работает в Ташкенте.

Jamshed KHOLIKOV (TJ) – visual artist and curator, was born in 1962. Graduated from the Nemirovich-Danchenko School-Studio MHAT (Institute), Moscow, production faculty, specialty “artist-engineer” (1986), previously studied at the M. Olimova Republican Art College in Dushanbe. From 1985 to 1993 worked as chief designer at the M. Vahidov Tajik State Youth Theatre. As a set designer has designed over 15 performances in various theatres of Tajikistan and worked for the production of two films at the “Tajikfilm” studio. Since 2003 working in visual art, using media such as photography and video. Participated in many exhibitions of contemporary art in Central Asia, Russia, Turkey, USA, France, Taiwan. Participated in the framework of the Central Asian Pavilion in the 52nd and 53rd Venice Biennale, Italy. Currently works as executive director of the center “Dushanbe Art Ground” (PF “Sanat Muosir”); has curated a number of art projects in Tajikistan. Lives and works in Dushanbe.

Джамшед ХОЛИКОВ (Таджикистан) – визуальный художник и куратор, родился в 1962 году. Окончил Школу-Студию МХАТ (ВУЗ) им. Немировича-Данченко (г. Москва, Россия), постановочный факультет, специальность «художник-технолог» (1986 г.), до этого учился в Республиканском художественном училище им. М. Олимова. (РХУ) (г. Душанбе, Таджикистан). С 1985 г. по 1993 г. работал главным художником в Таджикском Государственном молодёжном театре им. М. Вахидова. В качестве художника-постановщика оформил более 15 спектаклей в разных театрах Таджикистана и две кинокартины на киностудии «Таджикфильм». С 2003 года занимается визуальным искусством и работает с такими медиа как фотография и видео. Участник многих выставок современного искусства в странах Центральной Азии, России, Турции, США, Франции, Тайвань. Участвовал в рамках Центрально Азиатского Павильона на 52-ом и 53-ем Венецианских биеннале, Италия. В настоящее время работает директором центра «Душанбе Арт Граунд» (ОФ «Санъати Муосир»), куратор ряда художественных проектов. Живет и работает в Душанбе.

Aleksei RUMYANTSEV (TJ) – visual artist, born in 1975 in Dushanbe. Rumyantsev graduated from the Olimov College of Art in Dushanbe, as a painter-decorator in 2006. Since 2006 constantly participates in various projects of contemporary art. He was a participant in a number of the exhibitions and biennales: exhibition “Parallels” (Dushanbe, 2006), the Video Art Festival “Pusto” (Moscow, 2007), the 3rd Moscow Biennale of Contemporary Art (Moscow, 2009), the 52nd and 54th editions of the Venice Biennale in 2007 and

2011, the Festival of Video Art “Reformed” (Bishkek, 2013), the auction exhibition “At the Crossroads” (Sotheby’s, London) and the FIFES International Video Art Festival (Croatia, 2014). He also took part in seminars and workshops: Summer school of contemporary art “Starter” (Dushanbe, 2006), the public art project “The problems of water shortage in Central Asia” (Dushanbe, 2007), the workshop on video art, “Art and Environment” (Tashkent, 2010), the environmental cultural project “Music of the glacier” (Tashkent, 2013). Lives and works in Dushanbe.

Румянцев АЛЕКСЕЙ (Таджикистан), визуальный художник, родился в 1975 году в Душанбе. Окончил художественное училище им. Олимова в Душанбе, факультет: художник – оформитель, в 2006 году. С 2006 года он участвует в проектах по современному искусству. Участник ряда выставок и биеннале - выставка «Параллели» (Душанбе, 2006), фестиваль видеоарта «Пусто» (Москва, 2007), 52 Венецианская биеннале (Италия, 2007), 3 московская биеннале современного искусства (Москва, 2009), 52-ое и 54-ое Венецианское Биеннале в 2007 году и 2011 году, фестиваль видеоарта «Реформат» (Бишкек, 2013), выставка продаж «На перепутье», (Сотбис, Лондон), FIFES Международный фестиваль видеоарта (Хорватия, 2014). Участвовал в различных семинарах и воркшопх: Летняя школа по современному искусству «Стартер» (Душанбе, 2006), проект публичного искусства «Проблемы нехватки воды в Центральной Азии» (Душанбе, 2007), семинар по видеоарту «Искусство и окружающая среда» (Ташкент, 2010), культурно-экологический проект «Музыка ледника» (Ташкент, 2013). Живет и работает в Душанбе.

Surayo TUYCHIEVA (TJ) was born in 1984. Graduated from the Art College (2002) and Technological University, faculty of design (2007). She finished her postgraduate studies at the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography, defended her thesis on the topic “Evolution of gender relations in the Pamir Culture 1919-205” and received her doctoral degree in 2011. In 2004 she worked (as a volunteer) at the McCarter Theater, Princeton New Jersey, USA. During 10 years of working in the field of contemporary art, she has specialized in the following media: video art, performance, photo art and installation. She participated in a number of exhibitions and projects: “Parallel” Tajikistan 2006, Tashkent Biennial 2007, “City art” Dushanbe 2012, “Reimagining the new man. Practicing civic duties through social and visual media”, a project, organized by the Dushanbe Art

Ground center in 2014. Her works were exhibited in Moscow, St.Petersburg, Almaty, Bishkek, Tashkent and Dushanbe. She has worked in 2005-2006 as an expert assistant, the Exhibition “Feminine – art gender” 2008 in Dushanbe. She has attended many workshops and seminars: Master - class on Contemporary Art, project ‘Destination Asia: non - strict correspondence’, Almaty 2007, the Istanbul Biennial, symposium 2007. She has experience in training young artists and in 2007-2008 she was trainer in the theory and practice of contemporary art (in various regions of Tajikistan). Lives and works in Dushanbe.

Сурайе ТУЙЧИЕВА (Таджикистан) родилась в 1984 году. Окончила художественное училище (2002) и Технологический Университет, факультет Дизайна (2007). В 2008 году поступила в аспирантуру в институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша, защитила диссертацию по теме «Развитие Гендерных отношений в Культуре Памира 19 н. 20 гг.» и получила степень кандидата исторических наук (2011). В 2004 году работала в театре Маккартер, Принстон (в качестве волонтера), Нью-Джерси, США. За 10 лет работы в области современного искусства, она работает с такими медиа как: видео, перформанс, фотография, инсталляция. Она участвовала в ряде выставок таких как “Параллель” Таджикистан 2006, Ташкент биеннале 2007 года, “City Art” Душанбе 2012, “Переосмысляя нового человека. Практика гражданских ответственности через социальные и визуальные медиа”, Душанбе 2014. Ее работы выставались в Москве, Санкт-Петербурге, Алматы, Бишкеке, Ташкенте и Душанбе. Также она имеет опыт работы в кураторских проектах: Мастер-класс по Современному Искусству, Швейцарского агентства по сотрудничеству и развитию, Душанбе. 2005-2006, выставка “Искусство женского рода” 2008 года в Душанбе. Живет и работает в Душанбе.

Bakhytzhon SALIKHOV(KAZ), was born in 1976, studied at the Al-Farabi National University, Faculty of Philosophy and Political Science, where he got a diploma at the Department of Philosophy in 2001. Participated in a number of seminars - “Art as a tool for social change”, organized by SCCA Almaty in 2003, “How to make video art” Almaty, organized by the Center for Contemporary Art in Almaty in 2004, and “Sacred Places of Central Asia” Dushanbe, organized by SCCA Almaty in 2004. Took part in the summer art school of art criticism, Almaty, organized by the Soros Fund, Kazakhstan in 2002. In the period 2001-2002 worked as a teacher at the Department of Philosophy and Sociology of the K.Zhubanov State University in Aktobe. In the period from 05.2008 to

12.2008 coordinated the artistic projects of the public fund "Musaget." From 2013 to the present day is the main copywriter at Tengri Saatchi & Saatchi. Lives and works in Almaty.

Бахытжан САЛИХОВ (Казахстан), родился в 1976 году, получил образование в Казахском Национальном Университете имени Аль-Фараби, факультет философии и политологии (отделение философии) в 2001 г. Участник семинаров – «Искусство как инструмент изменения общества», организованный ЦСИ Алматы в 2003 г., «Как делать видео-арт» Алматы, организованный Центром современного искусства Алматы в 2004 г. и «Сакральные места Центральной Азии» Душанбе, ЦСИ Алматы в 2004 г.. Закончил летнюю арт-школу по арт-критике, Алматы, организованной Фондом Сороса, Казахстан в 2002 г. В период с 2001-2002 работал преподавателем кафедры философии и социологии Актобинского Государственного Университета им. К.Жубанова. В период с 05.2008 - 12.2008 координатором художественных проектов общественного фонда "Musaget". С 2013 по сегодняшний день является главным копирайтером Tengri Saatchi & Saatchi. Живет и работает в Алматы.

Murodjon SHARIFOV (TJ), was born in 1984. In 2001 Murodjon graduated from the M. Olimov Tajik State Art College, majoring in Fine Arts. Some years later, in 2006, he graduated from the M. Tursunzade Tajik State Institute of Arts, Department of Theater and Painting, and received a Bachelor's degree in Fine Arts. Murodjon's professional experience began in 2005 and with each year that passed by, his skills and knowledge continued to evolve. Currently, Murodjon holds several positions including: Interior designer at the «Oro» design studio, Instructor of computer graphics design at the State Institute of Visual Arts and Design, as well as Chief Designer at the International film festival «Didor», held annually in Dushanbe, Tajikistan. During the course of the last 14 years Murodjon has both attended and participated in numerous art exhibitions, shows and projects. In 2008, Murodjon took part in the Exhibition of the contemporary art - project "Unified space" in Vienna, Austria, where his installation, titled "Double meaning of a grenade", was displayed. Another project – "City art" that Murodjon participated in took place in 2011, in Dushanbe, Tajikistan, where the main objective was to motivate city residents to spend their leisure time combining arts and culture. He was among the participants of "Reimagining the New Men. Practicing civic duties through social and visual media" project, organized by the Dushanbe Art Ground center in 2014. Lives and works in Dushanbe.

Муроджон ШАРИФОВ (Таджикистан) родился 25 февраля 1984 года в Душанбе, где по настоящее время живет и работает как визуальный художник. В 2001 Муроджон окончил Таджикский государственный художественный колледж имени М. Олимова по специальности изобразительное искусство. Несколько лет спустя, в 2006 году, окончил Таджикский государственный институт искусств имени М. Турсунзаде, отделение театра и живописи, и получил степень бакалавра в области изящных искусств. Профессиональный опыт Муроджона начался в 2005 году. В настоящее время, Муроджон имеет несколько позиций в том числе: дизайнер интерьера в «Оро» дизайн-студии, инструктор по компьютерной графике в Государственном Институте Изобразительных Искусств и Дизайна, а также ведущим дизайнером в Международном кинофестивале «Дидор», который проводится ежегодно в Душанбе, Таджикистан. В ходе последних 14 лет Муроджон принимал участие в многочисленных художественных выставках, фестивалях и проектах. В 2008 году, Муроджон принял участие в выставке современного искусства - проект «Единое Пространство», в Вене, Австрия, где была выставлена его инсталляция под названием «Двойной смысл гранаты». Еще один проект - «Сити Арт», в котором он участвовал, состоялся в 2011 году в Душанбе, Таджикистан, главной целью проекта было мотивировать жителей города, провести свой досуг для объединения искусства и культуры. Муроджон был среди участников проекта «Переосмысления нового человека. Практика гражданской ответственности через социальные и визуальные медиа» организованным центром Душанбе Арт Граунд в 2014 году.

Suleiman SHARIFI (TJ) – visual artist, born in 1958. He is a member of the International Confederation of Artists. Works in the following areas: painting, illustration and contemporary art-video, photo, installation, performance and social practices. He is the author of a number of workshops and lectures on contemporary art for young people with their own projects: "Make Your Idea Visual", the First Solo Contemporary Art Show in Tajikistan, American Corner, 2013; Art Residences in the Hatlon and Sogd Regions of Tajikistan "Contemporary Art: From Concept to an Artifact" SDC, 2012; «Airport-Art or How to make a Souvenir» in the frame of a grant program to support educational activities (lectures) on the theory and practice of contemporary art, 2011 etc. He has participated in a number of projects of contemporary art since 2006, such as "Nomadic Instants Video 2012", Beirut (Lebanon); "International Contemporary Art Symposium Nomadic Art Camp." Kyrgyzstan

2011; Art- residences in small towns of central Asia, Contemporary art project "Artist and/in Community. Nurek" CEC Arts Link, 2011; 24 Video Instants in Marseilles, 2011; Contemporary ART Symposium «Eurasia. Imagery of the Present» Almaty in 2010; "Public Art in Dushanbe" CEC Arts Link, 2009; Contemporary Art Show "Original copy" Dushanbe in 2008; Contemporary art project "Pre-Islamic Heritage of Tajikistan non-museum Interpretation" Dushanbe, 2008 and etc. Lives and works in Dushanbe.

Сулейман ШАРИФИ (Таджикистан) – визуальный художник, родился в 1958 году. Член международной конфедерации художников. Работает в следующих направлениях: видео, фото, инсталляция, перформанс и социальные практики. Автор ряда семинаров и лекций по современному искусству для молодых людей, в рамках собственных проектов: Первая персональная выставка по современному искусству в Таджикистане «Сделай свою идею видимой», Американский уголок, 2013; Арт- резиденции в Хатлонском и Согдийском регионах Таджикистана. «Современное искусство: От концепта до артефакта», Худжанд, Курган-Тюбе, 2012; «Аэропортное искусство или как сделать сувенир» Грантовая программа поддержки образовательной деятельности (лекции) по теории и практикам современного искусства, Душанбе 2011 и т.д. На международном кинофестивале «Nomadic Video Festival 2011» в Бишкеке, получил приз за лучшее видео. Был отобран в список 300 лучших художников Азии (I'm Not There, A Sourcebook For The 8th Gwangju Biennale 2009). Участник проектов по современному искусству с 2006 года, таких как: "Nomadic Instants Video 2012" Бейрут; «Международный симпозиум по современному искусству Nomadic Art Camp» Бишкек 2011; Арт резиденции в малых городах центральной Азии, «Художник и общество» Нурек 2011; «24es Video Instants in Marseilles 2011» Contemporary ART- Симпозиум «Евразия, Образы Современности» Алматы, 2010; «Паблик Арт в Душанбе» 2009; Выставка современного искусства «Оригинальная Копия» Душанбе, 2008; Проект современного искусства «До-исламское наследие Таджикистана. Внемuseumная интерпретация» 2008 и т.д. Живет и работает в Душанбе.

SPACES ON THE RUN - Mapping, activating, rethinking the status of public spaces in the context of Central Asia

Publication

Concept&Editor: Stefan RUSU

Design: Farida YUNUSOVA

Translations: Caterina YULDASHEVA

Proofreading (Russian version): Caterina YULDASHEVA, Lilia DRAGNEVA

Proofreading (English version), Laura SCHLEUSSNER, Erik William SMITH, Sorana LUPU

Texts by

Stefan RUSU, Victor DUBOVITSKIY, Madina JUNUSSOVA & Elena TYO, Natalia ANDRIANOVA, Abdumannop ZIYAEV, Gafur SHERMATOV, Vladimir US, [STEALTH. unlimited] Ana DZOKIC & Marc NEELEN, Gamal BOKONBAEV, Yuliya SOROKINA, Nelya KORZHOVA

Projects and contributions by

Ewa RUDNICKA, Alexander NIKOLAEV, Jamshed KHOLIKOV, Aleksei RUMYANTSEV, Surayo TUYCHIEVA, Bakhytzhon SALIKHOV, Murodjon SHARIFOV, Suleiman SHARIFI, Gulbara OMOROVA, Bahtier RAKHIMOV, Sitara TURSUNOVA

Credit images

Gafur SHERMATOV, Elena TYO, Jamshed KHOLIKOV, Stefan RUSU, Ozar SHARIFI, Vera TIMCHENKO, Viktor KLEYMENOV, Alexander FEDOROV, Sergey NOVOSELOV, Alimzhan ZHOROBAYEV, Gamal BOKONBAEV, Elena MATYOROVA

Acknowledgements

The Dushanbe Art Ground team would like to thank all the involved researchers, artists and all the participants of the Mobile Workshops in Dushanbe, Almaty and Bishkek.

Special thank to Gafur SHERMATOV for providing visual material from his personal archive.

Project

Project organizer: Душанбе Арт Граунд/PF “Sanati Muosir”, Душанбе, Таджикистан

Project curator: Stefan RUSU

Project manager: Jamshed KHOLIKOV

Project Assistant: Serafima GATZALOVA

Coordinator of the Mobile Workshop in Dushanbe: Surayo TUYCHIEVA

Coordinators of the Mobile Workshop in Almaty: Dana MUN, Adil NURMAKOV

Coordinators of the Mobile Workshop in Bishkek: Aikanysh DERBISHEVA, Raushanna SARKEYEVA

Project partners: Prince Claus Fund/NL, Arts Colaboratory - a Hivos&DOEN Foundation programme/NL, Open Society Institute – Assistance Foundation in Tajikistan, Swiss Cooperation Office, Tajikistan, Goethe Institute Tashkent/UZ, Goethe Institute Almaty/Kazakhstan
Regional project partners and co-organizers of Mobile Workshop in Almaty and Bishkek: Urban Initiative “Ctrl+S Almaty”, Kazakhstan, “Urban initiatives”- Public Foundation, Bishkek, Kyrgyzstan

The activity of Dushanbe Art Ground/PF “Sanati Muosir” is supported by Open Society Institute – Assistance Foundation in Tajikistan and Swiss Cooperation Office, Tajikistan

Publisher:

Dushanbe Art Ground / PF “Sanati Muosir”

Email: dushanbeartground@gmail.com

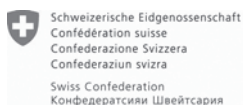
Web site: www.artground.tj

This project was supported by Prince Claus Fund/NL, Arts Colaboratory - a Hivos&DOEN Foundation programme/NL, Open Society Institute – Assistance Foundation in Tajikistan, Swiss Cooperation Office, Tajikistan and was co-funded by: Goethe Institute Tashkent/UZ, Goethe Institute Almaty/Kazakhstan, Adam Mickiewicz Institute, Poland (supported by CULTURE. PL).

Prince Claus Fund for
Culture and Development

«The point of view of the author(s) and the content of these materials may not necessarily reflect the view or opinion of the Branch Office of the International Organization of Open Society Institute - Assistance Foundation in Tajikistan»

«Точка зрения автора (авторов) и содержание этих материалов могут не совпадать с точкой зрения или мнением Отделения Международной Организации Института «Открытое Общество» - Фонда Содействия в Таджикистане»

ISBN 978-99947-892-7-6

SPACES ON THE RUN

284 pages, eng. russ languages, 2 colors, 28 pages 4 colors, Dushanbe, 2016.

Printed in Turkey by

Phone: + (992) 93 505 01 99, website: www.mega.com.tr

